

История реформации в Европе во времена Кальвина, Том 8 (из 8)

Ж. Х. Мерль д'Обинье

HISTORY
OF THE
REFORMATION IN EUROPE
IN THE TIME OF CALVIN.

BY THE
REV. J. H. MERLE D'AUBIGNÉ, D.D.

TRANSLATED BY
WILLIAM L. R. CATES,
JOINT AUTHOR OF WOODWARD AND CATES'S 'ENCYCLOPEDIA OF CHRONOLOGY,'
EDITOR OF 'THE DICTIONARY OF GENERAL BIOGRAPHY,' ETC.

'Les choses de petite durée ont coutume de devenir fanées, quand elles ont
passé leur temps.

'Au règne de Christ, il n'y a que le nouvel homme qui soit florissant, qui ait
de la vigueur, et dont il faille faire cas.'

CALVIN.

VOL. VIII.
HUNGARY, POLAND, BOHEMIA. NETHERLANDS.
GENEVA. DENMARK, SWEDEN, NORWAY.

NEW YORK:
ROBERT CARTER AND BROTHERS,
530 BROADWAY.
1879.

Электронная книга проекта Гутенберга по Истории Реформации в Европе во времена Кальвина, том 8 (из 8)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Реформации в Европе во времена Кальвина, Том 8 (из 8)

Автор: Ж. Х. Мерль д'Обинье

Переводчик: Уильям Л. Р. Кейтс

Дата выхода: 12 августа 2020 г. [Электронная книга № 62913]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Брайан Уилсон, Карин Спенс, Дэвид Эдвардс, Колин Белл и команда онлайн-корректоров на <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА", ТОМ 8 (ИЗ 8) ***

РЕФОРМАЦИЯ В ЕВРОПЕ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА. ТОМ. VIII.

ТЕПЕРЬ ЗАВЕРШЕНО.

"История реформации" Д'Обинье в Шестнадцатом веке. 5 томов. **6.00**

История реформации Д'Обинье во времена Кальвина. 8 томов. **16.00**

"История реформации" Д'Обинье во всех отношениях является одним из величайших литературных и исторических произведений этого или любого другого века. Блестящий гений автора придал его страницам все очарование романтики, в то время как его исследования и здравые суждения наделили его авторитетом, который в наиболее важных частях выдержал испытание более чем четвертьвековой критикой". — Нью-Йоркский обозреватель.

Прошло тридцать лет с тех пор, как мы в студенческие годы прочли первые три тома, которые Картеры только что привезли в американском платье. Вскоре имя Д'Обинье было у всех на устах. Тот же ясный, убедительный стиль характеризует и этот последний том, хотя и

более зрелый и насыщенный, та же любовь к Евангелию и то же понимание исторической правды. Новому поколению, в присутствии которого Рим требует, чтобы мир откатился назад на триста пятьдесят лет, не мешало бы изучить тома этого автора". — Защитник христиан Севера.

Д'Обинье - ясный, пронизательный писатель, и все его утверждения подкреплены обширными примечаниями, которые делают работу бесценной для противоречивых целей. Как простое историческое повествование, оно не имеет себе равных". — Хроника.

"Многие из наших читателей, вероятно, помнят, с каким истинным удовольствием и пользой они читали Историю Реформации в том виде, в каком она впервые вышла из-под пера доктора Д'Обинье. У него был новый стиль, делающий каждую сцену и персонажа настолько реалистичными и поразительными, что важные моменты запечатлеваются в сознании и впечатляют читателя на всю жизнь". — Христианский наставник.

"В стиле Д'Обинье есть очарование, которое придало его работам необычайную популярность. Хотя он является мастером искусства выражения, он настолько полно проникся духом великой борьбы, которую он описывает, и настолько полностью отождествил себя с усилиями и целями ее героических лидеров, что добавил к повествованию историка энтузиазм главного действующего лица на сцене". — Епископальный методист.

"Доктор Мерль д'Обинье заслужил первое место среди французских историков Реформации". — Проф. Бонифас.

РОБЕРТ КАРТЕР И БРАТЯ,

НЬЮ-ЙОРК.

ИСТОРИЯ Реформации в Европе ВО ВРЕМЕНА Кальвина.

ПРЕПОДОБНЫЙ Дж. Х. Мерль Д'Обинье, доктор медицинских наук

ПЕРЕВОД УИЛЬЯМА Л. Р. КЕЙТСА,

СОАВТОР "ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ" ВУДВОРДА И КЕЙТСА, РЕДАКТОР "ОБЩЕГО БИОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ" И ДР.

'Les choses de petite durée ont coutume de devenir fanées, quand elles ont passé leur temps.

'Au règne de Christ, il n'y a que le nouvel homme qui soit florissant, qui ait de la vigueur, et dont il faille faire cas.'

Кальвин.

ТОМ VIII.

ВЕНГРИЯ, ПОЛЬША, БОГЕМИЯ. НИДЕРЛАНДЫ. ЖЕНЕВА. ДАНИЯ, ШВЕЦИЯ, НОРВЕГИЯ.

НЬЮ-ЙОРК:

РОБЕРТ КАРТЕР И БРАТЬЯ,
Бродвей, 530.
1879.

КЕМБРИДЖ:
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЖОНА УИЛСОНА И СЫНА.

ST. JOHN LAND
STEREOTYPE FOUNDRY,
САФФОЛК КО., Нью-Йорк

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Этим томом мы завершаем публикацию работы М. Мерля д'Обинье по истории Реформации. Десять томов, опубликованных самим автором, и три посмертных тома являются плодом его долгих трудов, начатых в 1817 году и продолжавшихся почти непрерывно до 1872 года.

Именно в 1817 году, сразу после своего рукоположения в сан священника, во время визита в Германию, предпринятого для совершенствования своих богословских исследований, г-н Мерль д'Обинье задумал проект написания этой истории. Германия в то время праздновала в Эйзенахе третье столетие Реформации. Люди были в состоянии сильного возбуждения. Униженная длительным угнетением и раздраженная жестокими страданиями, Германия, которая так долго была театром военных действий и жертвой кровопролитных войн Империи, наконец восстала с безудержной энергией и пылом чувств, которым невозможно было противостоять, и внесла значительный вклад в свержение имперского воина, казавшегося непобедимым. Спасенная таким образом от иностранного владычества, она снова попала под столь же тяжелое иго своих прежних хозяев; и теперь она обращала свои взоры к Лютеру, духовному освободителю современности. Имя реформатора было у всех на устах, и Мерль д'Обинье встречал на своем пути толпы молодых немецких студентов, направлявшихся в Вартбург. Накануне празднования он почувствовал непреодолимое желание принять в нем участие. Поэтому он последовал за толпой и, проехав всю ночь, на рассвете оказался в пределах видимости замка, известного как место заключения Лютера. Здесь предстало необычное зрелище. Площади и улицы Эйзенаха были заполнены разношерстной толпой, в основном состоявшей из молодых людей. Их длинные волосы, ниспадающие на плечи, их густые, нестриженные бороды, их бархатные плащи до колен, их шапки, украшенные перьями или листвой, их широкие вышитые воротники, их гордо поднятое знамя, окруженное его защитниками, которые с распростертыми руками и обнаженными мечами составляли его телохранителей, имя Лютера, гремящее во всех направлениях, — это зрелище, старинные

костюмы, обычаи ушедшей эпохи - все это способствовало переносу путешественника в воображении в гущу событий трехсотлетней давности.

Однако молодой женевец вскоре отошел от этих шумных сцен, от политических и общественных разглагольствований, возбуждения и суматохи. Стремясь к тишине, он прошелся с проводником по опустевшим комнатам замка.

"Значит, вот оно, - пробормотал он, - вот то место, где после бурных сцен "Вормсской диеты" Лютер смог сказать: "Наконец-то я обрел покой". Здесь проходил плен рыцарь Георгий. Это стол, за которым он обычно сидел; это окно, из которого он смотрел на окружающий пейзаж. Здесь он предавался глубоким размышлениям, смешанным с сожалением о том, что согласился уйти с поля битвы, и с мучительным страхом, как бы папа не воспользовался его отсутствием, чтобы сокрушить зарождающуюся Церковь. В этой комнате он обычно читал Библию на иврите и греческом; здесь он переводил Псалмы и Новый Завет, и здесь его горячие молитвы возносились к небесам".^[1] Таким образом, великое движение шестнадцатого века предстало воображению молодого человека в своих интимных деталях, которые гораздо более волнуют, чем его внешние аспекты. Он принял решение написать его историю; и несколько недель спустя (23 ноября 1817 г.) он в следующих выражениях набросал план, которому он предлагал следовать:

"Я хотел бы написать историю Реформации. Я хотел бы, чтобы эта история была учебным трудом и излагала факты, в настоящее время неизвестные. Она должна быть глубокой и должна отчетливо описывать причины и результаты этого великого движения; она должна быть интересной и должна знакомить авторов преобразования с помощью их писем, их работ и их слов; и она должна вводить читателя в лоно их семей и в их личные кабинеты. Наконец, я хотел бы, чтобы эта история была полностью христианской и была рассчитана на то, чтобы дать толчок истинной религии. Я хотел бы показать на основании фактов, что целью Реформации было не столько разрушение, сколько созидание — не столько ниспровержение того, что было в избытке, суеверия, сколько передача того, что перестало существовать, новой жизни и святости, сущности христианства, и возрождение или, скорее, создание веры. Я начну собирать материалы и посвящу свою историю протестантским церквям Франции".^[2]

Таким образом, в своих юношеских мечтах благочестивый потомок беженцев шестнадцатого века набросал основные черты монументального произведения, исполнению которого он с тех пор непрерывно посвятил себя. В наши дни, когда благодаря множеству коллекций бесчисленные документы, относящиеся к Реформации, стали доступны всем, нелегко представить, какого труда и исследований стоило Мерлю д'Обинье войти в близость с реформаторами и овладеть их самыми сокровенными мыслями. Прошло восемнадцать лет, прежде чем в 1835 году он был готов представить публике первый том своего труда.

В предисловии, достойном данной темы, он сказал: "Я намереваюсь написать не историю партии, а историю одной из величайших революций, которые когда-либо происходили в истории человечества; историю мощного импульса, переданного миру три столетия назад, результаты которого до сих пор общепризнанны. История Реформации не идентична истории протестантизма. В первом случае все несет на себе отпечаток возрождения человечества, социальной и религиозной трансформации, которая имеет свой источник в Боге; в то время как во втором мы слишком часто наблюдаем значительное отступление от основных принципов, действие партийного духа, сектантские тенденции и печать мелких личностей. История

протестантизма может представлять интерес только для протестантов; история Реформации - для всех христиан, нет, скорее для всех людей".

Таким образом, из собственного заявления автора мы знакомимся с целью, которую он задумал; и читателю судить, насколько эта цель была достигнута. Это суждение действительно уже было вынесено. В нем говорится, что произведение Мерля д'Обинье, во всем изученное и точное, одушевленное и привлекательное, в некоторых отрывках приближается к самому совершенству литературного искусства. Среди этих отрывков есть приятные и живые страницы первых томов, посвященных юности Лютера, а в посмертных томах - главы более серьезного характера, посвященные Кальвину и его работе в Женеве.

Мало что осталось сделать для завершения строительства памятника, установленного Мерлем д'Обинье. К сожалению, мы не можем последовать примеру Джона Нокса в Шотландии или Марникса в Нидерландах, чтобы полностью выполнить их работу. В этих странах двери храма закрываются перед нами, как только наши ноги ступают на порог. Чтобы завершить свою историю, автору потребовалось бы еще два года жизни и труда, а в этом ему было отказано. Однако в этих тринадцати томах рассказано обо всем, что важно для истории Реформации.

Те части работы, которые были опубликованы совсем недавно, не во всех случаях являются последними написанными. Некоторые из них были написаны давно и никогда не подвергались ретуши. Не следует предполагать, что автор опубликовал бы их без изменений. Метод м. Мерля д'Обинье в отношении композиции был следующим: сначала он проводил краткое исследование важного периода и быстро набрасывал его историю; затем он обращался к оригинальным источникам, собирая вокруг себя все документы, которые мог обнаружить, а иногда совершал долгое путешествие с целью свериться с рукописью, хранящейся в какой-нибудь библиотеке. Затем он снова погружался в свою тему, тщательно знакомясь с ее формой и цветом, чтобы сделать ее реальной и представить своему уму и увидеть ее как бы своими собственными глазами. И, наконец, он переписывал историю, дополняя и оживляя свои повествования, и изображал сцены для читателя так, как он уже сделал для себя. Результатом этого процесса стала совершенно новая работа.

Нередко автору приходилось делать третью и даже четвертую переработку, прежде чем он был удовлетворен: настолько обширным и сложным было то духовное движение, которое он взялся описать, настолько многочисленными и почти неисчерпаемыми были документы всех видов, которые он продолжал изучать на протяжении всей своей жизни.

Некоторые из последующих глав, и особенно та, которая касается Германии, не подвергались такому пересмотру. Редактор, однако, не считал себя вправе исключить эти главы как из-за их внутренней ценности, так и из-за того, что они содержат информацию, недоступную широкому кругу читателей. Мы надеемся, что они будут прочитаны с интересом и пользой.

Редактор хотел бы здесь выразить свою благодарность мистеру Кейтсу за его ценную помощь в качестве переводчика последних трех томов работы на английский язык.

Теперь редактор выполнил то, что он считает долгом перед христианской общественностью, представив им этот последний том работы, составление которой было не только основным занятием, но и главным наслаждением "благородной жизни, посвященной тяжелому труду",^[3] Ж. Х. Мерля д'Обинье.

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Этот заключительный том "Истории Реформации" обогащен сравнением знаменитой Индульгенции, выданной папой Львом X. Продажа которой Тецелем в Германии в 1517 году вызвала смелое и запоминающееся осуждение торговли Лютером девяноста пятью тезисами, которые он прикрепил к дверям церкви в Виттенберге. Фактическое сравнение взято из копии Индульгенции, совсем недавно приобретенной попечителями Британского музея. Насколько известно, ни одно фактическое сравнение ранее не публиковалось, и ни одна ранее напечатанная копия не обладала достоинством полной точности. Поэтому было сочтено целесообразным поместить абсолютно точное воспроизведение столь важного исторического документа в пределах досягаемости читателей работы Мерля д'Обинье, хотя по случайности, полученной недавно, оно может появиться только в последнем, а не в первом томе, в наиболее подходящем для этого месте.

По просьбе издателей было приведено интересное утверждение, иллюстрирующее один отрывок из Буллы об индульгенциях, до сих пор несколько неясный, но имеющий замечательное значение. (См. *Приложение.*)

Общий указатель к восьми томам этой серии — *Реформация во времена Кальвина* — был специально подготовлен Переводчиком для английского издания; и есть надежда, что этот Указатель будет сочтен достаточно объемным, подробным и точным.

СОДЕРЖАНИЕ ВОСЬМОГО ТОМА

Предисловия

КНИГЕ XIV.

ИСПАНСКИЕ МУЧЕНИКИ.

ГЛАВА I.

ПРОБУЖДЕНИЕ В ИСПАНИИ.

(1520-1535 гг.)

Торквемада—Алюмбрадос—Лютеранские книги в Испании—Джон д'Авила—

СТРАНИЦА

v

1

Секрет его красноречия—Его манера говорить о Спасителе—Его пастырская деятельность—Его влияние на святую Терезу—Санча де Кариле—Возбуждение умов людей—Первый испанский реформатор Родриго де Валерио—Его обращение—Его аскетизм—Его изучение Священных Писаний—Джон де Вергара и его братья—Теологический диспут—Питер де Лерма—Его отъезд из Испании—Отъезд Людовика Каденского—Преследование Джона д'Авилы—Альфонсо Вирвес—Его тюремное заключение—Его спасение от инквизиции Карлом V.

ГЛАВА II.

РЕФОРМАЦИЯ И ИНКВИЗИЦИЯ.

Родриго де Валерио—Иоанн Эгидиус, схоластический проповедник—Валерио и Эгидиус—Обращение Эгидиуса—Суд и освобождение Валерио—Красноречие Эгидиуса—Понсе де ла Фуэнте и Варгас—Близость трех друзей—Их гармоничная деятельность—Неоспоримая проповедь—Их влияние—Оппозиция—Продвижение духовной религии—Красноречие Понсе де ла Фуэнте—Желание Карла V. услышать его—Привязанность к императорскому двору—Смерть Варгаса—Эгидиус остался один в Севилье—Осуждение Родриго де Валерио—Его смерть в тюрьме 21

ГЛАВА III.

ИСПАНИЯ ИЗ ИСПАНИИ.

(1537-1545.)

Три Брата Enzinas—свой характер и свои исследования, их дружба с Джорджем Кассандр—их значение Меланхтона работ—Франциска Enzinas—перевода Нового Завета—дружба с г.—Письмо Alasco—побывать в Париже—Джеймс Enzinas—мученика в Париже—героизм Клод Lepeintre—Джон Enzinas—преобразования и усердие при Сан-Романо—его письма к Карлу V.—ареста—его возмущение—его выпуска—Путешествие в Ратисбоне—интервью с императором—второй арест—в императорском люксе—Его страдания и его стойкость 38

Глава IV.

Презентация нового завета на испанском языке Карлу V. По ENZINAS.

(1542-1545.)

Enzinas в оттиньи—Лувен-испанский Нового Завета—Enzinas в Антверпене—в печати начались дебаты по названию—завершение работы—Педро-де-Сото Духовника Карла V. его наущению преследованиям со злоупотреблениями исповеди—посвящение Enzinas работа императору—Enzinas в Брюсселе—его чувства в присутствии самого императора—презентация нового Завета на испанском языке императору,—ответил Чарльз V.—В книге представлены суждения о де Сото—Enzinas в монастыре доминиканцев—доктрины-де-Сото—измена—Силок—маски сброшены де Сото—аргумент Enzinas—ажиотаж в монастыре—арест Enzinas—Его уныние в тюрьме,—утешал Джайлза Tielmans—экспертиза—защита—Покров—духовного утешения—проповедник в облигации,—обманула надежды—ужасное преследование—королевский 58

капеллан—суд над ним и бегство—бегство Enzinas—успен Брюсселя снят—его прибытие в г. Мехелен—Антверпен—легенда—еще одна легенда—переписка с Кальвином—Enzinas в Виттенберге—Джеймс Enzinas в Риме—его арест, суд, и осуждение—его мученическая смерть—горе Фрэнсис

Глава V.

фанатизма и братской любви. ХУАН ДИАС.

(1545-1547 гг.)

Учеба Диаса в Париже—Его дружба с Джеймсом Энзином—Визит в Женеву—Представитель реформатов в Ратисбоне—Встреча с Мальвендой—Дискуссии—Угрозы—Донесения—Алонзо Диас в Германии—Его интервью с Мальвендой—Обнаружение убежища его брата—Общение между двумя братьями—Лицемерие Алонзо—Братоубийство

99

ГЛАВА VI.

ИСПАНЦЫ В ИСПАНИИ.

(1534-1542.)

Бартоломью Карранса—Дон Доминго де Роксас—Исповедание истинного учения де Роксаса—Августин Касалья—Дон Карлос де Сесо—Маркиза Альканьес—Успехи Каррансы—Реформация, распространяемая его книгами—Карранса, примас Испании—Его заключение—Сан—Романо в Испании—Привело к казни—Его славная смерть—Мученики Реформации—Смерть Сан-Романо не бесплодна—Растущая смелость евангелистов

112

ГЛАВА VII.

КОРОЛЕВА ДЖОАННА.

(Родился в 1479-Умер в 1555.)

Позорное пленение—Молодость Джоанны—Ее замужество—Ее неприятие католических обрядов—План Изабеллы отстранить ее от трона—Интриги Фердинанда—Встреча Фердинанда и Филиппа—Заговор двух принцев—Смерть Филиппа—Скорбное путешествие—Заключение Джоанны в Тордесильясе—Ее отвращение к римским церемониям—Жестокое обращение—Горькие жалобы—Была ли Джоанна лютеранкой?—Ее христианская смерть — Жертва самого мрачного фанатизма

126

КНИГА XV.

АНГЛИЯ.

ГЛАВА I.

ТРИ ПАРТИИ, РАЗДЕЛИВШИЕ АНГЛИЮ.

(1536-1540 гг.)

Рождение Эдуарда VI.—Смерть королевы—Король ищет новую жену—Родственники Генриха VIII. со швейцарско—английскими студентами в Швейцарии—Письмо Кальвину—Работы швейцарских теологов—Мнение короля об этих работах—Реджинальд Поул—Назначен кардиналом—легатом за Альпами—Гнев Генриха VIII.—Поляк во Франции и Бельгии—Провал его

140

миссии—Его возвращение в Рим—Немецкие богословы в Англии—Затянувшиеся дискуссии—Недоброжелательность некоторых епископов—Бесплодные попытки примирения—Отъезд немецких врачей—Письмо Меланхтона Генриху VIII.

ГЛАВА II.

ГЕНРИХ VIII. ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВА АНГЛИЙСКОЙ ЦЕРКВИ.

(1538 г.)

Гардинер —Его возвращение в Англию—Подстрекательство к преследованиям— Сэмпсон, епископ Чичестерский—Заговор против Реформации—Возвращение к старым обычаям—Священник Джон Николсон—Его трактат о Вечере Господней—Его обращение к королю—Появление перед королем—Допрос—Его исповедание евангелической доктрины—Его решительное заявление о причастии—Ответ Кранмера—Гнев короля—Николсон приговорен к сожжению—Его казнь—Лесть в адрес короля Король

158

ГЛАВА III.

ШЕСТЬ СТАТЕЙ.

(1538-1540 гг.)

Переговоры о браке короля — Их провал—Печатание Библии в Париже— Печатание остановлено—Завершение работы в Лондоне—Разногласия— Попытка компромисса—Ее провал—Опасения короля—Шесть статей— Оппозиция Кранмера—Отставка Латимера с престола—Заигрывания короля с Кранмером, Кромвелем и Норфолком—Отбывание срока Кранмером—Пятьсот человек отправлены в тюрьму—Настроения в Германии—Статьи, осужденные в Виттенберге и Женеве—Письмо Меланхтона к королевскому собранию. Король Англии—Король умиротворен—Ребяческие игры

174

ГЛАВА IV.

ГЕНРИХ VIII. И АННА КЛЕВСКАЯ.

(1539-1540.)

Анна Клевская—хвалит произнес ее—она просто героиня—ее прибытия в Англию—короля разочарование—его желание избавиться от нее—страх за разрыв помолвки—брак отмечается в Гринвич—Генри жалобу Карла V.—злая воля Чарльза—короля недоверие—проповедь Евангелия приказал Кромвель— Гардинер-проповедь—проповедь Барнса—его смелость—его заключение— Многочисленные издания Библии

192

Глава V.

позором и смертью Кромвель, граф Эссекс.

(1540.)

Кромвель грозил—осыпали почестями от царя—царя, намерение—Король письмо Кромвеля—арест Кромвель—глупые обвинения—реальный мотив укладка Кромвеля бросили всех своих друзей, защищали одни Cranmer— Cranmer письмо царю—Билль о лишении гражданских и имущественных прав— ересь—клеветник—не судебная—экспертиза законопроекта осуществляется в обеих палатах—осуждение—Кромвеля письмо для короля—Король не

205

раздумывая,—Екатерины Говард—Королева послала подальше—Кромвель на эшафоте—его исповедание веры—свою исповедь и молитва—его смерть—его характер

Глава VI.

РАЗВОД АННЫ КЛЕВСКОЙ.

(1540.)

Особой беспристрастности—шествие мучеников, трех евангелистов, три папистами—препараты для развода королевы—позорная комедия—короля лицемерие—го созыва духовенства—брак признан недействительным,—о разводе принимается Анны Клевской

225

ГЛАВА VII.

ЕКАТЕРИНА ГОВАРД, КОРОЛЕВЫ-КАТОЛИЧКИ.

(1540.)

Брак короля с Екатериной Говард—его возвращение к католицизму—Королевский непогрешимости—католической реакции—Боннэр, Епископ Лондонский—молодой мученик—тюрьмы заполнены—Король похвалил Франциска I.—мученичество читатель Библии—заговор против Cranmer—архиепископа упругость—против него обвинения—король, не раздумывая,—его решимость спасти его—Cranmer перед тайным советом,—царским перстнем—Cranmer враги посрамлены—король любит Королеву—жуткие откровения—о виновности Королева—Cranmer визит к ней—безумие королевы—Cranmer эмоции—Осуждения и казни—Королеву казнили, ее виновность вызывает сомнения—го созыва духовенства—резкий удар, нанесенный по созыву Cranmer—заметный прогресс Реформации

234

Глава VIII.

КЭТРИН ПАРР, КОРОЛЕВА—ПРОТЕСТАНТКА.

(1542.)

Ричард Хиллз, лондонский купец—Его исследования и чтения—Осторожное продвижение Кранмером Реформации—Поправка в доктрине—Кэтрин Парр—Ее характер—Еще один заговор против Кранмера—Его прощение своим врагам—Несколько мучеников—Согласие Марбека с Англией—Жалобы Генриха на Францию—Его союз с Карлом V.—Война с Францией—Симпатии итальянцев—Гонители наказаны

258

ГЛАВА IX.

ПОСЛЕДНИЕ МУЧЕНИКИ ПРАВЛЕНИЯ ГЕНРИХА.

(1545.)

Сессия парламента—Речь короля—Розга и королевский школьный учитель—Энн Эскью—Ее испытание—Экзамены—Ее освобождение—Снова заключена в тюрьму—Ее стойкость—Ее благоразумие—В тюрьме—Приговорена к сожжению—Королевская прокламация—Энн Эскью замучена лордом—канцлером—Привела к казни—Смерть мучеников—Приближающийся триумф их доктрин

271

ГЛАВА X.

КОРОЛЕВЕ ЕКАТЕРИНЕ УГРОЖАЕТ СМЕРТЬ.

(1546.)

Благочестие королевы—Ее опрометчивое рвение—Беседы с королем —Король оскорблен—Заговор католических лидеров—Недоверие короля—Судебное преследование—заказано—Обвинительный акт—Королева ничего не подозревает—Обвинительный акт у нее в руках—Ее горе—Ее беседа с королем—Ее Заявление—Спасение—Измучение ее врагов—Ее прощение им

284

ГЛАВА XI.

КОНЕЦ ПРАВЛЕНИЯ ГЕНРИХА VIII.

(1546—январь 1547.)

Немилость Гардинера—Две партии при дворе—Говарды и Сеймуры—Амбиции Говардов— Судебные процессы против Норфолка и Суррея—Нетерпение короля—Обыски—Разделенный дом—Казнь Суррея—Смирненное обращение Норфолка—Непреклонность короля—Последние часы короля—Его смерть—Его Завещание—Генрих VIII. быть осужденным как Человек, король и христианин

297

КНИГА XVI.

ГЕРМАНИЯ.

ГЛАВА I.

ПРОГРЕСС РЕФОРМАЦИИ В ГЕРМАНИИ.

(1520-1536 гг.)

Реформация Воскресение—Мнимое единство Рима—Все виды прогресса, достигнутого Реформацией—Джон Бугенхаген—Его обращение—По имени "Померанус"—Реформация, охватившая немецкие города—Магдебург, Брауншвейг, Гамбург—Померанус в Гамбурге—Любеке

311

ГЛАВА II.

КНЯЖЕСТВО АНГАЛЬТ.

(1522-1532 гг.)

Князя Ангальта—герцог Георг—Его тревоги—Его решение—Письмо Лютера—Принц Иоахим Вюртембергский—Вестфальский—Падерборнский—Герман, курфюрст Кельнский—Нюрнбергский мир

322

ГЛАВА III.

ТРИУМФ АНАБАПТИСТОВ МЮНСТЕРА.

(1533.)

Мельхиор Хоффманн—Бернард Роттманн—Женитьба Роттмана—Джон Маттиссон из Харлема—Джон Бокколд из Лейдена—Бернард Книппердоллинг—Беспорядки в Мюнстере—Визионеры у власти—Их враги изгнаны—Уничтожение книг и произведений искусства—Иоанн Лейденский у власти—Террор

331

ГЛАВА IV.

АНАБАПТИСТЫ ИЗ МЮНСТЕРА. ИЗЛИШЕСТВА.

(1535.)

Царь Вселенной—Гордость и роскошь—Ужин—Апостольство—Жестокость 342

ГЛАВА V.

АНАБАПТИСТЫ МЮНСТЕРА. НАКАЗАНИЕ.

(1535-1536 гг.)

Осада и голод—Тщетные усилия—Штурм—Взятие Мюнстера—Казни—Мнение Лютера—Три причины беспорядков—Столб для пальцев 347

ТОРЖЕСТВО СМЕРТИ.

СМЕРТЬ ЛЮТЕРА.

(18 февраля 1546 г.)

Лютер в Эйслебене -Ощущение приближающегося конца—Безмятежность его Веры—Его последнее свидетельство—Его последний вздох 353

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Расшифровка "Снисхождения" Льва X. 359

ОБЩИЙ УКАЗАТЕЛЬ к томам I.—VIII. 369

история

из

РЕФОРМАЦИЯ В ЕВРОПЕ

ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА.

КНИГА XIV. ИСПАНСКИЕ МУЧЕНИКИ.

ГЛАВА I.

ПРОБУЖДЕНИЕ В ИСПАНИИ.

(1520-1535.)

Испанская церковь долгое время сохраняла свою независимость по отношению к папству. Именно во времена амбициозного и монополизирующего Хильдебранда она начала его терять.

В период Реформации он более четырехсот лет находился в подчинении папы римского, и его освобождению препятствовали большие препятствия. Масса народа была подвержена

суевериям; испанский характер был решителен до упрямства; духовенство царило безраздельно; инквизиция только что была вооружена новыми ужасами Фердинанда и Изабеллы; и положение страны на полуострове, казалось, неизбежно изолировало ее от тех земель, в которых торжествовала Реформация.

Тем не менее многие умы были до определенного момента готовы к евангелической реформе. Почти в каждом классе инквизиция вызывала живейшее недовольство. Ближе к концу пятнадцатого века часто можно было встретить человека, пересекающего Испанию в окружении охраны из пятидесяти конных слуг и двухсот пехотинцев. Этот человек, которого звали Торквемада, наводил ужас на народ; и поэтому в своих успехах он проявлял величайшее недоверие, воображая, что все стремятся убить его. По прибытии в любое место, когда он садился за стол, он дрожал, опасаясь, что принесенные ему блюда были отравлены. По этой причине, прежде чем принимать какую-либо пищу, он обычно клал перед собой рог единорога, которому приписывал способность обнаруживать и даже нейтрализовывать яды. Всеобщая ненависть сопровождала его до самой могилы. Торквемада, первый генеральный инквизитор, приказал казнить восемь тысяч человек, а сто тысяч заключить в тюрьму и лишить их имущества. Целые провинции восстали против этого ужасного трибунала.[4] "Они крадут, они убивают, они бесчинствуют", - писал шевалье де Кордова Гонсало де Айора, говоря об инквизиторах первому секретарю короля Фердинанда. "Они не заботятся ни о справедливости, ни о самом Боге".[5] "О несчастная Испания!" - в отчаянии воскликнул Питер Мартир д'Ангиера, советник от Индии. "Мать стольких героев, как это ужасное бедствие бесчестит тебя!"[6]

Тем временем университеты просвещались. Многие читали различные труды, особенно труды Эразма; и по мере того, как врачи и студенты учились более внимательно изучать состояние Церкви, дух исследования начал проникать в эти древние институты. Кроме того, были рассеяны тут и там в городах и в сельской местности некоторые христиане, называемые *Алюмбрадос*, которые искали внутреннего света и посвящали себя тайной молитве. Эти благочестивые мистики были лучше подготовлены к восприятию божественной истины.[7]

ПРОБУЖДЕНИЕ В ИСПАНИИ.

Более того, политические обстоятельства были благоприятны для начала Реформации. Испания в то время находилась под тем же скипетром, что Германия и Нидерланды, и лучи света, исходящие из Священных Писаний, не могли не достичь ее. Император Карл Пятый, который боролся против Реформации в Германии, должен был стать средством распространения ее в стране своих очень католических предков. Молодой Альфонсо Вальдес, его секретарь, который был с ним в Брюсселе в 1520 году, а затем в Вормсе в 1521 году, сначала был поражен ужасом, увидев смелость, с которой Лютер атаковал власть папы. Но то, что он увидел и услышал, постепенно привело его к пониманию необходимости Реформации. Следовательно, в письме из Брюсселя и Вормса своему другу Питеру Мученику д'Ангиере Вальдес горестно восклицал: "В то время как понтифик закрывает глаза и желает видеть, как Лютера пожирает пламя, вся христианская община близка к гибели, если только Бог не спасет ее".[8]

Книги, более опасные для Рима, чем книги Эразма, достигли Испании. Печатник из Базеля, в тот самый год, когда Карл был избран императором (1519), тщательно упаковал для перевозки за Пиренеи некоторые драгоценные товары, которые еще не были запрещены на полуострове,

поскольку там еще ничего не знали. Она состояла из различных латинских сочинений Лютера.[9] В 1520 году "Комментарий к посланию к Галатам", а затем и другие труды реформатора были переведены на испанский.[10] Союз, существующий между Испанией и Нидерландами, побудил многих испанцев поселиться в последней стране, и, возможно, именно один из них перевел их. По крайней мере, достоверно, что они были напечатаны в Антверпене и что торговые суда доставили их оттуда в Испанию.

Многие благородные умы были встревожены и стали внимательны к тому, что происходило в Германии. Франциск де Анжелис, провинциал ордена Ангелов, присутствовавший на коронации императора, был еще более просвещенным, чем сам Вальдес. Будучи отправленным обратно в Испанию после Вормсской диеты с важной миссией, он остановился в Базеле. Там он посетил Пелликана и в беседе с ним показал, что почти согласен с Лютером.[11] Все эти обстоятельства привлекли внимание Рима, и Лев X. отправил (20 марта 1521 г.) два письма в Испанию с требованием проверить распространение книг немецкого реформатора и его сторонников в этой стране; и Адриан VI, преемник Льва, призвал правительство помочь инквизиции в выполнении этого долга.[12]

Но в самой Испании евангельская истина тогда проповедовалась со всей серьезностью, хотя и не с полнотой, ясностью и непорочностью реформаторов. В Андалусии жил молодой священник, который примерно с 1525 года проповедовал с необычайной силой. Его звали Джон д'Авила. "Рвение, - говорит один из его биографов, - с которым он прилагал усилия, чтобы посеять небесное семя Слова Божьего в сердцах людей, было почти невероятным".[13] Он стремился как обратить души, отдалившиеся от Бога, так и вести тех, кто был обращен, мужественно идти вперед в служении Богу. На составление своих утренних речей он тратил не больше времени, чем на их произнесение. Долгая подготовка в его случае была бы невозможна из-за многочисленных обязательств, которые его благотворительность привлекала к нему со всех сторон. "Святой Дух просвещал его своим светом и говорил его устами; так что он был вынужден быть осторожным, чтобы не слишком растягивать свои речи, настолько обильным был источник, из которого они проистекали".

ДЖОН Д'Авила.

Видя огромное количество душ, обращенных его словом, был задан вопрос: что было главным источником его силы? Является ли это, говорили они, силой учения, или пылом его милосердия, или нежностью его отеческой доброты, соединенной с невыразимым смирением и кротостью? Он сам решил этот важный вопрос и ответил на запрос. Проповедник, пораженный успехом Д'Авилы и желавший того же для себя, попросил у него совета по поводу проповеди и о том, как сделать ее эффективной. "Я не знаю лучшего способа, - ответил он, - чем любить Иисуса Христа". В этом истинная наука гомилетика.

Иисус Христос и его любовь действительно были силой его красноречия. Именно представив перед грешниками умирающего Иисуса, он призвал их к покаянию. "Мы, Господи, - воскликнул он, - согрешили, и ты несешь наказание! Наши преступления навлекли на тебя всевозможный позор и привели тебя к смерти на кресте! О! какой грешник при виде этого не стал бы сокрушаться о своих грехах!"[14] Но Д'Авила в то же время указал на эту смерть как на средство спасения. "Они связывают его веревками, - сказал он, - они избивают его; они увенчивают его

терновником; они пригвождают его ко кресту, и на нем он терпит смерть. Если с ним так обращаются, то это потому, что он любил вас и хотел бы смыть ваши грехи своей собственной кровью! О Иисус, мой Спаситель, ты не был доволен этими внешними страданиями; тебе было угодно терпеть также внутреннюю боль, намного превосходящую их. Ты подчинился суровому решению правосудия твоего Отца; ты взял на себя все грехи мира. О Агнец Божий, ты один взвалил на себя это бремя; ты справился с ним и своей смертью добился для нас искупления. Мы стали праведностью Божьей в Тебе, и Отец любит нас в Своем возлюбленном Сыне. Давайте не бояться слишком сильно восхвалять Его за полное изглаживание наших грехов, за привилегию, дарованную Богом тем, кого он оправдывает заслугами Иисуса Христа. Это возвышает величие тех заслуг, которые принесли им столько блаженства, хотя они были так недостойны его. О Господь, будь прославлен за это вовеки".[15]

Тем не менее, Джон д'Авила, хотя и признавал необходимость оправдания смертью Христа, имел менее четкое представление об этом, чем реформаторы, и отводил этому менее заметное место в своем учении, чем они. Именно на его эффективности для освящения он особенно останавливался. Он действительно совершил ошибку, поместив любовь в главу об оправдании, вместо того чтобы поместить ее, подобно реформаторам, в главу об освящении, которая является ее истинным местом. Но он не мог слишком настаивать на преобразовании, которое должно произойти в характере и жизни христианина. "Как, - воскликнул он, - возможно ли, чтобы Иисус Христос омыл, очистил и освятил наши души своей собственной кровью, и чтобы они все еще оставались несправедливыми, оскверненными, нечистыми?" ... Иногда он использовал странные фигуры, чтобы внушить необходимость этой работы. "Существо, имеющее только голову человека, - сказал он, - а все остальное его тело принадлежит зверю, считалось бы ужасным чудовищем. В сфере благодати было бы не менее чудовищно, если бы Бог, который есть сама праведность и чистота, имел в качестве своих членов несправедливых, оскверненных и развращенных людей".[16]

Д'Авила трудился не только своими выступлениями, но также своими беседами и письмами, продвигая царство Божье в душах людей. Он был сама доброжелательность. Он утешал страждущих, ободрял робких, возбуждал трусливых, воодушевлял вялых, укреплял слабых, поддерживал искушаемых, стремился воскресить грешников после их падений и смирял гордых. Его письма в основном намного превосходят письма Фенелона. Они, по крайней мере, гораздо более евангелизированы.[17] "Я говорю вам это, - писал он нескольким друзьям по несчастью, - только для того, чтобы заверить вас, что Иисус Христос любит вас. Разве эти слова о том, что *Бог любит нас*, не должны наполнять радостью такие бедные создания, как мы?"[18] "Читайте священные писания, - говорил он в другом письме тем, кто желал наставлений, - но помните, что если тот, у кого есть ключ к знанию, и кто один может открыть книгу, не дает силы постичь, вы никогда не поймете". it.[19]

СВЯТАЯ ТЕРЕЗА.

Д'Авила обладал даром проницательности. На самом деле, он не совсем избежал влияния эпохи и страны, в которой жил; но мы видим, как он разоблачает мнимые откровения Мадлен де ла Круа, которая обманула многих, и защищает благочестивую Терезу де Сепедре, когда ее преследовала инквизиция. Тереза, родившаяся в Авиле в 1515 году в знатной семье, даже в детстве отличалась таким рвением, что однажды вместе с братом покинула отцовский дом, чтобы отправиться искать мученической смерти среди мавров. Родственница встретила двух

детей и забрала их обратно. С того времени она была разделена между любовью к миру и любовью к Богу, попеременно предаваясь разгулу и монашеской жизни. Эта женщина, знаменитая Святая Тереза, была одной из тех пылких душ, которые поочередно бросаются в две крайности. К счастью, она встретила с Д'Авиллой, чьи суждения были более зрелыми, чем ее собственные, получила его наставления и с его помощью утвердилась в духовной жизни. Ее сочинения, полные благочестия и даже привлекательные по стилю, были переведены янсенистами, как и сочинения Д'Авиллы.[20] Он был другом и директором бедного солдата, который, демобилизовавшись в 1536 году, был обращен и превратил свой дом в больницу, содержание которой он обеспечивал работой своих рук, и таким образом стал основателем Ордена милосердия. Д'Авила давал этому милосердному христианину, которого звали Джон де Дье, мудрейшие советы, суть которых сводилась к следующему: "Лучше умри, чем измени такому доброму Хозяину".

Однажды молодая девушка по имени Санча де Кариле, дочь сеньора Кордовы, готовилась отправиться ко двору, где ее только что назначили фрейлиной королевы. Сначала она хотела поговорить с Джоном д'Авиллой и была так тронута его словами, что с тех пор оставила двор и мир. Однако вместо того, чтобы уйти в монастырь, она осталась в доме своего отца и там посвятила себя до самой смерти служению Иисусу Христу, которого она считала своим Спасителем.[21] Именно для Санчи де Кариле Д'Авила написал свой главный труд, озаглавленный *"Ауди, филия и вид"* ("Внимай, о дочь, и размышляй"[22]), Ps. xlv. 10. Д'Авила не был на стороне врачей и последователей Реформации, число которых в Германии постоянно увеличивалось. Он действительно отличался от них по нескольким пунктам, но в других подходил к ним настолько близко, что его проповедь не могла не подготовить умы людей к восприятию полноты евангельского учения. Инквизиция понимала это.[23]

ЭКЗАМЕН.

Период, прошедший между 1520 и 1535 годами, был эпохой, подготовившей путь для реформации в Испании. В университетах, в городах и в сельской местности многие умы молча склонялись к лучшей доктрине. Реформация была тогда подобна огню, тлеющему под пеплом, но позже ей было суждено проявить себя во многих благородных сердцах. Тем не менее, время от времени пламя становилось видимым. Крестьянин, простой человек без какой бы то ни было культуры, который занимался только своими полями, каким-то образом обрел христианские убеждения.[24] Однажды, находясь в компании своих родственников и друзей, он воскликнул: "Это Христос, который своей собственной кровью ежедневно омывает и очищает от их грехов тех, кто принадлежит ему, и другого чистилища нет". Похоже, бедняга всего лишь повторил высказывание, которое он услышал на каком-то собрании и которое понравилось ему, не будучи проникнут истиной, которую он услышал. выразил. Поэтому, когда на него ссылались перед инквизиторами веры, он сказал: "Я, безусловно, придерживался этого мнения, но, поскольку оно не нравится вашим преподобиям, я охотно отказываюсь от него". Это не удовлетворило священников. Они осыпали его упреками. "Возможно, они опасались, — говорит автор *"Ухищрений испанской инквизиции"*, — что их пытливые способности застоятся и загниют, если они не попытаются найти в человеке какое-нибудь мошенничество, делая вид, что находят сучки в камыше *-nodus in scirpo-*." "Вы утверждали, что чистилища не существует. Следовательно, вы верите — что папа ошибается — что соборы ошибаются — и что человек оправдывается одной верой". Короче говоря, они раскрыли перед ним все доктрины, которые они называли ересями, и обвинили в них несчастного человека, как будто он действительно их

исповедовал. Бедный крестьянин запротестовал; он уверенно утверждал, что даже не знает, что означают эти доктрины. Но они настаивали на своем и показали ему тесную связь, которая существует между всеми этими догмами. Бедняга был лишен обычных средств обучения; но эти священники, которые были против Евангелия больше, чем вода против огня, говорит рассказчик, учили и просвещали его. Те, кто хвастался тем, что они великие искоренители истины, стали ее распространителями. Крестьянин, о котором мы говорим, таким образом, достиг полноты веры, которая до сих пор только снизошла на него. Это был поразительный пример того, каким чудесным образом Божественная Благодать иногда призывает своих избранных. Было много других подобных примеров.[25]

RODRIGO DE VALERIO.

Главный реформатор Испании должен был происходить из более высокого класса. Он родился в Андалусии, Бетике, которая в глазах древних была самой прекрасной и счастливой из всех стран мира. Недалеко от скалистых гор, на обширной равнине живописного и торжественного вида, раскинулась Лебриха, древний город примерно в десяти лье от Севильи на стороне Кадиса. Здесь жил Родриго де Валерио, молодой человек из богатой и знатной семьи. Как и все андалузцы, он обладал большой сообразительностью; в его речи искрилась фантазия, а темперамент был очень жизнерадостным. Как и они, он отличался любовью к удовольствиям, и его славой было превзойти в потворстве им всех молодых людей, с которыми он общался. Обычно он жил в Севилье, городе, который римляне называли "маленьким Римом" (*Ромула*), который долгое время был центром разведки и где Алькасар и другие памятники напоминали о великолепии мавританских королей. Родриго получил хорошее образование и немного выучил латынь, но это быстро забылось среди развлечений молодежи. Не было ни охоты, ни дичи, на которой бы он не присутствовал. Все видели, как он прибыл на место встречи верхом на великолепном коне, богато снаряженный и сам великолепно одетый.[26] Легкий и искусный в физических упражнениях, он забирал все награды. Полный грации и элегантности, он преуспел в завоевании благосклонности прекрасных дам. Ему доставляло удовольствие садиться верхом на самого дикого коня, карабкаться по скалам, танцевать с легкой поступью, охотиться с рогом и собакой, натягивать арбалет или стрелять из аркебузы и быть лидером модных молодых людей на каждой вечеринке и на каждом празднике.

Внезапно Валерио исчез из общества. Его искали на играх, танцах, скачках, но нигде не могли найти. Все спрашивали, что с ним стало. Он отказался от всего. Мирские удовольствия угнетали и утомляли его, и он обнаружил во всем пустоту и горечь. Что? "играй на лютне, - думал он, - заставляй свою лошадь скакать, пой, танцуй"... и забудь, что значит быть мужчиной! Голос в его сердце кричал, что Бог - это все во всем. Он не поддавался никакому человеческому влиянию; только Бог коснулся его своим Духом.[27] По этой причине изменение было тем более примечательным. Живые чувства его сердца, которые до сих пор бурным потоком устремлялись вниз, к миру, теперь с той же энергией устремлялись к небесам. "Божественная страсть, - говорит современник, - внезапно овладела им.[28] Отбросив свои старые склонности и презрев человеческое суждение, он так ревностно приложил все свои силы, как душевные, так и телесные, к стремлению к благочестию, что, казалось, в нем не осталось никаких мирских привязанностей. "Если бы Родриго тогда удалился в монастырь, все было бы в порядке, и все восхищались бы им; но нет. можно было понять, почему, отказавшись от удовольствий, он сразу же не заперся в одном из тех человеческих святилищ, которым единственным мир в то время выдавал патент на благочестивую жизнь. Некоторые замечания, сделанные в его адрес, были

действительно очень естественными. Он бросался из одной крайности в другую и в своем первом порыве подвергся насмешкам своих старых товарищей. Молодой человек, который до сих пор отличался изысканностью манер, изяществом речи и великолепием одежды, теперь проявлял несколько отталкивающую грубость и небрежность.^[29] Искренний и честный, но пока еще непросвещенный, не знакомый по сути ни с какой другой благочестивой жизнью, кроме жизни аскетов, неудивительно, что сначала он погрузился в преувеличенный аскетизм. Он думал, что таким образом ему следует более полностью отречься от мира и принести более совершенную жертву Господу. Одни говорили, что он потерял голову; другие говорили, что он пьян. Но при ближайшем рассмотрении в нем можно было увидеть истинный страх Божий, искреннее раскаяние в тщете своей жизни, горячую жажду праведности и неутомимое усердие в приобретении всех признаков истинного благочестия. Но одна вещь превыше всего занимала его ум. Мы видели, что он выучил латынь. Это знание, которое он презирал, теперь сослужило ему величайшую службу. Только на этом языке можно было читать священные писания; он изучал их день и ночь;^[30] тяжелым трудом он запечатлел их в своей памяти, и у него был замечательный дар применять слова Священного Писания правильно и быстро. Он старался руководствоваться во всем своем поведении их учением, и люди ощущали в нем присутствие Духа, которым они руководствовались.

Валерио стал одним из апостолов доктрин Лютера и других реформаторов.^[31] "Он узнал об этом не из их собственных трудов. Он почерпнул их непосредственно из Священного Писания. Эти священные книги, которые, по мнению некоторых, являются источником столь различных доктрин, затем породили во всех странах христианского мира одну и ту же веру и одну и ту же жизнь. "Вскоре он начал распространять вокруг себя полученный им свет. Люди были поражены, услышав, как этот молодой мирянин, который недавно был одним из веселых гостей, говорит с таким пылом. "От кого вы получаете поручение?" - спросил кто-то. "От самого Бога, - ответил он, - который просвещает нас своим Святым Духом и не заботится о том, является ли его посланник священником или монахом".

JOHN DE VERGARA.

Валерио был не единственным, кто пробудился ото сна. Литературное движение на пути, открытом Эразмом, как мы уже говорили, подготовило путь Евангелия в Испании. Одним из ее руководителей был Иоанн де Вергара, каноник Толедский, который был секретарем кардинала Хименеса. Опытный знаток греческого и древнееврейского языков, он указал на некоторые ошибки в Вульгате; и он был одним из редакторов "Полиглота Алкалы". "С каким удовольствием я узнаю, - писал ему ученый из Роттердама в 1527 году, - что изучение языков и литературы процветает в той Испании, которая в древности была плодотворной матерью величайших гениев". У Джона де Вергары был брат по имени Фрэнсис, профессор греческой литературы в Комплутуме (нынешняя Алькала-де-Энарес). Алькала, недалеко от Мадрида, резиденция крупнейшего университета королевства рядом с Саламанкой, была в ту эпоху интеллектуальным центром и приобрела европейскую известность. Казалось, по нему прошло дуновение свободы и жизни. Джон и Фрэнсис вместе с другим испанцем, Бернардином де Тобаром, по-видимому, их братом, приложили совместные усилия к возрождению занятий литературой в их родной стране и зажгли светлые надежды в груди принца школ. Вспомнив, по своему обыкновению, истории древних времен, Эразм сравнил этих трех друзей по переписке с Герионом, королем Балеарских островов, самым могущественным из людей, которого поэты изобразили гигантом с тремя телами. "Испания, - сказал он, - снова обрела своего Гериона, с

тремя телами, но единым духом, и самые счастливые ожидания возбуждены в наших умах".[32] Современному Гериону, однако, не удалось завоевать честь триумфа, обещанного Эразмом. В инквизиции он встретил Геркулеса, который победил его. Эти выдающиеся люди нашли свой путь через любовь к знаниям к любви к Евангелию; и Иоанн довел свою дерзость до такой степени, что вознамерился исправить Вульгату. В связи с этим некоторые монахи, которые ничего не знали о латыни, кроме школьного жаргона, подняли тревогу. Джон и Тобар были арестованы инквизиторами Толедо, брошены в темницу и призваны отречься от *ересей* Лютера. Такого обвинения они совсем не ожидали. Их привлекло к Священному Писанию не реформатор, а его оппонент Эразм. Будучи еще слабыми в вере, они подумали, что могут заявить, что не знакомы с лютеранством, и были освобождены. Однако на них были наложены определенные епитимьи, и они были помещены под *надзор* инквизиции?[33]

В это время, между 1530 и 1540 годами, в университете Алькалы разгорелся большой теологический спор. Одним из поборников был Мэтью Паскуаль, врач, известный своими достижениями в учебе — он был мастером иврита, греческого и латыни, — за свою любовь к литературе, к Священному Писанию и к учению более чистому, чем у монахов. Дискуссия стала оживленной; и оппонент Паскуаля в пылу конфликта воскликнул: "Если дело обстоит так, как утверждает доктор Мэтью, то из этого следует, что чистилища не будет!" Паскуаль, вероятно, сказал вместе со Святым Иоанном, что *кровь Иисуса Христа, его Сына, очищает нас от всякого греха*. Он ответил просто — "Что тогда? (*Quid tum?*) - Все монахи были взволнованы при этих словах. - Он сказал *Услуга за услугу!* Он отрицает чистилище." Он был немедленно отправлен в тюрьму святых отцов,[34] из которой он был освобожден лишь долгое время спустя, а затем с потерей всего своего имущества. Затем он покинул Испанию. Два односложных ответа дорого ему обошлись.

PETER DE LERMA.

В то время в Алькале жил человек, который намного превосходил Вергара и Паскуалей и чьи суждения были повсеместно приняты в Испании как оракулы.[35] Это был Питер де Лерма, аббат Алькалы, каноник, профессор теологии и ректор университета, знаток восточных языков, которые он изучал в Париже, и хорошо разбиравшийся в схоластическом богословии. Он был высоко почитаем на всем полуострове. С ним советовались по важнейшим государственным делам; и многие прибегали к нему как к пробному камню, который сразу указывал им, что такое добро и что такое зло. Поскольку он был богат и принадлежал к знатной семье Бургоса, он пользовался большим влиянием. С раннего возраста он посвятил себя чтению Священного Писания, убежденный, что без него невозможно достичь какого-либо реального знания о святых вещах. В преклонном возрасте он прочитал труды Эразма. Они просветили его разум, и он признал, что исследования, проводимые в университетах, служат лишь напрасной показухе. Его деятельности была придана новая форма, и отныне его слова отличались свободой, простотой и энергией. "Черпайте, - сказал он, - из старейших источников; не принимайте мнений, основанных исключительно на авторитете каких-либо учителей, какими бы солидными они ни были". Подобные слова были совершенно новыми в католических церквях. Питер де Лерма был добродушным стариком, которому сейчас было около семидесяти. Монахи, независимо от его возраста, достижений или авторитета, которым он пользовался, своими агентами бросили его в тюрьму. Его противники нападали на него на частных совещаниях. Но престарелый доктор, обнаружив, что самые веские доводы бесполезны для его врагов, что они отказываются слушать правду и не имеют никакого отношения к невинности, заявил, что он

больше не будет вести дискуссий с испанцами, и потребовал от них вызвать ученых людей из других стран, способных понять представленные им доказательства. Инквизиторам это показалось ужасным богохульством. "Разве не было бы сказано, - восклицали они, - что святые отцы инквизиции, возможно, заблуждаются и что они неспособны понять сотню других людей лучше вас?" Они осыпали его оскорблениями, они изводили его в тюрьме, они угрожали ему пытками. Наконец бедный старик, ослабленный возрастом и преследованиями и еще недостаточно утвердившийся в вере, как это обычно бывало с обращенными Эразма, подчинился требованиям своих преследователей. Затем он удалился в Бургос, на свою родину. Меланхолия угнетала его. Энергия его души была подавлена. Его надежды на будущее своего народа исчезли. Он склонил голову и страдал. Вскоре ему сообщили, что его намереваются арестовать, и он бежал во Фландрию; затем отправился в Париж, где умер деканом Сорбонны и профессором теологии в этом университете.

Проповедь старика в Испании не была бесплодной. Подобно Джону д'Авиле и другим, он был одним из тех испанских евангелистов, которые не использовали имя Лютера, но утверждали, что проповедовали просто примитивные доктрины апостолов. В итоге получилось почти то же самое. Оттенок был лишь немного смягчен и менее выразителен.

АРЕСТ Джона Д'Авилы.

Луи из Кадены, один из его племянников, сменил его на посту ректора университета Алькалы. Благодаря своей элегантной латыни и знакомству с ивритом, арабским и греческим языками он приобрел большую репутацию среди литераторов. Убежденный в том, что для того, чтобы Испания когда-нибудь стала великой, необходимо дать ей импульс к свету и свободе, он предпринял, невзирая на судьбу своего дяди, попытку положить конец господству схоластики. Против него, как подозреваемого в лютеранстве, была выдвинута информация перед инквизицией в Толедо, и он был вынужден бежать, чтобы избежать темниц святой канцелярии. Инквизиция в те дни не упускала возможности погасить любой божественно зажженный в Испании свет, подавить мысль и остановить ее развитие.^[36] Людовик также отправился в Париж, где, как и его дядя, сдерживал свое рвение, чтобы избежать новых преследований.^[37]

Сам Джон д'Авила, апостол Андалусии, единственной мыслью которого было обращение душ и который не вмешивался в споры, обнаружил, что монахи, разгневанные и спровоцированные его отказом участвовать в диспуте, донесли на него инквизиции как на лютеране или *алумбрадо*. В 1534 году, неблагоприятном для евангелической Испании, этот скромный пастор был арестован в Севилье и брошен в тюрьмы святой канцелярии. Но его враги, движимые слепой ненавистью, не сообщили об этом даже архиепископу Севильи дону Альфонсо де Манрике, который в то время был великим инквизитором. Прелат, питавший глубочайшее уважение к Джону д'Авиле, был тронут, услышав, что только что сделали его подчиненные. Он указал, что этот человек не был лютеранином, а всего лишь стремился делать добро душам людей. В результате Д'Авилу оправдали, и он продолжал спокойно проповедовать Евангелие до самой своей смерти. Инквизиторы, прикрепляя название "лютеранство" ко всему благочестивому, косвенно отдавали дань уважения лютеранству.^[38]

АЛЬФОНСО ВИРБЕС.

Манрике был не единственным, кто время от времени выступал против фанатизма инквизиторов. Сам Карл Пятый, хотя и выступал решительно против всего, что казалось ему

ересью, по-видимому, имел некоторое пристрастие к основательным проповедям. Его тонкий разум предпочитал это басням монахов. Его капелланом был доминиканский монах по имени Альфонсо Вирвес, опытный востоковед и хороший богослов. Чарльз брал его с собой, когда путешествовал по Германии; и ему не только нравилось слушать его проповеди, но и общался с ним в его многочисленных путешествиях с определенной степенью близости. После своего возвращения в Испанию император не желал слушать другого проповедника. Некоторые монахи, которые жаждали привилегии проповедовать перед императором, были полны зависти и ненависти. Они оскорбляли Вирвов. Напрасно он боролся, согласно велениям своей совести, за то, что считал истинным благочестием; эти негодяи распространяли против него бесстыдную клевету, очевидную ложь и прибегали к злонамеренным интригам. Это был их обычный метод.^[39] Вирвес уважал прекрасного гения Эразма, но порицал его за слишком большую свободу. Он утверждал, что его желанием было обезопасить Испанию от лютеранства. Но он видел в Германии ведущих реформаторов, наслаждался дружеским общением с ними и заявил, что отказывается от попыток избавить их от ошибок.^[40] Это было достаточным основанием для судебного преследования; и, не считаясь с желанием императора, инквизиторы арестовали его капеллана, бросили его в тюрьму Святой Канцелярии в Севилье и в нетерпеливой спешке приготовились принести его в жертву. Известие об их разбирательстве дошло до Карла Пятого, и он был поражен и возмущен. Он был лучше знаком с вирвесом, чем инквизиторы. Он решил энергичными действиями сорвать заговоры монахов. Он был уверен, что Вирвес стал жертвой интриги. Он даже изгнал Манрике, генерального инквизитора, который был вынужден удалиться в свою епархию и умер там. Чарльз сделал больше, чем это. 18 июля 1534 года он направил в Святую канцелярию постановление, запрещающее арестовывать монахов до представления доказательств совету и ожидания его распоряжений. Но император, каким бы всемогущим он ни был, был недостаточно силен, чтобы вырвать жертву из рук инквизиции. Вирвесу, единственным преступлением которого было то, что он был набожным и умеренным католиком, пришлось в течение четырех лет подвергаться всем ужасам секретной тюрьмы. Он сам говорит, что ему почти не давали дышать. Инквизиторы завалили его обвинениями, запретами, клеветой и словами, которые, по его словам, нельзя слушать без ужаса. Он добавляет, что его обвиняли в ошибках, ересь, богохульствах, анафемах, расколе и других подобных чудовищах. Чтобы убедить их, он предпринял подвиги, которые можно было бы сравнить с подвигами Геракла. Он изложил пункты, которые он разработал в порядке подготовки к нападению на Меланхтона перед Ратисбонским сеймом. Но все было бесполезно. Трибунал приговорил его в 1537 году к отречению от всех ересей, в том числе лютеровских, к заточению в монастырь на два года и воздержанию от проповеди в течение двух лет после освобождения. Бедняге пришлось явиться в Севильский собор и отказаться, среди прочих утверждений, от следующего: "Жизнь, полная действия, более достойна уважения, чем жизнь, полная созерцания.— Большее число христиан спасается в браке, чем во всех других штатах." Карл Пятый, полный решимости любой ценой выволить своего капеллана из заточения, обратился к папе римскому, который своим указом от 29 мая 1538 года распорядился освободить Вирвеса и снова разрешить ему проповедовать. Карл назначил его епископом Канарских островов. После некоторых колебаний папа согласился на это назначение, и в 1540 году еретик был облечен епископской митрой. В следующем году он опубликовал в Антверпене свои *Филиппические диспуты*, в которых излагаются его возражения против доктрин Лютера. Однако в той же книге он утверждал, что с еретиками следует обращаться не дурно, а убеждать, и это особенно путем представления им свидетельств Священного Писания; потому что *все Писание, Богодухновенное, полезно, говорит святой Павел, для учения, для обличения, для*

исправления. Альфонсо Вирвес был одним из тех испанцев, которым инквизиция помешала стать евангелистами, но не смогла сделать их папистами и ультрамонтанами.[41]

Вирвес был не единственным испанцем, усвоившим в Германии взгляды, почти близкие к взглядам Реформации. Некоторые узнали больше, чем он, в стране Лютера и оказали влияние на полуостров. Проснулось любопытство, и люди захотели узнать, что это была зареформация, о которой так много говорилось. Испания, строгая и античная, начала приходить в движение. В стране проводились собрания и формировались тайные ассоциации. Инквизиция, пораженная, обращала во все стороны свои пытливые взоры. Напрасно ученые богословы отправлялись в Германию и другие страны с целью возвращения в Римскую церковь тех, кто покидал ее. Сами врачи вернулись в Испанию, побежденные правдой, против которой им предстояло бороться.[42] Многие из них стали жертвами своей веры после возвращения на родину; другие стали мучениками на чужбине.

ГЛАВА II.

РЕФОРМАЦИЯ И ИНКВИЗИЦИЯ.

ТАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ.

Севиля и Вальядолид были двумя главными центрами пробуждения. В то время эти города были, собственно говоря, двумя столицами Испании. В обоих из них евангельские христиане тайно встречались, чтобы поклоняться Богу в духе и истине и утверждать друг друга в вере и послушании заповедям Господним. Существовали монастыри, почти все прихожане которых приняли учение Евангелия. Более того, у него были приверженцы, разбросанные по всем частям полуострова. Родриго де Валерио, реформатор-мирянин Испании, продолжил свои труды в Севилье. Он ежедневно беседовал со священниками и монахами. "Скажите на милость, как это случилось, - сказал он им, - что не только духовенство, но и вся христианская община оказалась в столь плачевном состоянии, что, кажется, едва ли есть какая-либо надежда на излечение от этого? Это вы являетесь причиной такого положения вещей. Разложение вашего ордена испортило все. Не теряйте времени и примените эффективное средство от столь масштабного зла. Преобразитесь сами, чтобы вы могли преображать других". Валерио подкрепил эти красноречивые призывы цитатами из Священного Писания. Священники были поражены и возмущены. "Откуда такая дерзость, - говорили они, - с которой вы нападаете на тех, кто является самым светом и столпом Церкви?[43] Как смеет простой мирянин, неграмотный человек, занятый исключительно мирскими делами и саморазрушением, говорить с такой дерзостью?... Кто поручил тебе, и где печать твоего призвания?" "Конечно, - искренне ответил Валерио, - я приобрел эту мудрость не из-за твоей развращенной морали; она исходит от Духа Божьего, который, подобно рекам живой воды, течет от тех, кто верит в Иисуса Христа. Что касается моей смелости, то она дана Тем, кто посылает меня. Он - сама истина, которую я провозглашаю. Дух Божий не связан ни с каким порядком, и меньше всего с порядком коррумпированного духовенства. Эти люди были мирянами, простыми рыбаками, которые обвинили в слепоте всю ученую синагогу и призвали мир к познанию спасения".

ИОАНН ЭГИДИУС.

Так говорил Родриго; и он был огорчен, видя, что все эти священники "не в состоянии вынести сияющий свет Евангелия". Ему было дано одно великое утешение. Проповедником Севильского кафедрального собора в то время был Джон Гил, или Эгидиус, врач, родившийся в Ольвере, в Арагоне, иполучивший образование в университете Алькалы. Он обладал качествами оратора, поскольку был человеком с прекрасным характером и острой чувствительностью. Но эти важные качества, вместо того чтобы развиваться в университете, дремали. Культивировались только интеллектуальные способности. В природе человека горел огонь, но он был погашен схоластикой. Эгидиус погрузился в изучение теологии школ, единственной науки, которая тогда была в моде в Испании. В этом он отличился, получил высшие академические почести и стал профессором теологии в Сигуэнце. Он не был доволен тем, что оставил Слово Божье в покое; он открыто заявлял о презрении к его изучению, высмеивал тех сотрудников университета, которые прилежно читали священные книги, и, пожимая плечами, называл их "этими хорошими библеистами". Питер Ломбард, Фома Аквинский, Скот и другие врачи того же класса были для него подходящими людьми. Его льстецы заходили так далеко, что утверждали, что он превзошел их. Поскольку репутация Эгидиуса распространялась повсюду, когда должность главного каноника или проповедника Севильского кафедрального собора стала вакантной, капитул единогласно избрал его и даже обошелся без обычного в таких случаях судебного разбирательства. Эгидиус, поглощенный своими схоластическими книгами, никогда не проповедовал публично и не изучал Священное Писание. Тем не менее он воображал, что для него не может быть ничего легче проповеди, которая, по его мнению, была низшей обязанностью. Он даже ожидал, что ослепит своих слушателей блеском схоластики и привлечет их своим очарованием. Поэтому он взошел на кафедру кафедрального собора столицы Андалусии. Собралась многочисленная паства, и в ожидании чего-то чудесного все были очень внимательны. Знаменитый доктор проповедовал, но в схоластической манере. Выдвинув какое-то предложение, он объяснил его различные значения. Термины, которые он использовал, были школьными, и его слушатели с трудом могли их понять. Какие несерьезные различия! Какие бесполезные вопросы! Проповеднику все это казалось прекрасным; его слушателям это казалось очень утомительным. Они, однако, слушали его второй и третий раз; но это всегда было одно и то же — сухо и утомительно. Знаменитый богослов, таким образом, был наименее популярным из проповедников, и Эгидий видел, что его паства уменьшается день ото дня. Его проповеди вызывали величайшее презрение в народе. Те, кто неосмотрительно назначил его на этот пост, начали обдумывать, как бы им избавиться от него; а сам проповедник, беспокоясь о своей репутации и полезности своего служения, начал подыскивать менее блестящую должность, на которой люди могли бы больше считаться с ним.^[44]

ВАЛЕРИО И ЭГИДИУС.

Родриго пошел вместе с толпой и был одним из тех, кто был недоволен этими схоластическими рассуждениями. Но он был одарен способностью распознавать духов и, несмотря на то, что был доктором-схоластом, смог распознать оратора и его неоспоримые способности. Ему было горько видеть, что дары Божьи таким образом растрчены, и он решил откровенно поговорить с Эгидиусом. "Божественное Провидение, - говорит хронист, - толкнуло его на этот путь". Поэтому, обратившись с просьбой о встрече с каноником, Валерио, принятый им с некоторым удивлением, но все же с добротой, сразу же начал рассказывать ему о роли христианского оратора.^[45] Эта функция, по его мнению, заключалась не в изложении определенных тезисов и

антитезисов, а в обращении к совести людей, представлении им Христа как автора вечного спасения и побуждении их броситься в объятия этого Спасителя, чтобы через него они могли стать новыми творениями. "Тебе нужны другие занятия, - сказал он схоласту, - другие книги и другие руководства, кроме тех, которые ты выбрал". Эгидиус сначала был поражен; его гордость взбунтовалась. "Какая дерзость!" - подумал он; "Этот человек, вышедший из простых людей, невежественный и слабоумный, осмеливается критиковать меня и уверенно учить меня, человека, с которым он едва знаком!"^[46] Тем не менее, природная доброта Эгидиуса и размышления о том, что Родриго говорил об искусстве проповеди, в котором он с треском провалился, подавив это первое чувство. Он сохранял самообладание и внимательно слушал мирянина. Родриго откровенно указал ему на недостатки его манеры проповеди и призвал его исследовать Священное Писание. "Вам никогда не удастся, - сказал он, - стать по-настоящему могущественным учителем, если вы не будете изучать Библию день и ночь".^[47] Он сказал ему, что для того, чтобы проповедовать спасение, он должен сначала найти его сам, и что от избытка сердца должны говорить уста. Несколько часов хватило для просветления Эгидиуса, и с этого времени он стал другим человеком.^[48] Сколько лет он потерял и как студент, и как профессор! "Я понимаю, - сказал он, - что все исследования и все труды моей прошлой жизни были напрасны. Теперь я вступаю на новый путь мудрости, о котором я не знал до Н.Э." Усталость и уныние Эгидиуса теперь прошли, и он почувствовал великий покой и радость. Он видел, как Бог открывает ему сокровищницу своей любви. "Небеса начинали становиться безмятежными, а земля - мирной". Эгидиус от природы был очень открытым, откровенным и искренним. Евангелие, великое откровение Божьей любви, имело для него невыразимое очарование. Он принял его с радостью, и его сердце зазвучало новой песней. Он изучал Священное Писание, молился, медитировал и читал хороших авторов; и таким образом добился прогресса в познании истинного богословия.

Родриго де Валерио был обрадован чудесной переменой, которую Бог совершил благодаря его служению; и победа, которую он одержал, еще больше вознесла его горячее рвение. Он начал проповедовать Евангелие не только на частных собраниях, но и публично, на улицах и площадях города, недалеко от Хиральды, монастыря Буэна Витта, Алькасара и на берегах Гвадалквивира. На него донесли в святую канцелярию, и когда он предстал перед трибуналом инквизиции, он искренне говорил об истинной церкви Христа, излагал ее отличительные черты и особенно настаивал на оправдании человека верой. Это произошло вскоре после обращения Эгидия, чья новая вера еще не была известна и который все еще пользовался в обществе репутацией ученого и доброго католика. Обрадованный возможностью вернуть свой огромный долг, он предстал перед трибуналом и защитил своего друга. Таким образом, он оказал влияние на судей, и они приняли во внимание неприязнительность семьи Валерио и положение, которое он занимал в обществе. Более того, они сказали, что Валерио заражен безумием, и вряд ли есть необходимость передавать сумасшедшего светской власти. Его имущество было конфисковано, его призвали вернуться на правильный путь, а затем отпустили на свободу.

Поразительная перемена, произошедшая с Эгидиусом, вскоре была замечена в Севилье. Теперь, полностью убежденный в необходимости покаяния и веры и познавший спасение на личном опыте,^[49] отныне его проповедь была такой же простой, нежной и пылкой, какой раньше была холодной, невежественной и педантичной. Абстрактные предложения и бесплодные споры уступили место убедительным призывам к совести и мольбам, полным милосердия. Всеобщее внимание было привлечено. Толпа снова заполнила величественный собор, воздвигнутый на том самом месте, где арабы некогда построили великолепную мечеть, в

которой не было видно ни алтаря, ни изображения, но которая сверкала мрамором и лампадами. Теперь христиан призывали услышать благую весть колокола на вершине мусульманской башни Хиральда, откуда муэдзины когда-то призывали людей к молитве. Это был единственный остаток мечети, и он дал свое название церкви. Иисус Христос теперь занял место лжепророка и тщеславных форм папства, и многие уверовали в благодать Сына Божьего. В речах Эгидиуса было очарование, которое в равной степени ощущали образованные и невежественные люди. Он был самым одушевленным и популярным проповедником, когда-либо выступавшим в Севилье; и его история показывает, возможно, лучше, чем история любого другого проповедника, что главное качество оратора - это сердце, горящее любовью и пылкими эмоциями. *Pectus facit oratorem*. Этот человек получил от Бога превосходный дар проникать божественным огнем в души тех, кто слушал его[50] который оживлял все их дела благочестия и помогал им с любовью переносить крест, которым им угрожали. Христос был с ним в его служении, говорит один из тех, кто был обращен им; и этот божественный Учитель сам запечатлел силой своего Духа слова своего слуги в сердцах своих слушателей.[51] Валерио был мирянином Реформации; Эгидиус стал ее министром.

ПОНСЕ ДЕ ЛА ФУЭНТЕ И ВАРГАС.

Он недолго пробыл в одиночестве. Во время его пребывания в Алькале было замечено, что трое студентов были связаны тесной дружбой друг с другом. Это были Джон Эгидиус, Константин Понсе де ла Фуэнте и Варгас. Теперь эти два старых товарища по учебе прибыли в Севилью. Кастилец Константин Понсе де ла Фуэнте родился в Сент-Кlemente, в епархии Куэнсы. Жители этих районов скрывали под маской холодности свободное и неистовое веселье. Понсе де ла Фуэнте, несомненно, был одним из таких людей. Он обладал едким юмором, любил удовольствия и был пылок во всем, что делал. Его юность была несколько рассеянной, и за это впоследствии его упрекали враги. Но он обладал также здравым смыслом и нравственным складом ума, что вскоре привело его к более размеренной жизни, еще до того, как он познакомился с Евангелием. Однако он никогда не терял своей жизнерадостности и остроумия. Им двигало сильное желание получить солидные знания, и в то же время он испытывал огромное отвращение к педантизму и варварству школ. В некоторых отношениях он был похож на Эразма. Он был сыном эпохи Возрождения и, подобно своему учителю, любил высмеивать невежество монахов, глупости проповедников и лицемерие фарисеев. Хотя он не обладал гением великого литератора, в некоторых моментах он превосходил его. В его вере было больше глубины, а в характере - решительности. В его натуре встречались противоречивые качества. Он метал во все стороны свои сатирические стрелы, и все же он был полон доброжелательности и великодушия и всегда был готов оказать помощь любому человеку. Более того, о нем говорили, что никто никогда не любил и не ненавидел его умеренно. Его знакомство с человеческим сердцем, его знание эгоизма и безразличия, которые встречаются даже у лучших людей, сделали его очень щепетильным в выборе своих друзей. Но он глубоко любил тех немногих, к кому был привязан, и со своими большими познаниями сочетал свободные и сердечные манеры.

Понсе де ла Фуэнте, по-видимому, задержался в Севилье из-за сообщения об обращении Эгидиуса и о большой сенсации, которую произвели его речи в этом городе. Как и Варгас, он жаждал истины, которая должна была удовлетворить все его желания и которая была ему пока неизвестна. Они узнали, что третий нашел то, что эти двое все еще искали. Они поспешили к нему. Они обнаружили, что Эгидиус убежден в том, что знание Христа превосходит все

остальное, так что для его получения нет ничего, от чего не следовало бы отказаться. Он считал это главным благом. Он приобрел это верой и был готов ради сохранения этого потерять все, чем обладал. Общение трех друзей становилось все более и более интимным, их дружба становилась все слаще и слаще.[52] В общении друг с другом они находили столько утешения и столько пользы для своих душ, что, расставаясь, вздыхали о том моменте, когда им предстояло встретиться снова. Их души были едины. Эгидиус открыл евангельскую истину своим старым сокурсникам; и, со своей стороны, Варгас, а еще больше де ла Фуэнте, "степень знаний которого была изумительной", [53] дали ему благотворный импульс, под влиянием которого он быстро продвинулся как в здоровой литературе, так и в истинном богословии. Братская привязанность, соединившая их, наполнила их сердца радостью; и эта радость, как говорит один реформатор, была пропитана сладким ароматом служения Богу.

ГАРМОНИЧНОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Трое друзей составили план и объединили свои усилия, чтобы распространять вокруг себя истинное благочестие. Эгидиус и де ла Фуэнте разделили между собой проповедническую работу. Их манера говорить отличалась. В то время как у Эгидиуса было очень открытое сердце, у де ла Фуэнте был очень открытый интеллект. В речах Эгидиуса было больше огня, в речах де ла Фуэнте - больше света. Первый брал души в плен; второй просвещал разум и получал, как говорит историк, [54] столько же и даже больше аплодисментов, чем его учитель. Это, несомненно, означает, что его влияние было еще более сильным. Варгас занялся другим отделом - практической экзегезой. Сначала он объяснял в церкви Евангелие от Матфея, как это делал Цвингли в Цюрихе, а затем Псалмы. [55] Эти три евангелиста говорили со священным авторитетом и с замечательным единством. "Какая гармония, - говорили люди, - царит между Эгидиусом, Константином и Варгасом!" Но никто не подозревал, что слово, произнесенное этими тремя могущественными учителями, было евангельской доктриной, которую в то время проповедовали Лютер, Фарель и другие реформаторы. В речах испанцев о них упоминалось не больше, чем если бы их вообще не существовало. Все те души, которые жаждали истины, были бы встревожены именами этих людей, еретиков в их глазах; но их привлекли слова, полные благодати и истины, которые принадлежали Иоанну, Петру и Павлу, нет, скорее самому Иисусу. Овцы вошли в загон, в котором уже были те, кого Меланхтон и Кальвин призывали в другом месте, ни в малейшей степени не подозревая об этом факте. Их крепкими, но невидимыми узами союза был Христос, чья благодать действовала безмолвно, но с той же эффективностью на берегах Эльбы, Роны и Гвадалquivира.

Репутация Понсе де ла Фуэнте вскоре была столь же широко распространена, как и репутация Эгидиуса. В его характере была одна черта, которая удваивала, нет, во сто крат умножала силу и результат его проповеди. Он был свободен от тщеславия. Этому главному греху оратора, пороку, парализующему его влияние, не было в нем места. Он был совершенно свободен от того возвышенного мнения о себе, которое так естественно для человеческого сердца, и особенно для публичного оратора. Он обрел первую из всех любовей — любовь к Богу; и это так наполнило его душу, что не оставляло места ни для какой другой. Он был равнодушен к похвалам своих слушателей, и его единственной мыслью было, как завоевать их сердца для Бога. Его репутация обеспечила ему несколько звонков. Капитул Куэнсы единогласно пригласил его стать проповедником в кафедральном соборе. Приняв приглашение, он получил бы

почетное положение в своей провинции; но он предпочел остаться викарием Эгидиуса. Некоторое время спустя в Севилью прибыла депутация, которой было поручено объявить де ла Фуэнте, что он призван сменить титулярного епископа Утики на посту проповедника в столичной церкви Толедо - должность весьма почетная и очень востребованная.^[56] Никто не сомневался, что он займет место, которое было предметом амбиций стольких мужчин. Де ла Фуэнте, не желая покидать Севилью, где перед ним были открыты большие двери, отклонил предложение. Каноники настаивали на своем, давили на него и, казалось, стремились принудить его. Чтобы избавиться от их назойливости, Понсе прибегнул к возражению, которое, несомненно, соответствовало складу его ума. В церкви Толедо в это время шел спор между несколькими членами капитула и кардиналомархиепископом Джоном де Мартинесом Силичео, который постановил, что кандидаты, избранные капитулом, должны быть обязаны доказать, что они произошли от непорочных предков. Теперь у де ла Фуэнте не было причин бояться этого правила больше, чем любого другого; но, доведенный до крайности, он с лукавой улыбкой ответил депутатам, что "кости его предков покоились с миром много лет и что он не потревожит их покой".

ОППОЗИЦИЯ.

Было неизбежно, что труды этих евангелистов вызовут в Севилье живое противодействие. Чем больше слушатели трех евангелистов были спасены их проповедью от тьмы невежества и чем больше они стряхивали с себя пыль средневековья, тем больше они уважали благородных людей, которым они были обязаны светом, и тем меньше уважения они испытывали к шайке лицемеров, которые так долго губили их души своим учением.^[57] Следовательно, дворец инквизиции наполнился жалобами, и ничего, кроме угроз, не было слышно в замке Триана, расположенном в пригороде Севильи, в котором был учрежден трибунал святой канцелярии. Однако у евангелистов были друзья, столь многочисленные и могущественные, что инквизиторы в настоящее время не осмеливались нападать на них. Они обратили свое внимание на других проповедников, попытались пробудить их и умоляли защитить веру Рима, ныне столь ужасно пошатнувшуюся. И в самом деле, священники, приверженные древним суевериям, вскоре пробудились как бы от долгого сна и подогрели свое оцепеневшее рвение. Пожар Рима, почти потухший, разгорелся вновь. В Севилье было два лагеря. Над собором реяло знамя Евангелия; почти во всех других церквях был поднят флаг папства. Современник утверждает, что это был флаг Эпиктета, и он считает, что эти жрецы были несколько ниже философа-стоика.^[58] "Чаще перевязывайте свои четки, - говорили священники, - служите много месс; воздерживайтесь от мяса; отправляйтесь в паломничество; носите такую-то одежду, такой-то фасон и другие бедные вещи подобного рода".^[59] "Прекрасная маска благочестия", - говорили люди; "но если вы исследуете эти вещи более внимательно, что вы обнаружите?" В соборе, напротив, проповедники призывали своих слушателей читать Священное Писание; они излагали заслуги распятого Спасителя и призывали людей полностью довериться ему. Евангельских проповедников было меньше, чем других, но вокруг них собралась лучшая часть населения. Постепенно книги римского богослужения были отложены в сторону и уступили место Евангелию. Слово Божье привлекло многие сердца. Религия формы потеряла многих своих приверженцев, а религия духа приобрела их. Среди них было несколько воспитанниц монастыря иеронимитов в Сан-Исидро-дель-Кампо. Если бы не инквизиция, Реформация преобразила бы Испанию и обеспечила процветание ее народа.

КРАСНОРЕЧИЕ ДЕ ЛА ФУЭНТЕ.

Понсе де ла Фуэнте, прежде всего, очаровал своих слушателей не только красотой доктрины, которую он провозглашал, но также чистотой и элегантностью своего языка и ошеломляющими всплесками красноречия. Те, кто это слышал, восклицали: "Чудо!"^[60] Понсе был великим наблюдателем, причем как по натуре, так и по выбору. Он занял позицию как бы на возвышении и принялся внимательно рассматривать все, что ему представлялось, — физические явления, моральные чувства и человеческие дела.^[61] Благодаря своей учености, своему опыту и знанию Священного Писания он смог с возвышенной позиции созерцать все человеческое и божественное. Он также обладал точным суждением, качеством первостепенной важности для проповедника. У него было чувство справедливой ценности вещей; осмотрительность не только руководила им во всех его действиях, но и вдохновляла все его слова. Этим объясняется популярность, которой он так долго пользовался. По его мнению, так оратора должен научить его избегать всего, что могло бы бесполезно шокировать слушателя, и стремиться ко всему, что могло бы привести души к спасению. В те дни, когда он проповедовал, Севильский собор представлял собой прекраснейшее зрелище. Его служба обычно начиналась в восемь часов утра, и стечение народа было так велико, что уже к четырем часам, а часто и к трем, в церкви почти не оставалось свободного места.^[62] В Севилье открыто утверждали, что Понсе де ла Фуэнте превзошел самых выдающихся ораторов своего времени и эпохи, которая ему предшествовала.^[63] Несмотря на необычайную популярность, которой он пользовался, он оставался одним из самых простых людей, свободным от сребролюбия, без честолюбия, довольствовался скромным питанием, небольшой библиотекой и не заботился о том богатстве, ради которого некоторые общественные вредители, по словам одного из его друзей, разорили церковь Божью. Он доказал это, отказавшись от богатого канонизма Толедо.

В течение многих лет Севилья, более удачливая в этом отношении, чем любой другой город Испании,^[64] слышала провозглашение чистого Евангелия Христа. Помимо службы в соборе, в некоторых домах проводились собрания более частного характера. Обильный урожай, который впоследствии дала плодородная почва Испании, был плодом этих кропотливых посевов.^[65] Де ла Фуэнте, Эгидиус и Варгас, люди, замечательные как своей доктриной, так и своей жизнью, были первыми великими сеятелями доброго семени на полуострове. "Они заслуживают, - сказал один из их хороших друзей, - вечной памяти". Кто может сказать, что могло бы произойти в Испании, если бы работа этих трех связанных христиан могла продолжаться дольше? Но внезапно Эгидиус обнаружил, что лишился двух своих товарищей по оружию, причем самыми разными способами.

Карлу Пятому случилось оказаться в Испании как раз в то время, когда Понсе де ла Фуэнте добивался наибольшего успеха. Император прибыл в Севилью; и вследствие высоких похвал проповеднику, которые доходили до него со всех сторон, он пожелал послушать его. Карл был в восторге. Он любил изящные вещи, и те же самые доктрины, которые, когда их исповедовал в Бельгии какой-нибудь малоизвестный резчик или меховщик, он карал как ужасную ересь, не оскорбляли его, когда они исходили из уст великого оратора и были провозглашены огромной толпе в самой красивой церкви Испании. Он почти поверил, что талант был ортодоксальным. Более того, мы отметили, что одной из характерных черт де ла Фуэнте было проповедовать чистое Евангелие, избегая всего, что могло шокировать его слушателей. Император послал за ним во дворец. Очарованный его беседой, умом, изысканными и приятными манерами, он назначил его одним из своих капелланов. К этому назначению он вскоре добавил должность раздающего милостыню и пригласил его последовать за ним за Пиренеи. Де ла Фуэнте, будучи привязан к Севилье, с радостью отклонил бы звонок, как отклонил звонки из Куэнсы и Толедо.

Но на этот раз ему позвонил его суверен. Воля Карла Пятого была законом, и пути к отступлению не было. Более того, этот призыв, по его мнению, исходил от самого Бога. Поэтому он подготовился к своему отъезду. Как ни странно, император поручил ему сопровождать своего сына Филиппа в Нидерланды и Англию.[66] "Я намерен, - сказал он, - показать фламандцам, что Испания не лишена своих любезных ученых и выдающихся ораторов". Поэтому де ла Фуэнте сопровождал Филиппа. Впоследствии он присоединился к Карлу в Германии, исполнял при нем обязанности капеллана и имел возможность познакомиться с некоторыми реформаторами.

СМЕРТЬ ВАРГАСА.

Уход Понсе де ла Фуэнте успокоил римскую партию в Севилье. Теперь они решили сначала избавиться от Варгаса. Этот богослов, который, возможно, не обладал ни тактом де ла Фуэнте, ни пылкостью Эгидия, был как раз на грани того, чтобы предстать перед трибуналом, когда он умер. Эгидиус, оставшийся таким образом в одиночестве, остро переживал потерю своих друзей. У него не было больше интимного общения, больше не было фамиллярных бесед. Прославленный проповедник повсюду наталкивался на враждебные взгляды, и у него больше не было дружеского уха, в которое он мог бы излить свою печаль. Его исключительная открытость сердца больше других подвергала его ненависти. Простой и откровенный, когда его призвали выступить с главной кафедры в Севилье, он нападал на врагов света более открыто и чаще, чем это делали его коллеги.[67] Следовательно, его противники, полные гнева против него, распространили самые неблагоприятные сообщения о его ортодоксальности. Они окружили его тайными агентами, которым было поручено улавливать его высказывания и следить за его действиями; и они строили между собой планы, какие действия им следует предпринять, чтобы избавиться от человека, которого они ненавидели. Эгидиус остался один; но даже один он был силой в Севилье. Если бы его врагам удалось свергнуть его, инквизиция воцарилась бы без соперника. К несчастью для этих фанатичных людей, Эгидиус насчитывал большое количество друзей среди представителей всех слоев общества. После тщательного изучения всех обстоятельств у них не хватило смелости публично обвинить его. Нужна была блестящая популярность, объектом которой он впоследствии стал, чтобы довести их раздражение до такой степени, что они решили пойти на крайние меры.

ВАЛЕРИО ОСУЖДЕН.

Инквизиторы на этом не остановились. Родриго де Валерио, после того как его выпустили на свободу на том основании, что, по их словам, он был просто сумасшедшим, воздержался по желанию своих друзей от публичной проповеди Евангелия. Не желая, однако, абсолютно ничего делать, он собрал некоторое количество своих друзей и знакомым образом истолковал им Послание святого Павла к Римлянам, этот океан, как назвал его Златоуст, который встречает нас повсюду в начале пробуждения.[68] Некоторые из тех, кто слушал его, упорствовали в вере; другие, позже, отвергли ее. Среди последних, в частности, был Питер Диас, который, оставив Евангелие, вступил в Общество иезуитов и умер в Мексике.[69] Но храбрый Родриго не мог долго подчиняться этому ограничению. Должен ли он уклоняться, сказал он себе, от того, чтобы подвергать опасности свою свободу или даже свою жизнь, когда на карту поставлено Евангелие? Другие отдавали свои жизни за меньшую цель, чем эта. Более того, он надеялся своим собственным примером воодушевить других бойцов, которые в конце концов одержат победу. Поэтому он отбросил робкие предосторожности и снова начал публично указывать на ошибки и суеверия Рима. Он снова был разоблачен и арестован инквизицией, которая на этот

раз была полна решимости не упустить мнимого сумасшедшего. Он был приговорен к пожизненному заключению и ношению *сан-бенито*, плаща желтого цвета, обычной одежды жертв инквизиции. Каждое воскресенье и праздничный день служители святой канцелярии водили Валерио, как и других кающихся, в церковь Святого Спасителя в Севилье, чтобы послушать проповедь и торжественную мессу. Он казался кающимся грешником без раскаяния. Он не мог слушать учение монахов, не показав каким-либо образом своего несогласия с ним. Иногда он вставал со своего места и, пока все собравшиеся не сводили с него глаз, задавал проповеднику вопросы, опровергал его доктрины и умолял своих слушателей позаботиться о том, чтобы они их не поняли. [70] Родриго не мог слышать доктрину, противоречащую Евангелию, без того, чтобы в нем не всколыхнулась вся его душа. Инквизиторы, твердо убежденные в его безумии, поначалу простили эти допросы, которые им казались самым ясным доказательством его болезни. Но речи этого безумца были настолько разумны, что произвели впечатление. В конце концов инквизиторы заключили его в монастырь на побережье Сан-Лукар, где ему было запрещено появляться в обществе; и здесь он умер примерно в возрасте пятидесяти лет. Его *сан—Бенито* был выставлен в столичной церкви Севильи с такой надписью: *-Родриго Валерио, лжеапостол, который выдавал себя за посланного Богом.* Именно после отъезда де ла Фуэнте из Севильи Валерио был вынесен окончательный приговор.

ГЛАВА III.

ИСПАНИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИСПАНИИ.

(1537-1545.)

Испанцы, которые в ту эпоху отличались чистой верой, были теми, кто, будучи в силу различных обстоятельств перенесен в Германию и Нидерланды, там соприкоснулись с Реформацией и ее наиболее выдающимися деятелями. Таким образом, получается, что в отношении них мы обладаем наиболее подробной информацией. Поэтому в этой и последующих главах мы призваны взглянуть на *Испанию за пределами Испании*.

ТРИ ЭНЗИНЫ.

В то время как Севилья была крупным евангелическим центром на юге и передовым городом Испании в эпоху Реформации, на севере полуострова также были города, которые отличались некоторыми примечательными особенностями, особенно Вальядолид и Бургос. Последний город, расположенный в плодородной стране и когда-то бывший столицей Кастилии, дал жизнь четверым молодым людям, которые впоследствии прославились своей преданностью Евангелию, но большую часть своей жизни провели за пределами Пиренеев. Это были Джеймс, Фрэнсис и Джон де Энзинас, сыновья уважаемого гражданина Бургоса, у которого были родственники знатного ранга и с высокими связями, и Фрэнсис Сан Романо, более скромного происхождения, но чьи родители были "хорошими честными людьми". Его отец был алькальдом Брибьески. Эти четверо молодых людей, почти ровесников, были товарищами в Бургосе. [71] По

разным причинам они покинули город в юности. Отец Энзинас, человек по-своему честолюбивый в отношении своих детей и твердо придерживающийся своего авторитета как отца, продолжал править своими сыновьями даже после того, как они достигли совершеннолетия. Он отправил их завершать образование в Лувенский университет, отчасти потому, что курс обучения там был более либеральным, чем в Испании, а отчасти потому, что у него были родственники, обосновавшиеся в Нидерландах, некоторые из которых были при дворе и пользовались благосклонностью Карла Пятого. Ему казалось, что перед их честолюбием была открыта прекрасная карьера и что, возможно, в конечном счете они достигнут высокого положения своего отца. Им действительно предстояло сделать карьеру, но более благородную и славную.

Энзины, прибывшие в Нидерланды до 1540 года, усердно занимались своими исследованиями. Все они, и особенно Фрэнсис, стремились открыть для себя все истинное и хорошее, были полны решимости донести до других истины, которые они приобрели, были полны мужества защищать их от любых нападок и с упорством оставаться перед лицом опасности верными своим убеждениям.[72] У них был испанский темперамент, глубина и пыл души, серьезность и пронизательность понимания; и некоторые недостатки их натуры были исправлены христианской верой. Их язык отличался не только величием, но и продуманностью. Чувство чести не выродилось у них в гордыню, как это часто бывает, и их религиозная вера под влиянием Евангелия была ограждена от суеверий. Они были известны под разными названиями в разных странах. Их семейное имя Энзинас, которое по-испански обозначает породу дуба, было, как обычно, эллинизировано в Германии, где они носили название Dryander, и переведено на французский язык во Франции, где их иногда называли Duchesne.

Эти трое молодых людей имели вкус к литературе и быстро в ней преуспевали. В то время как истинно благородный и либеральный склад их интеллекта отличал их от богословов, которые были фактически заключены в стенах схоластического метода и доктрины, их природная религиозность, общая черта их соотечественников, побудила их искать благочестивых людей своего времени. Двое из них были средствами перехода от римского католицизма к евангелическому протестантизму; оба они были примиренцами, которые, хотя и принадлежали преимущественно к одной из двух категорий, поддерживали в то же время некоторые отношения с другой. Один из них стоял на стороне католиков, другой - на стороне протестантов; но оба они желали примирения между Реформацией и католицизмом. Одним из этих людей был Джордж Кассандр, родившийся в 1515 году, вероятно, на острове Кассандрия, в устье Шельды. Он был хорошим ученым, в совершенстве владел языками и литературой, правом и теологией и с большой репутацией преподавал в различных университетах Нидерландов. Искренне набожный, он поставил целью своей жизни продемонстрировать согласие двух сторон в основных доктринах и попытаться объединить их. С этой целью он опубликовал различные работы.[73] Император Фердинанд позже попросил его поработать с этой целью. Энзинас связали себя с ним. Между ними возникла тесная дружба; они часто беседовали и писали друг другу, когда были в разлуке.[74] Но в то время как католики считали, что Кассандр слишком много уступал протестантам, последние, и особенно Кальвин, жаловались, что он слишком много уступал католикам. На самом деле он всегда оставался единым с римской церковью, заявлял, что подчиняется ее суждениям, и открыто осуждал раскол и его авторов.

Три брата, наделенные честным духом, были полны решимости докопаться до сути вещей. Дух Кассандра, робкий, как они думали, и неадекватность реформ, которые он считал желательными, вызвали у них неудовольствие, и они постепенно отдалились от него. Они искали лучших наставников и изучали Священное Писание. Из публичных сообщений они услышали о Меланхтоне и начали читать его труды и размышлять над ними. Он был их вторым учителем, более просвещенным, более евангельским и более прославленным, чем первый. Меланхтон в яркой форме открыл их пониманию священные Послания. Он открыл своему читателю благодать Иисуса Христа, и при этом без резкости и яростных выражений, которые иногда можно встретить у Лютера. Умеренность Меланхтона очаровала их. Они нашли своего хозяина.

ФРЭНСИС ЭНЗИНАС.

Примерно в конце 1537 года Фрэнсис Энзинас, которому тогда было от двадцати до двадцати пяти лет, был отозван своей семьей в Бургос. Его родственник, Питер де Лерма, только что подвергся судебному преследованию инквизиции. Предполагалось, что взгляды, за которые против него было возбуждено дело, должны были быть приписаны его пребыванию в Париже. Те жители Бургоса, которые отправили своих сыновей в иностранные университеты, были встревожены тем, что их дети и они сами могут подвергнуться жестокостям инквизиции. Главным образом это стало причиной возвращения Франциска в Бургос. "В то время, - говорит он, - на меня обрушились серьезные протесты со стороны моих родителей, и многие выдающиеся личности стали смотреть на меня с подозрением, потому что я не подчинился их требованиям и бросил учебу, вкус которой я уже вкусил".^[75] Его престарелый дядя, Питер де Лерма, находился в это время в Бургосе. Фрэнсис пошла к нему, и нашли его несчастным и подавленным, не в разведкусил себя на мысли, что живу в стране, где человек должен быть в согласии с инквизицией или стать ее жертвой. "Ах! - сказал он. - Я не могу больше оставаться в Испании. Образованный человек не может жить в безопасности среди стольких преследователей". Что, если бы ему было сейчас почти восемьдесят лет? Хотя от чего ему придется отказаться, если он покинет Испанию, от всего своего имущества и всех своих почестей? Он решил поискать другое пристанище, в котором он мог бы спокойно закончить свои дни. Он и слышать не хотел об отсрочке ни из-за времени года, когда больше всего следует опасаться штормов, ни из-за войны, которая бушевала за Пиренеями. Он был полон решимости немедленно покинуть Испанию. Возможно, его вдохновляла не откладывать отъезд мысль о том, что младшие Энзинас могли бы быть ему чем-то полезны в осуществлении его проекта. Старик сел на судно, направлявшееся во Фландрию. По прибытии туда он направился в Париж, где раньше проживал. Во время своего первого пребывания в столице Франции Де Лерма получил звание доктора Сорбонны; теперь он оказался самым пожилым сотрудником Университета. Его друзья, убежденные, что он подвергся несправедливым преследованиям, приняли его с большим уважением. Он провел четыре года в Париже.

Франциск вернулся в Лувен. К тому времени им овладела великая мысль. Его высшим желанием было увидеть обращение Испании к Евангелию. Итак, что же является столь могущественным средством для достижения этой цели, как донести до земли Слово Божье, и каким счастьем было бы для него обогатить свою родную страну этим сокровищем! В прежние века Библия была переведена, но инквизиция бросила ее в огонь. Не сохранилось ни одного экземпляра;^[76] и испанцы с гордостью хвастались тем фактом, что их язык никогда не позорил Книгу Божью, выставя ее напоказ непосвященным. Энзинас, как и другие, предположил, что Новый Завет

еще никогда не переводился на испанский. Поэтому он рьяно взялся за эту задачу, но когда он начал, то почувствовал, что не в Нидерландах ему было бы удобно выполнить ее. Суеверия, господствовавшие вокруг него, и неприятности, которые ему приходилось терпеть со стороны фанатичных ультрамонтанов, заставляли его страстно желать покинуть Лувен. В то же время он чувствовал необходимость посетить Виттенберг, чтобы обсудить свою работу с Лютером и Меланхтоном, чтобы извлечь пользу из их более обширных знаний. Он уже был знаком с их трудами, но хотел посоветоваться с ними и получить представление к ним.

ЭНЗИНАС И АЛАСКО.

ПИСЬМО ЭНЗИНАСА.

Энзинас познакомился с Аласко в Лувене в 1536 году, когда последний, покинув Польшу, направил свои стопы в Нидерланды. Его поразил вид польского дворянина, одновременно серьезный и кроткий, и он восхитился величием и достоинством, которыми была окутана вся его фигура.^[77] Но он еще не осознал "сокровищ, которые были спрятаны в глубине его души". Впоследствии Альберт Харденберг прибыл в Лувен. Они вместе поговорили о Джоне Аласко, и Харденберг высказался со всей теплотой друга. "Как я могу назвать вам, - сказал он, - все дары, которыми Бог наградил его, его исключительное благочестие, его чистую религиозность, мягкость и великодушие его характера, его замечательное знакомство со всеми свободными науками, его способности к языкам?... В этом отношении он превосходит всех остальных людей".^[78] Эти слова Харденберга зажгли в сердце Энзинаса горячую любовь к Аласко; и вскоре, по его словам, маленькая искра превратилась в большое пламя.^[79] Он охотно отправился бы к нему со всей поспешностью; но в Лувене его задержали непреодолимые препятствия. Он попытался написать ему, но, перечитав письмо, смущенный и встревоженный, выбросил его. Наконец он отправился в путь; но, добравшись до Антверпена, оказался вынужден вернуться в Лувен. Вскоре после своего возвращения он услышал, что жена Аласко находится там. Как мы видели, она была уроженкой этого города. Франциск поспешил к ее дому. Он увидел жену и дочь своего друга; ему почти показалось, что он видит самого друга. Он воспользовался случаем, чтобы написать человеку, к которому испытывал одну из тех больших и интенсивных привязанностей, которые иногда встречаются у здоровых натур. Он писал Аласко как солдат, стоящий рядом со своим капитаном. Похоже, родители предназначили его для военной карьеры, и он знал почти несгибаемую волю своего отца. Ему приходилось проходить через конфликты. Испанский дворянин, несомненно, с целью подтолкнуть его к карьере, которую выбрал его отец, подарил ему красивый старинный меч. "Хотя, - писал молодой воин Христа Аласко, - я бы увидел, что весь мир ополчился против меня, потому что, несмотря на советы уважаемых людей, я посвящаю себя учебе, я не стал бы пренебрегать дарами, которые Бог в своей благодати и без каких-либо заслуг с моей стороны дал мне. Я буду стремиться, как подобает мужчине, распространять истину, которую Бог открыл нам. Но для этого я должен улететь подальше от этого вавилонского плена и отправиться в какое-нибудь место, где благочестие не запрещено и где человек может посвятить себя благородным занятиям. Я решил поехать в Виттенберг, в университет, в котором так много ученых профессоров, где можно найти знания такого различного рода и который пользуется одобрением всех хороших людей. Я настолько высокого мнения о знаниях, рассудительности и педагогическом даре Филиппа Меланхтона, что только ради него, чтобы насладиться беседой и наставлениями такого великого человека, я бы полетел на край света."^[80] Помоги мне в моем

проекте. Вы можете сделать это, отправив мне письма, которые облегчат мне доступ к Лютеру, Меланхтону и другим ученым и заручатся их добрым расположением".

Это было еще не все. Энзинас передал жене Аласко в знак уважения к ее мужу старинный и ценный меч, подаренный ему испанским дворянином. "Ты спросишь меня, - добавляет он, - "Что бы ты хотел, чтобы я сделал с мечом?" Я знаю, что вы вооружены лучшим, проникающим глубже, чем любое другое, Словом Божьим. Но я посылаю вам это в знак любви, которую я испытываю к вам, и уважения, которое я испытываю к дарам, которыми Бог наградил вас". Это письмо датировано 10 мая 1541 года.

Фрэнсис Энзинас не смог сразу же отправиться в Виттенберг. Летом 1541 года ему пришлось совершить путешествие в Париж, отчасти для того, чтобы повидаться со своим старшим братом, проживавшим тогда там, а отчасти для того, чтобы навестить своего престарелого дядю, Питера де Лерма, который сейчас приближался к своему концу. Таким образом, молодой человек был со своим престарелым родственником в двух самых торжественных случаях — его отъезде из Испании и его смерти. Франциск нашел его ослабленным, но все еще наслаждавшимся использованием своих прекрасных способностей. Он часто навещал его, и у них были долгие и конфиденциальные беседы. Обходительность старика и его серьезность, не смешанная со строгостью, очаровали и восхитили Фрэнсиса,[81] который с младенчества всегда любил и почитал своего родственника, а теперь почитал за честь засвидетельствовать последнему свою почтительную привязанность. Родители написали ему из Бургоса, чтобы он как можно лучше заботился о своем престарелом дяде. Поэтому он ежедневно навещал его, и его визиты радовали сердце старика. Внезапно, в августе 1541 года, Питер де Лерма променял страдания этого мира на радости вечной жизни.[82] Восьмидесятипятилетний патриарх и двадцатипятилетний юноша были вместе в этот торжественный момент. Жизнь Фрэнсиса только начиналась в то время, когда для его дяди она подходила к концу; и первому, как и второму, предстояло испытать все ее тяготы. Как единственный представитель семьи, он оказывал старику почести и почитание до самой его смерти.[83]

В Париже Фрэнсис, как мы уже говорили, встретил своего старшего брата Джеймса, который отправился туда по приказу отца, чтобы завершить учебу; и вполне возможно, что эта встреча была истинной целью его путешествия. Джеймс, как и его брат, обладал благородным и независимым умом, чувствительной совестью и чистой и невинной натурой, которая, ничего не подозревая, проявила себя такой, какая она есть. Эта открытость характера подвергла его большой опасности. К этим качествам он добавил очень утонченный вкус, который позволял ему инстинктивно ценить произведения интеллекта и искусства. Джеймс уже был убежден в великих истинах Евангелия, но его вера укрепилась во время пребывания в Париже; и он оказал благотворное влияние на некоторых своих соотечественников, которые учились там в то же время.

МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ЛЕПЕНТРА.

В этой столице он нашел не все, что соответствовало его ожиданиям. Профессора были в основном фанатиками, у которых был очень небольшой запас знаний, но, тем не менее, они напускали на себя важный вид, хотя то небольшое количество философии, которой они обладали, делало их на самом деле менее умными, чем если бы у них ее вообще не было. У студентов было мало хорошего воспитания, и они не проявляли никакого стремления к действительно либеральным исследованиям. Джеймс Энзинас был глубоко тронут героизмом

мучеников, а жестокость их палачей заставила его содрогнуться. В один день очень молодого человека по имени Клод Лепентр, примерно двадцати лет от роду, отвели на площадь Мобер, чтобы он перенес там последнее наказание. Он прожил три года в Женеве, где, по-видимому, был учеником ювелира. В этом городе он нашел Евангелие. После своего возвращения в Париж, на свою родину, "он старался передать своим друзьям знание о вечном спасении". Некоторые люди из дома, в котором он занимался своим ремеслом ювелира, "не могли вынести сладкого запаха Евангелия от Сына Божьего", и поэтому привели его к уголовному судье, который приговорил его к сожжению заживо. Он обратился с апелляцией в парламент, который, поскольку Клод отказался отречься, добавил, что ему следует немедленно отрезать язык. Не меняя выражения лица, благочестивый молодой христианин подал свой язык палачу, который схватил его клещами и отрезал. Добавляется даже, что им он нанес мученику несколько ударов по щеке. Затем его посадили в машину, чтобы отвезти на костер. Несколько евангельских христиан, студентов и других людей, таких как Джеймс Энзинас, его друг адвокат Креспин и Юстас Кнобельсдорфский, не покидали его до самой смерти. Все трое описали его мученическую смерть. По пути на площадь Мобер он подвергся, по словам очевидцев, "бесчисленным оскорблениям, которыми они его осыпали". Но было чудесно видеть его самообладание и постоянство, и то, как он уходил из жизни с легким сердцем. Можно было подумать, что он едет на банкет. "Он по собственной воле вышел из машины и встал у столба, к которому они привязали его, намотав цепи на тело. Возбужденная против него толпа осыпала его криками и оскорблениями, но он переносил их с невыразимым спокойствием. Его язык был вырван, и он не мог говорить, но его глаза были неотрывно устремлены на небо, как на обитель, в которую он собирался войти и откуда он ожидал помощи. Палач обмазал его голову серой, а когда он закончил, с угрожающим видом показал ему зажженный факел, которым собирался поджечь кучу. Юный мученик сделал знак, что он охотно примет эту смерть. "Этот юноша, - говорит Кнобельсдорф, один из очевидцев, - казалось, был поднят на более чем человеческую высоту". "Этот самый счастливый конец, - говорит другой свидетель, Креспен, - подтвердил тех, кто начал постигать истину, о чем Господь дал на наших глазах истинное и живое свидетельство в лице Клода".^[84]

Джеймс использовал часы своего досуга для составления на испанском языке катехизиса, который, по его мнению, был приспособлен для того, чтобы запечатлеть в умах своих соотечественников великие истины Евангелия. Укрепленный в своей вере мученической смертью Клода Лепентра, уставший от своей парижской жизни и стремящийся опубликовать свою работу, он отправился в Лувен, а оттуда в Антверпен. В этом городе были созданы условия для ее печати, и корабли, направлявшиеся в Испанию, легко доставляли книги, напечатанные в этой стране. Франциск, вернувшись из Парижа, пробыл некоторое время в Бельгии, а затем отправился в Виттенберг, где была возможна свобода учебы и где можно было найти Меланхтона.

Джон Энзинас, младший из трех братьев, также любил Евангелие, но он вел более спокойную жизнь, чем старшие. Он выбрал профессию врача и поселился в Германии. Он стал профессором Марбургского университета и приобрел определенную репутацию благодаря своим работам по медицине и астрономии, а также изобретению различных инструментов, полезных для развития этих наук. Но в анналах Реформации его имя менее заметно, чем имя его братьев.

SAN ROMANO.

Другой молодой испанец, как и Энзины, уроженец Бургоса и их друг, был в 1540 году в Антверпене, куда уже отправился Иаков, и Франциск тоже должен был отправиться. Сан Романо, о котором мы упоминали ранее, посвятил себя торговле, и деловые дела призвали его в Нидерланды. В Антверпене была ярмарка, во время которой купцы из разных стран обычно сводили свои счета. Поскольку Сан Романо был очень умным молодым человеком и, более того, уже был знаком с бременскими купцами, их кредиторы, его соотечественники, поручили ему отправиться в Бремен, чтобы потребовать и получить то, что им причиталось. С ним был связан еще один испанец. Следует помнить, что Якоб Спренг, ректор антверпенских августинцев, нашел убежище в этом городе после своего бегства от преследований инквизиторов. Теперь он проповедовал там Евангелие с большой силой.^[85] Сан Романо, чье дело завершилось не так быстро, как ему хотелось бы, желал узнать что-нибудь об доктрине, которая проповедовалась в Германии и которую ненавидели в Испании. Хотя он очень плохо знал немецкий, он вошел в церковь. Он подошел поближе, прислушался, и вскоре его внимание было приковано к ней. К своему великому удивлению, он понял всю проповедь.^[86] Он был чрезвычайно заинтересован, просвещен и убежден. Он почувствовал себя пронзенным стрелой из руки Бога,^[87] и был очень тронут. Речь оратора заставила его сердце воспламениться.^[88] Происходило что-то новое и странное. Как только служба закончилась, он, забыв обо всех делах, поспешил к проповеднику. Тот принял его с большой добротой и отвел в свой дом.

Там, когда они остались одни, Сан Романо напомнил Спренгу то, что он сказал, повторив всю речь так, словно выучил ее наизусть. Он рассказал ему о впечатлении, которое это произвело на его сердце, и поэтому искренне умолял его: "Пожалуйста, объясни мне более ясно это учение, которое мне начинает нравиться, но которое я еще не до конца понимаю". Пастор был поражен горячностью молодого человека и его внезапным обращением. Живость его новорожденной веры, которая, казалось, была полна решимости подчинить себе все, этот первый порыв поразительного преобразования, поразили его. Он советовал Сан Романо сдерживать себя и не терять благоразумия; но в то же время он тщательно и доброжелательно учил его великим истинам спасения. Сан Романо оставался в доме пастора три дня. Ничто не могло заставить его выйти. Казалось, он забыл о деле, по которому приехал в Бремен. Божественный свет все более и более ясно сиял в его сознании. За эти три дня он полностью изменился, подобно Павлу в Дамаске, и стал новым человеком.^[89]

По истечении этого времени Сан Романо отошел, чтобы уделить немного внимания своему делу, доверил его своему спутнику, а затем несколько раз возвращался, чтобы продолжить беседу со своим новым проводником. Слова Евангелия завладели им; они были его единственной темой для размышлений днем, его единственной мечтой ночью.^[90] Он не пропускал ни одной проповеди Спренга. Вернувшись к себе домой, он записал их, а затем зачитал пастору. Более того — он открыто исповедовал истину, которую узнал. "Этот человек, - подумал Спренг, - определенно не такой, как весь остальной мир. Другие люди добиваются постепенного прогресса, но он научился всему за несколько дней. Кажется, что он пропитан Словом Божиим, хотя очевидно, что он так мало из него прочел. Он презирает мир и мирскую жизнь; он презирает все ради Христа, чье Слово он бесстрашно распространяет повсюду".^[91] Он беспокоился не только о спасении окружающих, но и писал длинные письма своим друзьям в Антверпен. "Я благодарю Бога, - сказал он им, - который привел меня к человеку, с помощью которого я нашел Иисуса Христа, моего истинного Спасителя, и от которого я получил знание

Священного Писания, которым я не могу достаточно дорожить". Он призвал их всех обратиться к Богу, если они не хотят навеки погибнуть с теми, кто ввел их в заблуждение. Сетую на жестокость Испании и слепоту испанцев, он сказал: "Увы!" - "Они не откроют свои глаза, чтобы созерцать славный свет Евангелия, и не прислушаются к ясным советам Бога, который призывает их к покаянию". Поэтому он принял решение. "Я намереваюсь, - сказал он, - вернуться в Антверпен, чтобы посмотреть, не сможет ли свет божественного знания просветить сердца моих друзей. Затем я отправлюсь в Испанию, чтобы попытаться обратить к истинному поклонению Богу моих родственников и весь наш город, который в настоящее время окутан ужасающей тьмой идолопоклонства".[92] В пылу своей первой любви Сан Романо вообразил, что ничто не может устоять перед правдой, всю сладость и силу которой он сам так хорошо знал. Но, увы! именно пламенем мученичества ему было суждено осветить свою страну.

ЕГО ПИСЬМА КАРЛУ V.

Его рвение больше не знало границ. Он написал Карлу Пятому, искренне призывая его достойно признать великие благодеяния Бога, добросовестно выполняя свой долг. "Уладьте разногласия христианского мира, - сказал он, - чтобы слава Божья могла проявиться вашими средствами в мире; восстановите в Испании и во всех странах, подвластных вашему влиянию, чистое учение о Христе, нашем Спасителе". Так Сан Романо писал императору два или три раза. В то же время он написал несколько евангелических книг на испанском языке. Все это было сделано за месяц, самое большее за сорок дней, пока он ожидал ответа на письма, которые он написал в Антверпен.

Это было хорошо воспринято его друзьями, и они сразу поняли, от какой болезни он страдает.[93] Они были далеки от мысли о собственном спасении, как он умолял их, они думали только о том, как погубить его, и использовали всю свою изобретательность, чтобы заманить его в ловушку. "Ах! - писали они с нежностью. - Если только ты вернешься в Антверпен, великие дела, о которых ты говоришь, без малейшего сомнения, будут совершены". В то же время они пришли к соглашению с монахами-доминиканцами, некоторых из которых они назначили следить за моментом, когда он должен будет войти в город. "Вы должны схватить его, - сказали они, - вы должны расспросить его о его отце, и если он хоть в малейшей степени отличается от вас по этому вопросу, вы должны предать его смерти или бросить в какую-нибудь яму, в которой он будет похоронен как живой труп".[94]

АРЕСТ САН-РОМАНО.

Бедняк, которого ответ его друзей наполнил надеждой и радостью, вскочил на коня, говоря себе, что он без особого труда сможет обратить всех испанцев в истинную религию. Он прибыл, миновал ворота и въехал в город; но внезапно монахи, сидевшие в засаде, окружили его, стащили с лошади и отвели как пленника в дом торговца, который был предан их делу.[95] Там они связали его по рукам и ногам и начали обыскивать его багаж. Они нашли в нем довольно много книг на немецком, французском и латыни; некоторые были написаны Лютером, другие Меланктоном, а остальные - Николампадием и другими столь же подозрительными авторами. Они даже обнаружили, к своему великому ужасу, оскорбительные фотографии папы римского. Они сердито повернулись к нему, говоря: "Ты совершенный лютеранин". Сан-Романо, так неожиданно попавший в засаду, был смущен, взволнован и пылал гневом. Он был истинным испанцем, спокойным, пока его ничто не беспокоило, но когда его что-либо задевало, давал волю страстям охваченной огнем души. Он слишком мало знал Евангелие, чтобы стать мудрым,

как змей, и безвредным, как голубь. Он больше не был хозяином себе. "Вы негодяи", - [96] воскликнул он. "Я не лютеранин, но я исповедую вечную мудрость Сына Божьего, которого вы ненавидите. А что касается твоих мечтаний, твоего обмана, твоих порочных доктрин, я ненавижу их всем своим сердцем". "В чем же тогда твоя религия?" - спросили монахи. "Я верю в Бога Отца, Творца всего сущего, - ответил Сан Романо, - и я верю в Бога Сына, Иисуса Христа, который искупил человечество своей кровью и который, освободив их от рабства дьявола, греха и смерти, утвердил их в свободе Евангелия". "Верите ли вы, - спросили монахи, - что папа Римский является наместником Христа, что все сокровища церкви находятся в его руках и что у него есть власть создавать новые символы веры и отменять другие?" - Спросил я. не верьте ничему подобному! - в ужасе воскликнул Сан Романо. "Я верю, что папа, подобно волку, разгоняет, сбивает с пути истинного и разрывает на куски бедную овечку Иисуса Христа". "Он богохульствует!" - сказали испанцы. "Вы будете преданы смерти и преданы огню", - закричали монахи. "Я не боюсь умереть, - ответил он, - за того, кто пролил свою кровь за меня". Затем монахи разожгли костер, но они удовлетворились тем, что сожгли все его книги у него на глазах. Но когда он увидел, что Новый Завет брошен в огонь, он больше не мог сдерживаться. "Он сошел с ума", - сказали испанцы; и они отнесли его, связанного, в некую башню, в шести лье от Антверпена, где продержали восемь месяцев в темной темнице. Признавая, однако, что недостаток умеренности был простителен в состоянии крайнего возбуждения, в которое он был повержен, его соотечественники добились освобождения его.

Затем Сан-Романо отправился в Лувен, зная, что найдет там друзей Евангелия. Здесь он встретился с Франсисом Энцинасом, который еще не отправился в Париж и который, зная неопытность, смелость и рвение своего соотечественника и подстерегающие его опасности, говорил с ним откровенно и мудро, советуя ему не предпринимать, как он намеревался, обращения всей Испании. "Оставайтесь, - сказал он, - в призвании, к которому призвал вас Бог; возможно, вы сможете принести много пользы в своем деле. Не заставляйте себя говорить о религии с каждым встречным человеком или кричать, как сумасшедший, во весь голос на улицах и в общественных местах. Возможно, вы не сможете ни ответить на аргументы ваших оппонентов, ни подтвердить свои собственные авторитетными источниками. Если вы понадобитесь Богу, он призвет вас, и тогда настанет время подвергнуть себя всем опасностям". "Вы говорите правду, - ответил Сан Романо, - и на будущее"[97] Я буду говорить более скромно.

САН-РОМАНО В РАТИСБОНЕ.

Но в этом молодом человеке горел огонь, который ничто не могло погасить. Его главной страстью было желание сделать все, что в его силах, что, по его мнению, было направлено на спасение человечества и прославление Бога. Он обладал удивительной пылкостью духа, которая побуждала его к постоянным усилиям, даже к тому, что многие, возможно, назвали бы избытком благочестия и милосердия. Это часто случалось с самыми выдающимися христианами. Слова Писания были правдивы о нем: *Ревность о доме твоём поглотила меня*. Едва он пообещал Энцинасу быть более осмотрительным, как тот с несколькими друзьями отправился в Ратисбон, где в апреле (1541 г.) открылся Императорский сейм и где в то время находился Карл Пятый. Принц, как они говорили, проявлял большую благосклонность к протестантам. На самом деле он желал заручиться поддержкой евангелической партии в войне против турок, которые нападали на Австрию.[98] Поэтому Сан-Романо считал момент благоприятным для попытки обращения Чарльза. Он не стал упоминать о своем замысле своим

спутникам. Однако, продолжая свой путь в молчании, он рассуждал про себя, что истина Евангелия очевидна и что если император, которого испанцы считали владыкой мира, однажды примет его, он распространит его по всему христианскому миру. И он подумал, что если вульгарные страхи помешают ему поговорить с Чарльзом, он возьмет на себя огромную ответственность.

Не успел он прибыть в Ратисбон, как попросил аудиенции у императора и получил ее. Он умолял его использовать свою власть для подавления фанатичных действий инквизиции. "Сир, - сказал он, - истинную религию можно найти среди протестантов, а испанцы погрязли в отвратительных заблуждениях. Примите достойно истинное учение о Сыне Божьем, которое так ясно провозглашается в германских церквях. Подавите всякую жестокость, восстановите истинное поклонение Богу в ваших государствах и сделайте так, чтобы доктрина спасения была провозглашена по всему миру". Какой бы длинной и смелой ни была речь Сан Романо, император выслушал ее очень терпеливо. Это была не просто разглагольствование.^[99] "Я принимаю это дело близко к сердцу, - любезно ответил Чарльз, - и не пожалею для этого сил". Сан-Романо удалился, полный надежды.

В это время в Ратисбоне проходило совещание между романистами и евангелической партией, которые по просьбе императора пытались прийти к соглашению. Умеренность Чарльза вполне могла быть результатом его желания не делать ничего, что могло бы помешать соглашению. Но не было проявлено никакого желания воздать справедливость Реформации. Напротив, Лютер писал курфюрсту Саксонии: "Все это - всего лишь чистый папистский обман. Невозможно привести Христа и Змея к соглашению".^[100] Фанатичные католики, как немцы, так и испанцы, уже совершали акты жестокости по отношению к евангельским христианам. При виде этого зрелища Сан Романо почувствовал, что его надежды рушатся. Однако он не пал духом, а с большой смелостью обратился во второй и третий раз к императору, не получив от него ничего, кроме милостивых ответов.

ВТОРОЙ АРЕСТ САН-РОМАНО.

Испанцы из свиты Чарльза были менее политичны, чем он сам, и они выказывали сильное раздражение из-за языка своего соотечественника. Поэтому, когда молодой христианин из Бургоса пожелал в четвертый раз поговорить с монархом, его увели и посадили в тюрьму. Их ярость достигла высшей точки, и, устав от проявленного к нему внимания, они были готовы схватить дерзкого молодого человека и без дальнейших церемоний бросить его в Дунай.^[101] Император предотвратил это и приказал судить его в соответствии с законами империи. Затем его бросили в глубокую темницу, где держали в цепях. Согласно некоторым сообщениям, его привязывали к колесам колесницы, тащили в свите императора и даже перевозили в Африку,^[102] куда Карл в это время сам отправился в знаменитую экспедицию. Эта история кажется нам очень неправдоподобной. Как бы то ни было, в тот день, когда он был освобожден из тюрьмы, его жестоко связали и заковали в цепи вместе с настоящими преступниками, без малейшего учета его социального положения или причины, за которую он был арестован, и таким образом везли на жалкой телеге то ли в Африку, то ли в Испанию. Один из испанцев, сопровождавших его по дороге из Лувена в Ратисбон, подошел к повозке и, удивленный варварским обращением с его другом, спросил его: "Что все это значит? Почему вы здесь, в компании преступников, и с вами обращаются с таким позором?" Бедный Сан Романо,

непоколебимый в своей вере и надежде, поднял руки так высоко, как только мог, говоря: "Ты видишь эти железные цепи? Они окажут мне в присутствии Бога большие почести, чем вся пышность императорского двора. О славные узы! вскоре ты засияешь, как корона из драгоценных камней. Ты видишь, брат мой, как связаны мои руки и ноги и как все мое тело, отягощенное этими кандалами, приковано к повозке, не имея возможности пошевелиться. Но все эти узы не могут помешать моему духу, над которым император не имеет власти, быть совершенно свободным,^[103] ни подняться в жилище вечного Отца, чтобы созерцать небесное, ни постоянно обновляться там в приятном обществе святых. Ах, молю Бога, чтобы узы этого смертного тела были уже разорваны и чтобы моя душа могла прямо сейчас улететь в мой небесный дом! Я твердо уверен, что вскоре вместо этих преходящих цепей справедливый Судья дарует мне вечную радость в славном присутствии Божьем". Такова была вера мучеников Реформации. В них было что-то свободное, *liberrimus animus*. Там эмперору нечем было командовать, нечего было сказать. Так получилось, что после ночи и неволи средневековья наша современная свобода обрела свой расцвет. Святое и славное происхождение! Друг Сан Романо был так поражен и тронут этими словами, что "пролил поток слез". Его горе было настолько сильным, что он не мог говорить и отвечал только слезами и вздохами. Но вскоре охранники, возможно, заметив этот разговор, поехали дальше на большой скорости, и друзей разделили.^[104]

Сан Романо по прибытии в Испанию был передан инквизиции Вальядолида. Инквизиторы бросили его в темную тюрьму, "самую ужасную подземную дыру", - говорит французский переводчик. Они подвергли его гораздо более жестокому обращению, чем он когда-либо испытывал от солдат; и он страдал больше, чем от великих опасностей, которым подвергся на море, от цепей, которыми его заковали, и от тысячи других мучений. Это произошло в 1542 году, и Сан-Романо пробыл в тюрьме около двух лет.^[105]

ГЛАВА IV.

НОВЫЙ ЗАВЕТ НА ИСПАНСКОМ, ПОДАРЕННЫЙ КАРЛУ ПЯТОМУ ЭНЦИНАСОМ.

(1542-1545.)

В то время, когда происходили эти события, Фрэнсис Энцинас работал в Виттенберге под присмотром Меланхтона над своим переводом Нового Завета. Наконец работа была завершена, и оставалось только напечатать ее и отправить в Испанию. Для этого Энцинас должен был отправиться в Антверпен. Поэтому он отправился из Виттенберга в январе 1543 года, сразу после того, как его друг Сан Романо был заключен в темницы Вальядолида. Сначала он проследовал по очень плохим дорогам в разгар зимы в Эмбден, где пожелал повидаться с Джоном Аласко. "Мы посоветовались по нескольким вопросам, о которых он, без сомнения, сообщил вам", - писал Франциск Меланхтону. Оттуда он отправился в монастырь Аднард, расположенный по соседству с Гронингеном, где в то время находился Харденберг. Уважение этого человека к Евангелию ослабло, и он решил провести остаток своих дней в покое в своем монастыре. Энцинас пытался побудить его открыто исповедовать учение Евангелия. В этом он

преуспел. Харденберг покинул монастырь и отправился в Кельн. Франциск отправился в Лувен, куда прибыл в марте 1543 года.^[106]

ЭНЦИНАС В ЛУВЕНЕ.

Момент был неподходящий. Инквизиция и сама светская власть готовили свои ужасы. В городе царило подавленное волнение; ненависть или страх были повсюду. У Энцинаса было много друзей в городе; но, зная, что он родом из Виттенберга, и притворяясь, что от него "пахнет серой", те, с кем он был наиболее близок, отнюдь не расточали ему знаков нежной привязанности, как прежде, оставались немыми и трепетали в его присутствии. Он хорошо понимал причину. На следующий же день после его прибытия генеральный прокурор Питер дю Фиф, как мы видели в другом месте, бросил в тюрьму,^[107] всех евангелистов, которые попали в его руки. Дядя, который жил у Энцинаса в Антверпене, дон Диего Ортега, пригласил его навестить, и в этом городе его приняли с распростертыми объятиями. В этот период он попеременно находился в Антверпене, Брюсселе и Лувене.

Преследование, обрушившееся на многих его друзей, теперь занимало все его мысли; но когда буря несколько утихла, его проект публикации перевода Нового Завета на испанский язык снова привлек его внимание. Будучи скромным, как обычно бывают выдающиеся люди, он почувствовал некоторое колебание, когда подумал о том, насколько это великое предприятие, особенно для такого молодого человека, как он сам. "Я не желаю, - сказал он, - выполнять эту работу, повинаясь только своему собственному импульсу". Поэтому он проконсультировался с несколькими людьми, принадлежащими к разным нациям и известными своей образованностью и мудростью. Все они одобрили его проект и умоляли ускорить печатание. "Со времени рождения Иисуса Христа, - говорили некоторые монахи, даже из числа суеверных, - испанскому народу никогда не предлагалось такого великого блага". "Я бы пожелал, - сказал другой, - увидеть эту книгу напечатанной, будь она даже моей собственной кровью".^[108] Энцинас предпринял еще один шаг, еще более скромный, который мог бы скомпрометировать его. Было необходимо, чтобы богословские книги получали разрешение теологического факультета. "Несомненно, - сказал Энцинас, - этого никогда не требовалось и не должно требоваться для Священного Писания. Но это неважно." Он отправил свой перевод декану Лувена через своего знакомого монаха. Члены профессорско-преподавательского состава, посоветовавшись, ответили: "Мы не знаем испанского; но мы знаем, что каждая ересь в Нидерландах возникла из чтения священных книг на вульгарном языке. Поэтому было бы целесообразно не давать простым людям в Испании возможности опровергать постановления Церкви словами Иисуса Христа, пророков и апостолов."^[109] Но поскольку император этого не запрещал, мы не даем ни разрешения, ни запрета.' Этот ответ был, по крайней мере, искренним.

ИСПАНСКИЙ НОВЫЙ ЗАВЕТ.

Энцинас не придавал большого значения советам лувенских богословов, но эта работа имела бы гораздо больший тираж, если бы была разослана с их разрешения. Теперь и благоразумие, и рвение побуждали его сделать все, чтобы обеспечить успех своего предприятия. Получив такой отказ, он удовлетворился тем, что передал свою рукопись испанским ученым, которые заявили, что они сопоставили наиболее важные отрывки и нашли перевод очень точным. Поэтому они настоятельно просили его ускорить публикацию столь полезного труда.^[110] Теперь он снова отправился в Антверпен, намереваясь напечатать там свою книгу; но вскоре он обнаружил, что

его обращения к теологам Лувенского университета путем распространения в определенном кругу отчета о своем предприятии было достаточно, чтобы создать на его пути серьезные препятствия.

Действительно, в то время в Нидерландах были высокопоставленные лица Испанской церкви, глаза которых были открыты и которые не преминули бы приложить все усилия, чтобы воспрепятствовать печатанию Священного Писания на испанском языке. Среди других был архиепископ Компостеллы Дон Гаспард'Авалос, человек, которого испанские преданные считали, из-за совершенства его ультрамонтанской доктрины, божеством среди смертных,^[111] но которого здравомыслящие люди считали фанатиком. Преисполненный отвращения к святому учению Евангелия, он пользовался любой возможностью, чтобы бороться с ним и искоренять его. Он был первым, кто выступил против перевода Энзи́на. "Публикация Нового Завета на испанском языке, - сказал он, - является преступлением, достойным смертной казни". Однажды, когда архиепископ и переводчик оба были в Антверпене, первый проповедовал. Присутствовали испанцы, которых в то время в Антверпене было много, и многие другие пришли просто из любопытства. Энзи́нас проскользнул в церковь и, желая хорошенько послушать, преуспел в том, чтобы расположиться поближе к знаменитому проповеднику. Последний, по вкусу римских священников, произнес противоречивую проповедь, и следует признать, что у него были на то причины. Он громыхал против книг, в которых излагалось учение Евангелия. Он не проповедовал, сказал Энзи́нас, он орал и стремился яростным криком расшевелить свою аудиторию и подвигнуть народ к мятежу.^[112] Он пошел еще дальше. Не называя имени Энзи́на, он бросал в его адрес непристойные слова, даже не подозревая, что человек, на которого он нападал, сидел рядом с ним.^[113]

Франциск, после или до этой проповеди, мы не знаем, пошел к печатнику Стефану Меердманну, и состоялся следующий разговор: —

Энзи́нас: "Готовы ли вы напечатать испанский перевод Нового Завета?"

Меердманн: "Вполне готов; такой работы желают многие".

Энзи́нас: "Нужна ли какая-нибудь лицензия?"

Меердманн: "Император никогда не запрещал печатать Священное Писание, и Новый Завет был напечатан в Антверпене почти на всех европейских языках. Если ваш перевод верен, он может быть напечатан без разрешения".

Энзи́нас: "Тогда готовьте свои печатные издания; я беру на себя ответственность за перевод; вы берете на себя ответственность за публикацию. Конечно, я несу все расходы сам."

ЕГО ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ.

Во всем этом не было ничего скрытого. Предприятие Энзи́на было хорошо известно, и одни одобряли, в то время как другие порицали его. Любой желающий мог быть допущен в дом переводчика. Однажды, когда с ним были несколько членов его семьи, и прежде чем он отправил копию в типографию, старый доминиканский монах, почуявший под всем этим какой-то еретический замысел, постучался к нему в дверь. После обычных приветствий он взял первую страницу, которая лежала на столе в рукописи и содержала заголовок и послание императору. Монах прочитал: *Новый Завет, то есть Новый Завет нашего Искупителя и*

единственного Спасителя Иисуса Христа. Франциск сказал "Завет" потому что заметил, что слово "Завещание" не совсем понятно; и он вставил это слово "только" перед словом "Спаситель", чтобы рассеять столь распространенную среди испанцев ошибку признания других спасителей, помимо Сына Божьего. "Завет, - сказал монах, - ваш перевод верен и хорош, но слово "Завет" режет мне слух; это совершенно лютеранская фраза". "Нет, это фраза не Лютера, - сказал Энцинас, - а пророков и апостолов". "Это невыносимо", - продолжил монах. - "Юноша, родившийся вчера или позавчера,[114] утверждает, что учит мудрейших и старейших людей тому, чему они учили всю свою жизнь! Я клянусь своим священным капюшоном[115] что ваш замысел состоит в том, чтобы поить души людей ядовитыми напитками Лютера, искусно смешивая их со святейшими словами Нового Завета". Затем, повернувшись к родственникам Энцинаса, он начал ругаться как сумасшедший, пытаясь трагическими словами настроить против себя собственную семью. Действительно, едва монах закончил, как Фрэнсиса окружили его родственники, умолявшие его, из любви к ним, стереть это злополучное слово. Он сделал это, чтобы не обидеть их, но оставил фразу "единственный Спаситель", против которой монах не возражал. Затем он отправил листы в типографию, которая запустила их в печать и обработала большое количество.

Получив этот первый печатный лист, Энцинас, проявив чрезмерную осторожность, передал его своему знакомому испанцу, пожилому, хорошо информированному и влиятельному человеку. "Единственный Спаситель!" - воскликнул он, увидев название. "Если я дам вам совет, опустите слово "только", которое вызовет серьезные подозрения". Энцинас объяснил свои причины. Испанец признавал истинность этой доктрины, но отрицал целесообразность ее столь заметного выдвижения. Это слово было опущено, и лист пришлось перепечатать.[116] Все издание было готово некоторое время спустя.

PEDRO DE SOTO.

Сейчас было начало ноября 1543 года. Император только что начал войну против герцога Клевского, победил его и получил по Венлоо-скому мирному договору часть владений этого князя. Мать герцога, принцесса Мария, умная женщина, умерла от горя и негодования;[117] но император гордился своими достижениями и думал только о продолжении своих триумфов любого рода. Этой победой Карл был обязан, в частности, своим испанским войскам. Его сопровождало множество испанцев всех рангов, и он только что назначил своим духовником доминиканца с полуострова Педро де Сото, который впоследствии стал первым богословом Пия IV в третьем созыве Тридентского собора. В то время Сото считался как в Нидерландах, так и в Германии одним из самых ревностных римских священников. Он стремился завоевать невежественные умы и знал, как снискать расположение великих людей. Поскольку в его распоряжении была совесть императора, он "внушил ему свое уважение" от,[118] таким образом извратив чувства принца, который был полон милосердия", - говорит Энцинас. Но это предполагаемое великодушие со стороны Чарльза было иллюзией. Политика была его главным руководящим мотивом, и он был милосерден или суров, в зависимости от того, чего требовали интересы его честолюбия. Однако верно, что Сото стремился как своими проповедями, так и другими способами воспламенить умы людей, и особенно Чарльза, против тех, кого он называл еретиками. Всякий раз, когда доминиканец проповедовал перед Карлом Пятым и его двором, его можно было видеть входящим в церковь со смиренной позой, втянув голову в плечи,

надвинув капюшон на лоб, уставив глаза в землю и сложив руки.[119] Можно было подумать, что он человек, умерший для мира, который созерцает только небесные вещи и который и мухи не обидит.[120] Он взошел на кафедру, откинул капюшон и торжественно приветствовал императора, а также принцев и лордов, которые его окружали. Затем он начал свою проповедь, говоря тихим голосом и медленно произнося слова, но четко и твердо, так что его слова еще более глубоко запали в сердца людей. Он с энтузиазмом вспоминал религию своих предков и превозносил благочестие и рвение Чарльза. Затем, притворяясь все более и более тронутым, он со вздохами и слезами сожалел о разрушении религии и нападках на достоинство священника и заклинал императора идти по пути, намеченному для него его предшественниками. Проникнув таким образом с помощью притворной скромности в сердца своих слушателей, он смело поднял голову, дал волю страсти, которая его одушевляла, и пустил в ход могущественные уловки, подсказанные ему Лукавым.[121] Он обрушил на своих противников громы своего красноречия; он направил на них тысячи стрел и подчинил себе аудиторию. Но если его ярость застала собрание врасплох, то он шокировал многих, которые с изумлением подумали: "Мы могли бы вообразить, что слушаем человека, спустившегося из обители богов на Олимпе, чтобы объявить о тайнах, которые он узнал от Юпитера". "Он был охвачен, - сказал один из его слушателей, - дьявольской яростью и казался жрецом мистерий, жестикулирующим и прыгающим в хоре фурий".[122] Он осадил разум императора и воспламенил принцев ненавистью к божественному учению. Это он исказил и опорочил; и он стремился всеми средствами погасить спасительный свет Евангелия, который Бог вновь зажег посреди тьмы. Повернувшись к императору и принцам, он провозгласил пророческим голосом, что Бог не будет благосклонен к ним до тех пор, пока они не уничтожат отступников огнем и мечом. Он закончил свою речь только после того, как ему показалось, что своим громоподобным красноречием он заставил своих слушателей сжечь всех лютеран.

ОН ПОДСТРЕКАЕТ К ПРЕСЛЕДОВАНИЮ.

Тем не менее было совершенно очевидно, что император не всегда проявлял такое усердие, какого требовал от него Де Сото в своих мятежных речах. Поэтому, встревоженный и опечаленный тем, что монарх, казалось, "отступил перед преследованиями", он обратился к нему наедине, убеждая его исповедаться; и именно в уединенной комнате, в которой он принимал как кающегося владыку мира, он стремился, нанося сильные удары, подтолкнуть Карла к преследованиям. "Пресвятое Величество, - сказал он, - вы монарх, которого Бог возвел на высшую ступень чести, чтобы вы могли защищать Церковь и мстить нечестивцам, а я человек, которого Бог назначил управлять вашей совестью. Как известно вашему величеству, мне была дана власть отпускать грехи и удерживать их. Если ваше величество не очистит Церковь от скверны, я не смогу отпустить вам грехи, *ego non possum te absolvere*". Он даже пригрозил ему гневом Божьим и адскими муками. Чарльз, которого было легко запугать — даже, как мы знаем, приближением кометы, — "вообразил себя уже погруженным в бездну ада".[123] Монах, поняв это, настаивал на своем и не произносил отпущения грехов до тех пор, пока не вырвал у государя обещание предать еретиков смерти.

Этот рассказ современника кажется нам совершенно достоверным. Однако есть один момент, за которым мы не можем последовать. Мы не верим, что Де Сото был лицемером и прибегал к мошенничеству и государственной измене, как, по-видимому, думает этот автор. Духовник Чарльза был, как мы полагаем, фанатиком, но искренним фанатиком; он действительно считал себя обвинителем эррора.

Как только Де Сото получил обещание Шарля, он поспешил в Гранвеллу. При дворе поговаривали, что эти два человека заключили соглашение, в силу которого первый министр никогда не перечил духовнику в вопросах религии. Возможно, это и так; но мы считаем, что Карл нелегко подчинил свои замыслы фанатизму священников и, повторяем, не отдал бы им бразды правления, если бы это не соответствовало его политике.

24 ноября 1543 года Карл Пятый, подписав Венлоо-ский мирный договор, въехал в Брюссель, вероятно, через Лувенские ворота. Другой персонаж вошел в город в то же время, но через ворота Антверпена. Это был Фрэнсис Энцинас. Он, как мы уже говорили, посвятил свой перевод императору. "Пресвятое величество, - сказал он в этом посвящении, - благодаря версиям Священного Писания все люди теперь могут слышать, как Иисус Христос и его апостолы говорят на своих родных языках о тайнах нашего искупления, от которых зависят спасение и утешение наших душ. Новые версии сейчас постоянно публикуются во всех христианских королевствах, в Италии, Фландрии и Германии, которая наводнена ими. Одна Испания остается изолированной в своем уголке на окраине Европы. Мое желание - быть полезным, в меру своих способностей, своей стране. Я надеюсь, что ваше величество одобрит мою работу и защитит ее своей королевской властью." Это посвящение было датировано Антверпеном, 1 октября 1543 года.

Энцинас не хотел, чтобы его книга выставлась на продажу до тех пор, пока он не представит ее императору; и он приехал в Брюссель, чтобы посоветоваться со своими друзьями о том, куда ему следует отправиться и как ему следует действовать дальше. Как только он прибыл, то направился ко дворцу, где, без сомнения, проживал кто-то из его знакомых. Приблизившись, он, к своему великому удивлению, увидел самого императора, только что прибывшего ко двору в окружении многочисленной свиты.^[124] При виде этого Франциск очень обрадовался. "Какое счастливое предзнаменование! - подумал он. - эта удачная встреча, несомненно, должна вселить в меня надежду на успех моего дела".

Теперь вопрос заключался в том, как получить доступ к Чарльзу. У Франциска де Энзинаса, семья которого занимала почетное положение, было несколько выдающихся родственников и друзей при дворе,^[125] к кому он мог обратиться. Поэтому он отправился к ним домой, но, к своему великому разочарованию, узнал, что некоторые из них еще не прибыли в Брюссель; а посетив остальных, он обнаружил, что эти великие личности были неверующими, которые насмехались над религией как над чем-то гораздо более недостойным их. Для них это был всего лишь инструмент управления, и они вовсе не были склонны идти на компромисс с императором, становясь покровителями лютеранства. Энцинас удалился, разочарованный в своих ожиданиях. "Конечно, - сказал он, - я не буду просить их использовать свое влияние в пользу работы, которую они ненавидят. Более того, поскольку я связан с ними либо дружбой, либо кровными узами, я не желаю раздражать их или причинять им вред". Что же тогда оставалось делать?

ЭНЗИНЫ ПЕРЕД ИМПЕРАТОРОМ.

При дворе был один епископ, пользовавшийся большим расположением императора. Это был дон Франсиско де Мендоса, сын первого маркиза Мондехара, епископа Хаэна, городка недалеко от Гранады и Кордовы. Это был мужчина в расцвете сил, серьезный, искренний и с открытым сердцем, чистый в жизни и любящий благочестие. Однажды в субботу Энцинас отправился во дворец, в котором жил епископ. Последний тепло принял своего молодого и благородного соотечественника и, узнав, что тот пришел поговорить с ним о своем переводе

Нового Завета, проявил живейший интерес к этой работе.[126] "Я предлагаю вам свои услуги в этом вопросе, - сказал он, - и я использую все свое влияние на императора, чтобы побудить его благосклонно отнестись к вашей работе. Возвращайся ко мне завтра, и тогда мы увидим его величество". На следующий день было воскресенье. Во дворце кипела огромная толпа, и велись великолепные приготовления к торжественной мессе, которую предстояло отслужить в присутствии императора. Присутствовало значительное количество музыкантов, инструментов и певцов. Энзинас отпрянул назад при виде этих приготовлений. "Я вернусь в город, чтобы повидаться с некоторыми из моих ученых друзей, - сказал он, - и оставлю их играть свою пьесу на досуге".

После мессы он пришел снова. Епископ послал за ним и провел в зал, где был накрыт стол для императорского обеда. Вскоре прибыл Чарльз в сопровождении множества принцев и лордов. Он вошел с большим достоинством и сел за стол в одиночестве.[127] Епископ и Энзинас стояли напротив него во время трапезы. Зал был полон принцев и знати. Некоторые из них прислуживали за столом, кто-то разливал вино, а кто-то убирал посуду. Все взгляды были прикованы к одному человеку. Карл Пятый сидел там, как идол, окруженный своими почитателями. Но он был вполне достоин той роли, которую ему предстояло сыграть. Энцинас внимательно наблюдал за серьезностью его внешности, чертами его лица, грацией его движений и героическим величием, которые, казалось, были частью его натуры. Молодой испанец был так глубоко погружен в медитацию, что забыл о цели, которая привела его сюда. Наконец он вспомнил об этом; но огромное количество принцев и лордов вокруг него и беседа, которую ему предстояло иметь с императором, показались ему чем-то настолько необычным, что его охватил страх. Однако ощущение величия своего дела вернуло ему некоторую уверенность в себе. "Ах! - подумал он. - Если бы все князья мира собрались здесь, я бы смотрел на них как на людей, назначенных Богом для успешного осуществления моего проекта". И снова мысль о том, чтобы обратиться к этому величественному, таинственному существу, которое сидело здесь в одиночестве и молчании, окруженное величайшими персонами империи, возбудила в нем живейшее волнение. Среди его волнения ему пришли на ум эти слова из Священного Писания: *Я буду говорить о твоих свидетельствах и перед царями, и не постыжусь*. Эти слова, часто и пылко повторявшиеся в глубине его души,[128] возродили его угасающее мужество. "Теперь для меня ничто, - сказал он, - все силы мира и ярость людей, которые восстали бы против Божьих оракулов".

РАЗГОВОР.

Когда обед был закончен и все церемонии завершены, император встал и некоторое время стоял, опираясь на тонкий, великолепно украшенный посох, как будто ожидая, что кто-нибудь захочет с ним поговорить. Первым представился выдающийся генерал, пользовавшийся высоким авторитетом и чьи подвиги сделали его дорогим Карлу. Он вручил ему несколько писем и, поцеловав ему руку, немедленно удалился. Следующим выступил епископ Хаэна, держа за руку Франциска де Энцинаса. Епископ в нескольких серьезных словах рекомендовал Чарльзу обратить внимание на работу, которая была посвящена ему и которая, по его словам, достойна большой чести. Затем император повернулся к Энцинасу, и состоялся следующий разговор: —

Император: "Какую книгу ты мне подаришь?"

Энзинас: "Новый Завет, ваше императорское величество, точно переведенный мной и содержащий евангельскую историю и послания апостолов. Я молю ваше величество рекомендовать эту работу нации с вашего одобрения".

"Значит, вы автор этой книги?"[129]

- Нет, сир, ее автор - Святой Дух. Он вдохнул вдохновение в святых мужей Божьих, которые дали человечеству на греческом языке эти божественные оракулы нашего спасения. Я, со своей стороны, всего лишь слабый инструмент, который перевел эту книгу на наш испанский язык".

- На кастильский?

- Да, ваше императорское величество, на наш кастильский язык, и я молю вас стать его покровителем.

- То, о чем вы просите, будет выполнено, при условии, что в работе не будет ничего подозрительного.

- Ничто, сир, кроме голоса Бога, говорящего с небес, и искупления, совершенного Его единственным Сыном Иисусом Христом, не должно вызывать подозрений у христиан.

- Ваша просьба будет удовлетворена, если книга окажется такой, как говорите вы и епископ. Император взял том и вошел в соседние покои.

Энзинас был в изумлении. Император вообразил, что он автор Нового Завета и что Евангелие может содержать что-либо подозрительное! Он с трудом удержался от слов, которые плохо подошли бы к тому месту, где он находился. "О, неслыханное дело! - сказал он про себя, - и этого достаточно, чтобы пролить кровавые слезы!"[130] Вскоре после этого, по совету епископа, он вернулся в Антверпен.

На следующий день император приказал епископу Хаэна передать книгу некоему испанскому монаху, очень знаменитому человеку, вполне способному оценить перевод, и попросить его высказать свое мнение по этому вопросу. Епископ, соответственно, передал книгу этому персонажу. Итак, этим монахом был Де Сото, духовник Карла V. Когда прелат снова увидел духовника, тот сказал: "Эта книга мне понравилась; я ее очень одобряю; к переводу можно сделать лишь несколько незначительных замечаний.... Я хотел бы увидеть автора и поговорить с ним об этом". Энзинас передал полученное им приглашение поехать в Брюссель некоторым своим друзьям и родственникам в Антверпене. "Ваше возвращение в Брюссель, - сказали они, - подвергнет вас большой опасности.[131] Если вы хотите попасть в руки ваших врагов, идите; но поймите, что при этом вы действуете скорее смело, чем осмотрительно." "Я пойду, - сказал он, - чтобы дать отчет о своей работе, и это несмотря на то, что может случиться. Я не пропущу ничего полезного или необходимого для продвижения славы Божьей". Он соответственно изложил.

ЭНЗИНАС И ДЕ СОТО.

Энзинас встретил самый дружеский прием у епископа Хаэна, который ободрил его самыми лучшими надеждами. Прелат, почувствовав недомогание, приказал своему рагуард сопровождать своего юного друга на следующий день к исповеднику в доминиканском монастыре. Энзинас отправился туда в восемь часов утра, чтобы быть уверенным, что найдет

его; но ему сказали, что Де Сото находится в доме г-на де Гранвеллы. Это был Николас Перрено де Гранвелла, канцлер императора и отец знаменитого кардинала. Энцинас вернулся в десять часов и получил тот же ответ; в полдень — все тот же. - Мы подождем его, - сказал Энцинас.

В час дня прибыл исповедник, и управляющий представил Энцинаса, монах откинул капюшон и поклонился всем телом, словно поклоняясь святому или приветствуя принца. "Дон Франциск, - сказал он, - я считаю себя очень счастливым, имея удовольствие видеть вас сегодня; я люблю вас как родного брата и высоко ценю оказанную вам милость. Я от природы склонен испытывать симпатию к умным и образованным людям, но особенно к тем, кто посвящает себя религии, литературе и распространению славы Божьей. В наш век так много лени, так много коррупции, что если кто-то из нашей нации поднимется до того, чтобы продвигать эти замечательные вещи, это большая честь для Испании. Поэтому я предлагаю вам все, что в моих силах. Это, безусловно, заслуга того, с помощью кого испанцы должны вернуть великое сокровище небесного учения.^[132] Но, - добавил он, - я не могу заняться этим вопросом прямо сейчас. Приходи ко мне в четыре часа." Энцинас покинул монастырь и отправился к одному из своих друзей, ученому и богобоязненному человеку, который умолял его не доверять монаху, так как был уверен, что у него будет причина раскаться в этом. "Я не буду делать ничего опрометчивого, - сказал Франциск, - но если Бог сочтет нужным послать мне крест, это будет для моего блага". Он вернулся в монастырь доминиканцев и прибыл туда раньше назначенного времени.

Де Сото читал урок о Деяниях Апостолов примерно двадцати испанским придворным, которые хотели прослыть любителями литературы или, возможно, стать ими. Энцинас тихо сел рядом с ними, счастливый возможностью познакомиться с учением монаха. Он был как раз на том отрывке из первой главы, где говорится, что Иуда, предавший Господа, упал ничком и разорвался на части посреди толпы. "Следовательно, - заключил он, - все предатели должны быть повешены и разорваны на части посреди толпы";^[133] и он призвал своих слушателей к верности императору, чтобы они не подверглись осуждению Иуды. Затем, переходя к избранию апостола собранием учеников: "Этот метод избрания, — сказал он, - предназначался только для тех времен; с тех пор избрание было передано императору, что гораздо предпочтительнее". Помимо изложения этих странных доктрин, монах говорил неправильно и оскорблял уши своих слушателей низкими выражениями.^[134] Он не знал латыни, но с целью сделать то, что он говорил, более замечательным или, скорее, более непонятным, он смешивал латинские слова, которые были хуже, чем варварские, и постоянно допускал грамматические ошибки. Энцинас, с его развитым умом и утонченной ученостью, терпел муки как от слов, так и от сути дела. "Я слушал его не без вздохов и слез, - сказал он, -"

Урок закончился в четыре часа. Затем Энцинас подошел к монаху, который снова начал свои льстивые речи; но, по его словам, у него было какое-то очень важное дело, и он попросил его вернуться в шесть часов. "Я охотно подожду в монастыре", - сказал Энцинас и принялся расхаживать взад и вперед по галерее.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ДЕ СОТО.

Исповедник не терял времени даром. Он отправился в часовню келлора Гранвеллы. "Здесь есть молодой испанец, - сказал он, - который своими трудами и стараниями скоро обратит всю

Испанию в лютеранство, если мы этому не помешаем.^[135] Он жил с Меланхтоном; он обсуждает религию, он порицает постановления Церкви, одобряет чувства ее противников и постепенно склоняет всех к своему мнению. Чтобы еще больше распространить зло, он перевел Новый Завет на испанский.... Если его разрешат читать в Испании, какие неприятности это вызовет! Сколько тысяч душ отвернутся от простоты веры!"... Гранвелла был потрясен, услышав эти слова, и немедленно отдал приказ арестовать Энцинаса.

В шесть часов духовник вернулся в монастырь и проводил Энцинаса в его апартаменты, по дороге уговаривая его сладкими и вводящими в заблуждение словами. Открыв дверь, Фрэнсис вздрогнул. "Какие чудовища!" - подумал он. "Вечный Боже! какое количество идолов!"^[136] В келье было четыре алтаря, и на каждом из них стояло изображение Святого Христофора, святого Роха и других, украшенное золотом и окруженное зажженными свечами. Именно здесь Де Сото обратился со своими молитвами к своим святым.

- Дон Франциск, - сказал исповедник, - извините меня, если я заставляю вас ждать еще дольше. Я еще не закончил свои молитвы; позвольте мне завершить их на ходу. Чтобы скоротать время, вот книга, и, кроме того, Библия. - Он вышел. Книга называлась: "О причинах и происхождении всех ересей; Альфонсо де Кастро, францисканец". Автором был невежественный монах из Бургоса, которого Энцинас знал по рассказам. Тем не менее, он открыл книгу. Утверждалось, что причиной ересей было чтение Библии на вульгарном языке; и автор призывал инквизиторов помешать испанцам употреблять этот яд. Энцинас, встревоженный и взволнованный, с трудом удержался от того, чтобы не разорвать страницы. Он отшвырнул книгу от себя. Затем, поразмыслив, он начал задаваться вопросом, не замышляет ли исповедник какую-нибудь измену и не преследуют ли его приезды и отъезды какую-либо иную цель, кроме подготовки к подстереганию его. Чтобы развеять эти мрачные мысли, он взял латинскую Библию и стал читать.

Через некоторое время Де Сото вошел снова и, взяв в руки Новый Завет, который прислал ему император, попросил Энцинаса сесть рядом с ним. Затем, опустив брови и наморщив лоб, как бы для того, чтобы придать своему облику еще более грозный вид, он некоторое время хранил молчание. Наконец он начал: "Фрэнсис, мы двое собрались здесь наедине, чтобы обсудить Новый Завет в присутствии Бога, ангелов и святых, которых ты видишь на этих алтарях. Вы считаете изучение этой книги полезным для благочестия, а я считаю это вредным. Ее запрещение было единственным средством уберечь Испанию от заражения сектами. Франциск, ты совершил самое дерзкое предприятие и нечестивый поступок, осмелившись опубликовать версию Нового Завета вопреки законам императора и своему собственному долгу перед нашей святой религией. Это чудовищное преступление, которое заслуживает большего, чем простая смерть. Далее, вы были в Германии в доме Филиппа Меланхтона; вы повсюду превозносите его добродетели и ученость, и одно это у нас считается деянием, достойным смертной казни.^[137] Как прискорбно, что вы, все еще такой молодой и только начинающий учебу, пали так низко! Мой долг - заботиться о благе церкви во всем мире, а не о безопасности отдельного человека. Ваши преступления настолько серьезны, что я не знаю, как вы можете избежать наказания, которое вам грозит". Энцинас был невыразимо опечален этой речью. Так много суеверия, нечестия и жестокости захлестнуло его. В то же время он знал, что не сможет избежать больших опасностей, которые нависли над ним. В этом доминиканском доме он дышал тяжелой и смертоносной атмосферой инквизиции, и ему казалось, что он видит вокруг себя ее ужасные черты, ее цепи и орудия пыток.

МАСКА УПАЛА.

Тем не менее он набрался смелости и, свидетельствуя о Евангелии, превозносил невыразимую ценность Священного Писания и излагал причины, которые, по его мнению, были убедительными для его прочтения. "Ветхий и Новый Заветы, - сказал он, - были даны нам с небес, и нет ничего более спасительного и существенного для человечества. Кроме этой книги, мы ничего не должны знать о единомродном Сыне Божьем, нашем Спасителе, который, искупив нас самопожертвованием, возносит нас на небеса, чтобы мы жили там с ним вечно. Это доктрина, которой никогда не учил ни один философ, и ее можно почерпнуть только из этих источников. Без этого вся человеческая мысль слепа и бесплодна, и ни одно существо не может обрести спасения".^[138] Он сказал, что если поездка в Германию и общение с учеными этой страны было преступлением, то это было преступление, которое было совершено императором, а также многими принцами и выдающимися людьми, которые беседовали с Меланхтоном, Лютером и другими врачами. Он все еще говорил, когда неприятное видение заставило его замолчать. Дверь открылась, и в келью вошел монах отвратительного вида. Его глаза были свирепыми, рот искривлен, вид угрожающий. Все в нем говорило о плохом человеке, замышляющем какую-то жестокую цель. Это был приор доминиканцев. Он повернулся к Энцинасу и, подавив злобу, смиренно снял голову с капюшона, отдал ему честь и сообщил, что его камердинер внизу и пришел позвать его ужинать. Это было сообщение, согласованное двумя монахами, как сигнал о том, что все готово. - Я знаю дорогу, - сказал Энцинас, которому не терпелось продлить беседу. - Я найду себе жилье без помощи слуги; пожалуйста, скажите ему, что он может возвращаться в дом. Приор вышел. Затем Энцинас попросил исповедника высказать ему свое мнение о переводе, поскольку об этом просил император, и это действительно было целью их совещания. Но условленный сигнал был подан, и исповедник положил конец беседе. "Теперь уже слишком поздно, - сказал он, - приходите завтра, если вам удобно". Поэтому Энцинас, опасаясь показаться назойливым, попрощался с монахом, и слуга Де Сото проводил его до внутреннего двора. Но мрачные мысли теснились в его голове. Проходя по монастырю, он увидел множество монахов в состоянии нетерпения и возбуждения, одни поднимались наверх, другие спускались вниз. В их взглядах он увидел странное возбуждение и свирепость. Они бросали на него косые взгляды, полные ужаса; они тихо переговаривались друг с другом и произносили слова, которых Энцинас не мог понять.^[139] Было очевидно, что это неумеренное волнение в монастыре и среди насельников было вызвано каким-то необычным происшествием. Фрэнсис предположил, что бы это могло быть; это начало вызывать тревогу в его груди, и он задался вопросом, не обрушится ли на него какой-нибудь сильный удар.

Когда он вошел во двор, к нему подошел незнакомый мужчина, но выглядевший вежливо, и спросил, зовут ли его Франсис де Энцинас. Он ответил, что да. "Я хочу поговорить с вами", - сказал незнакомец. "Я к вашим услугам", - ответил молодой испанец. Затем они направились к воротам монастыря. Обширный доминиканский монастырь с его хозяйственными постройками занимал значительную часть нынешнего территории Монетного двора, напротив Королевского театра, а также часть прилегающих земель. Ворота, через которые Энцинас должен был выйти, открылись в этом месте. Как только они были открыты, он увидел большую группу людей, вооруженных алебардами, мечами и другим боевым оружием. Они с угрозой набросились на него.^[140] Тем временем человек, находившийся в его компании, схватил его за руки и сказал: "Ты мой пленник". "Не было никакой необходимости, - сказал Энцинас, - собирать такой отряд палачей против такого бедняги, как я. Их следует направить против разбойников. Моя совесть

спокойна, и я готов предстать перед любым судьей в мире, даже перед императором. Я отправлюсь в тюрьму, в изгнание, на костер, и куда бы вы ни пожелали меня вести." "Я не увезу вас далеко", - сказал неизвестный. - Если бы было возможно отказаться от миссии, которую я выполняю, уверяю вас, я бы так и сделал. Но канцлер Гранвелла вынудил меня, утверждая, что получил прямой приказ от императора. Заключенный со своим проводником и охранниками пересек маленькую улочку и прибыл в тюрьму *Врунте*, вульгарно называемую *Амиго*, где содержался благородный молодой человек за то, что перевел на хороший испанский Евангелие Иисуса Христа. Это произошло 13 декабря 1543 года.

ЭНЦИНАС В ТЮРЬМЕ.

Первые четыре часа, с шести вечера до десяти, были очень болезненными. У Энцинаса было живое воображение, и он видел перед собой великие и бесчисленные опасности, среди которых смерть казалась наименьшей. Все эти опасности были выстроены в боевой порядок вокруг него, и он, казалось, действительно видел их.^[141] Но они его не ужаснули. "Какими бы великими ни были опасности, которые ожидают меня, - сказал он, - по милости Божьей я обладаю для встречи с ними мужеством, которое сильнее и величественнее, чем они есть". Тем не менее, предательство "злого монаха" так мучило его, что ему было трудно это вынести. "Если бы только, - думал он, - он вел со мной честную войну, если бы с самого начала показал себя моим врагом..." Он оставался погруженным в печаль и уныние.

Они поместили его в помещение, где находились все заключенные; но так как он выразил желание побыть один, его отвели в верхнюю комнату. Отягощенный заботами, он был удручен и молчалив. Человек, который привел его туда, посмотрел на него и, наконец, сказал: "Из всех тех, кого приводили в это место, я никогда не видел никого более расстроенного, чем ты. Вспомни, брат, что Бог, наш Отец, заботится о своих детях и часто ведет их путем, который они не выбирают. Поэтому не падай духом, но имей мужество. Ваш возраст, ваши манеры, ваша физиономия - все свидетельствует о вашей невинности. Если вы совершили какое-либо преступление по отношению к молодежи, помните о милости Божьей". Фрэнсис с удивлением выслушал слова этого человека, а затем рассказал ему о причине его заключения и средствах, с помощью которых это было осуществлено. Услышав это, человек, которого он принял за одного из слуг тюремщика, казалось, был глубоко тронут и, подойдя к Франциску, обнял его. "Ах! - сказал он. - я узнаю в тебе истинного брата, ибо ты узник того же Евангелия, из любви к которому я терпел эти узы в течение восьми месяцев. Тебе не нужно удивляться, брат; ибо отличительной чертой Слова Божьего является то, что оно никогда не выходит на свет, не сопровождаясь громом и молниями."^[142] Но я слышу, как кто-то подходит; давайте пока больше ничего не будем говорить." Этим человеком был благочестивый и милосердный Джайлс Тилманс, о котором мы ранее рассказывали,^[143] и который впоследствии был сожжен. С этого времени он приходил к Энцинасу каждое утро и вечер и говорил с ним так убедительно и нежно, что Энцинас почувствовал, что готов принять смерть, чтобы подтвердить истинность Евангелия.

ЭКЗАМЕН.

На четвертый день его заключения имперские уполномоченные, члены Тайного совета, прибыли для проведения расследования. Они вошли с большим парадом и почти королевским

великолепием в помещение, где были собраны заключенные. Все последние встали и удалились, оставив Фрэнсиса наедине с комиссарами.

Экзамен начался на латыни. "Фрэнсис, - сказали члены комиссии, - вы должны рассказать нам всю правду, и в этом случае, хотя ваше дело крайне ненавистно, мы будем обращаться с вами мягко, если только нам не придется *вырвать у вас силой* то, что мы хотим знать". Затем они предъявили бумаги, на основании которых приступили к допросу. Энцинас узнал почерк духовника Карла Пятого. Предметом расследования стали два преступления. "Вы были в Виттенберге?" - "Да". "Вы были знакомы с Меланхтоном?" - "Да". "Что вы о нем думаете?" Франциск понял, что его поймали и что его ответ даст в руки его врагов "нож для его собственного горла". Тем не менее он не дрогнул. Этот благородный молодой человек никогда не отрекался от своих друзей. "Я думаю, - сказал он, - что из всех людей, которых я когда-либо знал, он лучший". [144] "Как вы можете быть настолько дерзкими, - воскликнули его судьи, - чтобы так отзываться о Меланхтоне, человеке, который является еретиком и отлучен от церкви?"

Теперь члены комиссии перешли ко второму пункту. "В вашем переводе послания к Римлянам, глава iii, стих 28, - сказали они, - мы находим эти слова, напечатанные заглавными буквами: следовательно, мы заключаем, что человек оправдывается верой без дел закона. По какой причине, - продолжали они, - вы написали эту лютеранскую максиму заглавными буквами? Это очень серьезное преступление, и оно заслуживает сожжения. [145] "Эта доктрина не была создана в мозгу Лютера", - ответил Энцинас. "Его источником является таинственный престол Вечного Отца, и он был открыт церкви служением Святого Павла для спасения каждого верующего".

Тем временем весть об аресте Энцинаса обрушилась на Антверпен подобно разрыву бомбы и посеяла горе среди всех его родственников и друзей. В одно время раздраженные тем, что они называли неосторожностью молодого человека, в другое время преисполненные сострадания к постигшему его бедствию, они без промедления отправились в Брюссель во главе с его дядей доном Диего Ортегой и направились прямо в тюрьму. "Теперь ты видишь, - сказали они ему, - плоды своего безрассудства. Ты не поверил бы тому, что мы сказали тебе. Зачем тебе было вмешиваться в богословие или изучать священные писания? Тебе следовало бы предоставить это монахам. Что ты этим добился? Ты обрек себя на насильственную смерть и навлек великий позор на всю свою расу". Услышав эти упреки, Энцинас был охвачен горьким горем. Он старался с великой кротостью и скромностью смягчить гнев своих сородичей и умолял их не судить о достоинствах предприятия по его результату. [146] "Я и так достаточно несчастен", - сказал он; "Прошу, не усугубляйте мою боль". При этих словах его родственники были тронуты. "Да, да, - сказали они, - мы знаем, что ты невиновен; мы пришли спасти тебя, если это возможно, или, по крайней мере, облегчить твои страдания". Действительно, они пробыли в Брюсселе целую неделю; они часто ходили к исповеднику и нескольким знатым вельможам и горячо умоляли освободить Франциска и, особенно, чтобы дело не передавалось испанской инквизиции, поскольку в этом случае его смерть была бы неизбежна. Но они вернулись в Антверпен, огорченные своей неудачей, хотя и не без надежды.

ДУХОВНЫЕ УТЕШЕНИЯ.

Энцинас постепенно оправился от пережитого волнения. Ему приносили книги, и он прилежно их читал. Особенно одно произведение, которое произвело на него глубокое впечатление. Это была "Мольба и увещание Кальвина к императору и государствам Империи посвятить все

свое внимание восстановлению церкви".[147] Эта работа получила высокую оценку Буцера, и Теодор Беза сказал о ней, что, возможно, в ту эпоху не было опубликовано ничего более энергичного. "Чтение этой работы, когда я был в тюрьме, - позже сказал Энцинас Кэлвину, - придало мне такого мужества, что я почувствовал большую готовность встретить смерть, чем когда-либо прежде".[148]

Но главным его наслаждением было размышление над Священным Писанием. "Обетования Христа, - сказал он, - утоляют мои печали, и чтение Псалмов удивительно воодушевляет меня. Вечный Боже! какое обильное утешение дала мне эта книга! С каким наслаждением я вкушал превосходный аромат небесной мудрости! Эта лира Давида так восхищает меня своей божественной гармонией, эта небесная арфа возбуждает во мне такую любовь к Божьему, что я не могу найтислов, чтобы выразить".[149] Он занимался аранжировкой некоторых Псалмов[150] в форме молитв, и продолжал выполнять свою задачу, пока не перевел их все.

Франциска не удовлетворяла одна только медитация; он присоединил к ней дела неустанного рвения и милосердия. Тюремная дисциплина не была суровой. Тюремщик, некто Джон Тиссенс, мужчина лет тридцати восьми, долгое время работал сапожником, а впоследствии взял на себя по контракту содержание заключенных. Он был очень небрежен при исполнении своих обязанностей и предоставил большую свободу заключенным и их друзьям. Жители Брабанта, Фландрии, Голландии, Антверпена и придворные приезжали навестить Энцинаса. Таким образом, он увидел почти четыреста жителей Брюсселя, среди них несколько знатных людей. Многие из них были знакомы с Евангелием; другие горячо стремились к слову Божьему и умоляли Энцинаса донести его до них. Он знал, какой опасности подвергал себя, делая это, но он не щадил себя; и многие воздавали славу Богу за то, что получили от бедного узника драгоценную жемчужину - небесное учение. "В Брюсселе более семи тысяч человек, которые знают Евангелие", - сказали они ему; "весь город дружелюбен к нему;[151] и если бы люди не боялись за свою жизнь, они открыто исповедовали бы это". Вряд ли можно было назвать хоть один город в Бельгии или Голландии, жители которого не изъявили бы желания поговорить с ним. Он был пленником, который провозгласил свободу свободным людям. "Слово Божье, - сказали ему некоторые из них, - широко распространяется среди нас. Это растет и распространяется день ото дня среди огня преследований и ужасов смерти". И мужчины, и женщины присылали ему деньги, но он отказался их принять.

Карл Пятый, который, как мы видели, прибыл в Брюссель 24 ноября 1543 года, оставался там только до 2 января 1544 года. 20 февраля он открыл спайрский сейм, потребовал большой помощи как пехоты, так и кавалерии, а в июне отправился во главе своей армии во Францию. Он взял Сен-Дизье, продвинулся на расстояние двухдневного марша к Парижу, вызвав в этом городе большой ужас, и заключил мир в Крепи. Затем он вернулся в свои владения и вступил в Брюссель 1 октября 1544 года.[152]

НАДЕЖДЫ.

Это известие пробудило надежды на Энцинаса у его родственников в Антверпене, и самые влиятельные из них немедленно принялись добиваться освобождения молодого человека. Они обратились к исповеднику, который был достаточно готов давать обещания, к канцлеру Гранвелле, к его сыну, епископу Аррасскому, впоследствии архиепископу Мехлинскому и кардиналу, и к Клоду Буассо, декану Полиньи, распорядителю запросов. Все они дали добрые ответы, но это были слова и ничего больше. Королева Франции посетила Брюссель, и был

распространен слух, что все заключенные по ее просьбе будут освобождены. Некоторые убийцы, разбойники и другие злоумышленники действительно были освобождены; первый из них был отцеубийцей; но Энцинас и другие евангелисты содержались более строго, чем раньше.[153] В то же время, когда император отправился в Гент, монахи вымогали у него некоторые законы, *написанные кровью*, которые были обнародованы во всех городах и которые позволяли им жестоко нападать на лютеран по своему усмотрению.[154] "Внезапно во Фландрии вспыхнуло кровавое преследование, резня христиан, какой никогда не видели и не слышали". Из всех городов, не исключая даже самых маленьких, огромное количество людей и видных деятелей, получив предупреждение о нависшей над ними опасности, обратились в бегство, бросив своих жен, своих детей, свою семью или, дома и товары, которые были немедленно конфискованы агентами императора. Но было много тех, кто не мог летать. Все башни были заполнены. В тюрьмах в городах не хватало места для содержания жертв. Они приводили по двести заключенных одновременно, как мужчин, так и женщин. Некоторых из них засунули в мешки и бросили в воду; других сожгли, обезглавили, похоронили заживо или приговорили к пожизненному заключению. Подобная буря пронеслась над Брабантом, Эно и Артуа. Несчастные свидетели этой бойни утверждали, что "на протяжении многих веков во всем мире не совершалось, не видели и не слышали о стольких великих жестокостях". Таково было радостное вступление Карла Пятого в свою добрую страну Фландрию и добрый город Гент, в котором он родился.

Новости об этих событиях день за днем приносились в брюссельскую тюрьму, часто с большим количеством заключенных. Когда Энцинас и его друзья услышали о резне, они были поражены и напуганы. Будет ли этому когда-нибудь конец? они спросили. Вполне можно усомниться в том, что такие люди когда-нибудь насытятся кровью своих братьев! Энцинас начал сожалеть о том, что из уверенности в собственной невиновности и из страха навлечь немилость тюремщика не воспользовался несколькими представившимися возможностями совершить побег из тюрьмы. Вскоре возникшее обстоятельство помогло ему прийти к решению.

Королева Венгрии, правительница Нидерландов, которая из-за странного сочетания противоречивых качеств желала, хотя и была вынуждена исполнять указы своего брата о преследовании евангельского христианства, питаться словом Божиим, выбрала своим капелланом некоего Питера Александера, истинного христианина. Этот служитель искренне исповедовал свое доверие Спасителю как в проповеди, так и в беседе. "Все необходимое для спасения, - сказал он, - содержится в Евангелии. Мы должны верить только тому, что содержится в Священных Писаниях. Одна вера непосредственно оправдывает человека перед Богом, но дела оправдывают человека перед его ближними. Истинные индульгенции можно получить без золота или серебра, полагаясь только на заслуги Христа. Единственный реальный грех, который осуждает, - это неверие во Христа. Истинное покаяние состоит в воздержании от греха. Все заслуги Христа сообщаются людям верой, так что они могут гордиться ими так же, как если бы они были их собственными. Мы должны чтить святых, только подражая их добродетелям. Нам легче получить благословение Божье, прося о нем самих себя, чем через святых.[155] Никто не любит Бога так сильно, как следовало бы. Все усилия и подвиги тех, кто не возрожден Святым Духом, являются злом. Религия монахов - лицемерие. Пост Божий - это постоянный пост, который не ограничивается тем или иным конкретным днем. Прошло триста лет с тех пор, как проповедовалось чистое и подлинное Евангелие; и теперь всякий, кто его проповедует, считается еретиком".

КАПЕЛЛАН КОРОЛЕВЫ.

Это было странное зрелище - евангельский капеллан, проповедующий в часовне самого преследуемого суда в христианском мире. Александр тоже, после того как его часто обвиняли, в конце концов был вынужден вести теологический диспут с духовником Де Сото в присутствии двух Гранвеллов. Вследствие этого спора против него было возбуждено судебное разбирательство. Исповедник часто появлялся перед императором и заявлял, что вся страна погибнет, если этот человек не будет сурово наказан. Однажды друг Энцинаса пришел навестить его в тюрьме и сказал ему, что королевский проповедник сбежал, потому что обнаружил, что если он останется еще на час, то разорится. Александра судили и сожгли как чучело вместе с его латинскими и французскими книгами. Что касается его самого, то сначала он стал профессором Гейдельбергского университета, затем каноником Кан-терберийского собора и, наконец, пастором французской церкви в Лондоне.

Это бегство привело Энцинаса к решению. 1 февраля 1545 года, после долгого сидения за столом во время вечерней трапезы, он почувствовал себя более подавленным, чем обычно, сам не зная почему. Часы пробили половину восьмого. Затем он встал, по своему обыкновению, не любя затяжных трапез, и принялся расхаживать взад-вперед в мрачном и удрученном состоянии, так что некоторые из заключенных подошли к нему и сказали— "Ну же, отбросьте эту меланхолию". "Повеселитесь, остальные, над своими чашками", - ответил он. "Но что касается меня, то я хочу подышать свежим воздухом; я выйду". Никто не обратил никакого внимания на то, что он сказал, да и сам он не имел в виду ничего конкретного, когда говорил. Он продолжал расхаживать, чувствуя себя неловко, ему было трудно дышать, и он был в большом отчаянии. Таким образом, он подошел к первым воротам, верхняя часть которых, сделанная из прочной решетки, позволяла ему видеть улицу. Подойдя к ним с целью выглянуть наружу, он почувствовал, что ворота шевельнулись. Он взялся за нее, и она легко открылась. Вторая была распахнута настежь, а третья закрывалась только на ночь. Мы уже упоминали о небрежности тюремщика. Франциск был поражен странным обстоятельством. Ему показалось, что Бог призвал его; он решил воспользоваться этой неожиданной возможностью и вышел.

ПОБЕГ ЭНЦИНАСА.

Он вышел на улицу и оказался там один. Ночь была очень темной, но время от времени ее освещали факелы прохожих, пересекавших улицы или площади. Энцинас, держась немного в стороне, обдумывал, куда ему лучше пойти. Каждое убежище казалось ему открытым для подозрений и полным опасности. Внезапно он вспомнил об одном своем знакомом человеке с христианским характером, которому он безоговорочно доверял. Он отправился к нему домой и позвонил ему. "Заходи и останься со мной", - сказал мужчина. Энцинас ответил, что ему кажется самым безопасным выйти из города той же ночью. "Знаешь ли ты, - добавил он, - какую-нибудь часть стен, где их можно было бы преодолеть?" "Да, - сказал другой, - я проведу тебя и буду сопровождать, куда бы ты ни пожелал пойти". Друг взял свой плащ, и они отправились в путь. Они продолжили свой путь, совершенно одни, в темноте, к стенам. Ночью эти места были пустыни. Они нашли место, которое искали, и взобрались на стену. В этот момент городские часы пробили восемь.^[156] Таким образом, их полет занял менее получаса. Эти двое мужчин преодолели стену так легко, как будто готовились к этому задолго до этого. Энцинаса не было в городе. "Я часто находил помощь Божью, - сказал он, - пока был в тюрьме; но никогда я не

испытывал ее так, как в этот момент". Он решил отправиться той же ночью в Мехлин, а рано утром следующего дня - в Антверпен.

Тысячи мыслей теснились в его голове, пока он молча шел вперед в темноте. Мрачные фантазии тюрьмы сменились радостными надеждами. Сильно тронутый своим чудесным избавлением, он увидел в нем тайну, скрытую волю Божью. "Несомненно, - сказал он, - если я буду освобожден, то только для того, чтобы быть готовым к более суровым конфликтам и большим опасностям", и, продолжая идти, он готовил себя к ним молитвой. "О Отец нашего избавителя Иисуса Христа, просвети мой разум, чтобы я мог познать надежду моего призвания и чтобы я мог верно служить церкви Иисуса Христа даже до последнего дня своей жизни".

Таким образом, иногда молясь, а иногда беседуя с сопровождавшим его братом, Энцинас прибыл раньше Мехлина; но так как городские ворота еще не были открыты, ему пришлось долго ждать. В пять часов утра явились городские власти, и каждый мог свободно входить или выходить. Войдя внутрь, Энцинас увидел перед гостиницей автомобиль, который как раз собирался тронуться с места, в котором сидел человек, внешность которого не внушала доверия. Однако Энцинас спросил его, куда он направляется. Мужчина ответил: "В Антверпен; и, если вам угодно, поднимитесь, экипаж уже готов". Этот человек был агентом инквизиторов, секретарем Луи де Зоте. Он был одним из злейших врагов Реформации; он возбудил дело против Энцинаса и собрал свидетелей обвинения. Сейчас он находился на пути в Антверпен в качестве предъявителя обвинительного приговора императорского двора, в силу которого он должен был отдать приказ о сожжении всех евангелистов, находившихся в то время в тюрьме. Встреча была не из приятных. Энцинас и Де Зоэте, вероятно, видели друг друга лишь случайно. Поэтому молодой испанец, не узнав своего врага, мог бы с удовольствием воспользоваться его предложением. В этом случае было более чем вероятно, что во время поездки его узнал бы полицейский шпион, в обязанности которого входило отслеживать и хватать подозреваемых лиц, как охотничья собака отслеживает дичь. Возможно, Зоэте найдет способ добавить еще кого-нибудь к списку тех, кого он собирался сжечь заживо. - Садись в карету, - сказал Энцинас сопровождавшему его брюссельскому другу. Он сел. Дверь отеля, в который постучал Фрэнсис, еще не открылась. Ожидая, два друга, один в карете, другой на улице, разговаривали на разные темы; и владелец кареты, слышавший их, тоже принял участие в разговоре. Наконец дверь открылась. "Поезжай с этим джентльменом, - сказал Фрэнсис своему другу. - Что касается меня, то я должен ехать быстрее и поеду верхом". Обитатели гостиницы, которые были с ним знакомы, приветствовали его с большой радостью и, узнав о его положении, подарили ему хорошего коня. Не теряя ни минуты, он вскочил в седло и отправился в путь. Вскоре он догнал экипаж и поприветствовал его пассажиров. - Не останавливайся, - сказал его друг. "Я поеду так быстро, - ответил он, - что, если все негодяи в Брюсселе решат преследовать меня, они меня не поймут". Кажется невозможным, чтобы Де Зо не услышал этого, и это, должно быть, дало ему пищу для размышлений.^[157]

ЛЕГЕНДА.

Через два часа Энцинас был в Антверпене. Не желая подвергать опасности своих родственников и друзей, он остановился в гостинице, которая ему, несомненно, была знакома, так как он уже несколько раз бывал в Антверпене и где, как он полагал, он будет в безопасности. Вечером его попутчик прибыл в Антверпен. Как только он увидел Энцинаса, он воскликнул: "Вы будете очень удивлены, услышав, в какой компании я приехал, и с кем это вы так много

разговаривали в Мехлине!" "Тогда кто же он был?" "Худший человек во всей стране, Луис де Зоэт". Энцинас поблагодарил Бога за то, что тот настолько околдовал глаза и разум преследователя, что, хотя он видел его и разговаривал с ним, он не узнал его. На следующий день в гостиницу прибыли два человека из Брюсселя, незнакомые с Энцинасом. Энцинас, встречая их за столом или в другом месте, спрашивал их: "Какие новости из Брюсселя?" "Там только что произошло великое чудо", - отвечали они. "И, скажите на милость, что бы это могло быть?" "Жил-был испанец, который просидел в тюрьме пятнадцать месяцев и так и не смог добиться ни освобождения, ни суда. Но воинство, которому мы поклоняемся, даровало ему чудесное избавление. Недавно вечером, сразу после наступления темноты, воздух внезапно засиял вокруг него с огромной яркостью. Трое ворот тюрьмы чудесным образом открылись перед ним, и он вышел из тюрьмы и из города, все еще озаренный этим великолепием. ""Видишь, мой дорогой учитель, - сказал впоследствии Энцинас Меланхтону, - глупость народной фантазии, которая за столь короткое время облекла ложь в известную толику правды. Совершенно верно, что трое ворот были найдены открытыми, иначе я бы не выбрался наружу. Но что касается яркости, света, о котором они говорят, я видел не что иное, как свет фонарей пассажиров на улице.[158] Я приписываю свое освобождение не чудесному таинству, которому поклоняются эти идолопоклонники, а исключительно великой милости Бога, который соизволил услышать молитвы своей церкви".

Наряду с этим популярным слухом в Брюсселе ходил другой, но в высших кругах. Император в это время находился в Брюсселе, который он покинул только 30 апреля 1545 года. Дон Франсис де Энцинас не был обычным заключенным, не был рабочим, резчиком, как Джайлс Тилманс. Знатная семья, хорошее образование, ученые достижения, таланты, титул испанца, о котором много говорили в высших кругах, - все это было высоко ценится многими при дворе. Сам Карл Пятый был далек от осознания их важности. Он пообещал Энцинасу свою защиту, если в его книге не будет ничего плохого, и многие люди уверяли его, что, напротив, в ней нет ничего, кроме хорошего. Как же тогда он мог предать смерти ученого за то, что тот перевел на хороший испанский богодухновенную книгу христиан? Согласно общественным слухам, судьи сказали: "Мы не можем с честью выпутаться из этого дела; лучший план - тайно освободить этого человека". Было добавлено, что, когда тюремщик сообщил президенту о побеге Энцинаса, последний ответил: "Отпустите его и не беспокойтесь об этом; только не позволяйте об этом говорить". Если бы эта версия была правдивой, это объяснило бы то обстоятельство, что Зоэ, казалось, не узнала Энцинаса. Но сам Энцинас в это не верил, и вполне вероятно, что у него было не лучшее основание, чем у первой истории.

КАЛЬВИН И ЭНЦИНАС.

Франциск пробыл месяц в Антверпене. Выйдя из тюрьмы, он сообщил эту новость своим друзьям и получил их поздравления. Среди этих друзей были два самых выдающихся реформатора, Кальвин и Меланхтон, между которыми, что бы об этом ни думали, было много общего. Кэлвин был тем человеком, сказал Энцинас, которого он всегда горячо любил.[159] Он написал ему короткое письмо, несколько грубоватое по стилю.[160] Кальвин немедленно ответил своему другу письмом, которое дышало самыми нежными чувствами и которое Фрэнсис счел очень замечательным. В нем восхвалялись его труды и христианское поведение. "О, - сказал Энцинас, - с какой добротой он может говорить о вещах, которые сами по себе не заслуживают похвалы!"[161] Эта исключительная доброта Кальвина, поразившая тогда всех его друзей, с тех пор часто ставилась под сомнение. Энцинас ответил ему (3 августа): "Наша

дружба, - сказал он, - теперь скреплена; между нами существует священный и вечный союз, который может быть нарушен только смертью одного из нас. Что мне сказать? У меня есть сладкая надежда, что, когда телесные узы будут разорваны, мы будем наслаждаться этой дружбой в будущей жизни с более изысканным наслаждением, чем в этой смертной плоти. Только до тех пор мы будем жить по-настоящему благословенной жизнью, которая будет длиться вечно в присутствии Бога и в обществе святых ангелов. Тем не менее, пока мы все еще находимся в этом изгнании и пока мы усердно и неустанно трудимся в нашем призвании, каждый в соответствии со способностями, которые он получил от Господа, давайте развивать нашу дружбу, выполняя все вытекающие из нее обязательства. Мой дорогой Кэлвин, я испытываю глубочайшую благодарность за ту привязанность, которую ты проявляешь ко мне, и я приложу все усилия, чтобы стать достойным ее. Ты найдешь во мне искреннего друга.... Что касается брошюры, которую вы адресовали государствам Империи, то Лютер прочитал ее и от всего сердца хвалит. Меланхтон очень высоко оценивает ее. Крузигер безмерно любит вас и не может в достаточной степени похвалить ни одно ваше произведение. Что касается порицаний других, вам не нужно беспокоиться о них.'^[162]

Энцинас не только написал Меланхтону, но и отправился к нему. Он прибыл в Виттенберг в марте, спустя более чем два года после отъезда из города. Он подробно рассказал своему учителю о том, что с ним случилось и что он видел за эти два года; и Меланхтон, пораженный его рассказом, умолял его написать и опубликовать его. "Отчет о жестокостях, практикуемых по отношению к христианам в Нидерландах, - сказал он, - который вы видели своими глазами и который вы частично испытали на себе, поскольку ваша жизнь была в опасности, мог бы, если бы был опубликован, оказать большую услугу будущему".^[163] Энцинас сначала колебался. "В то самое время, - сказал он, - когда я был охвачен яростью бури, я терпеливо переносил свои личные страдания, считая их гораздо меньшими по сравнению с опасностями, грозящими моим братьям. Как же тогда я могу в этот час, когда, благодарение Богу, я нахожусь в порту, заставить себя рассказать свою собственную историю, словно забыв о ранах церкви?" Когда Меланхтон настаивал на своем, Франциск заявил, что сдастся, повинувшись его приказу. Друг Лютера, удовлетворенный таким образом, написал Камерарию (16 апреля 1545 г.): "Наш испанец Франциск вернулся, чудесным образом спасенный, без какой-либо человеческой помощи, по крайней мере, насколько ему известно. Я попросил его написать отчет об этих событиях, и я пришлю его тебе". Интерес, который Меланхтон проявлял к этим фактам, возможно, оправдывает то место, которое мы им отвели в истории Реформации.

ДЖЕЙМС ЭНЦИНАС В РИМЕ.

Другим горестям предстояло постигнуть испанцев, рассеянных вдали от своей родной земли. Джеймс Энцинас, старший брат Франциска, едва успел напечатать свой испанский катехизис в Антверпене, как получил приказ отца отправиться в Рим. Честолюбивый отец желал почестей и богатства для своего старшего сына. Он знал о талантах Джеймса, но не знал о его привязанности к евангельской вере и не сомневался, что если бы он был в Риме, то пробился бы к высшему положению в церкви. Там Джеймсу предстояло обрести славу иного рода. Он был глубоко опечален; он бы предпочел отправиться в Виттенберг. Но его совесть была такой нежной, его характер таким простым и прямолинейным, его послушание отцу таким абсолютным, что он чувствовал себя обязанным отправиться в столицу папства. Там он провел два или три года, не получая от этого никакого удовольствия, скорбя обо всем, чему был свидетелем, и никоим образом не втираясь в доверие к иерархии. Его способности, его

достижения, его характер вызывали уважение; но он был далек от того, чтобы чего-то добиться таким образом. Напротив, меланхолия, неудовлетворенность и даже отвращение овладевали им по отношению ко всему, что его окружало. Он видел вещи, противоречащие не только христианской истине, но и честности и добродетели. Он чувствовал, что находится в неправильном положении, и умолял своего отца позволить ему покинуть Италию, но тщетно. Старик, учитывая путь, по которому шли двое его сыновей в Германии, вероятно, полагал, что он должен, по крайней мере, спасти старшего, оставив его в Риме. Откровенный нрав Джеймса не позволял ему полностью скрывать свои убеждения, особенно от соотечественников. Фрэнсис также, который хорошо его знал, был очень встревожен за него. Он не сомневался, что его брат, если останется в Риме, будет разорен. Поэтому он умолял его перейти Альпы. Джеймс не предавался никаким иллюзиям. Он знал, что вместо почестей, о которых мечтал его отец, в городе папы он не мог надеяться ни на что, кроме позора и смерти. Поэтому он решил уступить мольбам своего брата и приготовился к отъезду.

Он, несомненно, мог покинуть Рим хитростью и тайно бежать. Но он был слишком откровенен, чтобы скрывать свои намерения. Одному из его соотечественников сообщили об этом, и он поспешил донести на него инквизиции как на еретика. Затем Джеймс был арестован и брошен в строгое заключение. Его арест наделал много шума. Испанец, обвиненный в лютеранстве! Образованный человек из древнего рода, настроенный против Церкви! Враг папы римского, живущий рядом с папой римским! Какие странные вещи! Поэтому инквизиция решила превратить этот судебный процесс во внушительное мероприятие. На его допросе присутствовало "великое собрание римлян". Джеймс появился в присутствии не только инквизиторов, но и кардиналов, епископов и всех выдающихся испанцев, находившихся тогда в Риме, а также нескольких представителей римского духовенства. Если папам не удалось, несмотря на их усилия, удержать Лютера в своих руках, то теперь по крайней мере один из его учеников был в их власти. Джеймс Энцинас в присутствии этого внушительного собрания осознал, что Бог внезапно дал ему, причем в самом Риме, возможность прославить себя и раз и навсегда выполнить работу, которой он хотел посвятить всю свою жизнь. Он набрался смелости. Он прекрасно понимал, что перед ним открывается "львиная пасть", пропасть смерти. Но ни торжественность часа, ни блеск двора, ни мысль о том, что его вот-вот унесет роковой удар, ни все, что было ему дорого на земле, не могли заставить его свернуть с прямого пути. "Он с великим постоянством и святым дерзновением отстаивал истинное учение Евангелия", - говорит хронист. Стоя таким образом в присутствии князей римской церкви, несмотря на всю их пышность, он думал, что верность требует от него разоблачения их заблуждений. "Он немедленно осудил, - говорит рассказчик, - безнравственности дьявольские козни великого римского антихриста". При этих словах трепет пробежал по собранию. Весь двор был в смятении. Прелаты, раздосадованные услышанным, пришли в возбуждение, как будто под влиянием какого-то острого нервного раздражения. Они вскрикнули от изумления и гнева. Испанцы особенно не могли сдерживаться. "Внезапно не только кардиналы, но и те из его собственной страны, кто присутствовал, начали громко кричать, что его следует сжечь". [164]

ЕГО МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ.

Однако после небольшого размышления суд придерживался иного мнения. Считалось, что если испанец публично осудит в Риме свои так называемые ошибки, слава папства станет еще больше. Говорившего окружили, и ему сказали, что если он появится на площади и отречется от своей ереси, Церковь снова примет его как одного из своих детей. Его соотечественники

столпились вокруг него и описывали почести, которых он мог бы тогда достичь. Но при таком условии он не искупил бы свою жизнь. Он предпочел бы прославить Христа и умереть. Гнев его врагов вспыхнул с новой силой. "Эти свирепые служители всякого нечестия и жестокости, - говорит хронист, - стали еще более свирепыми, чем прежде". Затем Иаков взошел на костер, с непоколебимым мужеством утверждая, что вся его надежда - на Христа. Не испуганный помпезностью, которая окружала его, и показной преданностью своих соотечественников, с сердцем, всегда устремленным к Богу, он смело и твердо прошел в самую гущу пламени, исповедуя имя и истину Сына Божьего до своего последнего вздоха. Так этот добрый слуга Божий закончил свою жизнь славным мученичеством посреди всего нечестия и, что удивительно, в самом городе Рима".[165]

При известии о его смерти его братья и друзья были преисполнены скорби. Сначала Фрэнсис почувствовал только удар, который обрушился на его самые нежные чувства. В то самое время, когда он ежедневно ожидал объятий своего брата, он узнал, что все, что от него осталось, - это горстка пепла, которую бросили в Тибр. Эта жестокая смерть, произошедшая как раз тогда, когда Карл Пятый пытался сокрушить протестантизм, и черные тучи, сгущавшиеся со всех сторон, навевали на него самые печальные мысли. "Бог, несомненно, готовит какое-то великое устройство, о котором мы ничего не знаем", - сказал он. Повсюду он видел только беспорядок и неразбериху. В этот час уныния он получил сочувственное и утешительное письмо от Кальвина.[166] Реформатор направил мысли своего друга к блаженной жизни после смерти, в которой верующие имеют привилегию пребывать со Христом. "Я не невежда, - ответил Энцинас, - насколько правдивы вещи, которые вы мне пишете. Но мы люди, и немощи плоти окружают нас. Мы не можем, нет, мы не должны отбрасывать всякое чувство печали. Но посреди этого горя я радуюсь, что этому храброму христианину было дано столько постоянства в исповедании истины, и я убежден, что с какой-то мудрой целью мой брат был перенесен в это вечное собрание блаженных, где самые возвышенные духи теперь приветствуют его этой триумфальной песнью: *Это те, кто омыл свои одежды и убелил их кровью Агнца*." Франциск в своем горе не забыл свою родину. "Дай Бог, - сказал он, - чтобы весть об этом божественном огне,[167], которым горела душа моего брата, распространилась по всей Испании, чтобы благороднейшие умы, воодушевленные его примером, смогли наконец покаяться в нечестии, в котором они сейчас живут". Это письмо Энцинаса Кальвину было написано из Базеля 14 апреля 1547 года.

ГЛАВА V.

ФАНАТИЗМ И БРАТСКАЯ ЛЮБОВЬ. ХУАН ДИАС.

(1545-1547.)

ВРАЖДА БРАТЬЕВ.

История, как священная, так и мирская, начинается, так сказать, с братской вражды. Каин и Авель, Атрей и Фиест, Этеокл и Полиник, Ромул и Рем своей убийственной ненавистью открывают происхождение человеческого общества или зарождение империй. Это замечание выдающегося мыслителя, г-на Сен-Марка Жирардена, можно продолжить дальше. В первые

дни христианства Иисус, возвещая своим ученикам об ожидающих их невзгодах, сказал: *Брат предаст брата на смерть*. Подобное неестественное поведение можно встретить и во вторую великую эпоху христианства, эпоху Реформации. Странно! что доктрины, столь достойной любви, должно быть достаточно, чтобы возбудить ненависть к тем, кто ее исповедует, и даже ненависть такого чудовищного рода, что проявляется в братоубийстве.

Братская любовь - одна из самых прекрасных черт человеческой природы. Брат - это друг, но друг, созданный нами самими. У братьев один и тот же отец, одна и та же мать, одни и те же предки, одна и та же молодежь, одна и та же семья и еще много чего общего. Брат - это не просто друг, которого мы встречаем и цепляемся за него, хотя это немалое благословение; это друг, данный Богом, второе "я". Но как раз пропорциональна святости уз братства глубина зла, когда им пренебрегают. Чем ближе брат стоит к брату, тем глубже рана, нанесенная при их столкновении. Тогда самые благородные чувства нашей природы оказываются растоптанными, и не остается ничего, кроме самых эгоистичных, самых диких инстинктов. Человек исчезает, и его место занимает тигр. Хотя история Реформации дает нам примеры нежнейшей братской привязанности, как, например, в случае с энзинами, она также представляет нам некоторые из тех трагических катастроф, которые должны вызвать у нас крик ужаса.

ХУАН ДИАС.

Среди испанцев, учившихся в Париже около 1540 года, помимо Джеймса Энзины, был молодой человек из Куэнсы по имени Хуан Диас. Добившись хорошего начала в Испании, он отправился в 1532 году, чтобы завершить свое обучение в Париже, в Сорбонне, в Королевском колледже, учрежденном Франциском I. Там, благодаря своим успехам в учебе, он вскоре занял выдающееся положение среди студентов. Сначала он, как истинный испанец, занялся схоластическим богословием. Он сблизился с одним из своих соотечественников, Питером Мальвендой, человеком старше его самого и доктором Сорбонны, который впоследствии много работал у Гранвеллы и Карла Пятого. Мальвенда был человеком, богатым ресурсами, но также полным предрассудков, суеверий и гордыни, которые являются обычной чертой римских врачей. Диас, напротив, отличался большой кротостью, доброжелательностью, прямоотой и простотой, честностью, прямолинейностью, благоразумием и чистотой жизни. Обладая глубоким чувством ценности священных писаний, он стремился прочесть их в оригинале и поэтому с неослабевающей серьезностью изучал иврит и греческий. Чтение священных книг открыло перед ним новый мир. Конфликт между двумя доктринами, который волновал христианский мир, начался внутри него самого. Во что он должен верить? Усердный в молитве, говорит один из его биографов, он очень горячо молил Бога дать ему чистое знание его святой воли.^[168] Он сблизился со своим соотечественником Джеймсом Энзиной, и они вместе читали Священные Писания, Джеймс давал им объяснение. Глаза Диаса открылись, и тот же Дух, который вдохновлял священных писателей, открыл ему Спасителя, которого они провозглашали. Он прилепился к нему верой и с тех пор искал праведности только в нем. Он отказался от схоластического богословия, принял Евангелие и стал общаться с людьми, разделявшими его собственные убеждения. Среди них были Клод де Сенарклен, Мэтью Буде, сын знаменитого Уильяма Буде, и Джон Креспен, сын юрисконсульта из Арраса, адвоката парижского парламента. Впечатленный красотой евангельской доктрины, Диас был убежден, что не должен скрывать ее. Он горел желанием "продемонстрировать это миру", - сказал он. В то же время он чувствовал потребность получить больше знаний и силы, а также укрепиться в вере под руководством опытных учителей. Поэтому он покинул Париж и отправился в Женеvu

вместе с Мэтью Буде и Креспеном, "чтобы увидеть состояние церкви в этом городе и замечательный порядок, который там был установлен". Диас остановился в доме священника Николаса де Галлара. Этот визит состоялся в 1545 году.^[169]

После беседы с великим реформатором, изложения его веры и получения одобрения его учения как доброго и святого, Диас счел желательным посетить евангелические церкви Германии. Его пребывание продлилось примерно до трех месяцев, а затем он отправился сначала в Базель, а затем в Страсбург. Буцер и его друзья были в восторге от молодого испанца, от его знаний, талантов, приятных манер и особенно от его набожности. Будучи допущен к близкому общению с ними, он все более и более полно погружался в знание евангельских доктрин и дел. Он наслаждался беседой этих христиан и свободными и сердечными манерами, которые царили среди них. У него и в мыслях не было покидать Страсбург, но одно обстоятельство, произошедшее примерно шесть месяцев спустя, привело к его увольнению.

В РАТИСБОНЕ.

Поскольку протестанты отказались признать Тридентский собор, который открылся в декабре 1545 года, палатинский курфюрст предложил провести беседу между двумя партиями, и эта конференция открылась в Ратисбоне 27 января 1546 года. Буцер был назначен одним из делегатов от Реформации; и сенат Страсбурга, рассудив, что испанец, перешедший из католицизма в протестантизм, человек, богатый знаниями и добродетелями, будет иметь большой вес в дискуссии, связал Диаса с его другом. В Ратисбоне Буцер и Диас нашли в качестве защитников папства Мальвенду, которого Диас знал в Париже, Коклеуса,^[170] и монаха-кармелита Биллика. Эти трое были полны решимости поддерживать самые крайние доктрины папства; видя, что собор в сборе, они опасались, что, если они пойдут на какие-либо уступки, на них обрушатся те же анафемы, что и на протестантов. Без колебаний Диас отправился к Мальвенде. Мальвенда был его старшим, и он должен был выразить ему свое почтение. Возможно, он надеялся, что узы, которые раньше объединяли их, дадут ему некоторое влияние на умы своего соотечественника. Поэтому, представившись одному из своих друзей, он с предельной простотой сказал ему, что прибыл в Ратисбон вместе с Буцером с целью защиты доктрин Реформации. Мальвенда не мог поверить ни собственным глазам, ни ушам. Некоторое время он пребывал в изумлении, как будто перед ним появилось какое-то чудовище.^[171] Выражение его лица и остальная скованность его движений выдавали его удивление и тревогу. Наконец он сказал: "Что? Хуан Диас в Ратисбоне! Хуан Диас в Германии, в компании протестантов!... Нет, я обманут; передо мной призрак, действительно похожий на Диаса ростом и чертами лица, но это всего лишь пустой образ!" Молодой испанец заверил доктора, что он действительно присутствует перед ним. - Несчастный человек, - сказал Мальвенда, - разве ты не знаешь, что протестанты будут гораздо больше гордиться тем, что привлекли к своему учению одного-единственного испанца, чем если бы они обратили в свою веру десять тысяч немцев или бесконечное количество людей других наций? Диас удивился этим словам, ибо ему казалось, что суверенная воля может обратить испанца в свою веру так же легко, как и немца. Тогда Мальвенда, больше не сомневаясь в реальном присутствии Диаса во плоти и крови перед ним, обрушился на него с вопросами, удар за ударом. "Ты давно в Германии? Что тебя беспокоит, что ты пришел в эти края? Понимаешь ли ты доктрину Мартина Буцера и других немцев?" и так далее. Диас, обладавший большим присутствием духа, чем его хозяин, ответил тихо и скромно: "Я пробыл в этой стране почти шесть месяцев. Целью моего приезда было увидеть здесь религию, утвержденную в ее чистоте, и посоветоваться с учеными

людьми, которых здесь можно найти. Истинное познание Бога превыше всего; и в столь важном вопросе я предпочел бы доверять своим собственным глазам, чем ложным сообщениям злых людей. У меня было желание увидеть *этот яд*; и поскольку я нахожу, что церкви Германии находятся в согласии с древностью и имеют в свою пользу вечное согласие апостолов и пророков, я не могу отвергнуть их учение".[172]

Это восхищение Германией очень удивило Мальвенду. - О! - воскликнул он. - До чего же жалко жить в этой стране! Для любого человека, который любит единство Рима, пребывание здесь в течение шести недель является таким же гнетущим бременем, как шесть лет; нет, скорее, скажем, шесть столетий. Шесть дней в Германии делают меня старше, чем долгая жизнь. Каждый честный человек должен остерегаться того, чему здесь учат. Гораздо больше должен остерегаться ты, Диас, кто принадлежит к стране, в которой всегда процветала религия нашей святой матери Церкви. Поэтому уважай свою репутацию и не навлекай бесчестия ни на себя, ни на свою семью, ни на всю испанскую нацию". Поскольку Диаса сопровождал один из его друзей, Мальвенда, смутившись, не стал развивать эту тему дальше. Но они договорились встретиться снова.

Мальвенда приготовился использовать свои прекрасные риторические способности для нанесения самых тяжелых ударов с целью вернуть в римское стадо эту овцу, которая, как он думал, заблудилась. Когда Диас появился снова, на этот раз один, Мальвенда сказал: "Разве ты не понимаешь всех опасностей, которые угрожают одновременно твоему телу и твоей душе? Разве ты не видишь грозных ударов грома от папы римского, наместника Сына Божьего, которые вот-вот обрушатся на тебя? И разве ты не знаешь, каким ужасным проклятием поражаются те, кого он отлучает от церкви, так что они становятся чумой рода человеческого? Хорошо ли в таком случае отваживаться ради мнения небольшого числа людей разжигать мятеж во всех странах и нарушать общественный покой? Разве ты не боишься суда Божьего и отвращения всех твоих соотечественников?" Приняв затем самый любезный вид, он продолжил: "Я обещаю помочь тебе, оказать тебе поддержку в этом вопросе в меру своих сил. Но не жди, пока император прибудет в Ратисбон; иди ему навстречу, упав к ногам его духовника и умоляй его простить твой проступок.

"Я не боюсь, - скромно, но решительно ответил Диас, - подвергать себя опасности с целью отстаивания небесного учения, от которого зависит наше спасение, или даже проливать свою кровь, чтобы засвидетельствовать религию Христа. Для меня это было бы большой честью и великой славой".

ЕГО ИНТЕРВЬЮ С МАЛЬВЕНДОЙ.

Мальвенда вздрогнула при этих словах. Если то, что сказал Диас, было правдой, то то, что сказал Рим, было ложью; и все же его соотечественник был готов умереть, чтобы засвидетельствовать истинность своей веры. "Нет, - воскликнул священник, - папа, наместник Христа, *не может ошибаться*". "Как? - продолжал Диас. - папы непогрешимы! Чудовища, оскверненные внутри и снаружи чудовищными преступлениями, безошибочны!" Мальвенда признал, что некоторые из пап вели нечистый образ жизни; но, поскольку ему не терпелось оставить эту тему, он заявил Диасу, что приходить на беседу - просто потеря времени, и что ничего хорошего из этого не выйдет. Он добавил, что если Диас хочет принести какую-то пользу, он должен пойти на Тридентский собор, который был учрежден папой римским и в

котором приняли участие многие прелаты. Диас ушел от врача, решив больше не встречаться с ним наедине.[\[173\]](#)

Теперь молодой испанец погубил себя из-за доктора. Привязанность, которую Мальвенда испытывал к нему, сменилась непримиримой ненавистью, и поскольку ему не удалось завоевать его расположение, его единственной мыслью теперь было погубить его. С этой целью он обратился к духовнику Карла Пятого, о влиянии которого ему было известно. "Сейчас в Ратисбоне, - писал он, - находится молодой испанец, которого я когда-то знал в Париже как послушного сына Рима, но который теперь называет себя врагом церкви и другом лютеран. Если такие вещи будут допущены, Испания будет потеряна, и вы увидите, как она заявит, что сбросила со своих плеч бремя, которым, по ее словам, она была подавлена. Я умоляю вас предотвратить такое бедствие, даже если это необходимо с помощью насильственных средств". Мальвенда не удовлетворился написанием одного письма. Поскольку исповедник не дал ответа, он написал другие письма, "гораздо более резкие и неистовые, чем первое".

Де Сото ответил не сразу, потому что был сбит с толку. Он был вполне способен почувствовать ценность такого человека, как Хуан Диас; и, что бы там ни говорили хронисты, ранее он был поражен превосходительствами Энцинаса и не удивился его побегу. Более того, этот случай был по-настоящему сложным. Диас, будучи одним из депутации, отправленной на совещание, одобренное императором, был защищен от насильственных мер, за исключением возобновления нарушения веры, жертвой которого стал Ян Гус. Как раз в то время, когда исповедник получил от Мальвенды свое последнее жестокое письмо, с ним был другой испанец по имени Маркина, которому была поручена миссия в Риме, о которой он беседовал с исповедником. "Смотрите, - сказал Де Сото, - какие неприятности доставляют нам наши испанцы", - и он прочитал ему письмо Мальвенды. Маркина, который был старым другом Хуана Диаса, всегда считал его образцом честности и благочестия. Поэтому он сказал Де Сото: "Не верьте заявлениям Мальвенды. Им, без сомнения, движет какая-то личная недоброжелательность. Верьте, скорее, публичным свидетельствам хороших людей, которые во все времена одобряли характер и доктрину Диаса". Но Де Сото это не убедило. "Мы должны, - сказал он, - либо обратить его, либо убрать с дороги". Имел ли он в виду, что его должны были заключить в тюрьму или предать смерти? Последнее представляется наиболее вероятным выводом. Тем не менее Де Сото был не таким черным, каким его изображают протестантские писатели. В 1560 году он был привлечен к уголовной ответственности инквизицией Вальядолида по подозрению в лютеранстве.[\[174\]](#) Его общение с такими людьми, как Энцинас и Диас, вполне могло впоследствии сделать его более справедливым по отношению к доктрине, которую он сначала осудил. Маркина отправилась в Рим.

АЛОНСО В ГЕРМАНИИ.

В этой столице жил брат Хуана Диаса по имени Алонсо, адвокат, практиковавший в римских трибуналах. Маркина рассказала ему все, что он слышал о Хуане. Алонсо любил своего брата, но еще больше он любил Рим. Поэтому при этом известии он погрузился в глубокую меланхолию. Хуан - еретик! Какое несчастье для него, но какое оскорбление также и для Церкви! Алонсо, хотя и не был закоренелым фанатиком, был вспыльчив и был поражен тем мрачным и жестоким безумием, которое воображает, что защищает церковь Божью, преследуя тех, кто придерживается противоположных доктрин. Он не был лишен привязанности к своим

родственникам; но он был безжалостен к ним, если они когда-либо нападали на веру. Он предпочел бы, чтобы все они погибли, чем были виновны в оскорблении Церкви. Он был не только суеверен, но и фанатичен; а фанатизм для суеверия то же, что бред для лихорадки. Как только ему сообщили о письмах, которые Мальвенда написал духовнику, Алонсо решил отправиться в Германию и использовать все доступные средства, чтобы вернуть своего брата к вере или возместить ущерб, нанесенный им Церкви. Он выбрал себе в слуги человека с дурной репутацией, занял пост и как можно скорее отправился в Аугсбург, а оттуда в Ратисбон, где рассчитывал найти своего брата. Это путешествие было совершено в марте 1546 года. Конференция как раз подходила к завершению, так ничего и не достигнув, а Хуан Диас уже покинул Ратисбон.

Алонсо был сильно раздосадован этой новостью и решил без промедления встретиться с Мальвендой. У последнего не было никаких колебаний относительно того, что нужно было делать. "Пусть я доживу до того дня, - сказал он, - когда Хуан Диас будет сожжен ... и его душа таким образом будет спасена". "Грубая речь, - говорит Креспин, друг Хуана, - совершенно дьявольская и достойная вечного гнева". Но в те времена заблуждений, когда люди воображали, что ложное учение должно караться, как любое обычное преступление, вполне возможно, что этот священник, произнося пожелание, чтобы душа была спасена ценой тела, мог вообразить, что это действительно благочестивая и милосердная речь. Человеческое пониманиетогда, как и на протяжении веков, глубоко и прискорбно ошибалось в этом вопросе.

Мальвенда и Алонсо вместе обсуждали, что следует предпринять. Прежде всего, сказали они, необходимо самым тщательным образом расспросить, в каком месте, стране, городке или деревушке в то время находился Хуан. Мальвенда вызвал к себе испанца из своего дома, которому он полностью доверял, и велел ему выяснить, где, как предполагалось, скрывается Хуан. Этот испанец, который был хитрым человеком, придумал историю, которая, как он думал, обеспечит ему успех, и представился одному из друзей Хуана — Сенаркленсу или другому, мы не знаем. "Очень важные письма, - сказал он, - адресованные Диасу, прибыли к императорскому двору. Если он их получит, это будет для него большой выгодой. Поэтому мы просим вас немедленно сообщить нам, в какое место мы можем их доставить". Друг Диаса, который знал, с кем он имеет дело, ответил: "Мы не знаем, где он; но если у вас есть какие-либо документы, которые вы должны переслать ему, пожалуйста, передайте их нам, и мы позаботимся о том, чтобы они дошли до него в целостности и сохранности".

Алонсо и Мальвенда, сильно разочарованные таким ответом, придумали новый трюк, успех которого казался им безошибочным. Испанец вернулся к другу Диаса и сказал: "Вопрос не только в документах; сейчас в отеле Crown находится джентльмен, большой друг Диаса, который приносит ему новости и письма высочайшей важности. Он обязан доставить их ему лично. Пожалуйста, приходите и поговорите с ним в гостинице."[\[175\]](#)

АЛОНСО НАХОДИТ ХУАНА.

Хитрость Алонсо удалась настолько, насколько ему хотелось. Вскоре он обнаружил место, где жил его брат. Хуан, о приближении Карла Пятого,[\[176\]](#) почувствовал, что он не может оставаться в Ратисбоне, и поэтому отправился в Нойбург, где он подвергался меньшему риску, чем в Ратисбоне, поскольку город находился под юрисдикцией Отто Генриха, курфюрста палатинского. Там он руководил печатью произведения Буцера.[\[177\]](#) Для него было большой неожиданностью увидеть своего брата, о привязанности которого к папству он хорошо знал.

Первые дни их встречи прошли в болезненных дебатах. Алонсо приложил всю свою энергию, чтобы оторвать своего брата от ереси. Он привел лучший из всех аргументов, которые, по его мнению, могли его убедить. Он напомнил ему о позоре, который отразится на имени его семьи, об опасностях, которым он подвергал себя, о тюрьме, ссылке, эшафоте и костре, которым ему угрожали. Хуан оставался непреклонным. "Я готов, - ответил он, - вытерпеть что угодно ради публичного исповедания доктрины, которую я принял". Не сумев запугать своего брата, Алонсо попытался соблазнить его. Он предложил ему богатство и почести, которыми Рим охотно заплатил бы за примирение со своими врагами. "Следуй за мной в Рим, - сказал он, - и все это твое". Хуан был еще менее открыт для мирских притязаний, чем для угроз возможной опасности.

Вскоре Алонсо понял, что эти методы ему ничего не дадут, и поэтому изменил свою тактику. Он притворился, что сам был покорен верой и великодушным чувством своего брата, и заявил, что перешел на сторону Евангелия. "Поезжай со мной в Италию, - сказал он, - там ты найдешь большое количество душ, открытых для познания истины, и среди них у тебя будет возможность совершить великую работу милосердия. В Германии в изобилии есть благочестивые люди, способные наставлять ее. Италия в них нуждается. Пойдем со мной." Хуан был почти увлечен этим призывом. Однако ему хотелось посоветоваться со своими друзьями. Они отговорили его от такого предприятия и вызвали подозрения в искренности брата. Диас все еще колебался. Он написал Бернарду Очино, пастору в Аугсбурге: "Я должен закрыть глаза на мир, чтобы следовать только зову Христа. Пусть он будет моим светом, моим проводником, моей поддержкой! Я еще не принял решения. Отправиться ли мне в путь или остаться здесь, я желаю только исполнять волю Бога. Я уповаю на Христа, который обещает мне счастливый исход". Его друзья Буцер, Сенаркленис и другие в тревоге поспешили к нему, и в конце концов им удалось отговорить его покинуть приют, в котором он был в безопасности под защитой палатинского курфюрста.

Алонсо, хотя и был глубоко раздосадован, скрыл свой гнев. Он сказал, что ему следует лелеять память о приятных моментах, которые он провел в обществе своего брата; он унес в себе свет, которому не позволит погаснуть; он вверил себя молитвам этого брата, ставшего его отцом в Иисусе Христе. Он много плакал и 26 марта 1546 года отправился в путь в сопровождении своего слуги. Последний был человеком, привыкшим к пролитию крови. Он был палачом и торговал тем, что продавал свои услуги любому, кто хотел избавиться от врага с помощью меча или яда. Двое мужчин отправились в Аугсбург, тщательно скрывая свое присутствие. На следующий день, переодевшись, они вернулись той дорогой, по которой пришли. По дороге Алонсо купил плотницкий топорик. Он переночевал в деревне недалеко от Нойбурга, а 27 марта, как раз на рассвете, он снова вошел в город вместе с человеком, который состоял у него на службе. Этот человек постучал в дверь дома, в котором жил Диас, и, показав несколько писем, которые, по его словам, он привез от своего брата, попросил впустить его. Несмотря на ранний утренний час, ему разрешили войти в дом, и он поднялся по лестнице, в то время как Алонсо ждал внизу, готовый помочь в случае необходимости.

БРАТОУБИЙСТВО.

Хуан, вздрогнув, проснулся, встал и, полуодетый, вышел из своей комнаты и с радушием принял посланца своего брата. Тот вручил ему письмо. Все еще слабый свет рассвета едва проникал в

комнату; Хуан подошел к окну и начал читать. Алонсо поделился со своим братом опасениями за свою личную безопасность. "Прежде всего, - сказал он, - не доверяй Мальвенде, который жаждет только крови святых. Издалека я наблюдаю за вами, и, делая вам это предупреждение, я выполняю долг братского благочестия".^[178] Пока Диас читал, убийца подошел к нему и, вооружившись топориком, который он прятал под плащом, вонзил его по самую рукоятку в череп несчастного над правым виском. Удар был настолько сильным, что жертва упала, не произнеся ни слова. Убийца подхватил его на руки и тихо положил на пол, а затем убежал, не производя никакого шума, который мог бы выдать только что совершенное ужасное деяние.

Друг Диаса Сенаркленс, который спал в своей комнате, не слышал ничего, кроме шагов убийцы, когда тот спускался по лестнице. Он поспешно поднялся, подбежал к своему другу и обнаружил, что тот умирает. Топор остался воткнутым в рану. Хуан Диас прожил еще час, но больше не заговорил. Его руки были сложены, губы шевелились, словно в молитве, а глаза, устремленные к небу, показывали цель, к которой он прижимался.

Тем временем ассасины летели так быстро, как только могли нести их лошади. Быстро преследуемые, они прошли через Аугсбург без остановки и, наконец, нашли убежище в Инншпрухе, во владениях эрцгерцога Фердинанда, короля римлян. Вся Германия была взбудоражена этим отвратительным преступлением, и отовсюду требовали наказания виновных. Но благодаря вмешательству императора они избежали заслуженного осуждения, и, если верить Кастро,[ГИПЕРССЫЛКА \l "X1a24679e57a1f83fe134dbe2".\](#)

ГЛАВА VI.

ИСПАНЦЫ В ИСПАНИИ.

(1534-1542.)

Евангельские учения медленно распространялись в Испании; их продвижение было незаметным, но от этого не менее быстрым. Католик Иллескас в своей *Папской* истории утверждает, что "число, ранг и важность *преступников* были столь велики, что, если бы применение средства правовой защиты было отложено на два или три месяца, вся Испания была бы охвачена пожаром". Реформация привела бы к спасению этого народа не только в моральном и религиозном смысле, но и в отношении национального процветания и величия. К сожалению, папство и Филипп II. последнее слово осталось за ними, и они обеспечили его гибель.

БАРТОЛОМЬЮ КАРРАНСА.

Мы видели, что Евангелие было хорошо принято в Севилье, на юге; точно так же его приветствовали в Вальядолиде, на севере, обычной резиденции короля. Был один человек, который в ту эпоху благодаря своим способностям, должностям, на которые он был возложен, порученным ему миссиям и своему религиозному характеру играл важную роль в Испании. Он слыл одним из самых яростных врагов евангельской истины; и таковым он действительно был, но в конечном счете он сам стал евангелистом, по крайней мере, в существенных моментах. Это

был Бартоломью Карранса, который родился в 1503 году в Миранде, в Наварре, и в то время преподавал теологию в Вальядолиде, вызвав бурные аплодисменты. Он завершил свое обучение в университете Алькалы и в 1520 году вступил в доминиканский орден. Когда он учился в колледже Святого Григория Вальядолидского в 1527 году, он выступил в защиту Эразма и, следовательно, был донесен Святой канцелярии. В еще более ранний период он беседовал с доминиканцем старше себя, профессором Майклом де Сен-Мартеном, о *вопросах, касающихся совести*. Доктор обнаружил, что молодой монах сильно ограничивал власть папы римского. За это он был упрекнут и в конечном итоге передан Святой канцелярии (19 ноября 1530 г.). Но эти два обвинения ни к чему не привели. Было установлено, что доказательств было недостаточно для подтверждения обвинения. После возобновления доносов в более поздний период Карранса, который к тому времени стал архиепископом, был помещен под арест. В раннем возрасте он почувствовал некоторое пристрастие к правде. Если бы он жил посреди евангельского света, он бы с радостью принял его; но римская тьма удерживала его и долгое время сбивала с пути истинного. В 1534 году он был назначен профессором богословия в Вальядолиде, а в 1539 году был назначен делегатом в Рим для участия в заседании капитула своего ордена. Он отстаивал там некоторые тезисы с таким успехом, что папа Павел III разрешил ему читать запрещенные книги. Впоследствии чтение этих книг принесло ему пользу. В то время он пользовался репутацией ревностного католика. Его неприятие еретиков, оливковый цвет лица и мрачный костюм его ордена принесли ему прозвище *черный монах*. Тем не менее он проявил в целом незаурядный ум, и вследствие этого Карл Пятый рано выделил его из толпы. Если он и был тогда сильно привязан к римским доктринам, то искренне, потому что верил в их истинность; и более того, он был чужд мелких церковных суеверий.^[180]

Учение Каррансы, возможно, способствовало тому, что Евангелие стало привлекательным для молодых умов Вальядолида. Сначала они проявляли некоторую робость, но примерно в середине столетия жестокая смерть одного из самых ревностных испанских христиан вдохновила их на большее рвение и отвагу. Среди учеников Каррансы был дон Доминго де Рохас, сын маркиза Посы - имя, прославленное великим поэтом, — мать которого была дочерью графа Селинаса. Этот молодой человек, предназначенный родителями для церкви, был дружелюбным, честным, любящим истину, остро восприимчивым и впечатлительным, наделенным также мужеством, но не той непоколебимой твердостью, которая присуща сильным личностям. Он с энтузиазмом слушал лекции Каррансы, который в некоторых случаях использовал фразы реформаторов, осуждая их доктрины. Впоследствии то же самое было сделано Тридентским собором, на который Карл Пятый направил Каррансу в качестве делегата. Он обычно говорил, что человек после своего грехопадения не мог быть оправдан силой природы; но что он оправдан Иисусом Христом. Однако к этим утверждениям он добавил объяснения, которые ослабили их. "Нравственная сила человека, - сказал он, - действительно уменьшена, но не уничтожена; он способен склонять себя к праведности, а вера оправдывает лишь постольку, поскольку к ней добавляется милосердие".

Вскоре Доминго проявил меньше робости, чем его учитель. Он отбросил все, что ослабляло доктрину, и принял чистую веру, почерпнутую из Слова Божьего. В то же время, когда он слушал Каррансу, он читал Лютера и Меланхтона и считал их доктрины более евангельскими и более могущественными, чем доктрины его учителя. Профессор боялся, что его ученик станет еретиком и поднимет других. То, что Роксасу казалось дружелюбным светом, Каррансе показалось сигналом к пожару. Тщетно он пытался доказать молодому де Роксасу, что такое месса и чистилище. Последний, понимая, что истина является достоянием всех, донес ее до

окружающих. Он пустил в обращение труды реформаторов; другие он сочинял сам. Среди последних было "Изложение веры". С помощью этих средств он привлек к Евангелию нескольких жителей Вальядолида. Он столкнулся с противодействием со стороны некоторых членов своей собственной семьи; но он нашел доступ к другим, а также к нескольким знатым домам Кастилии.[181]

АВГУСТИН КАСАЛЬЯ.

Другой молодой кастилец, Августин Касалья, современник Роксаса, в возрасте семнадцати лет имел Каррансу в качестве своего духовника; и он посещал, одновременно с Доминго, лекции этого прославленного мастера в колледже Святого Григория в Вальядолиде. Его отец был директором королевских финансов, а его мать Леонора (чья девичья фамилия была де Виберо), подруга друзей Евангелия, открыла им свой дом и свободно принимала беженцев, изгнанных преследованиями из их собственных жилищ. По этой причине дом Леоноры впоследствии был разрушен, и на его руинах фанатики воздвигли монументальный камень, который сохранился там до наших дней.[182] Касалья завершил свое обучение в Алькале, стал каноником Саламанки и занял первое место среди испанских проповедников. Обстоятельства, в которые он попал, и особенно гостеприимство его матери, подготовили его к принятию Евангелия. Его даже обвинили в том, что он "открыто преподавал в лютеранских собраниях Вальядолида". Однако, похоже, что он публично не заявлял о своей приверженности Слову Божьему до тех пор, пока император, назначив его своим проповедником и раздавателем милостыни, не взял его с собой в Германию, где он часто общался с лютеранами.[183]

Еще до того, как Касалья принял решение обратиться к Евангелию, дон Доминго де Роксас нашел могущественного помощника в евангелизации Вальядолида и его окрестностей. Итальянский дворянин Дон Карлос де Сесо, уроженец Вероны, происходивший из одной из знатных семей страны, отличился на службе императору и, по-видимому, в раннем возрасте кое-что узнал о доктрине Реформации. Он поселился в Испании и во время своего пребывания в Вальядолиде сблизился с евангельскими христианами этого города. У него был развитый ум, большое благородство характера, джентльменские манеры и большое рвение к истине. Став испанцем, он выполнял в своей приемной стране определенные гражданские функции; и это давало ему возможность с большей свободой распространять знание Евангелия. Он ревностно делал это в некоторых городах, расположенных к востоку от Вальядолида, на берегах Дору; в Торо, где через эту реку перекинуты многочисленные арки огромного моста, и где Сесо был *коррехидором*; и, несколько дальше на восток, в меланхоличной и мрачной Заморе, которую Сид отвоевал у мавров и где были видны руины его дворца. В следующий раз его активные усилия проявились в другой четверти. Мы находим его провозглашающим любовь Божью в Иисусе Христе в Валенсии, к северу от Вальядолида, под самыми стенами его прекрасного собора. Впоследствии он женился на донье Изабелле де Кастилья, племяннице епископа Калахорры и потомке короля Педро Жестокого, и поселился на вилле Медиана. Здесь он добился большого успеха в евангелизации Логроньо и лежащих вокруг богатых и плодородных районов, которые орошаются рекой Эбро. Дон Карлос де Сесо был замечателен энергией своей веры, живостью своего языка и преданностью всего своего существа Иисусу Христу. Он должен был засвидетельствовать свое мужество в момент смерти, обратившись к жестокому Филиппу II. к самому себе, чей фанатичный ответ стал знаменитым.[184]

DE ROXAS.

У дона Доминго де Рохаса была сестра, маркиза Альканьес, характер которой был очень похож на его собственный и которая, как и он, привязалась к Каррансе, но с еще большим энтузиазмом. Она нашла в нем верного, набожного и бескорыстного наставника; не режиссера, а друга-христианина. Она, как и ее брат, часто беседовала с Каррансой. Доминго однажды с радостью говорил о полном оправдании грешника благодатью Христа. "Но, - добавил он, - я не вижу, как эту истину можно совместить с чистилищем". "Не было бы большого вреда, - сказал Карранса, - если бы чистилища не было". Доминго был поражен и в ответ сослался на решения церкви. Затем его учитель завершил дискуссию, сказав: "В настоящее время вы не способны досконально разобраться в этом вопросе". Через некоторое время Доминго, убежденный в том, что оправдание человека является сутью христианства, вернулся к теме; и Карранса сказал ему, что он не видит в Священном Писании никаких ясных доказательств существования чистилища.^[185] Де Роксас обрадовался, услышав это, ибо больше всего на свете он желал, чтобы его учитель безоговорочно принял доктрины Евангелия. Но это оказалось не так просто, как он думал, и всякий раз, когда он предпринимал робкую попытку склонить его к их усыновлению, Карранса сразу же останавливал его. "Берегись, - сказал он, - не дай своим талантам увлечь тебя". Затем ученик удалился в унынии. Отказ Каррансы следовать за ним во всех евангелических доктринах "возбудил его глубочайшее сострадание", а также причинил ему величайшее горе. "Ибо, - сказал он, - если бы дон Бартоломею полностью принял истинную веру, он убедил бы мою сестру принять ее, настолько маркиза полностью разделяет его мнение". Преисполненный уверенности, Роксас добавил: "Я все еще надеюсь увидеть, как произойдут эти перемены". И, все больше и больше прельщаемый своими надеждами, он воскликнул: "Если в Каррансе произойдут такие большие перемены, как эта, *король и вся Испания примут эту религию*".^[186]

Вера Каррансы, казалось, действительно стала ярче и реальнее, так что прекрасные воздушные замки, которые строил молодой и пылкий Де Рохас, были не совсем безосновательными. Однажды, вскоре после этого, Карранса, проповедуя в Вальядолиде на Страстной неделе, внезапно был увлечен живостью своей веры и теплотой своей любви к Спасителю; и говоря так, как будто он видел разверзшиеся небеса, как будто он различал не только образ Спасителя, но и самого распятого Спасителя, он с энтузиазмом говорил о невыразимом блаженстве такого созерцания для верующих душ и со всей своей силой превозносило *оправдание людей живой верой в страсти и смерть Иисуса Христа*. "Действительно, - сказал присутствовавший епископ Петер де Кастро, - Карранса проповедовал сегодня так, как это мог бы сделать Филипп Меланхтон". Епископ изложил знаменитому оратору свой собственный образ мыслей; последний в ответ лишь хранил глубокое молчание.^[187] Впоследствии Карранса произнес проповедь аналогичного рода перед Филиппом II в Лондоне, куда он сопровождал короля, и где он преследовал учителей-евангелистов Оксфорда и других мест, иногда проповедуя те же доктрины, что и они. Фанатизм католического единства и универсальности заглушил в его душе требования христианской веры. Новый человек, сформированный внутри божественной благодатью, в его случае был подавлен естественным человеком, чьи инстинкты стали более жестокими под влиянием Рима и инквизиции.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАРРАНСЫ.

Маркиза Альканьис не могла без него обойтись. Благочестие Каррансы отвечало ее глубочайшим желаниям, а его привязанность к Риму была для нее основанием уверенности в том, что, принимая его веру, она не отделяется от церкви. Стремясь получать удовольствие от его преподавания, даже когда он отсутствовал, она заказала копии его испанских работ и переводы тех, что были на латыни. Для выполнения этой задачи она наняла монаха Франциска де Тордесильяса. Этот монах, который был строго православным человеком, иногда, делая эти переводы и копии, был шокирован некоторыми фразами, которые, по-видимому, имели лютеранскую направленность. Он был очень опечален этим, и тем более потому, что делал эту работу не только для маркизы, но и для нескольких других дам, поклонниц Каррансы. Какое несчастье, если бы он стал проводником лютеранской ереси! И все же в этих книгах было так много прекрасных вещей, а Карранса был таким прославленным врачом! Монах из Тордесильяса придумал способ предотвратить это зло. В начале рукописи он поместил *уведомление для читателя*, в котором сказал: "что при чтении работ дона Бартоломью все положения, которые они содержат, должны пониматься в католическом смысле, и особенно те, которые относятся к оправданию, которые, по—видимому, можно интерпретировать в противоположном смысле; что таким образом не было бы опасности впасть в какую-либо ошибку; что он видел, как автор практиковал добрые дела, посты, раздачу милостыни и молитвы, так что он, говорящий, был уверен, что все, что написал доктор, было в католическом смысле". дух католической религии".[188] Но религиозный подвижник трудился напрасно. Большинство читателей воспринимали прочитанное просто и естественно. Более того, *обращению к читателю* противодействовали более весомые советы. Доминго де Рохас сказал как монахиням, с которыми он был связан, особенно из Вифлеемского монастыря, так и другим людям, проявлявшим какую-либо склонность к благочестию, что евангельские доктрины, и он не постеснялся изложить многим *максимы Лютера*, были одобрены таким добродетельным и образованным человеком, как Карранса.[189]

Карранса, который был далек от того, чтобы отказаться от своих доктрин из-за упреков, которые он навлек на себя из-за них, обладая решительным характером, подтверждал их все более и более позитивными формулировками. Однажды, когда он был в деревне Альканьис, вероятно, с визитом в замке, он счел своим долгом четко дать понять, что ничто не заставит его отречься от веры, которая вдохновляла его, и что, чтобы не оставлять места для сомнений, он даже готов подписать соответствующий юридический документ, облигацию или контракт. По этой причине, а также помня, что согласно популярной пословице "где нотариус прошел, пути назад нет", он воскликнул в присутствии Доминго де Роксаса, Питера де Сотело, Кристофера Падильты и других: "В момент моей смерти у меня будет нотариус, который засвидетельствует мой отказ от всех моих добрых дел и все их достоинства. Я полагаюсь на дела Иисуса Христа; и, зная, что Он искупил мои грехи, я рассматриваю их как аннулированные".[190]

Примечательно, что Карранса, после столь евангелических заявлений, был избран, и это в Испании, и против его собственной воли, на высшее достоинство церкви - первенство. Правда, впоследствии Рим компенсировал это мягкое обращение большой суровостью. Этот знаменитый врач и выдающийся прелат, по вине которого так много евангельских христиан были заключены в тюрьму, сам провел последние семнадцать лет своей жизни в тюрьме. Он превозносил папу, его правительство и его служение так же сильно, как и любой другой человек; но он совершил преступление, превознеся Иисуса Христа еще больше. Его

подчинение Риму лишь отсрочило, а не предотвратило наказание. Даже в то время, когда Карранса все еще пользовался высочайшим расположением, Вальядолид видел заповидающийся пример немедленного наказания любого, кто должен был возвеличивать Иисуса Христа, не заботясь о папе римском и его церкви.

ЖЕСТОКОСТЬ ИНКВИЗИТОРОВ.

Молодой Сан Романо, обратившийся в Бремене и арестованный после того, как приложил немало усилий, чтобы склонить Карла Пятого поддержать Реформацию, прибыл в Вальядолид с плохим здоровьем в то время, когда Евангелие действовало в частных кругах и даже в обществе в целом, но там еще не проповедовалось так смело, как в Севилье. С ним жестоко обращались, и он был вынужден следовать в свите императора в качестве пленника, некоторые говорят, даже в Африку; но обращение, которому ему пришлось подвергнуться в руках инквизиторов Вальядолида, которым он был передан, намного превзошло по жестокости обращение Карла. Они заключили его в темную и ужасную темницу; они постоянно подсылали к нему злых и невежественных монахов, которым было поручено беспокоить его и побудить отказаться от своей веры; они часто устраивали над ним спектакль, выставляя его на посмешище и презрение толпы, и ежедневно осыпали его упреками и оскорблениями в надежде тем самым запугать его, сломить его дух и заставить отречься от своей веры. Но их попытка потерпела неудачу. Напротив, они обнаружили, что каким-то чудесным образом, которого они не могли понять, его сила, серьезность и решимость день ото дня возрастали. Он опроверг доводы монахов и мужественно провозгласил доктрины, которые были объектом их анафемы. Жертвоприношение во время мессы, говорили монахи, обеспечивает *opere operato* отпущение грехов. "Ужасная мерзость", - сказал Сан Романо. "Исповедь на ушной раковине, - продолжили инквизиторы, - удовлетворение в чистилище, обращение к святым".... Но он остановил их и воскликнул: "Богохульство против Бога и профанация крови Иисуса Христа!"^[191] Эти монахи серого, коричневого или черного ордена, которые жужжали вокруг него, как осы, и непрерывно жалили его, были поражены такими словами и спросили его, во что же тогда он действительно верит. Он ответил: "Я утверждаю и буду открыто и недвусмысленно утверждать до своего последнего вздоха, что нет ни одного существа, которое своими силами, своими делами или какими-либо собственными достоинствами могло бы заслужить прощение своих грехов и обрести спасение своей души. Только милость Божья, работа Посредника, который своей собственной кровью очистил нас от всякого греха, спасают нас". Отныне его осуждение было неизбежным.

Сан Романо, а с ним и множество преступников, предстали перед множеством народа, чтобы получить приговор. Его приговорили к сожжению заживо как еретика, остальные получили отпущение грехов. "Ах!" - сказал один из его друзей,

"Dat veniam corvis, vexat censura columbas."

После вынесения приговора они надели на голову мученика бумажный венец, на котором было изображено множество ужасных фигур демонов,^[192] а затем увели его к месту казни.

Сан Романо шел дальше, окруженный толпой, которая осыпала его оскорблениями, "которые вынести было "тяжелее смерти". Сразу за окраиной города он подошел к деревянному кресту. Толпа остановилась, и инквизиторы хотели заставить его поклоняться дереву. "Это не дерево, - ответил он, - которому поклоняются христиане, а Бог. Он присутствует в моем сердце, и я

поклоняюсь ему там со всем благоговением. Проходи; иди прямо к месту моего назначения". При этих словах люди разразились громкими криками и осыпали его оскорблениями, считая его отказ преступлением. "Крест, - говорили некоторые из них, - крест не позволил бы еретику поклоняться ему". Тогда, вообразив, что в лесу обитает какое-то божество, толпа окружила его; некоторые обнажили мечи и разрубили крест на тысячу кусков.[193] Самым счастливым считал себя тот, кто мог заполучить самый маленький фрагмент, ибо дерево должно было исцелять их от всех болезней.

СМЕРТЬ САН-РОМАНО.

Сан Романо сопровождал многочисленный эскорт. Его окружали лучники императорской гвардии. Некоторые выдающиеся личности, принадлежащие к обеим партиям, пожелали быть свидетелями последних минут этого человека, чьи убеждения были столь глубоки. Среди них был английский посланник. Сан-Романо был помещен посреди огромной кучи дров, которая тут же была подожжена в нескольких местах. Когда он начал ощущать огонь, он поднял голову,[194] глядя на небеса, которые вот-вот должны были принять его. Но инквизиторы вообразили, что он зовет их, и уступят их мольбам. "Уберите дерево, - сказали они, - он хочет отказаться от своего учения". Горящие обломки были убраны, и Сан-Романо был установлен так, как он был на свободе, не понеся никакого вреда от огня. Обратив затем полный негодования взгляд на инквизиторов, он сказал: "Какая злоба побуждает вас к этому? Зачем завидовать моему счастью? Зачем отрывать меня от истинной славы, которая меня ожидает?"[195] Тогда инквизиторы, сбитые с толку и раздраженные, приказали снова бросить его в огонь, который к этому времени достиг большой силы и мгновенно поглотил его.

Проповедь на этом *аутодафе* произнес Карранса,[196] но не похоже, что он убедил всех своих слушателей. Несколько лучников Императорской гвардии бережно собрали прах ученика Евангелия. Английский посол признал, что признал в нем "истинного мученика Иисуса Христа".[197] Вследствие этого высказывания он был вынужден несколько месяцев отсутствовать при дворе. Лучники, собиравшие прах, были отправлены в тюрьму. Тем временем инквизиторы повсюду объявляли, что Сан-Романо проклят, что никому не позволено молиться за него и что всякий, кто осмелится надеяться на его спасение, будет считаться еретиком. Это мученичество произошло примерно в 1542 году.[198]

Времена Реформации изобиловали мучениками; и мы вполне можем спросить, было ли в первобытном христианстве, которому пришел конец с началом правления Константина, их так же много, как в обновленном христианстве шестнадцатого века; особенно если мы примем во внимание разную продолжительность периодов. Импульс, который побудил мучеников Нидерландов, Франции, Англии, Венгрии, Италии, Испании и других стран спокойно и даже радостно расстаться со своей жизнью, исходил из глубины их убеждений, святого и суверенного голоса совести, просвещенной, очищенной и укрепленной словом Божиим. В душах этих скромных героев было тайное и могущественное свидетельство истинности Евангелия, которое ярко демонстрировало им его величие, побуждало их жертвовать всем ради него и придавало им мужество повиноваться, хотя это стоило им не только благ и мирского величия, но и хорошего мнения, привязанности и уважения даже тех, кого они нежно любили. Послушание, действительно, не всегда было мгновенным. Иногда возникали препятствия, конфликты, колебания и задержки. Были также некоторые слабые угрызения совести, которые были преодолены. Но везде, где совесть была здрава, она приобретала среди трудностей все

большую и большую силу, и когда однажды ее голос был услышан, победа была одержана. Следует понимать, что мы здесь не имеем в виду совесть, которую человек создал для себя сам; та, о которой мы говорим, была высшим выражением истины, справедливости и божественной воли, и оказалось, что она одинакова во всех регионах. Души этих мучеников были свободны от всех предрассудков, чисты, как безоблачное небо. Они были добросовестными людьми; и здесь мы имеем полное объяснение великого явления, представленного нам Реформацией. Здесь была сила, достаточная, чтобы разорвать неподатливые путы, преодолеть страстное сопротивление, отважиться на пытки и отправиться на костер. Нельзя было идти ни на какие уступки, соглашаться с ошибкой. Благородные мученики первых веков и шестнадцатого были избранными духами и славой рода человеческого.

ЕГО РЕЗУЛЬТАТ.

Смерть Святого Романо не была бесплодной. Поговорка, распространенная в первые века, еще раз подтвердилась: кровь мучеников — это семя церкви. Его вера, его отречение от мира, его мужество на костре, его ликование при близком приближении смерти глубоко тронули тех зрителей, у кого еще не была запятнана совесть. Евангелисты Вальядолида, которые едва ли признавались в своих убеждениях кому-либо, кроме самых близких друзей, приободрились. Они выразили свое сочувствие мученику, и рвение и решимость сменились робостью и тепловатостью. Однако ни одна церковь в Вальядолиде не была образована еще несколько лет спустя.

ГЛАВА VII.

КОРОЛЕВА ДЖОАННА.

(РОДИЛСЯ В 1479 г.; УМЕР В 1555 г.)

Среди жертв, принесенных в жертву в Испании, Нидерландах и других местах фанатизмом Карла Пятого и его подчиненных, была одна, самая прославленная из всех, история которой долгое время была скрыта таинственной завесой. Это была его мать, королева Джоанна, дочь Фердинанда и Изабеллы. В наши дни завеса была частично приоткрыта благодаря обнаружению некоторых документов в архивах Симанкаса.^[199] Хотя информация еще не полная и, возможно, никогда такой не будет, тем не менее, сейчас возможно получить некоторое представление о таинственной драме, омрачившей жизнь этой несчастной принцессы. Мало найдется историй более удивительных, чем история этой женщины, которую мы видим какой-то трагической судьбой связанной с тремя палачами — ее отцом, мужем и сыном. Эти трое мужчин, король Фердинанд, эрцгерцог Филипп и император Карл Пятый, которых она никогда не переставала любить и которых Бог дал ей в покровители, лишили ее королевств, бросили в тюрьму и подвергли strapпado.^[200] В довершение своего позора они распространили сообщение о том, что она сумасшедшая. Она проявила недюжинный ум, и в этом отношении заняла бы высокое положение среди принцев, намного превосходя своего отца и мужа, если не выше своего сына. Последний унаследовал от нее, а уж точно не от своего отца,

свои огромные способности. Несколько знаменитых врачей были вызваны *Комиссией* оооо, чтобы выяснить, существовало ли предполагаемое сумасшествие, и, допросив офицеров и слуг, находившихся при ней, кардинал— впоследствии папа—Адриан, один из ее тюремщиков, представил императору отчет о расследовании в следующих словах: "Почти все офицеры и слуги королевы утверждают, что ее угнетали и насильно удерживали в этом замке в течение четырнадцати лет под предлогом сумасшествия, в то время как на самом деле она всегда была такой же здравомыслящей и рациональной, как и во время ее замужества".[201]

ДЖОАННА ЗАКЛЮЧЕНА В ТЮРЬМУ.

Желание завладеть верховной властью побудило этих трех недостойных принцев лишить Иоанну власти и держать ее в позорном плену. Именно ей, а не ее отцу Фердинанду, принадлежало королевство Кастилия после смерти Изабеллы. Именно ей, а не ее мужу Филиппу и впоследствии не ее сыну Карлу, принадлежали Испания, Неаполь, Сицилия и другие владения. Эти принцы-предатели лишили ее всего и взамен получили узкую тюрьму.

Джоанна, дочь Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, родилась в 1479 году и воспитывалась в Испании под присмотром своей матери. Хотя в те дни при дворе не было обычая, как во времена Филиппа II, присутствовать на *аутодафе*, избиении плетью и пытках еретиков, эти подвиги фанатизма, совершенные в честь Иисуса Христа и его святой матери, тем не менее, в ту эпоху были любимой темой разговоров при этом благочестивом дворе. Тюрьма, кнут, дыба и кол были обычными местами их общения. Сострадательное сердце, здравый смысл и все добрые инстинкты молодой девушки восстали против этих излишеств римской веры; и вскоре обнаружилось, что в ее уме была оппозиция любимым представлениям ее матери и глубокое чувство против этих наказаний. Для Изабеллы было большим горем видеть, как ее собственная дочь бессмысленно губит себя; ибо не было ли в ее глазах гибелью сомневаться в святости действий инквизиции? Поэтому она попыталась подавить первые ростки неповиновения. Она не побоялась крайних мер, чтобы образумить Джоанну. Маркиз Дения, главный тюремщик несчастной узницы, написал Карлу Пятому 26 января 1522 года следующее: "Если бы ваше величество применили к ней пытки, это во многих отношениях было бы оказанием услуги Богу и в то же время благим делом по отношению к самой королеве. Такое поведение необходимо с особами ее склада; и королева, твоя бабушка, наказывала таким образом свою дочь, королеву, нашу суверенную леди, и обращалась с ней подобным образом".

Когда Джоанне исполнилось семнадцать, ее отец и мать начали подумывать о брачном союзе для нее; и легко понять, что ей не терпелось принять руку эрцгерцога Бургундского, одного из самых красивых рыцарей своего времени. Принц должен был отвезти ее в Нидерланды, сувереном которых он был с 1482 года, и таким образом он отстранил бы ее от обучения ее матери. Готовность Джоанны была вполне естественной в сложившихся обстоятельствах.

Вскоре после ее прибытия в Нидерланды было замечено, что чувства, которые жестокость инквизиции породила в ее благородном сердце, развивались сами собой — негодование против преследователей и любовь к преследуемым. Известно, что в этих краях можно было встретить некоторых воуду, Лоллардов и братьев по Простой жизни, одинаково проникнутых истинно религиозным духом. Свежая информация, которую теперь получила Джоанна, усилила ее прежние впечатления о враждебности к римским суевериям. Католичка Изабелла, встревоженная дошедшими до нее сообщениями, послала в Брюссель заместителя приора Санта-Круса Томаса де Матъенцо, чтобы выяснить, каковы факты, и арестовать злодея.

Принцесса, нежно любившая свою мать, была повержена, услышав о ее неудовольствии, и слезы выступили у нее на глазах. Но ее решимость не поколебалась. Помощник приора приложил все возможные усилия, чтобы вытянуть из Джоанны какой-нибудь ответ на вопросы, которые Изабелла поручила ему задать. Его приняли очень холодно, и в День Успения, когда двое духовников принцессы явились к ней на исповедь, она отказалась от их услуг в самом присутствии посланника своей матери.^[202] Ее бывший наставник, монах Андрей, который очень беспокоился за душу своей ученицы, умолял ее уволить некоторых парижских богословов, которые, по-видимому, были более просвещенными, чем большинство священников, но которых монах Андрей называл пьяницами. В то же время он умолял принцессу заменить их, взяв в качестве ее духовника доброго испанского монаха. Но все его мольбы были бесплодны. Ничто не могло преодолеть отвращения, которое она испытывала к римской религии. Несколько раз она отказывалась от ее обрядов, но не продвигалась вперед и не предпринимала никаких активных шагов. Ее сила была только пассивной.

РОЖДЕНИЕ КАРЛА ПЯТОГО.

24 февраля 1500 года Джоанна родила сына, которому предстояло стать императором Карлом Пятым. Среди великолепных подарков, преподнесенных молодому принцу, особо выделялся дар духовенства Фландрии, которое положило перед ним Новый Завет в великолепном переплете с надписью золотыми буквами *"Исследуй Священное Писание"*.

Изабелла была глубоко огорчена, увидев, что ее дочь таким образом отдаляется от испанской ортодоксии. Это не было полноценным восстанием; Джоанна открыто исповедовала не все доктрины, которые в Испании назывались еретическими. Но королева приказала сжечь сотни своих подданных за меньшее сопротивление, чем сопротивление принцессы. Зайдет ли преданность Изабеллы Пресвятой Деве настолько далеко, чтобы принести ей в жертву свою дочь? Даже если бы она захотела этого, это было бы нелегко, потому что Джоанна, как жена иностранного принца, была освобождена от контроля своей матери. Кроме того, вполне можно поверить, что Изабелла не совершила бы такого преступления. Тем не менее, возникает вопрос, позволила бы она еретiku взойти на трон Кастилии? Подвергнет ли она инквизицию, столь дорогое ей учреждение, риску быть подавленной принцессой, которая должна была стать ее преемницей? Никогда. Все ее существо восставало против такой мысли. Священнослужители радовались, видя эти сомнения королевы, и старались усилить их. Сам король Фердинанд, отец Джоанны, но не мягкосердечный отец, считал, что в его собственных интересах все больше и больше ожесточать чувства ее матери.

Уже в 1502 году был сформирован план Изабеллы. Она не допустит еретичку Джоанну к трону, который принадлежал ей после ее собственной смерти. На заседании кортесов в Толедо в 1502 году, а также в Мадриде и Алькала-де-Энарес в 1503 году королева распорядилась представить им проект закона, в силу которого правительство Кастилии должно было принадлежать после ее смерти Фердинанду, в случае отсутствия Джоанны или ее нежелания или неспособности лично воспользоваться правами, которые принадлежали ей. За это решение проголосовали кортесы, и оно было включено Изабеллой в ее завещание, в котором она изложила условия, которые она изначально выдвинула. Папа подтвердил договоренность. Таким образом, Иоанна была отстранена от наследования престола, который принадлежал ей, из-за ее противодействия инквизиции и другим римским обычаям. Но Изабелла постаралась не говорить об этом, потому что понимала, что такое признание было бы опасным. Священство и священная канцелярия

вызывали почти всеобщее отвращение, и поэтому было необходимо избегать утверждений, что они были причиной исключения Джоанны, поскольку это сплотило бы на ее стороне большинство нации. Однако должен быть найден какой-нибудь предлог. Следует сообщить, что она была сумасшедшей. Это не что иное, как правда, подумали священники. Возможно ли, чтобы кто-нибудь, не будучи безумным, отверг Рим и его указы и поставил на их место какие-то другие бессмысленные доктрины?

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ФИЛИППА И ФЕРДИНАНДА.

В 1504 году Изабелла умерла. Фердинанд публично объявил народу, собравшемуся перед дворцом Медина-дель-Кампо, что, хотя корона принадлежит его дочери, он должен продолжать править при жизни. Джоанна и Филипп, ее муж, все еще находились в Нидерландах. Похоже, что Джоанна безропотно перенесла кражу короны ее отцом; но с ее мужем все было иначе. Филипп энергично протестовал против этого акта грабежа. "Фердинанд, - сказал он, - распространил ложное сообщение о безумии своей дочери и другие нелепости подобного рода исключительно с целью обеспечить себе предлог для захвата ее короны".^[203] Обычно утверждалось, что именно мать Филиппа была причиной безумия его вдовы. Но этот отчет, очевидно, уже был распространен в то время, когда она, без всяких противоречий, полностью владела своим разумом. Мы видели, из какого источника поступило это сообщение и какую заинтересованность имел ее отец в том, чтобы ему поверили.

В 1506 году Филипп в сопровождении Джоанны прибыл в Испанию с целью присвоить себе власть, узурпированную его тестем. Большинство народа вскоре перешло на сторону Иоанны, и Фердинанд в припадке гнева был близок к тому, чтобы встретиться со своим зятем *скапой и спадой*, намереваясь вонзить свой меч ему в грудь. Но вскоре он заметил, что формируется партия, которая становилась все более и более многочисленной, во главе которой стоял коннетабль Кастилии, целью которого было свергнуть Филиппа и Фердинанда и посадить на трон законную королеву. Фердинанд был озадачен, обнаружив, что у него есть два соперника, его зять и дочь. Ему было ясно, что Джоанна, как инфанта и законная наследница, легко завоеует сердца всех людей, и что Филиппу, как иностранцу и узурпатору, будет трудно добиться признания. Поэтому он решил объединиться с Филиппом против его собственной дочери. Он назначил ему встречу в Вильяфафиле 26 июня (1506). Король решил напустить на себя видимость дружелюбия. Он взял с собой лишь небольшое количество слуг, оделся просто, сел на осла и таким образом предстал перед своим зятем с видом галантного сельского джентльмена, дружелюбной улыбкой на губах и словами, что он прибыл "с любовью в сердце и миром в руках". Филипп принял его в сопровождении значительного числа вельмож Нидерландов и Испании, не считая большого отряда вооруженных людей. Сам Филипп, получивший прозвище Красивый, гордился своей молодостью и силой. Фердинанд слез со своего осла и, поприветствовав зятя, попросил его одного последовать за ним в церковь. Всем членам их свиты было запрещено сопровождать двух принцев, а у входа была выставлена стража, чтобы никто не смог проникнуть в церковь. Там, у подножия алтаря, эти два предателя собирались устроить разорение, грабеж и, можно сказать, смерть своей невинной жертвы, дочери одного из них и жены другого. Беседа началась. Стражам удавалось время от времени мельком видеть двух принцев и даже слышать их голоса, но они не могли понять, что они говорили. Фердинанд говорил много и оживленно; Филипп отвечал коротко и временами казался смущенным. Тесть указал своему зятю, что народ вот-вот посадит Иоанну на трон и что они оба, таким образом, будут лишены его; что они должны поклясться объединить все свои

усилия, чтобы исключить ее, и что они будут указывать в качестве мотива, что она неспособна править по причине "своей болезни", которую приличия не позволяли им называть. Очевидно, что речь шла о предполагаемом сумасшествии. Мы не можем сказать, протестовал ли Филипп, который жил с Джоанной и знал ее истинное состояние, также против этого ложного обвинения, уступив сразу. Как бы то ни было, Фердинанду, который долгое время не видел свою дочь, удалось убедить своего зятя воспользоваться этим предлогом. Похоже также, что уже ходили разговоры о заключении королевы в тюрьму.^[204] Хотя Фердинанд таким образом пожертвовал своей дочерью, он не испытывал угрызений совести по поводу обмана своего зятя. Между двумя заговорщиками было заключено соглашение о том, что правительство Кастилии должно принадлежать Филиппу; и в документе, подписанном в тот же день, утверждалось, что Джоанна сама отказалась принять его. Тем временем придворные ожидали двух принцев; и, поскольку стражники доложили о видимом оживлении и красноречии тестя, ожидалось, что он уйдет с триумфом. Велико же было удивление, когда стало известно, что он все уступил своему зятю. Таким образом, история о безумии Иоанны, сначала выдуманная в интересах Рима, была подтверждена ее отцом, ее мужем, а затем и ее сыном Карлом Пятым в их собственных интересах и с целью отнять у нее корону Испании, Неаполя, Сицилии и других ее владений.

ТАЙНЫЙ ПРОТЕСТ.

Но что следует думать об уступке Фердинанда? Это была просто игра актеров. Его осел, его скромная свита, его явка без оружия были не чем иным, как комедией, целью которой было дать ему возможность заявить, что он попал в руки своего зятя и что последний вынудил его подписать соглашение. Он немедленно подготовил тайный протест, в котором заявил, что Иоанна находилась в плену у Филиппа под ложным предлогом и что он считает своим долгом освободить ее и посадить на трон. Затем он отправился в Неаполь, делегировав в качестве своего представителя Филиппу своего любимого мастера Луи Феррера, который пользовался его полным доверием и желал, чтобы тот заботился о его интересах. Едва он отправился в путь, как после трех-четырехдневной болезни Филипп скончался. Ходили слухи, что его отравили. Некоторые люди заявили, что им известно, что он получил дозу яда в пищу (*бокадо*). Но опасались судебного скандала, и дело замяли. Виновный Фердинанд оставался хозяином положения. Джоанна была помещена мужем в заточение сразу после допроса Виллафафилы. После смерти Филиппа ею завладел Феррер. Несколько принцев, в частности Генрих VII. из Англии, добивался руки этой вдовы, наследницы нескольких королевств; но Фердинанд поспешил написать во всех направлениях, что, к "его великой досаде", его дочь и думать не может о втором браке. Это постепенно придавало все большее значение басне о ее безумии.

Королева в то время находилась в Бургосе, и было решено перевезти ее оттуда в Тордесильяс, где они намеревались держать ее в заключении. Филипп умер в Бургосе, и его тело должно было быть перевезено в Гранаду, чтобы быть там погребенным в усыпальнице королей. Это предполагало путешествие с севера в центр Испании, и по дороге лежал Тордесильяс. План состоял в том, чтобы королева отправилась в путь одновременно с телом своего мужа. Таким образом, один и тот же эскорт будет обслуживать обоих. Предполагалось, что для такого соглашения могут быть финансовые причины. В наши дни, как было сказано, никому и в голову не придет такая экономия. Но в то время нехватка денег постоянно давала о себе знать, и люди могли бы с удовольствием сэкономить тысячу скудо.^[205] Эта гипотеза допустима; но были и другие причины. Путешествие совершалось медленно. В двух или трех случаях королеву переносили ночью с одного места на другое. Но не имеет большого значения, было ли

путешествие из Бургоса в Тордесильяс совершено ночью или днем. В любом случае это было странное зрелище - грандиозная похоронная карета с ее мрачным, но великолепным сопровождением, а за ними - кареты плененной королевы, о которой уже ходили самые невероятные слухи. Было заявлено, что смерть Филиппа стоила Джоанне потери рассудка; было сказано, что она испытывала такую сильную привязанность к своему мужу, что хотела всегда иметь его тело рядом с собой, как будто оно все еще было живым; что она ревновала даже к своему умершему мужу и не позволяла своим женщинам приближаться к его трупу.^[206] В то время ходили слухи, что королева, ожидая момента его возвращения к жизни, отказывалась разлучаться с безжизненным телом; и само это путешествие называлось неопровержимым доказательством ее безумия. Но эти утверждения опровергаются фактами. Поскольку гробница в Гранаде еще не была готова, тело Филиппа несколько лет оставалось в монастыре Святой Клары в Тордесильясе, и королева ни разу не посетила его и даже не выразила желания сделать это. Она говорила о Филиппе так, как любая верная жена говорила бы о своем покойном муже. Ее чрезмерная нежность к Филиппу, который вел себя по отношению к ней недостойно, ее решимость никогда не разлучаться с его трупом — все это басни современной истории, выдуманные теми, кто был полон решимости лишить ее прав и поставить себя на ее место.

ДЖОАННА В ТОРДЕСИЛЬЯСЕ.

Джоанна прибыла в Тордесильяс под опекой Феррера, человека, который, как считалось, отравил ее мужа. Дворец представлял собой простой дом, расположенный в бесплодной местности; климат был палящим летом и очень суровым зимой. Джоанну заперли здесь, в узкой комнате без окон, освещенной только свечой; ей не разрешалось даже на несколько минут выйти в коридор, выходящий окнами на реку. Таким образом, ей было отказано в свободе, предоставляемой даже убийцам. Она находилась там без денег, под присмотром двух женщин-надзирательниц и без возможности общаться с внешним миром.

Мать Карла V. в тюрьме Тордесильяс продолжала демонстрировать свою неприязнь к римским церемониям. Она отказалась слушать мессу, и главной задачей ее смотрителей было заставить ее посетить ее. Жестокий маркиз Дения, граф Лерма, сменивший Феррера, пытался принудить королеву к действиям, которые она терпеть не могла. "Не проходит и дня, - писал он, - чтобы мы не были заняты делом мессы".^[207] В конце концов королева согласилась посетить мессу в конце коридора, либо из страха перед бедствием, боль которого она знала, либо, возможно, для того, чтобы не отдаляться от религии Испании, о которой она постоянно надеялась узнать. быть признанной королевой. Но когда ей принесли *рах*, патен, которую священник предлагает поцеловать знатным особам, она отказалась от нее и приказала преподнести ее Инфанте, своей дочери, которую они еще не отняли у нее.

На Рождество 1521 года в часовне, которая была оборудована в конце коридора, отслужили заутреню. Присутствовала только Инфанта. Внезапно появилась Джоанна, одетая жалко для королевы. Она сама не присутствовала на мессе и даже хотела помешать своей дочери присутствовать на ней. Она прервала службу, приказала голосом, который эхом отразился от стен, убрать алтарь и все остальное, что использовалось в религиозных церемониях, а затем, схватив свою дочь, потащила ее прочь с этого места. В то время ничто не могло сломить ее; она решительно отказывалась посещать мессу или какие-либо другие католические службы. Напрасно маркиз Дения умолял ее подчиниться римским обычаям; она и слышать об этом не

хотела. "По правде говоря, - писал маркиз Карлу V. - если бы ваше величество применили пытку (премия), это послужило бы Богу и ее высочеству".[208]

ЕЕ ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ.

Обращение, которому она подвергалась, повергло мать Карла V. в глубочайшую меланхолию. Ее дни были сплошной чередой горестей. Ее переход по жизни был переходом от одного страдания к другому. Всем ее желанием было выбраться из этой ужасной тюрьмы; и в стремлении достичь этой цели она проявила много здравого смысла, серьезности и настойчивости. Она умоляла маркиза Дения позволить ей покинуть Тордесильяс, хотя бы на время. Она хотела поехать в Вальядолид. Она назвала причиной плохой воздух, которым она дышала, и острыестрадания, которые он ей причинял. Ее здоровье требовало перемены обстановки, и она должна была, по крайней мере, предпринять путешествие. Ее глубокое чувство тронуло самого ее варварского тюремщика. На мгновение жалость тронула это каменное сердце. "Ее речь так трогательна, - писал Дения императору, - что маркизе и мне становится трудно противостоять ее призывам. Я не могу никого подпустить к ней, потому что ни один мужчина в мире не смог бы устоять перед ее уговорами. Ее жалобы пробуждают во мне глубокое сострадание, а ее высказывания могли бы сдвинуть камни".[209] Это не то, как Дения написала бы Чарльзу, если бы он говорил о сумасшедшей женщине. Более того, он просил его уничтожить его письма. Временами она хранила молчание; и мы знаем, что горе, которое не выражается словами, только более фатально для страдальца. Иногда ее горе прорывалось наружу. Однажды (апрель 1525 года) она ухитрилась найти доступ в коридор и наполнила его своими вздохами и стонами, проливая при этом потоки слез. Дения немедленно приказала отвести ее в ее узкую комнату, чтобы ее не было слышно.[210] В то же время он писал Карлу V. "Я всегда думал, что в состоянии недомогания ее высочества ничто не принесло бы ей большей пользы, чем дыба; и после этого с ней должен поговорить какой-нибудь *хороший* и верный слуга вашего величества. Необходимо посмотреть, не *добьется ли она какого-нибудь прогресса* в том, чего желает ваше величество". Под этим он подразумевает исповедь, мессу и другие римские обряды.

В 1530 году, отчаявшись увидеть признание королевы: "Я не могу поверить, - писал он, - что может случиться такое счастье. Однако я приложу все необходимые усилия".

Офицеры Карла V и монахи, которые неустанно трудились над обращением Иоанны в католичество, умножали свои усилия по мере приближения ее смерти. Она устояла перед их настойчивыми просьбами принять обряды, символы папства, и люди слышали крики, которые она издавала, когда они подвергали ее пыткам. Она не хотела ни исповеди, ни соборования.

СМЕРТЬ ДЖОАННЫ.

Была ли Джоанна знакома с Реформацией и трудами реформаторов, а также с доктринами, которые они исповедовали? В этом сомневались, но кажется невероятным, чтобы она не знала о них. Джоанна была лютеранкой, говорит один из ученых писателей, уделивших этому предмету больше всего внимания.[211] Это утверждение, возможно, слишком определено. Но евангельские доктрины проникали повсюду, и они, должно быть, достигли тюрьмы Иоанны. Утверждалось, что в то время у Лютера в Испании было больше приверженцев, чем в самой Германии.[212] Возможно, зрители тюрьмы не позволили евангелическим трудам дойти до королевы. Однако есть свет, который не может остановить ни одна человеческая рука. Богослов

де Сото, известный своими познаниями, а также своим благочестием, пришел к ней утром в день ее смерти; и он, по-видимому, счел ее христианкой, но не римско-католической. Он сказал: *"Благословен Господь, ее высочество рассказала мне вещи, которые меня утешили"*. Вот христианин. Он добавляет: *"Тем не менее, она не расположена к таинству евхаристии"*. Вот просвещенная женщина, которая отвергает римские обряды. "Она вверила свою душу Богу, - сказала принцесса Джоанна, внучка королевы, - и поблагодарила Его за то, что Он наконец избавил ее от всех ее печалей". Ее последними словами были: *"Иисус Христос распятый, будь со мной"*.^[213] Она испустила дух 12 апреля 1555 года, между пятью и шестью часами утра. утро.

Так умерла мать Карла V. в возрасте семидесяти шести лет. В разное время ее держал в тюрьме ее муж, Филипп Австрийский; в течение десяти лет ее отец, Фердинанд католик; и в течение тридцати девяти лет ее сын, император Карл V. Она - уникальный пример величайших несчастий, и ее мрачная судьба превосходит все истории древних времен. Наследница стольких знаменитых королевств, с которой обращались как с самой несчастной из женщин, в последний год своей жизни была строго заперта в своей темнице и лежала среди грязи, которую никогда не убирали. Поскольку она была покрыта опухольми, испытывала муки и одиночество, можем ли мы удивляться, что странные и ужасающие образы иногда возникали в ее мозгу из-за ее изоляции, меланхолии и страха? Но хотя она была жертвой самого мрачного фанатизма, с которым когда-либо сталкивался мир, она была утешена посреди всех этих ужасов, как доказывают ее последние слова, ее Богом и Отцом небесным.

Пришло время потомкам проявить к ее памяти сострадание и почтение, которые ей подобают.

КНИГА XV.

Англия.

ГЛАВА I.

ТРИ ПАРТИИ, РАЗДЕЛИВШИЕ АНГЛИЮ.

(1536-1540.)

В 1536 году в Англии существовали три различные партии: паписты, евангелисты и англиканские католики, которые колебались между двумя крайностями. Это был вопрос, кто из троих возьмет верх.

Реформация в Англии была порождена силой Слова Божьего и не встретила там таких препятствий, какие были воздвигнуты ей во Франции могущественным духовенством и князьями, враждебными евангельской вере и морали. Английские прелаты, ослабленные различными обстоятельствами, были не в состоянии противостоять энергичной атаке, а монархом был "безумный Гарри", как назвал его Лютер.^[214] Его прихоти открыли двери к свободе вероисповедания, которой должна была воспользоваться Реформация. Таким образом, Англия, которая оставалась в состоянии грубости и невежества гораздо дольше Франции, рано

была просвещена Реформацией; и нация, пробужденная Евангелием, породила в шестнадцатом веке такие выдающиеся умы, каких Франция, хотя и более высокоразвитая, не смогла произвести так рано. Шекспир родился в 1563 году, за год до смерти Кальвина. Реформация поставила Англию на столетие впереди остальной Европы. Окончательный триумф Реформации, однако, не был достигнут без многочисленных конфликтов; и два противника не раз вступали в рукопашную, прежде чем один свергал другого.

РОЖДЕНИЕ ЭДУАРДА VI.

Примерно в середине октября 1537 года произошло событие, имевшее огромное значение для торжества Евангелия. В то время во дворце Тюдоров и во всей Англии царил великий ликование в связи с тем, что 12 октября королева Джейн (Сеймур) была представлена Генриху VIII. сын, которого он так желал. Письма, написанные заранее от имени королевы, извещали об этом повсюду, и поздравления приходили отовсюду. Это рождение было названо "самой радостной новостью, которая за многие годы была объявлена в Англии". Епископ Латимер писал: "В этих краях не меньше радости по поводу рождения нашего принца, которого мы так долго жаждали, чем, я думаю, было *среди викинос* при рождении святого Иоанна Крестителя".^[215] (Луки i. 58.) *Princeps natus ad imperium!* - воскликнули политики. "Да дарует ему бог долгую жизнь и множество почестей!" - писали они с Континента. Генри очень хотел, чтобы люди поверили в это будущее. "Наш принц, - Кромвель отправил послание послам Англии, - благодарение нашему Господину, находится в добром здравии и, как дитя, пользуется его могуществом, о чем вы, милорд Уильям, можете заявить".^[216] Заявить об этом было тем более важно, что утверждалось прямо противоположное. Некоторые даже сообщили, что ребенок мертв. Поскольку Генрих опасался, что на жизнь его сына может быть совершено какое-нибудь покушение, он запретил кому бы то ни было приближаться к колыбели без приказа, подписанного его собственной рукой. Все, что приносили в комнату ребенка, должно было быть надушено, и были приняты меры предосторожности против отравления. Младенца называли Эдвардом; архиепископ Кранмер крестил его и был одним из его крестных отцов. Король назначил его в возрасте шести лет принцем Уэльским и герцогом Корнуоллским. Сэр Эдвард Сеймур, его дядя со стороны матери, был назначен графом Хартфордом. Утверждалось, что на короля было наложено заклятие, не позволяющее ему иметь ребенка мужского пола; и вот, теперь у него был наследник, несмотря на заклятие. Его династия укрепилась. Генрих VIII. стал более могущественным дома, более уважаемым за границей.

За этим великим ликованием последовал великий траур. Королева простудилась; присутствовавшие женщины были неосмотрительны в своем поведении;^[217] королеву охватили острые боли. Ночью 23 октября ей было очень плохо, и на следующий день она умерла.

Что бы сделал Генри? У него не было нежного сердца. Далекий от того, чтобы отвергать мысль о новом браке, он отдал приказ, как мы находим в письме, написанном в самый день смерти королевы, требующий от его послов, епископа Винчестерского и лорда Уильяма Говарда, найти для него другую жену. Кромвель указал им на двух, *среди прочих*, Маргариту, дочь Франциска I, впоследствии герцогиню Савойскую, и Марию де Гиз, вдову герцога Лонгвиля, которая была матерью Марии Стюарт. Государственный секретарь, еще до того, как тело покойной королевы совсем остыло, написал: "При расследовании этого дела его величество желает, чтобы вы оба

проявили ту осмотрительность и усердие, которые могут оправдать ожидания Его светлости в отношении вас".[218]

Voilà l'extrême deuil dont son âme est atteinte!

Помимо них, в поисках принимали участие и другие агенты. Хаттон,[219] посланник в Нидерландах предложил королю нескольких жен. Он мог бы сделать свой выбор. Там была дочь сира де Бредероде, четырнадцати лет от роду; вдова графа Эгмонта, которой было сорок, но она не выглядела такой старой; принцесса Клевская, но о ней мало что можно было сказать в похвалу ни за ее ум, ни за ее красоту; молодая вдова герцога Миланского, Кристина Датская, племянница императора, которая, как говорили, была очень красива, приятна в общении и держалась с достоинством. Король решился на этот последний союз, который примирил бы его с императором. Некоторое время ни о чем другом, кроме заключения браков в этом направлении, не думали. Принцесса Мария должна была выйти замуж за Людовика Португальского, Елизавета - за сына римского короля, а Эдуард должен был быть помолвлен с дочерью императора.

ШВЕЙЦАРИЯ И АНГЛИЯ.

Рождение юного принца имело, однако, значение другого рода. Надежды сторонников католической Марии рухнули, и друзья Реформации возрадовались при мысли, что молодой принц был крестником архиепископа. Многие обстоятельства способствовали их воодушевлению. Они стали свидетелями установления неожиданных связей между евангелистами Англии и Швейцарии; и чистое Евангелие, исповедуемое последними, начало оказывать реальное влияние на Англию. Эдуарду за время своего очень короткого правления предстояло воплотить в жизнь самые лучшие надежды, которые возлагало на него его рождение, и триумф, к которому, казалось, было суждено его правление, уже явно готовился.

Симон Гриней, друг Эразма и Меланхтона и профессор Базельского университета, еще в 1531 году поддерживал связь с Генрихом VIII. и Кранмер.[220] Впоследствии Кранмер и Буллингер, преемники Цвинглиуса в Цюрихе, также познакомились друг с другом; и уже в 1536 году несколько молодых англичан из хорошей семьи отправились в Цюрих, чтобы испытать из полного источника христианских знаний и жизни, которые там били ключом. Некоторые из них жили в доме Пелликана, другие - у самого Буллингера. Этими молодыми людьми были Джон Батлер, у которого было богатое наследство в Англии — мудрый человек и христианин, который настойчиво молился; Николас Партридж из Кента, человек деятельный и преданный делу; Бартоломью Трахерон, который уже (1527 и 1528) выступал в Оксфорде за Реформацию и подвергался преследованиям со стороны доктора Лондона; Николас Элиот, который изучал юриспруденцию в Англии, а впоследствии занимал какой-то государственный пост; и другие.[221] Буллингер был сильно привязан к этим молодым англичанам. Он руководил их учебой и, в дополнение к своему публичному преподаванию, объяснял им в своем собственном доме пророка Исайю.

ПИСЬМО КЭЛВИНУ ПО-АНГЛИЙСКИ.

В то время в Цюрихе много говорили о молодом французском богослове по имени Кальвин, который обосновался в Женеве и опубликовал глубокое и красноречивое изложение христианских доктрин. Молодые англичане страстно желали познакомиться с ним. Батлер, Партридж, Элиот и Трахерон отправились в Женеву в ноябре 1537 года с рекомендательными

письмами от Буллингера к реформатору. Последний принял их самым любезным образом. Они написали Буллингеру, что это было нечто большее, чем обычная вежливость.^[222] Они были в восторге от его появления и от его беседы, одновременно такой простой и такой плодотворной. Они чувствовали очарование, которое снова и снова притягивало их к его присутствию. Учитель хорошо учил, и ученики хорошо слушали. Кальвин в то время был в большой беде. Кароли вызывала у него сильное раздражение, а в Нисмесе только что разразилось преследование.^[223] Четверо англичан, которых вызвали в другое место, уехали, глубоко опечаленные болезненной разлукой. Письмо, написанное ими вскоре после этого, является первым сообщением, адресованным английей женевскому реформатору. Оно гласит следующее: "Мы желаем вам истинной радости во Христе. Пусть отныне нам будет уготовано столько же счастья, сколько наш уход от вас причинил нам горя! Ибо, хотя наше отсутствие, как мы надеемся, продлится не очень долго, все же мы не можем не горевать из-за того, что даже на несколько часов лишены такой учтивости и восхитительной беседы. И это также в немалой степени огорчает нас, как бы не нашлись люди, которые могли бы считать нас похожими на мух, которые летом роятся повсюду, но исчезают с приближением зимы. Вы можете быть уверены, что, если бы мы были в состоянии каким-либо образом помочь вам, никакое удовольствие не оттолкнуло бы нас от вас, и никакая опасность не оттолкнула бы нас. Действительно, это бедствие, которое навлекли на вас неупорядоченные нравы некоторых людей, находится далеко за пределами наших возможностей облегчить. Но у вас есть один, Иисус Христос, который может легко рассеять лучами своего утешения любое облако, которое может возникнуть в вашем разуме. Он вернет вам радостное спокойствие; он рассеет и обратит в бегство ваших врагов; он заставит вас славно восторжествовать над вашими побежденными противниками; и мы будем умолять его, так искренне, как только сможем, сделать это как можно скорее. Мы написали эти несколько строк, любезнейший и ученейший мастер Кальвин, чтобы вы могли получить напоминание о нашем уважении к вам. Приветствуйте от нашего имени этого человека поистине героического духа, исключительной учености и благочестия, мастер Фарел. Приветствуйте также наших искренних друзей, мастера Оливетана и вашего брата Фонтейна. Наши соотечественники шлют вам обильные приветствия. Прощай, очень дорогой друг".^[224]

Англия в это время отдавала должное женевскому реформатору.

Большое восхищение также испытывал Буллингер. "Мы признаем себя полностью вашими, - писали ему четверо англичан, - до тех пор, пока мы можем быть сами по себе". Труды цюрихского врача были широко распространены в Англии и распространяли там дух Евангелия. Николас Элиот писал ему: "И насколько большое значение все люди придают вашим комментариям, как жадно они принимают их и восхищаются ими (оставляя в стороне бесчисленные другие аргументы), книготорговцы являются наиболее наглядными свидетелями того, что только благодаря продаже ваших произведений вы из более обездоленных, чем Ирус и Кодрус, внезапно становитесь такими же богатыми, как Крез.^[225] Поэтому пусть Бог даст вам желание опубликовать все ваши труды как можно быстрее, благодаря чему вы не только наполните казну книготорговцев, но и привлечете ко Христу очень много душ и украсите Его церковь самыми драгоценными камнями."^[226]

РАБОТЫ БУЛЛИНГЕРА.

При известии о том, что могущественный король Англии отделился от папы римского, швейцарские богословы преисполнились надежды и наперебой стремились ускорить его

продвижение к истине. Буллингер написал две работы на латыни, которые посвятил Генриху VIII.; первая из них посвящена *авторитету, Достоверности, стабильности и Абсолютному совершенству Священного Писания*; вторая - *Учреждению и функциям епископов*. Он переслал копии этих работ Партриджу и Элиоту для представления королю, Кранмеру и Кромвелю. Два молодых англичанина сначала отправились к архиепископу и передали ему тома, предназначенные для короля и для него самого. Архиепископ согласился подарить книгу принцу, но не раньше, чем он прочтет ее сам, и при условии, что Элиот и Партридж будут присутствовать, чтобы они могли ответить на любые вопросы, заданные королем. Затем, отправившись к Кромвелю, они вручили ему копию, предназначенную для него; и вице-регент, более расторопный, чем архиепископ, показал ее в тот же день Генриху VIII, которому Кранмер затем поспешил представить свою собственную копию. Король выразил пожелание, чтобы это произведение было переведено на английский язык. "Ваши книги на удивление хорошо приняты, - писал Элиот Буллинджеру, - не только нашим королем, но в равной степени и лордом Кромвелем, хранителем личной печати короля и генеральным викарием Англиканской церкви".[227]

Другие континентальные богословы, придерживавшиеся тех же взглядов, что и швейцарцы, также посвятили некоторые теологические труды как королю, так и Кранмеру. Капито, находившийся в то время в Страсбурге, посвятил себя Генриху VIII. книга, в которой он рассматривал, среди прочего, мессу (*de missa* др.). Король, как обычно, вручил его двум лицам, принадлежащим к двум противоборствующим партиям, чтобы узнать их мнение. Затем он ознакомился с их вердиктом и огласил свой собственный. Кранмер написал Капито, что король "ни в коем случае не мог переварить" его статью о мессе,[228] хотя в то же время он одобрил некоторые другие статьи. Буцер, коллега Капитона, написав комментарий к Посланию к Римлянам, посвятил его Кранмеру и написал ему следующее: "Недостаточно сбросить с себя иго папы и не желать брать на себя иго Христа; но если Бог за нас, кто может быть против нас? а христианство - это война".[229]

В то время как швейцарцы и страсбуржцы стремились просветить Англию, римская партия на Континенте и католическая партия в самой Англии стремились держать ее во тьме. Папа в печали и гнев увидел, что Англия проиграла Риму. Тем не менее католическое восстание в северных графствах позволяло ему все еще лелеять надежду. Король Франции и император, оба ближайšie соседи Англии, могли при необходимости нанести удар мечом. Поэтому папа должен побудить к действию не только английских католиков, но и дворы Парижа и Брюсселя. Кого он должен выбрать для миссии? Реджинальд Поул, англичанин, ревностный католик и родственник Генриха VIII, казалось, был создан для этого случая. Именно он недавно написал эти слова— "Никогда не было дела более важного для богатства королевства и всей церкви, чем это [восстановление папской власти]. И то же самое, что вы собираетесь отнять, власть одного главы в церкви, было более главной и безосновательной причиной потери Востока, того, что он оказался в руках неверных, а вся истинная религия выродилась, чем когда-либо был меч турка, как рассудили самые мудрые люди. Ибо, если бы они во всем соглашались с Западной Церковью, они никогда бы не дошли до такого несчастья; и подобного несчастья, если Бог не смилостивится над нами, чтобы мы вернулись в церковь, больше всего следует опасаться в нашем царстве.... Ваша сладкая свобода, которую вы получили с тех пор, как были освобождены от папского повиновения, говорит сама за себя. Остальная часть королевства имеет такую часть, что вы можете не завидовать другим странам, что ни одна нация не желает

того же, чтобы им была предоставлена такая свобода".[230] Это последнее утверждение было сомнительным.

Поул в это время находился в Падуе, где он учился и где проживал с разрешения короля. Он избегал поездки в Рим, чтобы не обидеть Генриха. Но однажды он получил приглашение от Павла III, который вызвал его в Ватикан для участия в консультации по поводу генерального собора. Подчиниться этому призыву означало бы перейти Рубикон; это сделало бы Генриха VIII. его непримиримым врагом и подвергло бы большой опасности не только его самого, но и всю его семью. Поэтому Поул колебался. Однако совет благочестивого Контарини, приказ папы римского и его собственный энтузиазм по этому поводу привели его к решению. По прибытии в Рим он полностью отдался делу; и когда приближалось Рождество, 20 декабря 1536 года, папа назначил его кардиналом вместе с дель Монте, впоследствии Юлием III.; Караффа, впоследствии Павлом IV.; Садолето, Борджиа, Каэтано и четырьмя другими.[231] Эти слушания подверглись очень серьезной критике в Англии. Ради тщетной славы красной шляпы,[232] сказали Тонстолл и Стоксли, Поул, по сути, является инструментом папы римского в проявлении его злого умысла, в свержении короля с престола и настраивании его подданных против него. Однако в его случае было нечто большее, чем кардинальская шапка; мы должны признать, что в папстве была вера, несомненно фанатичная, но искренняя. Вскоре после этого папа назначил его новым кардиналом-легатом за Альпами; целью этой меры было *за дар ферменты*,[233] будоражить умы людей. Он должен был склонить короля Франции и императора присоединиться к взглядам римского двора, воспламенить католиков Англии и, если он не сможет отправиться туда сам, поселиться в Нидерландах и оттуда составить заговор с целью уничтожения протестантизма в Англии.

ПОЛЯК ОБЪЯВЛЕН МЯТЕЖНИКОМ.

В начале Великого поста 1537 года Поул в сопровождении многочисленной свиты выехал из Рима. Папа, который не был полностью уверен в своем новом легате, назначил своим советником епископа Вероны, который должен был восполнить недостаток опыта у легата и предостеречь его от гордыни. Генрих VIII, узнав о миссии своего юного кузена, пришел в крайнюю ярость. Он объявил Поля мятежником, назначил награду за его голову и пообещал пятьдесят тысяч крон тому, кто убьет его. Кромвель, следуя примеру своего учителя, воскликнул: "Я заставлю его съесть собственное сердце".[234] Это была всего лишь фигура речи, но довольно сильная. Как только Генрих VIII. услышал о прибытии Поляка во Францию, он потребовал, чтобы Франциск I выдал его как подданного, поднявшего мятеж против своего короля. Поул недолго пробыл в Париже, прежде чем услышал об этом требовании. Оно пробудило в его сердце больше гордости, чем страха. Это открыло ему его собственную значимость; и, повернувшись к своим приближенным, он сказал: "Эта новость меня радует; теперь я знаю, что я кардинал". Франциск I. не уступил требованию разгневанного Тюдора; но он рассматривал миссию Поула как одно из тех посягательств на власть королей, которым папство время от времени потворствовало. Поэтому, когда Поул появился во дворце, ему было отказано во входе. Когда он был еще только у двери и даже не успел постучать, как он сам рассказывает нам, его отослали.[235] "Я готов плакать, - добавил он, - узнав, что король не принимает римского легата". Франциск I. отправив ему приказ покинуть Францию, он бежал в Камбре, который в то время входил в состав Нидерландов.

ПРОВАЛ ЕГО МИССИИ.

Едва оказавшись там, он, сильно взволнованный тем, что произошло с ним в Париже, написал Кромвелю, горько жалуясь на то, что Генрих VIII, чтобы заполучить его к себе, не постеснялся нарушить закон Божий и человеческий и даже "нарушить всякую торговлю между странами". "Мне было стыдно это слышать... благородный принц должен желать другого принца такой же чести, предать своего посла, предать легата и передать его в руки моего посла, чтобы его доставили ко мне".[236] О подобном, по его словам, никогда не слышали в христианском мире. Поул возлагал больше надежд на императора, чем на Франциска I. Но вскоре он разочаровался. Ему не разрешили выехать из города, а курьер, которому было поручено доставить его депеши, был арестован империалистами в Валансьене и отправлен обратно к нему. Теперь он решил предпринять шаг к установлению контактов с английским правительством; и так как он не рискнул представиться послам Генриха VIII во Франции, он послал к ним епископа Вероны. Но этот прелат также не был принят, и ему разрешили поговорить только с одним из секретарей. Он попытался убедить его в совершенной невиновности Поула и в его миссии. "Кардинал-легат, - сказал он, - уполномочен исключительно папой заботиться о безопасности христианского мира". Это было верно в том смысле, который подразумевал Рим; но хорошо известно, чего, по ее мнению, требовала эта безопасность.

Новые движения на севере Англии, как правило, усиливали гнев Генриха VIII. Недостаточно было того, что поляка изгнали из Франции. Король лично написал Хаттону, своему посланнику в Брюсселе— "Вы должны вручить регенту наши письма с просьбой приостановить его въезд во владения императора... вы должны напечатать их ... ни допустить его к себе, ни позволить ему развлекаться иначе, чем подобает предателю и мятежнику их друга и союзника.... Вы должны любым способом добиться того, чтобы за ним велся хороший секретный и существенный шпионаж с места на место, где он будет находиться".[237] Поул, со своей стороны, говорил как римский легат. Он вызвал королеву, чтобы доказать свою покорность апостольскому престолу и даровать ему аудиенцию; при этом он пустил в ход серьезные угрозы. "Если бы предатели, заговорщики, мятежники и другие преступники, - сказал английский посол, - могли под сенью legacie иметь надежный доступ во все места и, таким образом, беспокоить и шпионить за всем, что было чрезвычайно опасно".[238] Здесь речь шла не о восстании, Поул отправил сообщение регенту через епископа Вероны, а о реформациях; и он был послан, чтобы опровергнуть ошибки, которые она распространяла в Англии. Ее мнение состояло в том, что он должен вернуться, "поскольку у нее не было поручения императора вмешиваться в какой-либо пункт его наследия".[239]

После этого Поул отправился из Камбре в Льеж; но по совету льежского епископа он отважился отправиться туда только переодетым.[240] Он был принят во дворце епископа, но его пребывание там было "не без большого страха".[241] 22 августа он снова отправился в путь и отправился в Рим. Никогда еще миссия римского понтифика не проваливалась с такой полнотой. Амбициозные проекты папы против Реформации в Англии оказались безуспешными. Но один из секретов римской политики заключается в том, чтобы при плохом раскладе выглядеть с хорошей стороны. Чем менее успешным был поляк, тем более необходимым было напустить на себя вид, что он доволен им и его посольством. В любом случае, разве это не победа для него - вернуться целым и невредимым после того, как ему пришлось иметь дело с Франциском I, Генрихом VIII и Карлом V.? Был ноябрь, когда он добрался до Рима; и его приняли так, как принимали полководцев древние римляне после великих побед. Они несли его, так сказать, на руках; каждый осыпал его знаками уважения и радости, а его секретарь в последний

день 1537 года написал католикам Англии, чтобы описать им *великий триумф, который был устроен в Риме по случаю благополучного прибытия его господина*.^[242] Рим может побеждать или быть побежденным, он всегда торжествует.

Эта миссия Реджинальда Поула имела фатальные последствия. В следующем году его братья, лорд Монтегю, маркиз Эксетер, и сэр Эдвард Невил, были арестованы и заключены в Тауэр. Некоторое время спустя его мать, Маргарет, графиня Солсбери, последняя из Плантагенетов, женщина незаурядного характера, также была арестована. Их обвинили в том, что они стремились свергнуть Генриха и возвести Реджинальда на трон. "Я понимаю, - было сказано, - что это должно быть для брата милорда Монтегю, который находится за морем с епископом Рима и является отъявленным предателем королевского высочества".^[243] Они были осуждены и казнены в январе 1539 года. Графиню казнили позже.

НЕМЕЦКИЕ ПОСЛАННИКИ В АНГЛИИ.

Павел III. ошибся, выбрав двоюродного брата короля, чтобы настроить против него католическую Европу. Но у какого-нибудь другого легата могли быть шансы на успех. Генрих чувствовал необходимость заручиться союзниками на Континенте. Кранмер быстро воспользовался этим чувством, чтобы убедить Генриха объединиться с протестантами Германии. Курфюрст Саксонии, ландграф Гессенский и другие протестантские князья, узнав, что король решительно порвал с папой, закрыл монастыри и начал другие реформы, согласились прислать депутацию. 12 мая Фрэнсис Буркхардт, вице-канцлер Саксонии, Георг фон Бойнебург, доктор права, и Фредерик Микониус, суперинтендант Готской церкви — дипломат, юрисконсульт и теолог - отправились в Лондон. Принцы хотели быть достойно представлены, а посланники должны были жить в роскоши и сервировать обильный стол.^[244] Король принял их с большой благосклонностью. Он поблагодарил их за то, что, отложив свои дела, они предприняли столь трудное путешествие; и особенно он говорил о Меланхтоне в самых любовных выражениях.^[245] Но делегаты, хотя с ними так почетно обращались их собственные принцы и король Англии, были гораздо менее достойны представителей низшего звена. Едва они поселились в отведенном им доме, как на них напали обитатели: "множество крыс днем и ночью бегало по их комнатам".^[246] В дополнение к этому раздражению кухня примыкала к гостиной, в которой они должны были обедать, так что дом был полон запахов, и все, кто входил, были оскорблены.

Но некоторые епископы доставляли им больше хлопот, чем крысы. Кранмер принял их как друзей и братьев и попытался воспользоваться их присутствием, чтобы способствовать торжеству Евангелия в Англии; но Тонстолл, Стоксли и другие не оставили камня на камне, чтобы сделать их миссию безуспешной. Дискуссия проходила во дворце архиепископа в Ламбете, и они делали все возможное, чтобы затянуть ее, упрямо защищая доктрины и обычаи средневековья. Они действительно были готовы отделиться от Рима, но это было сделано для того, чтобы объединиться с греческой церковью, а не с евангелистами. Каждая из двух конфликтующих сторон стремилась привлечь к себе тех английских врачей, которые все еще колебались. Однажды Ричард Сэмпсон, епископ Чичестерский, который обычно сопровождал группу схоластов, приехав в Ламбет рано утром, Кранмер отвел его в сторону и так настойчиво убеждал в необходимости отказаться от традиции, что епископ, слабый человек, был убежден. Но Стоксли, который, несомненно, что-то заметил в ходе дискуссии, в свою очередь отвел Сэмпсона в сторону, на галерею, как раз когда собрание заканчивалось, и очень серьезно

поговорил с ним о практике церкви. Эти обычаи необходимы, сказал Стоксли, поскольку они встречаются в греческой церкви. Бедный епископ Чичестерский, которого епископ Лондонский вел в одном направлении, а архиепископ Кентерберийский - в противоположном, был очень смущен и не знал, в какую сторону обратиться. Его решение было за последним оратором. Полуримские врачи того периода, пожертвовавшие королю римским обрядом, считали своим долгом пересечь всю Европу с целью найти в турецкой империи греческий обряд, который был для них Евангелием. Англия должна быть одета в греческие одежды. Но Кранмер и слышать об этом не хотел; и он подарил своим соотечественникам брачную одежду, о которой говорит Спаситель.[247]

ДЛИТЕЛЬНЫЕ ОБСУЖДЕНИЯ.

Лето подходило к концу. Немецкие делегаты пробыли в Лондоне три или четыре месяца, не добившись никакого прогресса. Утомленные бесплодными дискуссиями, они начали подумывать о своем отъезде. Но перед отъездом, примерно в середине августа, они направили королю документ, в котором, опираясь на Священное Писание, свидетельства древнейших Отцов Церкви и практику первоначальной церкви, выступали против изъятия чаши, частных месс и безбрачия священников - трех ошибок, которые, по их мнению, существенно способствовали деформации христианского мира. Когда Кранмер услышал об их намерении покинуть Англию, он был очень тронут. Ихотъезд развеял все его надежды. Должен ли он тогда отказаться от надежды увидеть, как Слово Божье восторжествует в Англии так же, как оно восторжествовало в евангелической Германии? Он призвал их в Ламбет и искренне и с большой добротой умолял[248] ради короля остаться. Они ответили, что "по просьбе короля они были бы очень рады задержаться во время его соизволения не только на месяц или два, но и на год или два, если бы были свободны". Но поскольку они так долго не виделись со своими принцами и за весь этот сезон не получили от них никаких писем, не подлежало сомнению, что их ежедневно ждали дома, и поэтому они не осмеливались медлить. Однако после возобновившихся просьб они сказали: "Мы посоветуемся вместе". Они обсуждали друг с другом вопрос, должны ли они покинуть Англию как раз в то время, когда она, возможно, была на грани того, чтобы встать на сторону правды. Должны ли мы отказаться пожертвовать нашим личным удобством ради столь великих интересов? Они избрали наименее удобный, но наиболее полезный курс. Мы задержимся, сказали они, на месяц, "надеясь, что их промедление перерастет в какой-нибудь хороший успех в выполнении пунктов их поручения", и "надеясь, что королевское величество напишет их принцам, чтобы они извинились за столь долгое промедление". Евангелисты Германии считали своим долгом мириться с некоторыми второстепенными различиями, но откровенно отвергать те ошибки и злоупотребления, которые противоречили основным доктринам Евангелия, и объединяться в великих истинах веры. Это было именно то, чего католическая партия и сам король делать не собирались. Когда Кранмер призвал епископов взять на себя задачу ответить немцам, они ответили, "что королевская милость взял на себя ответственность ответить упомянутым ораторам от этого имени ... и поэтому они не будут вмешиваться в злоупотребления, чтобы не написать там вопреки тому, что напишет король".[249] Противоречить Генриху VIII действительно было неприятно и небезопасно. Но в данном случае мнение короля было лишь удобной завесой, за которой епископы пытались скрыть свою недоброжелательность и свои порочные доктрины. Их ответ был ничем иным, как уклончивостью. Книга была написана не королем, а одним из них, Тонстоллом, епископом Дарема.[250] Он не рисковал противоречить самому себе. Несмотря на это недоброжелательство, немцы продержались не один месяц, а два. Их поведение, как и

поведение Кранмера, было честным, преданным, благородным и христианским; в то время как епископы Лондонский и Даремский и их друзья, без сомнения, умные люди, были душами низшего сорта, которые пытались хитростью уклониться от предложенной им свободной дискуссии и выдавали свое плутовство за благоразумие.

УХОД НЕМЦЕВ.

Немецким врачам больше нечего было делать. Они предложили руку, но она была отвергнута. Судно, которое должно было доставить их, ждало. Они были измучены усталостью, и один из них, Миконий, которому английский климат, по-видимому, не подходил, был очень болен. Они отправились в путь в начале октября и рассказали о своей миссии своим государям и Меланхтону. Последний подумал, что, учитывая привязанность, которую король проявлял к нему, он мог бы, если бы вмешался в это время, сделать что-нибудь, чтобы склонить чашу весов в нужную сторону. Поэтому он написал Генриху VIII. замечательное письмо, в котором, выразив свою горячую благодарность за добрую волю короля, он добавил: "Я вверяю вам, сир, дело христианской религии. Вашему величеству известно, что главная обязанность государей - защищать и распространять небесное учение,^[251] и по этой причине Бог дает им то же имя, что и своему собственному, говоря им: *вы - боги* (Пс. lxxxii. 6). Мое искреннее желание - увидеть истинное соглашение в том, что касается доктрины благочестия, установленное между всеми церквями, осуждающими римскую тиранию, соглашение, которое должно воссиять славой Божьей, побудить другие народы объединиться с нами и поддерживать мир в церквях". Меланхтон был прав в последнем пункте; но был ли он прав в том, какую должность он возложил на королей? По его мнению, это был героический поступок - взяться за оружие ради церкви.^[252] Но какую церковь было необходимо защищать с мечом в руке? Католические князья, несомненно, обнажили меч против протестантов, а не протестанты против католиков. Согласно этому правилу, самыми героическими королями были бы Филипп II. и Людовик XIV. Принцип Меланхтона ведет прямой дорогой к инквизиции. Выражая всю нашу мысль по этому поводу, какой потомок гугенотов мог бы признать истинным, божественным принцип, в силу которого его предки, люди, которых мир был недостоин, были лишены всего, страдали, замучены, рассеяны по пустыням, горам и пещерам земли, брошены в тюрьму, подвергнуты пыткам, изгнаны и преданы смерти? Совесть, которая есть голос Божий, выше всех голосов человеческих.

ГЛАВА II.

ГЕНРИХ VIII, ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВА АНГЛИЙСКОЙ ЦЕРКВИ — МУЧЕНИК.

(1538.)

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГАРДИНЕРА.

Римская партия в Англии не ограничилась тем, что воспрепятствовала союзу Генриха с протестантами Германии; но по всем пунктам выступала против евангелической реформации и стремилась завоевать расположение короля демонстрацией восторженной преданности его личности и его церковному превосходству. Это было особенно характерно для политики

Гардинера. Наделенный большой остротой интеллекта, он изучил характер короля и приложил все свои силы, чтобы добиться принятия им своих собственных взглядов. Генрих не ценил его характер, но высоко ценил его таланты и по этой причине нанял его. Теперь Гардинер был опорой схоластических доктрин и самым непреклонным противником Реформации. В течение трех лет он был послом во Франции, и во время этой миссии он проявил большую помпезность и потратил сумму, эквивалентную, по нашим нынешним подсчетам, примерно шестидесяти тысячам фунтов стерлингов. Он посетил двор императора и беседовал с римским легатом. Однажды в Ратисбоне итальянец по имени Людовико, слуга легата, разговаривая с одним из приближенных сэра Генри Кневета, который был членом английского посольства, доверил ему заявление о том, что Гардинер тайно примирился с папой и вступил с ним в переписку. Кневет, которому чрезвычайно хотелось знать, что об этом думать, переговорил с Людовико и уехал, убежденный в реальности этого факта. Как только Гардинер узнал об этих событиях, он отправился к Гранвелле, канцлеру империи, и резко пожаловался ему на клевету Людовико. Канцлер приказал заключить итальянца в тюрьму; но, несмотря на эту меру, многие продолжали верить, что он говорил правду. Мы склонны думать, что Людовико сказал больше, чем знал. История, однако, указывает, с какой стороны дул ветер в сфере, в которой двигался Гардинер. Он отправился в Париж 1 октября 1535 года; а 28 сентября 1538 года можно было увидеть въезжающий в Лондон блестящий и многочисленный оркестр, мулов и колесницы, увешанные драпировками, на которых были вышиты гербы хозяина, лакеев, джентльменов, одетых в бархат, со множеством швейцаров и солдат. Это был Гардинер и его свита.[\[253\]](#)

Трехлетнее отсутствие этого грозного противника Евангелия ознаменовалось ослаблением преследований и более активной пропагандой Священного Писания. Его возвращение должно было ознаменоваться энергичным возобновлением борьбы против Евангелия. Это было главным делом Гардинера. Этому он посвятил все ресурсы самого острого понимания и самого стойкого характера. Он немедленно начал расставлять ловушки вокруг короля, которого в этом отношении было не очень трудно поймать. Однако возникли две трудности. Сначала Генрих VIII под влиянием покойной королевы несколько смягчился по отношению к Реформации. Затем слухи о примирении Гардинера с папой римским, возможно, оттолкнули от него короля. Хитрый человек действовал ловко и убил двух зайцев одним выстрелом. "Папа римский, - сказал он королю, - делает все, что в его силах, чтобы погубить вас". Генрих, раздраженный миссией Поляка, в этом не сомневался. - В таком случае, ваше величество, - продолжал епископ, - вам следует сделать все возможное, чтобы примирить континентальные державы и обезопасить себя от вероломных замыслов Рима.[\[254\]](#) Теперь самое верное средство примирить Франциска I, Карла V. и других властителей - это строго действовать против еретиков, особенно против сакраментариев. "Генрих согласился на предложенные средства с большей готовностью, потому что он всегда был фанатиком телесного присутствия, и потому что лютеране, по его мнению, не могли обидеться, увидев, как он сжигает некоторые из них. из сакраментариев.

Начало было положено анабаптистами. О безумных и зверских деяниях, совершенных в Мюнстере, все еще говорили повсюду, и эти несчастные люди подвергались преследованиям во всех европейских странах. Некоторые из них нашли убежище в Англии. В октябре 1538 года король назначил комиссию для проверки некоторых людей, "недавно прибывших в королевство, которые прячутся в различных укромных уголках". Комиссия была уполномочена продолжить работу, даже если предположить, что это противоречит каким-либо законам королевства.[\[255\]](#)

Четверо анабаптистов несли хворост в церкви Павла, а двое других, мужчина и женщина, родом из Нидерландов, были сожжены в Смитфилде. Кранмер и Боннер заседали в этой комиссии бок о бок со Стоксли и Сэмпсоном. Этот факт показывает, какое поразительное заблуждение преобладало в то время в умах людей. Гардинер хотел пойти дальше; и, общаясь, когда начались гонения, с такими людьми, как Кранмер, он проводил тайные совещания со Стоксли, епископом Лондонским, Тонстоллом Даремским, Сэмпсоном Чичестерским и другими, которые были преданы доктринам средневековья. Они обсуждали способы сопротивления реформам Кранмера и Кромвеля и восстановления католицизма.

ЕПИСКОП СЭМПСОН.

Епископ Сэмпсон, один из союзников Гардинера, был верным другом древних суеверий и придавал особое значение требованию, чтобы к Богу не обращались на языке, понятном простым людям. "Во всех местах, - сказал он, - как у латинян, так и у греков, служители церкви пели или произносили свои службы или молитвы на латинском или греческом грамматическом языке, а не на вульгарном. Что люди молились отдельно на тех языках, на которых они хотели бы ... и он пожелал, чтобы все служители были настолько хорошо образованы, что понимали свои обязанности, богослужение или молитвы, которые они произносили на латинском языке."^[256] По его мнению, говорить с Богом было незаконно, кроме как *грамматически*.

Сэмпсон, слабый и ограниченный человек, находился под влиянием предрассудков и управлялся более сильными людьми; и он ввел в своей епархии обычаи, противоречащие приказам короля. Слабые умы часто оказываются в авангарде, когда начинаются важные движения; сильные находятся в тылу и подталкивают их вперед. Так было с Сэмпсоном и Гардинером. Кромвель, обладавший острым и проницательным умом, чей взгляд легко проникал в глубины человеческих сердец и проникал в суть фактов, понял, что против Реформации вынашивается какой-то проект; и поскольку он не осмеливался нападать на настоящих лидеров, он приказал арестовать Сэмпсона и заключить его в Тауэр. Епископ не был сильным духом и дрожал по пустяковому поводу; поэтому можно представить, что было с ним, когда он оказался в государственной тюрьме. Он впал в большую беду и необычайное уныние духа.^[257] Его воображение было наполнено роковыми предчувствиями, и его душу охватили великие ужасы. Вызвать неудовольствие короля и Кромвеля - какое преступление! Можно было подумать, что он умрет от этого, говорит историк. Он уже видел себя на эшафоте епископа Фишера и сэра Томаса Мора. В это время могущественный священник вызвал его к себе. Сэмпсон признал факт создания союза между Гардинером, Стоксли, Тонстоллом и им самим для поддержания старой религии, ее традиций и обрядов, а также для противодействия любым нововведениям. Он признал тот факт, что его коллеги и он сам поклялись приложить все свои усилия для восстановления выродившегося католицизма. По их мнению, ничто из того, что сохранили греки, не должно быть отвергнуто в Англии. Однажды, когда епископ Сэмпсон плыл на барже по Темзе в сопровождении епископа Даремского в Ламбетский дворец, последний достал старую греческую книгу, которую он обычно носил в кармане, и показал Сэмпсону несколько мест в этой книге, где греческая церковь предписывала спорные вопросы.^[258] Эти епископы, которые так смело разговаривали друг с другом, не говорили так с королем. Они притворялись, что полностью согласны с ним; и для него у них не было ничего, кроме лести. Кранмер не был сильным, но, по крайней мере, он никогда не был лицемером. Сэмпсон, однако, проявил столько раскаяния и пообещал такую покорность, что был освобожден. Но Кромвель теперь знал, что думать по этому поводу. Заговор угрожал работе, к выполнению которой он

приложил столько усилий. Он заметил, что влияние архиепископа при дворе ослабевает, и у него появились тайные предчувствия беды, в которую он сам будет вовлечен.

Гардинер, по сути, энергично убеждал короля восстановить все древние обычаи. Таким образом, хотя незадолго до этого были отданы приказы размещать библии в церквях и проповедовать против паломничества, возжигания свечей, целования мощей и других подобных практик, [259] теперь было запрещено переводить, публиковать и распространять любые религиозные произведения без разрешения короля; и были изданы предписания об использовании святой воды, для процессий, для преклонения коленей и ползать перед крестом, и зажигать свечи перед *Телом Христовым*. Дискуссии об этом таинстве Евхаристии были запрещены. [260] Гардинер хотел скрепить эти таинства кровью мучеников. Он начал с нанесения удара *in anima vili*; преследование голландских священнослужителей было всего лишь *экзорцизмом*; теперь необходимо было перейти к самому действию, нанести удар евангелическому и уважаемому англичанину и придать его смерти определенное значение.

ДЖОН НИКОЛСОН.

В это время в Лондоне находился священник по имени Джон Николсон, который учился в Кембриджском университете, был обращен благодаря своим беседам с Билни, а впоследствии стал другом Тиндейла и Фрита и благодаря общению с ними укрепился в вере. Он был добросовестным человеком, который не считал, что достаточно придерживаться учения, созвучного Слову Божьему, но, сознавая великую ценность истины, был готов отдать за нее свою жизнь, даже если на карту не было поставлено ничего, кроме вопроса, который считался второстепенным. Верность или неверность своим убеждениям - это, по его мнению, было решающим критерием нравственности или безнравственности человека. В эпоху Реформации были более великие проповедники и богословы, чем Николсон; но не было никого, более достойного почестей. Переведя с латыни и греческого произведения, которые могли вызвать оскорбление, и исповедав свою веру, он был вынужден пересечь море и стал капелланом английского дома в Антверпене. Здесь-то он и познакомился с Тиндейлом и Фритом. Будучи обвинен в ереси неким Барлоу, он был доставлен в Лондон по приказу сэра Томаса Мора, тогдашнего канцлера, и содержался в плену в Оксфорде, в доме архиепископа Уорхэма, где у него отобрали все, особенно книги. По случаю своего появления в 1532 году перед архиепископом и другими прелатами Николсон непоколебимо утверждал, что все, что необходимо для спасения, можно найти в Священном Писании. "Это, - сказал он, - вопрос, который является главной темой и всем содержанием всех других возражений против меня. Это и руль, и корма обоих вместе". [261] Там было сорок пять пунктов, и на них он отвечал статья за статью. [262] Вскоре после этого, в связи со смертью Уорхэма и назначением Кранмера на вакантную кафедру, антверпенский капеллан был освобожден. Он решил остаться в Лондоне, взял, по-видимому, из благоразумных соображений фамилию Ламберт и посвятил себя трудам учителя, но в то же время придерживался решения использовать любую возможность для отстаивания истины.

ЕГО РАБОТА НАД ВЕЧЕРЕЙ ГОСПОДНЕЙ.

Однажды ему сообщили, что доктор Тейлор будет проповедовать в церкви Святого Петра в Корнхилле, и он пошел послушать его не только из-за его хорошо известных дарований, но и потому, что он был недалеко от Евангелия. Позже он был назначен епископом Линкольна при благочестивом короле Эдуарде и был лишен этого поста при фанатичной Марии. Тейлор

проповедовал в тот день о реальном присутствии Христа в хлебе и вине. Николсон действительно также верил в присутствие Господа на Вечере, но это присутствие, как он верил, было в сердцах верующих. После службы он отправился к Тейлору и со скромностью и добротой привел различные аргументы против доктрин, которые тот излагал. "У меня сейчас нет времени, - сказал доктор, - обсуждать с вами этот вопрос, поскольку моего внимания требуют другие дела; но сделайте одолжение, изложите свои соображения в письменном виде и позвоните снова, когда у меня будет больше свободного времени". Ламберт взялся за письменную работу и против доктрины присутствия в хлебе привел десять аргументов, которые, по словам Фокса, были очень вескими. Не похоже, что Тейлор ответил на них. Он был честным человеком, который беспристрастно рассмотрел эти вопросы, и рассуждения Николсона, похоже, несколько поколебали его. Поскольку Тейлору не терпелось самому стать просветленным и попытаться удовлетворить своего дружелюбного оппонента, он передал документ Барнсу. Последний, истинно евангельский христианин, тем не менее придерживался мнения, что выдвижение доктрины, содержащейся в этом небольшом труде, серьезно повредило бы делу Реформации. Поэтому он посоветовал Тейлору поговорить на эту тему с архиепископом Кранмером. Кранмер, придерживавшийся того же мнения, пригласил Николсона на конференцию, на которой также присутствовали Барнс, Тейлор и Латимер. Эти четыре священнослужителя в то время еще не отказались от точки зрения, против которой выступал бывший капеллан Антверпена, и, учитывая новое возрождение сакраментального католицизма, они не были склонны делать это. Поэтому они пытались изменить мнение благочестивого министра, но тщетно. Обнаружив, что они единодушно осудили его взгляды, он воскликнул: "Что ж, тогда я обращаюсь к королю". Это был глупый и роковой призыв.

Гардинер не терял ни минуты, но быстро взялся за дело, потому что увидел в этом возможность нанести серьезный удар; и, что было неоценимым преимуществом, на его стороне были, как он думал, Кранмер и три других евангельских богослова. Поэтому он "отправился прямо к королю",^[263] и, попросив частной аудиенции, обратился к нему в самых лестных выражениях. Затем, как будто интересы короля были ему дороже, чем самому королю, он почтительно указал, что различными недавними действиями он повсюду возбудил подозрение и ненависть; но что в данный момент открыт путь для умиротворения человеческих умов, "если бы только в этом деле Джона Ламберта он продемонстрировал народу, как строго он будет противостоять еретикам; и этим новым слухом он осуществил бы не только уничтожение всех других прежних слухов, и как бы одним гвоздем вбил другой, но также снял бы с себя все подозрения, поскольку теперь он стали появляться сообщения о том, что он сторонник новых сект и мнений."^[264]

Тщеславие, а также интересы Генриха VIII. Продиктовали ему тот же курс, что и советовал Гардинер. Он решил воспользоваться этой возможностью, чтобы демонстративно продемонстрировать свои знания и рвение. Он устроил бы мероприятия внушительного характера; простой беседы было бы недостаточно, но должно было состояться грандиозное шоу. Поэтому он приказал разослать приглашения большому числу дворян и епископов для участия в торжественном суде, на котором он должен был предстать как глава церкви. Он не довольствовался только титулом, он хотел показать, что он играл эту роль. Одна из главных характеристик Генриха VIII. любил демонстрировать то, кем он себя считал или что, по его мнению, он знал, даже не подозревая, что демонстрация часто губит тех, кто хочет казаться большим, чем они есть на самом деле.^[265]

Тем временем Ламберт, заключенный в Ламбете, написал апологию своей веры, которую он посвятил королю и в которой он твердо обосновал доктрину, которую исповедовал.[266] Он был рад, что его просьба быть заслушанным перед Генрихом VIII. была удовлетворена. Он желал, чтобы суд над ним был благословенным, и тешил себя приятной иллюзией, что король, однажды столкнувшись с истиной, должен быть просвещен и публично провозгласить ее. Эти приятные фантазии придавали ему смелости, и он жил надеждой.

ЛАМБЕРТ ПЕРЕД КОРОЛЕМ.

В назначенный день, в пятницу, 16 ноября 1538 года, ассамблея была созвана в Вестминстер-холле. Король в парадных одеждах восседал на троне. Справа от него находились епископы, судьи и юрисконсульты; слева - светские лорды королевства и чиновники королевского дома. Охранники, одетые в белое, находились рядом со своим хозяином, и толпа зрителей заполнила зал. Заключенного поместили за стойку. Доктор Дэй[267] сказал следующее: Что король на этой сессии хотел бы, чтобы все штаты, степени, епископы и все другие были предупреждены о его воле и удовольствии, чтобы ни у кого не возникало какого-либо дурного мнения о нем, поскольку теперь, когда власть и имя римского епископа полностью упразднены, он также уничтожит всю религию или даст свободу еретикам исповедовать ее. возмущать и беспокоить без всякого наказания англиканские церкви, главой которых он является. И более того, они не должны думать, что они собрались в это время для какого-либо диспута о еретическом учении; но только с той целью, чтобы стараниями его и других епископов ересь этого присутствующего здесь человека (имеется в виду Ламберт) и ереси всех ему подобных были опровергнуты или открыто осуждены в присутствии их всех. Затем началась роль Генри. Его взгляд был сурово прикован к Ламберту, который стоял лицом к нему; черты его лица были напряжены, брови нахмурены.[268] Весь его облик был приспособлен для того, чтобы внушать ужас, и указывал на вспышку гнева, неподобающую судье, а тем более монарху. Он встал, оперся на белую подушку и, глядя Ламберту прямо в лицо, сказал ему презрительным тоном: "Эй! добрый человек, как тебя зовут?" Обвиняемый, смиренно опустившись на колени, ответил: "Меня зовут Джон Николсон, хотя среди многих меня зовут Ламберт". "Что? - спросил король. - У вас есть два имени? Я бы не доверял тебе, у которого два имени, хотя ты и был моим братом". "О благороднейший принц, - ответил обвиняемый, - твои епископы по необходимости вынудили меня сменить имя". После этого король, прервав его, приказал ему объявить о том, что, по его мнению, касается таинства алтаря. - Сир, - сказал Ламберт, - прежде всего я благодарю Бога за то, что вы не побрезгуете выслушать меня. Многие хорошие люди во многих местах были казнены без вашего ведома. Но теперь, поскольку этот высокий и вечный Царь царей вдохновил и взбудоражил разум короля, чтобы понять причины своих подданных, особенно тех, кого Бог по своей божественной благодати так обильно наделил столь великими дарами суждения и знания, я не сомневаюсь, что Бог совершит через него нечто великое для утверждения славы своего имени ". Генрих, который не мог вынести восхвалений еретика, грубо прервал Ламберта и сказал ему сердитым тоном: "Я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать мои собственные рассуждения". восхваления, таким образом, были произнесены в моем присутствии; но перейдем вкратце к делу, без каких-либо дополнительных обстоятельств. - В голосе короля было столько резкости, что Ламберт был взволнован и смущен. Он мечтал о чем-то совсем другом. Он представлял себе монарха справедливым и возвышенным над клерикальными страстями, чье благородное понимание было бы поражено красотой Евангелия. Но он увидел пассионарного человека, слугу священников. В изумлении и замешательстве он несколько минут хранил молчание, спрашивая себя, что ему следует делать в той крайности, до которой он был доведен.

ЕГО АДРЕС.

Ламберт был особенно привязан к великим истинам христианской религии, и во время судебного процесса он безоговорочно признал их. "Наш Спаситель не хотел, чтобы мы высоко ценили свои заслуги, - сказал он, - когда мы исполнили то, что заповедано Богом, а скорее считали себя всего лишь слугами, бесполезными для Бога ... не о наших заслугах, а о его благодати и пользе. Горе человеческой жизни, сказал святой. Августин, будь они всегда такими святыми, если Ты будешь испытывать их, отложив в сторону свое милосердие.... И снова он говорит: отдает ли кто-нибудь то, чего не должен Тебе, чтобы Ты был у него в долгу? и есть ли у кого-нибудь что-нибудь, что не принадлежит Тебе?... Вся моя надежда - на смерть Господа. Его смерть - моя заслуга, мое прибежище, мое здоровье и мое воскресение. И таким образом, - добавляет Ламберт, - мы должны служить Богу с искренней любовью, как дети, а не из нужды или страха, как нелюбящие рабы и слуги".[269]

Но король хотел локализовать нападение и ограничить допрос Ламберта темой причастия. Обнаружив, что обвиняемый молчит, король сказал ему поспешно, с гневом и горячностью:[270] "Почему ты стоишь неподвижно? Ответь, прикасаясь к таинству алтаря, утверждаешь ли ты, что это тело Христово, или отрицаешь это?" Произнеся эти слова, король приподнял свою шапку, украшенную жемчугом и перьями, вероятно, в знак почтения к обсуждаемому предмету. "Я отвечаю словами святого Августина, - сказал Ламберт, - что это определенным образом тело Христово".[271] Король ответил: "Отвечай мне ни из Святого Августина, ни авторитетом кого-либо другого; но скажи мне прямо, утверждаешь ли ты, что это тело Христово или нет." Ламберт почувствовал, какими могут быть последствия его ответа, но без колебаний сказал: "Тогда я отрицаю, что это тело Христово". "Запомни хорошенько! - воскликнул король. - ибо теперь ты будешь осужден даже по слову самого Христа, *Hoc est corpus meum*."

Затем король, повернувшись к Кранмеру, приказал ему опровергнуть мнение обвиняемого. Архиепископ говорил со скромностью, называя Ламберта "братом", и, хотя опровергал его аргументы, сказал ему, что если он докажет свое мнение на основании Священного Писания, он (Кранмер) охотно примет его. Гардинер, обнаружив, что Кранмер слишком слаб, начал говорить. Тонстолл и Стоксли последовали за ним. Ламберт выдвинул десять аргументов, и для их рассмотрения было назначено десять врачей, каждый из которых должен был оспорить один из них. Из всего диспута отрывком, который произвел на собрание самое глубокое впечатление, был аргумент Стоксли. "Философское учение состоит в том, - сказал он, - что субстанция может быть изменена только в субстанцию". Затем, на примере воды, кипящей на огне, он подтвердил, что субстанция воды переходит в субстанцию воздуха.[272] Услышав этот аргумент, вид епископов, до сих пор несколько встревоженный, внезапно изменился. Они были вне себя от радости и сочли, что это превращение элементов дает им победу, и с видом триумфатора обвели взглядом все собрание. Громкие аплодисменты на некоторое время прервали заседание. Когда наконец тишина была восстановлена, Ламберт ответил, что влажность воды, ее истинная сущность, осталась даже после этого превращения; что ничего не изменилось, кроме формы; в то время как в их системе *corpus domini* была изменена сама субстанция; и что невозможно, чтобы качества и случайности вещей оставались в их собственной природе отдельно от их собственного предмета. Но Ламберту не дали закончить свое опровержение. Король и епископы, возмущенные тем, что он осмелился оспорить аргумент, который привел их

в восхищение, дали выход своему гневу против него,^[273] так что он был вынужден замолчать и терпеливо сносить все их оскорбления.

ОСУЖДЕНИЕ ЛАМБЕРТА.

Заседание длилось с полудня до пяти часов вечера. Для Ламберта это было настоящим мученичеством. Обремененный упреками и оскорблениями, запуганный торжественностью разбирательства и авторитетом лиц, с которыми ему приходилось иметь дело, встревоженный присутствием короля и ужасными угрозами, которые были произнесены в его адрес, его тело, которое и раньше было слабым, подкашивалось под усталостью от пятичасового сидения, в течение которого, все время стоя, он был вынужден вести жестокую битву, убежденный, что самые яркие и неотразимые демонстрации будут подавлены криками прохожих, он вспомнил эти слова Священного Писания - Успокойся, - и замолчал. Это самоограничение было расценено как поражение. Где знания, которыми так хвастались? они сказали; где его сила аргументации? Собрание ожидало взрывов красноречия, но обвиняемый хранил молчание. Пальма первенства была присуждена королю и епископам под шумные и всеобщие аплодисменты.

Наступила ночь. В зале появились слуги королевского дома и зажгли факелы. Генрих начал находить свою роль главы церкви несколько утомительной. Он решил довести дело до конца и своей суровостью дать папе римскому и всему христианскому миру блестящее доказательство своей ортодоксальности. "Что скажешь ты теперь, - обратился он к Ламберу, - после всех этих великих трудов, которые ты взял на себя, и всех доводов и наставлений этих ученых мужей? Ты еще не удовлетворен? Будешь ли ты жить или умрешь? Что ты скажешь? У тебя все еще есть свобода выбора. Ламберт ответил: "Я вверяю свою душу в руки Божьи, но свое тело я всецело отдаю и покоряюсь твоему милосердию". Тогда король сказал: "В таком случае ты должен умереть, ибо я не буду покровителем еретиков". Несчастный Ламберт! Он отдал себя на милость принца, который никогда не щадил человека, оскорбившего его, будь это даже его ближайший друг. Монарх повернулся к своему главному викарию и сказал: "Кромвель, зачитай приговор об осуждении". Это была жестокая задача, возложенная на человека, которого все считали другом евангелистов. Но Кромвель почувствовал, что земля уже дрожит у него под ногами. Он взял приговор и прочитал его. Ламберт был приговорен к сожжению.

Четыре дня спустя, во вторник, 20 ноября, евангелиста вывели из тюрьмы в восемь часов утра и доставили в дом Кромвеля. Кромвель вызвал его в свою комнату и объявил, что настал час его смерти. Это известие сильно утешило и обрадовало Ламберта. Утверждается, что Кромвель добавил несколько слов в качестве извинения за ту роль, которую он сыграл в его осуждении, и отправил его в комнату, где завтракали джентльмены из его окружения. Он сел и по их приглашению принял участие в трапезе вместе с ними со всем хладнокровием христианина. Сразу после завтрака его отвезли в Смитфилд и там положили на невысокую кучу. Обгорели только ноги, и ничего не осталось, кроме обрубков. Однако он был еще жив, и двое солдат, заметив, что все его тело не может быть сожжено целиком, вонзили в него свои алебарды, по одной с каждой стороны, и подняли его над огнем. Мученик, простирая к людям свои горящие руки, сказал: "Никто, кроме Христа! Никто, кроме Христа!" В этот момент солдаты вынули оружие и бросили благочестивого Ламберта в огонь, который быстро поглотил его.^[274]

ЛЕСТЬ.

Генрих VIII, однако, не был удовлетворен. Надежда, которую он лелеял заставить Ламберта отречься, не оправдалась. Англо-католическая партия компенсировала это тем, что повсюду превозносила его ученость и красноречие. Они превозносили его изречения до небес — каждое из них было оракулом; на самом деле он был защитником веры. Был один человек, не принадлежавший к этой партии, который написал сэру Томасу Уайатту, тогдашнему министру иностранных дел при короле, следующее: "Было удивительно видеть серьезность и величественный вид, с которыми его величество исполнял функции *Верховного главы англиканской церкви*; мягкость, с которой он пытался обратить этого несчастного человека; силу аргументации, с которой он противостоял ему. Если бы принцы и властители христианского мира могли присутствовать на этом зрелище; они, несомненно, восхитились бы мудростью и рассудительностью его величества и сказали бы, что король - самый превосходный принц в христианском мире." [275]

Этим автором был сам Кромвель. В это время он подавлял все лучшие стремления своей натуры, полагая, что, как принято считать, если кто-то хочет сохранить благосклонность принцев, необходимо приспосабливаться ко всем их желаниям. Скорбное падение, которому суждено было стать не единственным в своем роде! Было сказано: "Каждый льстец, кем бы он ни был, всегда является вероломным и злобным созданием". [276]

ГЛАВА III.

ШЕСТЬ СТАТЕЙ.

(1538-1540.)

В то время как англо-католическая партия восстанавливала свое прежнее влияние на сознание Генриха, некоторые члены римско-католической партии трудились над восстановлением влияния папы римского. Они полагали, что нашли ключ, с помощью которого царя можно было бы вернуть к повиновению Риму. Генрих, который, будучи занят приготовлением костров для мучеников, не забывал об алтаре бракосочетания, очень хотел добиться руки Кристины, герцогини Миланской. Так вот, именно эту принцессу, племянницу Карла V. Считалось возможным использовать для расположения короля к папе римскому. Сейчас она находилась при брюссельском дворе со своей тетей королевой Марией; и это связано с первым предложением Генриха VIII. она ответила с улыбкой: "У меня только одна голова; если бы у меня было две, одна из них была бы к услугам его величества". Если бы она не сказала этого, как некоторые друзья Генриха VIII. утверждали, что нечто подобное, несомненно, было сказано одним из придворных. Как бы то ни было, король не встретил отказа. Франциск I., встревоженный перспективой союза между Генрихом VIII. и Карл V сообщил Генриху, что император обманывает его. Король этому не поверил. Королева-регентша Нидерландов попыталась заключить этот союз; испанские уполномоченные прибыли для ведения переговоров, и Хаттон де Райотесли, английский посланник в Брюсселе, ревностно взялся за это дело. Один из главных придворных чиновников, ужиная с последним в июне 1538 года, поинтересовался у него новостями о переговорах. Хаттон выразил свое удивление, "что

император проявил такую небрежность". Его собеседник заметил, что единственная трудность в этом вопросе заключалась в том, что король, его (Хаттона) повелитель, "женится на леди Кэтрин, которой герцогиня приходится ближайшей родственницей", так что брак не мог быть заключен без разрешения папы римского.[\[277\]](#)

БРАЧНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ.

Император заговорил еще яснее. Уайатту было поручено передать королю, что рука герцогини Миланской будет отдана ему с приданым в сто тысяч крон и ежегодным пособием в размере пятнадцати тысяч, закрепленным за герцогством; и что за дар этой красивой и образованной молодой вдовы все, что от него требуется, - это *примирение с епископом Рима*.[\[278\]](#) Это означало установление высокой цены за руку Кристины. Принцесса, возможно, считая, что это была славная задача - вернуть Генриха VIII. в лоно папства, заявила о своей готовности повиноваться императору. Папа, со своей стороны, был готов предоставить необходимое разрешение; но король должен был сначала подчиниться. Для принца с такими пламенными страстями это было великим искушением. Канцлер Райотсли, который вел переговоры по этому делу, сам пребывал в нерешительности по этому поводу. Одно время он горячо выступал за это, а в другое время писал (21 января 1539 г.): "Если этот брак не может быть заключен с такой честью и дружбой, какие требуются, пусть его светлость также перенесет свой благороднейший желудок в какое-нибудь другое место".[\[279\]](#) Договор был окончательно разорван, нить оборвалась, к великому сожалению римской стороны. Одно обстоятельство могло повлиять на решение короля. Еще до завершения переговоров, в декабре 1538 года, папа римский опубликовал буллу 1535 года, в которой он отлучил Генриха VIII от церкви. Неужели понтифик не надеялся на что-то хорошее от матримониальной интриги, или он намеревался поймать короля на страхе?

Генрих понимал, что недостаточно противопоставить короля Англии папе. Слово Божье было для него соперником Рима. В эти годы, 1538 и 1539, когда было принято так много мер против евангельского учения и его учителей, Библия, как ни странно, была напечатана и распространена. У этой публикации есть одна особенность: она была сделана благодаря вмешательству Генриха VIII. и Франциска I, два величайших врага веры в Священное Писание среди всех государей мира.

Император и король Франции время от времени кокетничали с королем Англии, которого каждый из них стремился перетянуть на свою сторону. Франциск, зная, насколько чувствителен Генрих к вопросу брака, предложил ему своего сына Генриха Орлеанского в жены принцессе Марии. Кромвель, который теперь уступал англо-католической партии по многим пунктам, необходимым для проведения реформ, тем более желал придерживаться тех, которые действительно разрешал его хозяин. Среди них был перевод Библии. Он увидел в предложении Франциска I. лазейку, которой он мог бы воспользоваться. Тираж Библии в 2500 экземпляров, изданный годом ранее выдающимся печатником Ричардом Графтоном совместно с Уитчерчем, к настоящему времени исчерпан. Кромвель решил выпустить новое издание; и поскольку в Париже книгопечатание было налажено лучше, чем в Лондоне, да и французская бумага была лучше, он умолял короля запросить разрешение Франциска I. напечатать это издание в Париже. Франциск адресовал королевское письмо своим любимым Графтону и Уитчерчу, в котором говорилось, что, получив достоверные свидетельства о том, что его очень дорогой брат, король Англии, подданными которого они были, предоставил полную и законную свободу

печатать Святую Библию как на латыни, так и на английском, и ввозить ее в свое королевство, он сам дал им на это разрешение.[280] Франциск утешал себя мыслью, что его собственные подданные не говорят ни по-английски, ни по-латыни; и, кроме того, эта книга, которой так боялись, будет немедленно вывезена из Франции.

БИБЛИЯ, НАПЕЧАТАННАЯ В ПАРИЖЕ.

Графтон и благочестивый и образованный Ковердейл прибыли в Париж в конце весны 1538 года, чтобы взяться за новое издание перевода Тиндейла. Они поселились в доме печатника Франсиса Реньо, который в течение некоторого времени печатал молитвенники для Англии. Поскольку продажи этих книг сильно упали, Реньо изменил свой курс и решил напечатать Библию. Два англичанина выбрали прекрасный шрифт и лучшую бумагу, какие только были во Франции. Но это было дорого, и уже 23 июня они были вынуждены обратиться к Кромвелю с просьбой предоставить им средства для продолжения его издания Библии.[281] Кроме того, они сталкивались с другими трудностями. Они не могли появиться на улице в Париже, не подвергаясь угрозам; и они ежедневно ожидали, что их работа будет прервана. Фрэнсис И., их предполагаемая защитница, уехала в Ниццу. К 13 декабря, после шестимесячного труда, их опасения стали настолько серьезными, что, когда Боннер, сменивший Гардинера на посту английского посла во Франции, выезжал из Парижа по пути в Лондон, они умоляли его взять с собой уже напечатанную часть и доставить ее Кромвелю. Лицемерный Боннер, не удовлетворенный всеми благами, которыми он теперь обладал, хватался за епископство Херефорда, которое он называл *большой удачей* и которое ему удалось заполучить. В это время он был полон решимости выслужиться перед Кромммуэллом, от влияния которого зависели выборы, и поэтому, спрятав свое лицо под любезной маской, которую он вскоре нагло сбросил, он с величайшей готовностью выполнил просьбу.[282]

Четыре дня спустя, 17 декабря, офицеры инквизиции вошли в типографию и предъявили документ, подписанный Ле Телье, призывающий Реньо и всех, кого это касалось, явиться и дать ответ относительно печатания Библии. В то же время ему было предписано приостановить работу и запрещено забирать то, что уже было напечатано. Должны ли мы предположить, что инквизиция не беспокоилась о королевских письмах Франциска I. или что принц изменил свое мнение? Любое из этих предположений может быть принято во внимание. Вследствие отправки посылки в Лондон оставалось изъять лишь несколько листов, и их приговорили к сожжению на площади Мобер. Но офицер был скорее жаден до наживы, чем фанатичен; и поскольку англичане предложили ему золото за возвращение их собственности, почти все листы были им возвращены. Его уступчивость, возможно, отчасти объясняется тем, что это был необычный случай. Владельцами изъятых листов были лорд Кромвель, первый государственный секретарь, и король Англии. Дело было не только в этом; отважного Кромвеля было не сбить с толку. Агенты, посланные им в Париж, завладели прессами, шрифтами и даже *типографиями* и увезли все это с собой в Лондон. Через два месяца с момента их прибытия печать была завершена. На последней странице появилось заявление: *Вся Библия была закончена в 1539 году*; и благодарные редакторы добавили: *Факт домино есть факт*. [283] Жестокое разбирательство инквизиции обернулось для Англии большой выгодой. Было импортировано много французских типографий и большой запас шрифтов, и с тех пор в Англии печаталось множество более красивых изданий Библии. "Нечестивый роет яму и падает в нее".

ПОПЫТКА КОМПРОМИССА.

Таким образом, в Англии существовали две партии, и они часто больше интересовались пунктами, по которым у них были разногласия, чем важными фактами своей религии. С одной кафедры проповедник призывал к исправлению злоупотреблений Рима; в соседней церкви другой проповедник выступал за их сохранение любой ценой. Один монах из Йорка проповедовал против чистилища, в то время как некоторые из его коллег защищали доктрину. Все это вызвало самую волнующую дискуссию среди слушателей. В дополнение к двум главным партиям, там были профаны, движимые духом неверия и без почтения к священным вещам. В то время как благочестивые люди мирно собирались для чтения Священного Писания, эти насмешники сидели в трактирах за кружками пива, изливая свои сарказмы против всех, и особенно против священников. Если бы они говорили о тех, кто подал только облатку, а не вино, они бы сказали: "Это потому, что он выпил все; бутылка пуста". Иногда они даже принимались обсуждать, как в старые времена делалось в Византии, самые трудные вопросы богословия, и это было еще хуже. Король, стремившийся сыграть свою роль главы церкви, желал добиться объединения двух главных партий и не сомневался, что тогда партия профанов исчезнет. Его любимой идеей, как и у принцев в целом, было иметь в своем королевстве только одно религиозное мнение. Свобода была для него ограничением. Поэтому он начал, как это сделал император Константин, с попытки добиться своей цели с помощью системы безразличия и подчинения своей воле. В королевском воззвании он потребовал, чтобы партия реформации и партия традиций "тянули в одном ярме", [284] как пара хороших волов за плугом. Однако он не преминул преподать священникам урок. Он упрекнул их в том, что они гораздо больше занимаются раздачей освященной облатки и окроплением своих паств святой водой, чем обучением их тому, что означают эти действия. Безразличие, однако, было, конечно, недостижимо, поскольку оно подразумевает, что каждая сторона должна считать неважными те самые доктрины, которым она придает наивысшую ценность. Генри, тем не менее, смело предпринял эту попытку.

Когда 28 апреля 1539 года состоялось заседание парламента, лорд-канцлер объявил, что король очень хочет, чтобы все его подданные придерживались одного и того же мнения в религии, и потребовал назначить комитет для изучения различных мнений и составления статей соглашения, с которыми каждый мог бы дать свое согласие. 5 мая были назначены девять уполномоченных, пятеро из которых были англо-католиками, и во главе их стоял Ли, архиепископ Йоркский. Был представлен проект "по искоренению ересей в народе". Предполагалось составить каталог ересей и зачитывать его на всех богослужениях. Члены комиссии вели обсуждение в течение одного дня, но ни одна из двух сторон не пошла ни на какие уступки. Поскольку наместник Кромвель и архиепископ Кентерберийский состояли в рядах партии реформации, большинство не смогло одержать верх, и комиссия не пришла ни к какому решению.

Король был очень недоволен таким результатом. Он был готов оставить работу по примирению в руках епископов, и теперь епископы не согласились. Его терпение, которого у него было не так уж много, истощилось. Англо-католическая партия воспользовалась его недовольством и наметнула ему, что, если он действительно стремится к единству, ему придется взять дело в свои руки и утвердить доктрину, с которой все должны согласиться. Почему он должен позволять своим подданным свободно думать самостоятельно? Разве он не был в Англии хозяином и правительницей всего?

ШЕСТЬ СТАТЕЙ.

Примерно в это же время другое обстоятельство совершенно иного рода сильно подействовало на короля. Папа только что заключил союз с императором и королем Франции. Факт такой важности не мог не наделать большого шума в Англии. "Мне кажется, - сказал один из иностранных дипломатов, находящихся сейчас в Англии, - что если бы папа послал интердикт и отлучение от церкви с предписанием, чтобы ни один купец не торговал каким-либо образом с англичанами, нация без дальнейших проблем востребовалась бы и вынудила короля вернуться к церкви".[285] Генрих, встревоженный, принял две меры защиты от этого тройственного союза. Он отдавал приказы об укреплении портов, обследовании состояния различных пристаней и смотре войск; и в то же время, вместо того чтобы стремиться к объединению двух партий, он решил полностью встать на сторону схоластов и католиков. Он надеялся таким образом удовлетворить большинство своих подданных, которые все еще придерживались римской церкви, и, возможно, также умиротворить власти. "Король, исходя из политики, - было сказано, - решил, что эти статьи должны быть приняты".[286]

Таким образом, были подготовлены шесть статей реакционного характера, и для их обнародования был выбран герцог Норфолк. Он не гордился знанием Священного Писания. "Я никогда не читал Священное Писание и никогда не буду его читать, - сказал он. - Все, чего я хочу, это чтобы все было так, как было в старину". Но если Норфолк и не был великим теологом, то он был самым могущественным и самым католическим лордом Тайного совета и королевства. 16 мая герцог поднялся в верхней палате и произнес следующую речь: "Комиссия, которую вы назвали, ничего не сделала, и мы это ясно предвидели. Поэтому мы пришли, чтобы представить вам шесть статей, которые после вашего изучения и одобрения должны стать обязательными к исполнению. Они следующие: 1. если кто-либо утверждает, что после освящения в таинстве алтаря остается какая-либо другая субстанция, кроме естественного тела Христа, зачатого Девой Марией, он должен быть признан еретиком и предан смерти через сожжение, а также должен лишиться королю всех своих земель и имущества, как в случае государственной измены; 2. если кто-либо учит, что причастие должно быть дано мирянам обоих видов; или 3. что любой мужчина, принявший священный сан, тем не менее, может жениться; 4. тот мужчина или женщина, которые поклялись целомудрие может вступать в брак; 5-й, что частные мессы незаконны и не должны использоваться; или 6-й, что исповедь через ухо не соответствует закону Божьему, любой такой человек должен быть приговорен к смертной казни и конфискации земель и имущества как преступник."[287]

Кромвель был вынужден санкционировать и, возможно, даже подготовить этот документ. Когда однажды король энергично объявил о своей воле, министр склонил голову, хорошо зная, что если он воспротивится ей, то наверняка потеряет ее. Тем не менее, чтобы он мог в какой-то степени быть оправдан в своих собственных глазах, он решил, что оружие должно быть обоюдоострым, и добавил статью, подразумевающую, что любой священник, предающийся нечистоте, должен за первое преступление быть лишен своих привилегий, своего имущества и своей свободы, а за второе должен быть *наказан смертью*, как и другие.

ОППОЗИЦИЯ КРАНМЕРА.

Эти статьи, получившие название *кнут с шестью струнами и кровавый статут*, [288] были представлены в парламент. Но никто из светских лордов или палаты общин, зная, что король полностью преисполнился решимости, не осмелился напасть на них. Один человек, однако, поднялся, и это был Кранмер. "Как постоянный покровитель дела Божьего, - говорит хронист, -

он взял на себя серьезную защиту истины, которой попирали в парламенте; три дня подряд оспаривал эти шесть порочных статей; выдвигал такие обвинения и авторитетные источники, которые могли бы легко помочь делу, *низи парс майор викиссет, ут сепе олет, мелиорем*".[289] Кранмер говорил сдержанно, с уважением к государю, но также с верностью и мужеством. "Я защищаю не свое дело, - сказал он, - а дело Всемогущего Бога".

Однако архиепископ Кентерберийский был не одинок. Епископы, принадлежавшие к евангелической партии, епископы Вустера, Рочестера, Сент-Дэвидса, Эли и Солсбери, также высказались против этих статей.[290] Но король настоял, и закон был принят. Позже Кранмер сказал, что эти статьи "в некоторых вещах были настолько усилены злыми советами некоторых папистов, идущими вразрез с истиной и здравым суждением как богословов, так и юристов, что, если бы само королевское Величество лично не явился в здание парламента, эти законы никогда бы не были приняты".[291] Кранмер никогда не подписывал и не соглашался с Шестью статьями.[292]

В то же время парламент наделил короля неограниченными полномочиями. Был внесен законопроект, утверждавший, что некоторые из них своим неповиновением показали, что они не очень хорошо понимают, что король может сделать в силу своей королевской власти, и было постановлено, что каждое провозглашение его величества, даже влекущее за собой штрафы, должно иметь ту же силу, что и акт парламента. Истина уже была принесена в жертву, и следующей жертвой должна была стать свобода.

Латимер, епископ Вустерский, сделал больше, чем Кранмер. 1 июля, через восемь дней после закрытия сессии, он сложил с себя епископский сан, и его сердце забилося от радости, когда он снял свое епископское облачение. "Теперь я избавился от тяжелой ноши, - сказал он, - и никогда мои плечи не чувствовали такой легкости". Один из его бывших коллег, выразив свое удивление, ответил: "Я решил руководствоваться только Книгой Божьей, и скорее, чем отступлю хоть на йоту от нее, пусть меня растопчут копыта диких лошадей!" Теперь он удалился в деревню, намереваясь вести там спокойную жизнь. Он ухаживал за своими цветами и собирал фрукты. Упав с дерева, он счел необходимым вернуться в Лондон с целью получения медицинской помощи. Когда правительству сообщили об этом, был отдан приказ арестовать его и заключить в Тауэр, где он оставался до смерти короля. Шэкстон, епископ Солсберийский, также отказался от своей кафедры, на каких основаниях мы не знаем. При королеве Марии он стал жестоким гонителем. Многие евангельские христиане покинули Англию, и среди них особенно следует отметить Хупера, Роджерса и Джона Батлера.[293] Кранмер остался в своем архиепископском дворце в Ламбете; но он отослал жену и детей к родственникам жены в Германию.

Это отсутствие верности со стороны Кранмера объяснимо только на основании усилий, предпринятых Генрихом VIII. удержать его. В день отсрочки работы парламента, 28 июня 1539 года, Генрих, опасаясь, что архиепископ, обескураженный и испытывающий недоверие, предложит ему отставку, послал за ним и, приняв его со всей любезностью, которую он так хорошо умел проявлять, когда хотел, сказал: "Я слышал, с какой силой и ученостью вы выступали против Шести статей. Пожалуйста, изложите свои аргументы в письменном виде и передайте заявление мне". И это было не все, что сделал Генри. Желая, чтобы все люди, и особенно приверженцы англо-католицизма, знали о том уважении, которое он испытывал к

примасу, он приказал лидеру этой партии герцогу Норфолку, его шурина герцогу Саффолку, сопернику Норфолка лорду Кромвелю и нескольким другим лордам отобедать на следующий день с архиепископом в Ламбете. "Вы заверите его, - сказал он, - в моей искренней привязанности и добавите, что, хотя его аргументы не убедили парламент, они продемонстрировали большую мудрость и образованность".

КОРОЛЬ И ПРИМАС.

Компания, согласно просьбе короля, прибыла во дворец архиепископа, и Кранмер устроил своим гостям почетный прием. Последний выполнил поручение короля, добавив, что он не должен впадать в уныние, хотя парламент пришел к решению, противоречащему его мнению. Кранмер ответил, что "он был обязан его величеству за его добрую привязанность и лордам за те усилия, которые они предприняли". Затем он решительно добавил: "Я надеюсь на Бога, что отныне мои заявления и полномочия будут иметь место к славе Божьей и благу королевства". Они сели за стол. Каждый гость, очевидно, делал все возможное, чтобы понравиться предстоятелю. "Милорд Кентерберийский, - сказал Кромвель, - вы самый счастливый из всех людей; ибо вы можете делать и говорить все, что пожелаете, и, если все люди скажут что-нибудь против вас, король никогда не поверит ни единому слову во вред или помеху". Трапеза, однако, прошла не совсем гладко. Король объединил в лице Кромвеля и Норфолка самые разнородные элементы; и мирный пир был нарушен внезапным взрывом. Кромвель, продолжая свои восхваления, провел параллель между кардиналом Уолси и архиепископом Кентерберийским. "Кардинал, - сказал он, - потерял своих друзей из-за своего высокомерия и гордыни, в то время как вы одерживаете верх над своими врагами своей добротой и кротостью". "Вы должны хорошо знать это, милорд Кромвель, - сказал герцог Норфолк, - потому что кардинал был *вашим господином*. Кромвель, уязвленный этими словами, признал обязательства, которые он возлагал на кардинала, но добавил: "Я никогда не был настолько влюблен в него, чтобы сопровождать его в Рим, если бы он был избран". Папа римский, насколько я понимаю, милорд герцог, именно так бы вы и поступили." Норфолк отрицал это. Но Кромвель настаивал на своем и даже назвал значительную сумму, которую герцог должен был получить за свои услуги в качестве адмирала новому папе и за то, что тот проводил его в Рим. Герцог, больше не сдерживаясь, громкими клятвами поклялся, что Кромвель - лжец. Оба оратора, забыв, что они присутствуют на празднике мира, все больше и больше возбуждались и не жалели резких слов. Вмешался Кранмер, чтобы успокоить их. Но с этого времени эти два могущественных министра короля поклялись в смертельной ненависти друг к другу. Тот или иной из них должен был пасть.^[294]

КРАНМЕР ОТБЫВАЕТ СРОК.

Курс короля по отношению к Кранмеру не так странен, как кажется. Без Кранмера ему пришлось бы выбирать другого примата, и какой сложной задачей это было бы. Гардинер, действительно, был вполне готов занять этот пост, но король, хотя иногда и прислушивался к нему, не доверял ему. Генриху казалось трудным не только найти какого-либо другого человека, кроме Кранмера; но была еще одна трудность - назначить архиепископа должным образом. Можно ли было это сделать с помощью папы? Невозможно. Без папы? Это тоже было очень сложно. Духовенство не уступило бы королю такой власти, и было маловероятно, что они приняли бы его выбор. Король предвидел бесконечные проблемы и конфликты. Лучшим решением было сохранить нынешнего примаса, и этот курс был принят. В этом заключалась безопасность архиепископа посреди

несчастий и кровавых сцен вокруг него. Он провозгласил свою веру и не отступал от нее. Он надеялся на лучшее в соответствии с теми достижениями, которые были ему сделаны. Он верил, что, сохранив свой пост, сможет предотвратить многие бедствия. Шесть статей были бурей, которой нужно было дать утихнуть; и, в соответствии со своим характером, он склонил голову, когда ветер дул в этом направлении.

Кровавый статут был причиной глубокой скорби среди евангельских христиан. Некоторые из них, более поспешные, чем другие, используя сильные выражения того времени, утверждали, что Шесть статей были написаны не чернилами Гардинера, как говорили люди, "а кровью дракона или, скорее, когтями дьявола".[295] О них говорили даже римские католики нашего времени как о "постановлениях этого сурового и варварского закона".[296] Но католики того времени радовались им и верили, что с Реформацией все закончилось. Немедленно были назначены уполномоченные для исполнения этого жестокого закона, и среди них всегда был епископ. Эти уполномоченные, заседавшие в Лондоне, в часовне Мерсера, бывшем жилом доме и месте рождения Беккета,[297] даже преувеличили суровость Шести статей. Не прошло и пятнадцати дней, как пятьсот человек были заключены в тюрьму, одни за то, что читали Библию, другие за свою позу в церкви. Наибольшее рвение проявил Норфолк среди лордов светских, а Стоксли, Гардинер и Тонстолл - среди лордов духовных. Их целью было раздобыть *Книгу церемоний*, странную мешанину римских суеверий, принятую в качестве правила богослужения.

Сильный удар грома, внезапно прогремевший над Англией и причинивший столько беспокойства, нигде на Континенте не был столь неожиданным и нигде не вызвал такого переполоха, как в Виттенберге. Буцер, с одной стороны, и несколько беженцев, прибывших в Гамбург, с другой, ознакомили реформаторов с этим варварским статутом и умоляли протестантов Германии вступить за Генриха от имени своих единоверцев. Лютер, Меланхтон, Ионас и Померанус встретились вместе и были единомышленны в своем негодовании. "Король, - сказали они, - прекрасно знает, что наше учение о таинстве, браке священников и других аналогичных предметах истинно. Сколько книг он прочел на эту тему! Сколько отчетов было сделано ему самими компетентными судьями! Ему даже перевели книгу, в которой объясняется весь этот вопрос, и он каждый день использует эту книгу в своих молитвах. Разве он не слышал и не одобрял Латимера, Кранмера и других благочестивых богословов? Он даже осудил короля Франции за осуждение этой доктрины. И теперь он сам осуждает это более сурово, чем король или папа римский. Он издает законы, подобные Навуходоносору, и заявляет, что предаст смерти любого, кто их не соблюдает. Великие монархи наших дней вбивают себе в голову создавать для себя религии, которые могут обернуться к их собственной выгоде, подобно древнему Антиоху Епифану. Я имею право, говорит король Англии, требовать, чтобы кто-либо из моих придворных не женился до тех пор, пока он намерен оставаться при дворе; по той же причине я также имею право запрещать браки священникам. Теперь нас умоляют обратиться с увещаниями к этому принцу. Священные Писания, безусловно, учат нас прилагать усилия для возвращения слабых; но это требует, чтобы гордым, которые примиряются со своей совестью, было предоставлено идти своим собственным путем. Ясно, что король Англии идет на компромисс с совестью. Его уже предупреждали, но он не обратил внимания; следовательно, нет никакой надежды, что он прислушается к голосу разума, если его предупредят снова. Подумайте, кроме того, что это за люди, в чьи руки он себя отдает. Посмотрите на Гардинера, который, разоблачая перед всей нацией свои скандальные связи (*liaisons*), осмеливается утверждать, что законная жена для служителя Бога противоречит закону Божьему." [298]

ВОЛНЕНИЯ В ГЕРМАНИИ.

Так говорили об этом теологи Виттенберга. Кальвин разделял их мнение и почти в тот же день написал, что король Англии ясно продемонстрировал свое расположение нечестивым эдиктом, который он опубликовал.^[299] Врачи Виттенберга сослались на курфюрста; и последний, которому Генрих VIII. сообщил о Шести статьях, попросил их предпринять еще одну попытку повлиять на короля. Поэтому Меланхтон написал ему; и после изгнания, в котором он пытался подготовить разум Генриха, он сказал: "Что меня волнует и огорчает, так это не только опасность, исходящая от тех, кто придерживается той же веры, что и мы; но и то, что вы делаете себя орудием нечестия и жестокости других; что учение Христа отвергнуто в вашем королевстве, увековечены суеверные обряды и разрешен разврат; одним словом, видеть, что римский антихрист радуется в своем сердце, потому что вы беретесь за оружие". на его стороне и против нас, и надеется с помощью ваших епископов легко вернуть то, что было отнято у него мудрым советом". Затем Меланхтон оспаривает несколько статей и опровергает софизмы католической партии по этому вопросу. "Прославленный король, - продолжал он, - в глубине души я огорчен тем, что ты, осуждая тиранию римского епископа, берешь на себя защиту учреждений, которые являются опорой его власти. Вы угрожаете членам церкви Иисуса Христа самыми жестокими карами и гасите свет евангельской истины, который начал сиять в ваших церквях. Сир, это не способ изгнать антихриста, это его утверждение ... это подтверждение его идолопоклонства, его ошибок, его жестокости и его разврата.

Поэтому я умоляю вас изменить постановление ваших епископов. Пусть молитвы, возносимые к Богу столькими благочестивыми душами по всему миру об истинном преобразовании Церкви, о пресечении нечестивых обрядов и о распространении Евангелия, тронут вас. Воздайте должное тем благочестивым людям, которые сейчас находятся в тюрьме, ради Господа. Если вы сделаете это, ваше великое милосердие будет восхваляться потомками до тех пор, пока существует наука. Посмотрите, как Иисус Христос бродил с места на место. Он был голоден, его мучила жажда, обнаженный и связанный; он жаловался на неистовство священников, на несправедливую жестокость королей; он повелевает, чтобы члены его тела не были разорваны на куски и чтобы его Евангелие почиталось. Долг благочестивого царя - принять это Евангелие и охранять его. Поступая таким образом, вы будете оказывать Богу приемлемое поклонение.'^[300]

Оказали ли эти красноречивые увещевания какое-либо влияние на Генриха VIII? В прошлом случае письма реформатора скорее разозлили его, чем обрадовали.^[301] Однако после громкого раската грома, который встревожил евангельских христиан во всех частях Европы, горизонт немного прояснился, и будущее выглядело менее угрожающим.

Был один пункт, по которому Генри скорее склонялся на сторону Кранмера; это было признание вслух. Возможно, он боялся этого по политическим мотивам. Теперь епископы настаивали на его всеобщем принятии, и Тонстолл написал королю по этому поводу. Генрих отклонил его требование и назвал его своевольным человеком. Казалось, таким образом он приближался к примирению со своим предстоятелем. И это было не все. Был принят законопроект, выводящий еретиков из-под юрисдикции епископов и передающий их в ведение светских судов. Канцлер, поддержанный Кранмером, Кромвелем и Саффолком и с санкции короля, выпустил на свободу пятьсот человек, которые были заключены в тюрьму. Удар молнии действительно прорезал моря, но никто не пострадал — по крайней мере, на данный момент.^[302]

УЧЕБНЫЙ МОРСКОЙ БОЙ.

Генрих прибегнул к другим средствам, чтобы успокоить тех, кто воображал, что папа уже восстановил власть в Англии. Он показал жителям Лондона зрелище одного из тех морских сражений, на которые древние римляне тратили такие огромные суммы. Две галеры, одна из которых была украшена королевскими знаками отличия, другая - папским гербом, появились на Темзе, и началось морское сражение. Два экипажа атаковали друг друга; борьба была острой и упорной; наконец солдаты короля взяли врага на бордаж и под крики народа сбросили в воду чучело папы римского и изображения нескольких кардиналов. Папский призрак, схваченный дерзкими руками, протащили по улицам; его повесили, утопили и сожгли.^[303] Для короля было бы лучше оставить в покое такие ребяческие и вульгарные забавы, которые не нравились никому, кроме толпы, и привести более серьезные доказательства своей приверженности Евангелию.

ГЛАВА IV.

ГЕНРИХ VIII. И АННА КЛЕВСКАЯ.

(1539-1540.)

В период, которого мы сейчас достигли, Генрих VIII. все более и более отчетливо проявлял тот автократический нрав, который не поддается никакому контролю. Он возвышал или низвергал; он увенчивал людей почестями или отправлял их на эшафот. Он объявлял вещи белыми или черными, как ему заблагорассудится, и не существовало другого правила, кроме его собственной абсолютной и деспотической власти. Простая и скромная принцесса была одной из первых, кто на собственном опыте убедился, что он был деспотом в своей семье, а также в церкви и государстве.

АННА КЛЕВСКАЯ.

Генри к тому времени уже два года был вдовцом — вдовцом не по своей воле, ибо сразу после смерти Джейн Сеймур он почти повсюду искал жену, но безуспешно. Два великих континентальных монарха только что примирились друг с другом, и император даже пренебрежительно отозвался о короле Англии в деле герцогини Миланской. Поэтому Генрих теперь желал заключить брак, который оскорбил бы Карла и в то же время приобрел бы себе союзников среди врагов этого властителя. Кромвель, со своей стороны, почувствовал, как земля задрожала у него под ногами; Норфолк и Гардинер подтвердили свой триумф, добившись принятия Шести статей. Таким образом, наместник стремился одновременно укрепить свое собственное положение и положение Реформации, поскольку и то, и другое было ослаблено. Некоторые предполагали, что, возможно, его план состоял в том, чтобы объединить народы германской расы, Англию, Германию и Север, в поддержку Реформации против народов латинской расы. Мы не думаем, что Кромвель зашел так далеко. Молодая протестантская принцесса Анна, дочь герцога Клевского и невестка курфюрста Саксонского, которая, следовательно, обладала как религиозными, так и политическими качествами, необходимыми королю и его министру, была предложена Генриху его послами на Континенте, и Кромвель

немедленно взялся за это дело. Этот союз привел бы короля Англии к тесным отношениям с протестантскими князьями и обеспечил бы, как он думал, триумф Реформации в Англии, поскольку жены Генриха, по-видимому, имели на него большое влияние, по крайней мере, до тех пор, пока они были в его благосклонности. Генрих, однако, искал в своей невесте чего-то большего, чем дипломатические преимущества. Кромвель знал это и не преминул воспользоваться этим аргументом. "Все восхваляют красоту этой дамы, - писал он королю (18 марта 1539 г.), - и говорят, что она превосходит всех других женщин, даже герцогиню Миланскую. Она превосходит последнюю как чертами своего лица, так и всей своей фигурой настолько, насколько золотое солнце превосходит серебряную луну.^[304] Вам будет выслан ее портрет. В то же время все говорят о ее добродетели, ее целомудрии, ее скромности и серьезности ее облика." Портрет Анны, написанный Гольбейном, был подарен королю, и он навел его на мысль о даме не только очень красивой, но и высокого и величественного телосложения. Он был очарован и больше не колебался. 16 сентября граф Рейнский палатин и другие послы курфюрста Саксонского и герцога Клевского прибыли в Виндзор. Кромвель объявил о них королю, и последний пожелал, чтобы его министр выбросил все остальные вопросы из головы, сохранив только это.^[305] Дело было устроено, и послы при отъезде получили великолепные подарки.

Принцесса, чей отец умер, и ей наследовал его сын, покинула Клев в конце 1539 года, в суровую зимнюю погоду. Ее свита насчитывала двести шестьдесят три человека, среди них великое множество *сеньоров*, тринадцать трубачей и двести двадцать восемь лошадей. Граф Саутгемптон, лорд Говард и четыреста других дворян и джентльменов, одетых в дамаст, атлас и бархат, выехали за милю из Кале, чтобы сопровождать ее. Великолепный кортеж въехал в город и предстал перед английскими кораблями, украшенными сотней шелковых и золотых знамен, и морскими пехотинцами при оружии. Как только принцесса появилась, зазвучали трубы, пушечные залпы следовали один за другим, и дым был таким густым, что члены свиты больше не могли видеть друг друга. Все были в восхищении. После угощения, устроенного "Саутгемптоном", состоялись рыцарские поединки и турниры. Поскольку продвижение "принцессы" задерживалось из-за плохой погоды, Саутгемптон, зная о нетерпении своего хозяина, счел необходимым написать ему, чтобы он помнил, "что ни ветры, ни моря не повинуются приказам людей". Он добавил, что "непревзойденная красота принцессы соответствовала тому, что ему говорили". Анна была простого характера и робкого нрава и очень хотела понравиться королю; и она боялась появляться при знаменитом и роскошном дворе Генриха VIII. Саутгемптон зашел на следующий день, чтобы засвидетельствовать ей свое почтение, и она пригласила его сыграть с ней в какую-нибудь игру в карты, которая нравилась королю, с целью того, чтобы она научилась ей и смогла играть с его величеством. Граф занял свое место за карточным столом в компании Анны и лорда Уильяма Говарда, в то время как другие придворные стояли позади принцессы и учили ее игре. "Я могу заверить ваше величество, - писал придворный, - что она играет с таким же изяществом и достоинством, как любая благородная леди, которую я когда-либо видел в своей жизни". Анна, решив обучиться придворным манерам, упросила Саутгемптона вернуться и поужинать с ней, приведя с собой кого-нибудь из знати, потому что ей "очень хотелось увидеть манеры англичан, сидящих за столом". Граф ответил, что это противоречило бы английским обычаям; но в конце концов он уступил ее желанию.^[306]

ЕЕ ПРИЕЗД В АНГЛИЮ.

Как только погода стала более благоприятной, принцесса и ее свита пересекли Ла-Манш и достигли Дувра, откуда в разгар сильного шторма направились в Кентербери. Архиепископ в сопровождении пяти епископов принял Анну в своем епископальном городе при сильном ветре и проливном дожде; принцесса появилась так, словно могла быть солнцем, которое должно было рассеять туманы и тьму Англии и принести туда торжество евангельского света. Анна отправилась в Рочестер, примерно на полпути между Кентербери и Лондоном. Король, не в силах успокоиться, страстно желая увидеть свою предполагаемую супругу, отправился в путь в сопровождении своего главного конюшего сэра Энтони Брауна и инкогнито отправился в Рочестер.^[307] О нем доложили, и он вошел в комнату, в которой находилась принцесса; но как только он переступил порог и увидел Анну, то остановился в замешательстве и тревоге. Никогда еще ни один человек не был так обманут в своих ожиданиях. Его воображение — эта повелительница ошибок и лжи, как его называли, — нарисовало ему красавицу, полную величия и грации; и один взгляд рассеял все его мечты. Анна была доброй и исполненной благих намерений, но довольно слабоумной. Черты ее лица были грубыми; смуглый цвет лица совсем не походил на розы и лилии; она была очень тучной, а манеры неуклюжими. Генри обладал изысканным вкусом; он умел ценить красоту и недостатки, особенно в фигуре, осанке и наряде женщины. Вкус не лишен соответствующего емуотвращения. Вместо любви король испытывал к Анне только отвращение. Пораженный изумлением и тревогой, он стоял перед ней, пораженный и безмолвный. Более того, любой разговор был бы невозможен, поскольку Анна не знала английского, а Генрих - немецкого. Помолвленная пара не могла даже поговорить друг с другом. Генрих вышел из комнаты, не имея мужества даже предложить принцессе красивый подарок, который он привез для нее. Он сел в свою лодку и вернулся в Гринвич мрачный и задумчивый. "Какое горе, - сказал он себе, - что она вообще приехала в Англию".^[308] Он обдумывал сам с собой, как разорвать это. Как могли люди в здравом уме сообщать о нем такие ложные сведения? По его словам, он был рад, что "удержал себя от заключения с ней каких-либо уз". Он думал, что дело зашло слишком далеко, чтобы он мог его разорвать. "Это привело бы герцога, ее брата, в руки императора или французского короля". Неудобство, связанное с лестным портретом, никогда еще не ощущалось так глубоко. Не подлежит сомнению, что если бы в этот самый момент император и король Франции не были вместе в Париже, Генрих немедленно отослал бы несчастную молодую леди обратно.^[309]

РАЗОЧАРОВАНИЕ ГЕНРИ.

Вскоре после прибытия короля в Гринвич Кромвель, зачинщик этого злополучного дела, не без страха предстал перед его величеством и спросил, нравится ли ему леди Анна. Король ответил: "Ничто не отзывалось о ней так хорошо, как она. Если бы я знал столько раньше, сколько знаю сейчас, она не появилась бы в этом королевстве". Затем, глубоко вздохнув, он воскликнул: "Какое средство?"^[310] "Я ничего не знаю, - сказал Кромвель, - и я очень сожалею об этом". Агенты короля не представили доказательств ни интеллекта, ни честности в этом вопросе. Хаттон, написавший Кромвелю, что принцесса некрасива, и Саутгемптон, хорошо разглядевший ее в Кале, оба говорили королю только о ее красоте. На следующий день Анна прибыла в Гринвич; король проводил ее в отведенные ей апартаменты, а затем удалился к себе в глубокой меланхолии и дурном расположении духа. Кромвель снова появился. "Милорд, - сказал король, - что бы они ни говорили, она не так прекрасна, как о ней говорят ... тем не менее, она здорова и выглядит прилично. ""Клянусь честью, сэр, - ответил Кромвель, - вы говорите правду; но я думаю, что у нее королевские манеры". "Созовите совет", - сказал Генрих.

Принцесса с большой помпой въехала в Лондон и появилась во дворце. Двор, узнав о разочаровании Генриха, пришел в ужас. "Наш король, - говорили они, - никогда не смог бы жениться на такой королеве." За неимением речи музыка была бы средством общения; она говорит и двигает. Генрих и его придворные страстно любили ее, но Анна не знала ни единой ноты. Она не знала ничего, кроме обычных занятий женщин. Тщетно Кромвель осмеливался говорить своему хозяину, что она, тем не менее, дородная и прекрасная особа. Единственной мыслью Генриха было, как от нее избавиться. Церемония бракосочетания была отложена на несколько дней. Совет рассмотрел вопрос о том, не являются ли определенные проекты союза между Анной и сыном герцога Лотарингского препятствием для ее брака с Генрихом. Но они не нашли здесь достаточных оснований для возражений. "Со мной плохо обращаются", - сказал король Кромвелю. Многие опасались разрыва. Развод Генриха и Екатерины, жестокость, с которой он обошелся с невинной Анной Болейн, уже вызвали столько недовольства в Европе, что люди опасались новой вспышки. Чаша была горька, но он должен был ее испить. 6 января было определенно назначено на роковую свадьбу. За день до этого было слышно, как король тихо бормотал с оттенком отчаяния: "Так должно быть, так должно быть", а вскоре после этого: "Я подставляю свою шею под ярмо". Он решил жить с королевой так, как подобает. Непреодолимая антипатия наполнила его сердце, но вежливые слова были у него на устах. Утром король сказал Кромвелю: "Если бы не большие приготовления, которые мои государства и народ сделали для нее, и из-за страха вызвать волнение в мире и отдать ее брата в руки императора и французского короля, я бы никогда на ней не женился". Положение Кромвеля сначала пошатнулось из-за его ссоры с Норфолком; второе потрясение вызвало разочарование короля. Генрих винил его в своем несчастье, а Кромвель напрасно возлагал вину на Саутгемптон.[\[311\]](#)

6 января архиепископ совершил церемонию бракосочетания в Гринвиче с большой торжественностью, но и с большой скорбью. Генрих утешал себя в своем несчастье мыслью, что он мог бы объединиться с протестантскими князьями против императора, если бы только они согласились несколько изменить свою доктрину. На следующий день Кромвель снова спросил его, нравится ли ему королева. Хуже, чем когда-либо, ответил король. Однако он продолжал проявлять к своей жене должное уважение.

Обычно ожидалось, что этот союз будет благоприятен Реформации. Батлер в письме Буллингеру в Цюрих писал: "После замужества королевы состояние этого королевства стало гораздо более стабильным, чем это было раньше. Она превосходная женщина и та, кто боится Бога; мы возлагаем большие надежды на очень широкое распространение Евангелия под ее влиянием". И в другом письме он говорит: "Есть большая надежда, что оно [королевство] вскоре будет в гораздо более здоровом состоянии; и к этому стремится каждый хороший мужчина в настойчивой молитве к Богу".[\[312\]](#) Религиозные книги были публично предложены продавались, и многие верные служители, особенно Барнс, свободно проповедовали истину с большой силой, и никто не мешал им.[\[313\]](#) Эти добрые люди пребывали в заблуждении. "Король, - сказали они, - который чрезвычайно милостив, охотно пожелал бы распространения истины".[\[314\]](#)

ЛОЖНЫЕ НАДЕЖДЫ.

Но протестантизм короля Англии проявлялся не столько в вопросах веры, сколько в государственных делах. Он вызывал сильное раздражение по отношению к императору, и это

послужило поводом для характерного разговора. Генрих дал указание (январь 1540 г.) своему послу в Нидерландах сэру Томасу Уайатту сделать определенные представления и требования по различным вопросам, которые касались его правительства: "Я не буду вмешиваться", - сухо ответил великий потентат. Уайатт далее подал жалобу на то, что инквизиция вмешивалась в деятельность английских купцов в Испании, император лаконично ответил, что ему ничего об этом не известно, и направил его к Гранвелле. Затем Уайатт набрался смелости заметить, что монарх ответил ему в нелюбезной манере,^[315] Чарльз прервал его и сказал, что он "злоупотребил его словами по отношению к нему". Но посол, который намеревался в точности выполнить приказ своего хозяина, не остановился, а произнес слово "неблагодарность". Генрих считал Чарльза неблагодарным на том основании, что тот оказал ему большую услугу по одному важному поводу. На самом деле, император Максимилиан предложил закрепить империю за королем Англии, и мысль о том, чтобы возложить на его чело корону римских императоров, воспламенила пылкое воображение молодого принца, который был поклонником романтических традиций средневековья. Но после смерти Максимилиана немцы приняли решение в пользу Карла. Затем последний прибыл в Англию, и два короля встретились. Не так уж много известно о том, что они сказали во время их беседы, но, как бы там ни было, Генрих уступил и поверил, что его великодушию Карл был обязан за империю. "Неблагодарность!" - ответил император послу. "От кого, по-вашему, исходит эта неблагодарность?... Хотел бы я, чтобы вы знали, что я не неблагодарный, и если король, ваш господин, оказал мне услугу, я оказал ему такую же услугу, а может, и лучше. И я так понимаю, что я не могу быть неблагодарным по отношению к нему; низший может быть неблагодарным по отношению к высшему. Но, возможно, из-за того, что этот язык не является вашим родным, вы можете ошибиться в термине. ""Сэр, - ответил Уайатт, - я не знаю, ошибаюсь ли я, употребляя термин, который мне предписан". Император был очень тронут. "Месье посол, - сказал он, - мнение короля не всегда самое лучшее". "Мой хозяин, - ответил Уайатт, - принц, который достаточно аргументирует Бога и мир в своих мнениях". "Возможно", - холодно ответил Чарльз.^[316] Его намерения, очевидно, становились все более и более агрессивными. Генрих VIII. четко осознавал, каковы были его проекты. "Помните, - сказал король в том же месяце герцогу Норфолку, которого он отправил во Францию в качестве чрезвычайного посланника, - что Карл вознамерился превратить христианский мир в монархию.^[317] Ибо, если его убедить, что он превосходит всех королей, то не подлежит сомнению, что он всеми способами и средствами ... заставит всех тех, кого он считает своими подчиненными, признать его превосходство в том, что их владения должны быть легко изменены по его усмотрению". Эти слова показывают, что Генрих обладал большим политическим здравым смыслом, чем ему обычно приписывали. ; но они не совсем являются доказательством его *евангелического* рвения.

САКСОНСКИЕ ПОСЛЫ.

Однако он кое-что предпринял в этом направлении. Представители курфюрста Саксонского и ландграфа Гессенского сопровождали Анну Клевскую в Англию. Генрих любезно принял их и великолепно развлекал; ему так удалось ослепить их своей беседой и манерами, что эти серьезные послы сообщили своим хозяевам, что бракосочетание его величества было отпраздновано под радостным и священным покровительством.^[318] Тем не менее, они не скрывали от Генриха VIII. что курфюрст и ландграф "были повергнуты в ужас, как и многие другие, зверским указом, результатом ухищрений некоторых епископов, сторонников римского

нечестия". вслед за этим король, желавший любыми средствами привлечь на свою сторону евангелических монархов, заявил их представителям, "что его мудрость должна смягчить суровость указа, что он даже приостановит его исполнение и что нет ничего в мире, чего он желал бы больше, чем видеть, как истинное учение Христа сияет во всех церквях", [319] и что он был полон решимости всегда ставить небесную истину превыше человеческой традиции.' В результате этих заявлений короля виттенбергские богословы прислали ему несколько евангелических статей, к которым они просили его присоединиться, и которые были полностью противоположны статьям Гардинера. [320] Сейчас мы увидим, как Генри выполнил свои обещания.

Кромвелю не терпелось воспользоваться этими заявлениями для проповеди Евангелия, и он знал людей, способных проповедовать его. Больше всего он полагался на Барнса, который вернулся в Англию с самыми лестными отзывами от виттенбергских реформаторов и даже от курфюрста Саксонии и короля Дании. Барнс был нанят Генрихом для переговоров о его браке с Анной Клевской и, таким образом, способствовал этому союзу, что не очень-то радовало короля. Кроме того, был Гаррет, викарий Церкви всех Святых на Хани-лейн, о котором мы уже говорили в другом месте; [321] Джером, настоятель Степни, и другие. Боннер, который по возвращении из Франции был избран епископом Лондона и который впоследствии был ревностным гонителем, назначил этих трех евангелических служителей проповедовать у Креста Павла во время Великого поста 1540 года. Боннер, возможно, все еще хотел выслужиться перед Кромвелем; или, возможно, на этих проповедников пожаловались, и король пожелал подвергнуть их испытанию. [322] Барнс должен был проповедовать в первое воскресенье (14 февраля); но Гардинер, предчувствуя опасность, хотел помешать ему и, следовательно, послал Боннеру сообщение, что в этот день он должен проповедовать сам. Барнс уступил кафедру этому могущественному прелату, который, хорошо зная, какое учение трое евангелистов будут провозглашать в соборе Святого Павла, был полон решимости помешать им и хитроумно разжигать предубеждения против новаторов и их нововведений. Предварительное опровержение, считал он, полезнее, чем последующее. Лучше быть первым, чем вторым; лучше предотвращать зло, чем лечить его. Он проявил некоторую изобретательность и остроумие. Многих людей привлекала мысль о том, что Реформация была прогрессом. Он утверждал, что все было наоборот; и, взяв за основу своего текста слова, обращенные к Иисусу искусителем на вершине храма: "*Бросься вниз*", он сказал: "В наши дни дьявол искушает мир и повелевает им отбросить себя назад. В новом учении нет движения вперед, но все отстало. Теперь дьявол учит: вернись с поста, вернись с молитвы, вернись с исповеди, вернись с плача о своих грехах; и все пошло наперекосяк, настолько, что люди теперь должны произносить свое Отче Наш задом наперед". [323] Епископ Винчестерский с особой строгостью осудил евангельских проповедников на местах. что они учили прощению грехов через веру, а не делами. В старину, сказал он, небеса продавались в Риме за небольшие деньги; теперь, когда мы покончили со всей этой ерундой, дьявол изобрел другую — он предлагает нам небеса даром. Живая вера, которая объединяет нас со Спасителем, была для Гардинера ничем.

СМЕЛОСТЬ БАРНСА.

В следующее воскресенье Барнс проповедовал. Лорд-мэр и Гардинер бок о бок, а также многие другие *репортеры*, сообщает the Chronicle, присутствовали на службе. Проповедник энергично защищал доктрину, подвергшуюся нападкам епископа; но, к сожалению, он, как и тот, позволял себе попытки остроумия и даже обыгрывал свое имя, жалуясь на *садовника*, который не удалял

плевелы из сада Господня. Такой каламбур где угодно прозвучал бы оскорбительно; вдвойне оскорбительным он был за кафедрой в присутствии самого епископа. "Каламбур, - говорит один из них, - наихудшая разновидность остроумия". Барнс, однако, по-видимому, сознавал свою вину, поскольку, прежде чем закончить свою речь, он смиренно попросил Гардинера в присутствии всех своих слушателей поднять руку, если тот простит его. Гардинер поднял только палец. В следующее воскресенье Гаррет энергично проповедовал, но старательно избегал кого-либо обидеть. Наконец, Иероним проповедовал и, взяв за основу отрывок, касающийся Сарры и Агари в послании Святого Павла к Галатам, утверждал, что все те, кто рожден от Сарры, законной жены, то есть кто был возрожден верой, полностью и положительно оправданы.[324]

Епископ Гардинер и его друзья, не теряя времени, пожаловались королю на "невыносимое высокомерие Барнса". "Прелат королевства, которого так оскорбили у Креста Павла!" - сказал бывший посол во Франции. Генри послал за преступником в свой кабинет. Барнс признался, что забылся, и пообещал впредь остерегаться подобных опрометчивых речей. Джером и Гаррет также получили выговор; и король приказал трем евангелистам публично прочесть в следующее воскресенье на торжественной пасхальной службе, совершаемой в церкви Больницы Святой Марии, опровержение, которое было передано им в письменном виде. Они чувствовали себя обязанными безоговорочно подчиняться приказам короля. Поэтому, когда наступило 4 апреля, Барнс взошел на кафедру и слово в слово прочитал официальную бумагу, которую он получил. После этого, обратившись к епископу Винчестерскому, присутствовавшему по приказу короля, он искренне и почтительно попросил у него прощения. Исполнив таким образом, как он считал, свой долг сначала как подданный, затем как христианин, он чувствовал себя обязанным исполнить и долг служителя Божьего. Поэтому он мощно проповедовал учение о спасении по благодати, то самое учение, за которое его преследовали. Лорд-мэр, сидевший рядом с Гардинером, повернулся к епископу и спросил его, должен ли он отослать его с кафедры в уорд за то, что его смелая проповедь противоречит его самоотречению.[325] Гаррет и Джером последовали примеру Барнса, король отдал приказ схватить трех евангелистов и заключить их в Тауэр. "Трое наших лучших министров, - писал Батлер Буллинджеру, - заключены в Лондонский Тауэр. По этому вы можете судить о наших несчастьях".[326]

ИЗДАНИЯ БИБЛИИ.

В то же самое время, когда Генрих VIII. заключал в тюрьму служителей Слова Божьего, он предоставлял полную свободу самому Слову. Следует признать, что в своем конфликте с папой он действительно использовал Библию. Он действительно интерпретировал ее по-своему; но все же он использовал ее и помогал распространять. Это был важный факт для Реформации в Англии. Первая Библия, названная в честь Кранмера, появилась в это время (апрель 1540 г.) с предисловием архиепископа, в котором он призвал "высших и низших, мужчин и женщин, богатых и бедных, господина и слугу прочитать ее и поразмыслить над ней в своих собственных домах".[327] Королю был преподнесен великолепный экземпляр на пергаменте. В том же месяце появилась еще одна Библия, напечатанная более мелким шрифтом; в июле - еще одна большая Библия; в ноябре - третье издание in folio, санкционированное Генрихом VIII, "верховным главой своей церкви". Кажется даже, что в этом году вышло еще одно издание. Во всяком случае, Новый Завет был напечатан.[328] Враги Библии были у власти. Тем не менее Библия одерживала победу, и светило, которому предстояло просветить мир, начинало повсюду разливать свой свет.

ГЛАВА V.

ОПАЛА И СМЕРТЬ КРОМВЕЛЯ, графа ЭССЕКСА.

(1540.)

Через восемь дней после заключения Барнса и двух его друзей в тюрьму (12 апреля 1540 г.) парламент впервые открылся без аббатов и приоров. Кромвель был задумчив и встревожен; он повсюду видел поводы для тревоги; он чувствовал, что его положение ненадежно. Статут из Шести статей, владевшая его разумом убежденность в том, что доктрины Средневековья вновь обретают неоспоримую власть над королем, гнев Норфолка и недоброжелательство Генриха по отношению к королеве, которую выбрал для него Кромвель, — вот темные моменты, угрожавшие его будущему. Его друзья были рассеяны или преследуемы; его враги собрались вокруг трона. Генрих, однако, не подал виду, но втайне замышлял жестокий удар. Он скрывал игру, в которую играл, чтобы другие, и особенно сам Кромвель, не догадались об этом. Могущественный министр, таким образом, появился в парламенте с уверенным видом, как всегда могущественный орган высшей воли короля. Генрих VIII, человек крайностей, счел уместным в то время проявить себя сторонником среднего курса. Страна взбудоражена религиозными разногласиями, сказал наместник, его представитель; и в своей речи в Палате представителей он изложил, с одной стороны, укоренившееся суеверие и упорное пристрастие к папизму, а с другой - бездумную, дерзкую и преступную опрометчивость (несомненно, имея в виду Барнса): что король желал союза двух партий; что он не склонялся ни на ту, ни на другую сторону; что он в равной степени пресек бы распущенность еретиков и папистов и что он "поставил перед своими глазами чистое и искреннее учение Христа".^[329] Эти слова Кромвеля были мудрыми. Единение в истине - великая нужда всех эпох. Но Генри добавил свой комментарий. Он отказался поворачивать направо или налево. Он сам не придерживался и не собирался позволять Англии придерживаться какой-либо иной доктрины, кроме той, которая предписана его собственной суверенной властью с мечом в руке. Кромвель не преминул дать понять, каким способом король намеревался добиться этого союза; он настаивал на наказаниях против всех, кто не подчинялся Библии, и против тех, кто давал ей неправильное толкование. Генрих намеревался наносить удары направо и налево своим мощным копьем. Для осуществления плана объединения была назначена комиссия, результатом работы которой после двухлетних трудов стала путаная смесь истин и ошибок.^[330]

ПОЧЕСТИ И БОГАТСТВО КРОМВЕЛЯ.

Странно, но, хотя Кромвель теперь находился на краю пропасти, король по-прежнему осыпал его милостями. Он уже был канцлером казначейства, первым государственным секретарем, наместником и генеральным викарием Англии по духовным делам, лордом-хранителем печати и кавалером ордена Подвязки; но теперь ко всему этому добавились новые почести. Только что умер граф Эссекс, а неделю спустя скончался граф Оксфорд, который был лордом-камергером. После этого Генрих сделал Кромвеля, "сына кузнеца", которого Норфолк и другие дворяне так искренне презирали, графом Эссекским и лордом-камергером, и поставил его имя во главе

списка пэров. В богатстве он нуждался не больше, чем в почестях. Он получил значительную часть имущества покойного лорда Эссекса; король пожаловал ему тридцать поместий, отнятых у разоренных монастырей; он владел большими поместьями в восьми графствах; и он все еще продолжал руководить делами короны. Мы вполне могли бы спросить, как получилось, что такое изобилие милостей выпало на его долю как раз в то время, когда король был разгневан на него как на человека, отдавшего ему в жены Анну Клевскую; когда заключение в тюрьму Барнса, его друга и доверенного лица, сильно скомпрометировало его, и когда, вдобавок ко всему, Норфолк, Гардинер и вся католическая партия стремились свергнуть этого *парвеню*, который оскорбил их и встал у них на пути. На этот вопрос можно дать два ответа. Генрих желал, чтобы Кромвель приложил немало усилий, чтобы заручиться согласием парламента на законопроекты весьма необычного характера, но очень выгодные королю; и он надеялся, что титулы, под которыми Кромвель предстанет перед палатами, облегчат успех. Однако некоторые современники называли иную причину этих королевских милостей. "Некоторые люди теперь подозревают, - писал Хиллз Буллинджеру, - что все это было уловкой, чтобы заставить людей заключить, что он [Кромвель], должно быть, был самым злостным предателем и виновен в измене всеми возможными способами; иначе король никогда бы не казнил того, кто был ему так дорог, о чем свидетельствуют подарки, которые он ему преподнес".^[331] Кроме того, разве у древних не было обычая увенчивать свои жертвы цветами перед принесением в жертву?

Генрих был жаден до денег и нуждался в них, потому что тратил их расточительно. Он обратился за ними к Кромвелю. Последний сознавал, что, делая себя орудием короля в этом вопросе, он отдаляет от себя умы нации; но он считал, что великий государь должен обладать большими ресурсами, и он всегда был готов пожертвовать собой ради короля, ибо был всем обязан ему и любил его, несмотря на его недостатки. 23 апреля, через четыре дня после получения от короля таких экстраординарных милостей, Кромвель предложил палате представителей подавить деятельность рыцарей ордена Святого Иоанна Иерусалимского и настоял на том, чтобы их поместья, которые были значительными, были переданы королю. Это было одобрено парламентом. 3 мая он потребовал для его величества субсидии беспрецедентного характера, а именно четырех десятых и пятнадцати десятых в дополнение к десяти процентам. о земельной ренте и пяти процентах. о стоимости товаров. Этого он тоже добился. Затем он отправился на собрание духовенства и потребовал от них две десятых и двадцать процентов. на церковные доходы в течение двух лет. И снова ему это удалось. К 8 мая король добился благодаря энергии Кромвеля всего, чего желал.

ПИСЬМО КОРОЛЯ К НЕМУ.

Уже на следующий день, в воскресенье, 9 мая, Кромвель получил в своем дворце записку от короля следующего содержания:^[332]

Генри Р.

- Клянусь королем.

"Верный и горячо любимый кузен, — Мы сердечно приветствуем тебя; выражаем тебе нашу радость и повеление, что немедленно и по получении этих наших писем, отложив все остальные дела, ты возвращаешься к нам, поскольку соглашение по таким великим и весомым вопросам, из которых состоит поручительство за нашу личность, сохранение нашей чести, а также спокойствие и безмятежность тебя и всех других наших любящих и

верных подданных, как и по прибытии сюда, ты увидишь и поймешь более ясно. И чтобы вы не потерпели неудачу в этом, поскольку мы вам особенно доверяем.

"Дано под нашей печатью в нашем поместье Вестминстер, 9 мая".

Что могло означать это срочное и таинственное послание? Кромвель не мог успокоиться, прочитав его. "Под вопросом наша личная безопасность, сохранение нашей чести", - сказал король. Мы можем представить себе волнение его ума, его опасения относительно результата этого визита и то состояние растерянности, в которое он, не теряя ни минуты, погрузился, повинуясь приказу короля. У нас нет информации о том, что происходило на этом собеседовании. Вероятно, министр полагал, что оправдал себя в глазах своего хозяина. На следующий день, в понедельник, граф Эссекс, как обычно, присутствовал в Палате лордов и представил законопроект. На следующий день в парламенте был объявлен перерыв до 25 мая. Что могло быть причиной этого? Предполагалось, что враги Кромвеля хотели выиграть время, необходимое для сбора доказательств в поддержку обвинений, которые они намеревались выдвинуть против него. По истечении пятнадцати дней парламент собрался снова, и граф Эссекс занимал свое место в первый и последующие дни. 10 июня он все еще находился в ассамблее в качестве министра короля, и в этот день в три часа дня состоялось заседание Тайного совета. Герцог Норфолк, граф Эссекс и другие члены совета спокойно сидели за столом, когда герцог встал и обвинил Кромвеля в государственной измене. Кромвель понимал, что Норфолк действовал с санкции короля, и он вспомнил о записке от 9 мая. Лорд-канцлер арестовал его и приказал отвести в Тауэр.[\[333\]](#)

ОБВИНЕНИЯ Против КРОМВЕЛЯ.

Норфолк был более чем когда-либо в фаворе, поскольку Генрих, муж Анны Клевской, в то время был влюблен в племянницу Норфолка. Он верил — и Гардинер, несомненно, не преминул поддержать эту веру, — что он должен немедленно воспользоваться исключительной доброй волей, о которой свидетельствовал ему король, чтобы свергнуть противника англиканского католицизма, могущественного защитника Библии и Реформации. По мнению этой партии, Кромвель был еретиком и главой еретиков. Это был главный и, по существу, единственный мотив нападения на графа Эссекса. В письме, адресованном в это время Советом сэру Джону Уоллопу,[\[334\]](#) послу при французском дворе, циркулярному письму, направленному также высшим должностным лицам и представителям короля, четко изложено преступление, в котором обвинялся Кромвель. "Лорд-хранитель печати, - говорилось в нем, - к которому упомянутое королевское величество проявило особую доброту и милосердие, не помня о своем долге ни перед Богом, ни перед его высочеством... он не только действовал вразрез с этим самым благочестивым намерением его светлости, тайно и косвенно продвигая одну из крайностей и оставляя подлым безразличным истинный и добродетельный путь, к которому его величество стремился и которого так всецело желал; но также показал себя настолько ревностно склонным поддерживать это свое возмущение, что он не пощадил самым тайным, самым предательским образом придумать, как продолжать то же самое, и прямо в выражениях сказать, как это было оправдано перед его лицом добрыми свидетелями, что если бы король и все его королевство отвернулись от его мнения и изменились с ним, он сражался бы на поле боя лично, со своим мечом в руке, против него и всех остальных; добавив, что, если бы он прожил год или два, он надеялся бы довести дело до такого состояния, что во власти короля не было бы сопротивляться или позволить этому, если бы он захотел; скрепляя свои слова такими клятвами и делая такие жесты и демонстрации руками, что вполне могло бы показаться, что в

его сердце было не меньше твердости, чем было произнесено его устами. За очевидные и наиболее отвратительные измены, а также за ... другие чудовищные деяния ... он помещен в Лондонский Тауэр, где будет оставаться до тех пор, пока его величеству не будет угодно, чтобы его судили в соответствии с порядком его законов ". Было добавлено, что король, помня, как люди, желающие узнать правду, будут говорить по-разному по этому поводу, пожелал, чтобы они заявили и открыли всю правду.

Ничто не могло так противоречить характеру и всей жизни Кромвеля, как глупые высказывания, приписываемые ему. Каждый разумный человек мог бы понять, что это всего лишь ложь, придуманная католической партией, чтобы скрыть свое собственное преступное поведение. Но в то же время в этом письме наиболее ясно указывались истинные мотивы удара, направленного против Кромвеля, первая, истинная, действенная причина его падения, цель, которую имели в виду его враги и к достижению которой они стремились. Они воображали, что свержение Кромвеля будет свержением Реформации. Уоллоп не преминул сообщить информацию двору, при котором он был аккредитован; и Генриху VIII. был рад услышать о "дружеской радости нашего доброго брата французского короля, констебля и других тамошних граждан", узнав об аресте лорда-хранителя печати.[335] Это ликование было очень естественным со стороны Франциска I, Монморанси и остальных.

ХОДАТАЙСТВО КРАНМЕРА За НЕГО.

Как только стало известно об аресте 10 июня, большинство тех, кто наиболее рьяно добивался расположения Кромвеля, и особенно Боннер, епископ Лондонский, немедленно обернулись и выступили против него. Он не приобрел популярности, продвигая последние законопроекты, принятые в пользу короля, и поэтому известие о его скором заключении было встречено радостными криками.[336] В разгар всеобщего дезертирства только один человек остался верен заключенному — это был Кранмер. Человек, который раньше брал на себя защиту Анны Болейн, теперь выступил в защиту Кромвеля. Архиепископ не присутствовал на Тайном совете в четверг, 10 июня; но, находясь на своем месте в пятницу, он услышал, что граф Эссекс был арестован как предатель. Эта новость поразила и глубоко тронула его. В то время он видел в Кромвеле не только своего личного друга, не только благоразумного и преданного сторонника Реформации, но и самого способного министра и самого верного слугу короля. Он видел опасность, которой подвергал себя, берясь за защиту пленника, и чувствовал, что его долг - не оскорблять короля безрассудно. Поэтому он написал ему в благоразумной манере, тем не менее энергично напомнив ему о том, кем был Кромвель. Его письмо королю было написано на следующий день после того, как он услышал о падении министра. "Я слышал вчера в совете вашей светлости, - говорит он, - что он [Кромвель] предатель; и все же кто не может быть опечален и поражен тем, что он оказался предателем против вашего величества, тот, кого так выдвинуло ваше величество; тот, чье поручительство было только от вашего величества; тот, кто любил ваше величество (как я всегда думал) не меньше, чем Бога; тот, кто всегда старался продвигать все, что было угодно вашему величеству; тот, кто заботился о ничьей неудовольствии, чтобы служить вашему величеству; тот, кто был таким слугой, по моему мнению, тот, кто любил ваше величество". в мудрости, усердии, верности и опыте, каких не было ни у одного принца в этом королевстве; он, который был настолько бдителен, чтобы уберечь ваше величество от всех измен, что немногие могли быть так тайно задуманы, но он обнаружил то же самое в самом начале? Если вспомнить благородных принцев, короля Иоанна, Генриха II и Ричарда II. если бы рядом с ними был такой советник, я полагаю, что они никогда не

были бы так предательски покинуты и свергнуты, как эти добрые благочестивые принцы.... Я любил его как своего друга, ибо таким я его считал; но я любил его главным образом за любовь, которую, как мне казалось, я видел, он всегда питал к вашей светлости, особенно превыше всего остального. Но теперь, если он предатель, я сожалею, что когда-либо любила его или доверяла ему, и я очень рада, что его измена вовремя обнаружена. Но я снова очень опечален, ибо кому ваша светлость будет доверять в дальнейшем, если вы не можете доверять ему? Увы! Я оплакиваю шанс вашей светлости здесь, я не знаю, кому ваша светлость может доверять. Но я непрестанно молю Бога день и ночь, чтобы он послал вместо себя такого советника, которому ваша светлость могла бы доверять, и который при всех своих качествах может и будет служить вашей светлости, как он сам, и который проявит столько заботы, чтобы уберечь вашу светлость от всех опасностей, сколько я когда-либо думал, у него было".[337]

Кранмер, несомненно, был слабым человеком; но, несомненно, это было доказательством некоторой преданности истине и правосудию, а также некоторой смелости - защищать дело узника перед таким абсолютным монархом, как Генрих VIII, и даже выразить пожелание, чтобы был найден какой-нибудь эффективный преемник. Лорд Герберт Шерберский считает, что Кранмер смело написал королю; и это также наше мнение. Принц был нетерпим к противоречиям, и этот шаг архиепископа оказался более чем необходимым, чтобы погубить как его, так и Кромвеля.

Тем временем враги заключенного пытались найти другие основания для обвинения, помимо того, которое они выдвинули впервые. Действительно, некоторым людям казалось странным, что он, который при Генрихе VIII. был главой церкви, наместником в духовных делах, должен быть еретиком и покровителем еретиков; и многие нашли в этом обвинении "повод для веселья".[338] Поэтому после нанесения удара они приступили к работе по выявлению правонарушений со стороны обвиняемого. Приложив большие усилия, вот что они обнаружили и изложили в билле о лишении свободы: 1. Что он освободил нескольких заключенных, подозреваемых в государственной измене; действительно, преступление в глазах мрачного деспота, но с точки зрения праведных людей акт справедливости и добродетели. 2. Что он предоставил свободу экспорта зерна, лошадей и других предметов торговли; преступление свободной торговли, которое теперь не было бы преступлением. Невозможно указать ни одного случая, когда Кромвель получал какой-либо подарок в обмен на такую лицензию. 3. Что он, хотя и был человеком низкого происхождения, раздавал места и приказы, говоря только, что он уверен, что король одобрит их. По этому поводу Кромвель мог бы обоснованно сослаться на многочисленность дел, вверенных его попечению, и на раздражение, которому это, должно быть, подвергало короля, если бы он постоянно беспокоил его решением самых пустяковых вопросов. 4. Что он разрешил как подданным короля, так и иностранцам пересекать море "без всякого досмотра". Этот умный министр, по-видимому, стремился к порядку вещей менее досадному и более либеральному, чем тот, который был установлен при Генрихе VIII, и в этом отношении он опередил свое время. 5. Что он сколотил большое состояние, что он жил в большом государстве и не оказывал должного уважения знати. Среди знати было немало людей, далеких от чести, и этот великий труженик не питал симпатии к трутням и бездельникам. Что касается его состояния, то Кромвель понес большие расходы на управление королевством. Во многих странах он держал хорошо оплачиваемых агентов, и деньги, которые были у него на руках, тратились скорее на государственные дела, чем на удовлетворение его личных желаний. Во всем этом, очевидно, было больше поводов для похвалы, чем для порицания. Но у Кромвеля были враги, которые пошли дальше его официальных обвинителей.[339] Римские католики

сообщили, что он добивался руки дочери короля, принцессы Марии. Это был бы странный и симпатичный союз между *Malleus monachorum* и фанатичной Марией!

За этими беспочвенными обвинениями последовали истинные мотивы его опалы. Утверждалось, что он придерживался еретических (то есть евангелических) взглядов; что он способствовал распространению еретических произведений; что он поселил в королевстве многих еретических служителей; и что он освободил людей, обвиняемых в ереси. Что, когда кто-либо обращался к нему с жалобой на отвратительные ошибки, он защищал еретиков и сурово порицал доносчиков; и что в марте прошлого года люди, жаловавшиеся ему на новых проповедников, он отвечал, что "их проповедь была хорошей".^[340] За эти преступления, действия христианина, честного и милосердного человека, должно быть вынесено осуждение. Кромвель действительно был виновен.

РУКОВОДИТЕЛЬ ОБВИНЕНИЯ.

Ведение судебного преследования было поручено Ричарду Ричу, бывшему спикеру Палаты общин, ныне генеральному солиситору и канцлеру суда по дополнениям. Он уже оказал услугу королю на процессах над епископом Фишером и сэром Томасом Мором; того же самого можно было ожидать от него на процессе над Кромвелем. Похоже, что он обвинил Кромвеля в связи с Трогмортонем,^[341] друг и агент кардинала Поула. Теперь одно упоминание имени Поула вывело бы Генри из себя. Союз Кромвеля с этим другом папы римского был основой его плана женитьбы на леди Марии; первое было столь же вероятно, как и другое. Кромвель написал из своей тюрьмы королю по этому поводу и решительно опроверг эту басню. Это не было внесено в официальные документы, но обвинение оставалось неясным, и было подтверждено, что он виновен в государственной измене. Кромвель, конечно, не был безупречен. Он был прежде всего политиком, и политические интересы имели для него слишком большой вес. Он был сторонником некоторых возмутительных и несправедливых мер и иногда действовал вопреки своим собственным принципам. Но его главной ошибкой была слишком рабская преданность принцу, который делал вид, что был им предан; и он привел печальное доказательство этого в случае с Анной Болейн.

Его враги боялись, что, если судебный процесс будет проведен открыто в присутствии его коллег в соответствии с законом, он сделает так, чтобы его голос был услышан, и очистит себя от всех их обвинений. Поэтому они решили возбудить против него дело без суда и без обсуждения, парламентским методом, посредством билля о правах; курс, объявленный самими римскими католиками "самой несправедливой мерой".^[342] Его следовало судить, но его не судили. Однако в пятницу, 11 июня, на следующий день после ареста, он встретился лицом к лицу с одним из своих обвинителей и таким образом узнал, какие обвинения были выдвинуты против него. Вновь отведенный в Башню, он полностью осознал нависшую над ним опасность. Могущество его врагов, Гардинера и Норфолка, растущая немилость Анны Клевской, которая, казалось, неизбежно влекла за собой его собственное разорение, судебное разбирательство, возбужденное против Барнса и других евангелистов, гнев короля — все это встревожило его и породило в его сознании убеждение, что исход сомнителен и что опасность несомненна. Он был в состоянии великого отчаяния и глубокой меланхолии; мрачные мысли угнетали его, и члены его тела дрожали. Тюрьму называли притвором могилы, и Кромвель действительно смотрел на нее как на могилу. 30 июня он написал королю из своей мрачной обители трогательное письмо, "с тяжелым сердцем и дрожащей рукой", как он сам сказал.

ДОПРОС КРОМВЕЛЯ.

Примерно в конце июня герцог Норфолк, лорд-канцлер и лорд-верховный адмирал отправились в Тауэр, которым было поручено допросить Кромвеля и сделать ему различные заявления от имени короля. Наиболее важные из них касались брака Генриха VIII. с Анной Клевской. Они призвали его изложить все, что он знал об этом браке, "как он мог бы поступить перед Богом в страшный судный день". 30 июня Кромвель написал королю письмо, в котором изложил все, что знал по этому вопросу; и добавил: "И это все, что я знаю, милостивый и милосерднейший суверенный господин, умоляя Всемогущего Бога ... дать вам совет, сохранить вас, поддержать вас, вылечить вас, облегчить и защитить вас, насколько это может быть наиболее к вашей чести, с процветанием, здоровьем и комфортом, которого желает ваше сердце " ... [даю вам] продолжение лет правления Нестора.... Я самый прискорбный узник, готовый принять смерть, когда это будет угодно Богу и вашему величеству; и все же немощная плоть побуждает меня постоянно взывать к вашей милости о милосердии и снисхождении за мои проступки: и таким образом Христос спасет, сохранит и оберегает вас.

"Написано в Тауэре в эту среду, в последний день июня, с тяжелым сердцем и дрожащей рукой вашего высочества" самым тяжелым и несчастным узником и бедным рабом",

"Томас Крамуэлл".

Подписав письмо, Кромвель, охваченный ужасом перед своими будущими перспективами, добавил: —

- Все милостивый принц, я взываю о пощаде, пощаде, пощаде.[\[343\]](#)

Главарям клерикальной партии не терпелось избавиться от врага, которого они ненавидели, и они поспешили издать роковой указ. Парламент собрался в четверг, 17 июня, через семь дней после заключения Кромвеля в тюрьму; и Кранмер, который присутствовал на заседаниях Палаты лордов в предыдущие дни, на этот раз не присутствовал. Граф Саутгемптон, который стал лордом-хранителем личной печати вместо Кромвеля, вошел и представил билль о лишении прав своего предшественника. Он был зачитан впервые. Второе и третье чтения последовали в субботу, 19-го. Кранмер, отсутствие которого, вероятно, было замечено, присутствовал; и, согласно его прискорбной системе, приспособленной к деспотизму его хозяина, после того как он подчинился велению своей совести, напомнив о заслугах Кромвеля, он подчинился воле короля и своим молчанием согласился с действиями Палаты представителей. Законопроект был направлен в нижнюю палату. Похоже, что палата общин высказала некоторые сомнения или возражения, поскольку законопроект оставался на рассмотрении в течение десяти дней. Только 29 июня палата общин направила законопроект обратно пэрам с некоторыми поправками; и пэры, как всегда в спешке, распорядились провести три чтения на одном заседании. Затем они отправили его королю, который дал на это свое согласие. Человек, против которого было возбуждено уголовное дело, был настолько могуществен, что все опасались, как бы он не восстановил свои силы и не начал продвигаться вперед с новой энергией.

Тем временем король, похоже, колебался. Он был менее решителен, чем те, кто в то время пользовался его благосклонностью.

Хотя лорд-канцлер, герцог Норфолк и лорд Рассел прибыли, чтобы объявить Кромвелю, что билль о лишении свободы принят, он еще целый месяц оставался в Тауэре. Королевские уполномоченные время от времени допрашивали его по различным вопросам. Похоже даже, что король послал ему облегчение, вероятно, чтобы смягчить суровость его заключения. Кромвель обычно принимал королевских уполномоченных с достоинством и отвечал им сдержанно. Независимо от того, касались ли вопросы мирских или церковных дел, он всегда показывал себя более информированным, чем его собеседники.[\[344\]](#)

ЕГО ПИСЬМО КОРОЛЮ.

Генри прислал ему записку, что может написать все, что сочтет нужным в своих нынешних обстоятельствах. Исходя из этого, Кромвель, по-видимому, питал надежду, что король не допустит приведения приговора в исполнение. Он набрался смелости и написал королю. "Всемиловитый король, - сказал он, - ваш достойнейший сожаления слуга и пленник, распростертый ниц у ног вашего превосходительнейшего величества, выслушал ваше пожелание ... что я должен написать.... Во-первых, когда я был обвинен вашим величеством в государственной измене, на это я отвечаю, что никогда за всю свою жизнь не думал добровольно делать то, что может или должно было вызвать неудовольствие вашего величества.... Бог также знает, какие труды, боли и подвиги я предпринял в соответствии со своим самым священным долгом.... Если бы это было или было в моей власти, сделать ваше величество таким могущественным, чтобы весь мир был вынужден повиноваться вам, Христос знает, что я бы сделал ... ибо ваше величество было... больше похож на дорогого отца... чем на мастера.... Если какая-либо фракция или какая-либо привязанность к какому-либо пункту сделает меня предателем вашего величества, тогда все дьяволы в аду посрамят меня, и месть Божья снизойдет на меня.... И все же наш Господь, если на то будет его воля, может поступить со мной так, как он поступил со Сьюзен, которая была ложно обвинена.... Другой надежды, кроме как на Бога и ваше величество, у меня нет.... Среди прочего, всемиловитый государь, главный контролер сообщил мне, что ваша светлость сообщила ему, что в течение этих четырнадцати дней вы совершили дело большой секретности, которое я действительно раскрыл.... Я так и сделал.... Я тайно поговорил с ее [королевы] лордом-камергером... желая, чтобы он ... нашел какой-нибудь способ побудить королеву сделать вашей светлости приятное в своем поведении по отношению к вам.... Если я чем-то оскорбил ваше величество, то, падая ниц к ногам вашего величества, я нижайшим образом прошу милости и прощения у вашего высочества.... Написано дрожащей рукой и самым скорбящим сердцем вашего самого скорбящего подданного, самого смиренного слуги и заключенного в эту субботу в вашем Лондонском Тауэре.

"Томас Кромвель".[\[345\]](#)

Кромвель смирился со смертью, и главным объектом его беспокойства была судьба его сына, его внуков, а также его домашней прислуги. Его сын занимал хорошее положение, женившись на сестре королевы Джейн Сеймур. "Сэр, на коленях, - сказал он, - я смиреннейшим образом умоляю ваше милостивое величество быть добрым и милосердным господином к моему бедному сыну, доброй и добродетельной женщине, его жене, и их бедным детям, а также к моим слугам. И этого я желаю от вашей светлости ради Христа". Несчастный отец, возвращаясь к своему собственному делу, закончил словами: "Всемиловитый принц, пощадите, пощадите,

пощадите!"[346] Кромвель дважды написал подобным образом; и второе из этих писем так сильно подействовало на короля, что он "приказал прочитать его ему трижды".[347]

Смог бы тогда Кромвель, в конце концов, сбежать? Те, кто не знал о том, что происходило при дворе, считали невозможным, чтобы им пожертвовали, пока Анна Клевская была королевой Англии. Но те самые обстоятельства, которые казались им гарантией его безопасности, вместо этого стали причиной его гибели.

Неприязнь Генри к своей жене все возрастала, и он был полон решимости избавиться от нее. Но, как обычно, он спрятал под цветами оружие, которым собирался ударить ее. В марте месяце король устроил в честь королевы грандиозный праздник с турниром, как он устроил для Анны Болейн; и среди многочисленных участников рыцарского турнира были сэр Томас Сеймур, граф Сассекс, Гарри Говард и Ричард Кромвель, племянник графа Эссекса и предок великого защитника Оливера.[348]

КЭТРИН ХОВАРД.

Одно обстоятельство способствовало ускорению принятия решения королем. При дворе была молодая леди небольшого роста, с хорошей фигурой и красивым лицом, с манерами леди, кокетливая и дерзкая, которая в то время произвела глубокое впечатление на Генриха. Это была Кэтрин Ховард, племянница герцога Норфолкского, ныне проживающая со своей бабушкой, вдовствующей герцогиней, которая позволяла ей большую вольность. Екатерина во всех отношениях была противоположностью Анне Клевской. Генрих решил жениться на ней и с этой целью немедленно избавиться от своей нынешней жены. Поскольку ему хотелось на время избавиться от ее присутствия, он убедил ее, что смена обстановки была бы для нее очень полезна и что ей необходимо задержаться в деревне. 24 июня он отправил добрую принцессу, которая была благодарна ему за внимание, в Ричмонд. В то же время он отправил епископа Бата к ее брату, герцогу Клевскому, с целью подготовить его к весьма неожиданному решению, которое надвигалось на его сестру, и предотвратить любые неприятные последствия.[349]

Таким образом, Кромвелю нечего было искать помощи у королевы, уже покинутой и вскоре отвергнутой. Он не мог надеяться избежать смерти. Его враги настаивали на исполнении законопроекта. Они утверждали, что обнаружили переписку, которую он вел с протестантскими князьями Германии.[350]

Решимость Кромвеля не оказывать сопротивления королю привела его к совершению серьезных ошибок, недостойных христианина. Тем не менее, согласно сохранившимся документам, он умер как христианин. Он был не первым и не последним, кто перед лицом смерти, смертного приговора, проверил себя и признал себя грешником. Отвергая обвинения своих врагов, он смирялся перед более вескими и торжественными обвинениями своей собственной совести. Как часто его собственная воля противоречила заповедям божественной воли! Но в то же время он открыл в Евангелии благодать, которую знал лишь несовершенно; и доктрины, которые исповедовала католическая церковь первых веков, стали ему дороги.

28 июля 1540 года Кромвеля доставили на Тауэр-Хилл, место казни. Взойдя на эшафот, он сказал: "Я пришел сюда умереть, а не очищать себя.... Ибо с тех пор, как у меня были годы благоразумия, я жил грешником и оскорблял моего Господа Бога, за что от всего сердца прошу у Него прощения. И многим из вас неизвестно, что я был великим тружеником в этом мире и, будучи всего лишь низшего уровня, был призван к высокому положению; и с тех пор, как я попал

туда, я оскорбил моего принца, за что от всего сердца прошу у него прощения и умоляю вас всех молиться Богу вместе со мной, чтобы он простил меня. О Отец, прости меня! О Сын, прости меня! О Святой Дух, прости меня! О Три Личности в одном Боге, прости меня!... Я умираю в католической вере.... Я от всего сердца желаю, чтобы вы помолились о милости короля, чтобы он долго жил с вами в здравии и процветании".

Настаивая таким явным образом на доктрине Троицы, исповедуемой в четвертом веке Никейским и Константинопольским соборами, Кромвель, несомненно, намеревался показать, что это была католическая доктрина, в соответствии с которой, как он утверждал, он умер. Но он не преминул засвидетельствовать, что его вера была верой Священного Писания.

КАЗНЬ КРОМВЕЛЯ.

После исповеди он преклонил колени и в этот торжественный час произнес эту христианскую и горячую молитву:[\[351\]](#) "О Господь Иисус! которое является единственным здоровьем всех живущих людей и вечной жизнью тех, кто умирает в тебе, я, несчастный грешник, всецело подчиняю себя твоей наисвятейшей воле, и, будучи уверен, что то, что вверено твоей милости, не может погибнуть, сейчас я охотно оставляю эту хрупкую и порочную плоть, в твердой надежде, что ты, более мудрым образом, восстановишь ее мне снова в последний день воскресения праведных. Я умоляю тебя, всемилостивый Господь Иисус Христос! что ты своей благодатью укрепишь мою душу против всех искушений и защитишь меня щитом твоего милосердия от всех нападения дьявола. Я вижу и признаю, что во мне нет надежды на спасение, но вся моя уверенность и упование - в твоей всемилостивейшей благодати. У меня нет ни заслуг, ни добрых дел, на которые я мог бы сослаться перед тобой. О грехах и злых делах, увы! Я вижу великую кучу; но все же по твоей милости я надеюсь быть в числе тех, кому ты не вменяешь их грехи; но примешь и признаешь меня праведным и непорочным и наследником вечной жизни. Ты, милосердный Господь! ты был рожден ради меня; ты терпел и голод, и жажду ради меня; ты учил, молился и постился ради меня; все свои святые поступки и дела ты совершал ради меня; ты претерпел самые тяжкие боли и мучения ради меня; наконец, ты отдал свое самое драгоценное тело и свою кровь, чтобы они были пролиты на кресте ради меня. Ныне, всемилостивый Спаситель! пусть все это принесет мне пользу, что ты даром сделал для меня, что Ты также отдал себя за меня. Пусть твоя кровь очистит и смоет пятна и скверну моих грехов. Пусть твоя праведность скроет мою неправедность. Пусть заслуги твоих страстей и пролития крови будут удовлетворением за мои грехи. Дай мне, Господи! твоя благодать, чтобы вера в мое спасение в твоей крови не поколебалась во мне, но всегда была твердой и постоянной; чтобы надежда на твое милосердие и жизнь вечную никогда не угасла во мне; чтобы любовь не остыла во мне. Наконец, чтобы слабость моей плоти не была побеждена страхом смерти. Даруй мне, милосердный Спаситель! чтобы, когда смерть закроет глаза моего тела, глаза моей души все еще могли видеть и взирать на тебя; и когда смерть отнимет у меня дар речи, все же мое сердце могло взывать и говорить тебе: "Господи! в твои руки Я вверяю мою душу; Господь Иисус! прими мой дух!" Аминь.[\[352\]](#)

Это одна из самых прекрасных молитв, дошедших до нас во времена христианства.

Когда Кромвель закончил свою молитву и был уже готов, удар топора отделил его голову от тела.

Так умер человек, который, хотя и поднялся из самого низкого положения в самое высокое, никогда не позволял гордыне соблазнить себя и не кружил голову мирской помпезности,

который продолжал привязываться к своим старым знакомым и стремился почтить самых ничтожных, оказавших ему какую-либо услугу; человек, внесший значительный вклад в установление протестантизма в Англии, [353] хотя его враги, не подозревавшие о совершенно разных значениях слов "католицизм" и "папство", с удовольствием распространили после его смерти по Европе слух, что он умер римским католиком; человеком, который в течение восьми лет управлял своей страной, королем, парламентом и его собранием; который руководил всеми внутренними и внешними делами; который выполнял то, что он советовал, и который, несмотря на недостатки, о которых он сам жаловался, был одним из самых умных, самых активных и самых влиятельных английских министров. [354] Говорят, что король вскоре пожалел о нем. Как бы то ни было, он защитил своего сына и дал ему доказательства своей благосклонности, несомненно, в память о его отце.

Другой дворянин, Уолтер, лорд Хангерфорд, был наказан одновременно с Кромвелем за то, что пытался выяснить, "колдун", как долго проживет король. [355]

ГЛАВА VI.

РАЗВОД АННЫ КЛЕВСКОЙ.

(1540.)

ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ РИМ.

Католическая партия торжествовала победу. Оно отстранило протестантскую королеву и принесло в жертву протестантского министра; и теперь оно приступило к принятию мер менее поразительного характера, но которые были более прямой атакой на саму работу Реформации. Было сочтено уместным предать смерти некоторых из тех ревностных людей, которые смело проповедовали чистое Евангелие, не только ради того, чтобы избавиться от них, но еще больше для того, чтобы устроить тех, кто подражал им или был готов это сделать.

Из этих людей Барнс, Гаррет и Джером были самыми известными. Они были в тюрьме, но Генрих до сих пор не решался приносить в жертву людей, проповедовавших доктрину, противоположную папе. Более того, партия объединила все свои силы, чтобы добиться падения Кромвеля, который был заключен в тех же стенах. После его смерти смерть проповедников последовала как нечто само собой разумеющееся; это было всего лишь следствием; это было естественным следствием и не нуждалось в особых доказательствах; приговор, по мнению римской партии, должен был быть только вынесен, чтобы быть очевидно оправданным. Исходя из этих принципов, королевский совет и парламент действовали; и через два дня после казни Кромвеля эти три евангелиста, без каких-либо публичных слушаний, не зная ни о какой причине своего осуждения, не получая вообще никаких сообщений, [356] 30 июля 1540 года были выведены из тюрьмы, чтобы быть препровожденными в Смитфилд, где их должны были лишить не только их служения, но и но об их жизнях.

Генри, однако, не был свободен от беспокойства. Он открыто утверждал, что не склонялся ни к той, ни к другой стороне; что он взвешивал обе стороны на справедливых весах; и теперь, в то

время как он хвастается своей беспристрастностью, все упорно твердят, что он отдает все преимущество папистам. Что он должен сделать, чтобы быть справедливым и беспристрастным? Необходимо найти трех папистов, которые будут казнены одновременно с евангелистами. Тогда никто не осмелится утверждать, что король не уравнивает баланс сил. Мера должна быть безупречной и стать одной из заслуг его правления. Трех папистов, выбранных для размещения на другой шкале, звали Абель, Пауэл и Фетерстоун. Первые двое были политическими памфлетистами, поддерживавшими дело Екатерины Арагонской; а третий, как и они, был противником королевского превосходства. Похоже, что в этом вопросе король также принял во внимание состав своего собственного совета, в который входили как друзья, так и враги Реформации. Среди первых были архиепископ Кентерберийский, герцог Саффолкский, виконты Бошан и Лайл, Рассел, Пэджет, Сэдлер и Одли. Среди последних были епископы Винчестерский и Даремский, герцог Норфолкский, граф Саутгемптонский, сэр Энтони Браун, Паулет, Бейкер, Ричард и Вингфилд. Таким образом, против Реформации было большинство в один голос, этого было достаточно, чтобы склонить чашу весов. Генри, демонстрируя беспристрастность, назначил по три жертвы каждой из этих сторон. В Тауэре были сделаны приготовления к приведению в исполнение этого справедливого приговора. Во дворе стояли три барьера продолговатой формы, сделанные из тесно переплетенных ветвей деревьев, по которым должны были втаскивать преступников к месту казни. Почему только трое, поскольку осужденных было шестеро? Причину вскоре предстояло выяснить. Когда троих пленников с каждой стороны вывели, они приступили к тому, чтобы уложить одного евангелиста на первое препятствие, а рядом с ним - паписта, должным образом привязав их друг к другу, чтобы удержать в этом странном соединении. Тот же процесс был проделан со вторым и третьим препятствиями;^[357] затем они отправились в путь, и шестерых заключенных по двое доставили в Смитфилд. Таким образом, на каждой улице, по которой проходила процессия, Генрих VIII этим странным зрелищем провозглашал беспристрастность своего правительства и одинаково осуждал оба класса богословов и доктрины.

МУЧЕНИКИ-ПАПИСТЫ И ПРОТЕСТАНТЫ.

Три барьера достигли Смитфилда. Два за два пленников развязали, и трех евангелистов повели к костру. Поскольку суд не разрешал им никакого судебного разбирательства, эти честные и набожные люди сочли своим долгом занять свое место у подножия эшафота. Таким образом, день их смерти стал для них днем слушания дела. Трибунал заседал, и собрание было многочисленным. Барнс был первым оратором. Он сказал: "Я пришел сюда, чтобы меня сожгли как еретика.... Клянусь Богом, я никогда (насколько мне известно) не проповедовал никакой ошибочной доктрины ... и я не двигался и не давал повода к какому-либо восстанию.... Я верю в Святую и Благословенную Троицу; ... и что эта благословенная Троица ниспослала вторую личность, Иисуса Христа, в чрево пресвятой и пречистой Девы Марии.... Я верю, что своей смертью он победил грех, смерть и ад; и что нет другого удовлетворения для Отца, кроме только этой его смерти и страстей". При этих словах глубоко тронутый Барнс воздел руки к небу и помолился Богу простить ему его грехи. Это исповедание веры не удовлетворило шерифа. Затем кто-то спросил его, что он думает о молитве святым. "Я верю, - ответил Барнс, - что они достойны всех почестей, которые Писание желает им оказать. Но, я говорю, во всем Писании нам не заповедано молиться никаким святым.... Если святые действительно молятся за нас, то я надеюсь помолиться за вас в течение ближайших полчаса. - Он замолчал, и шериф обратился к нему: - Ну, у вас есть еще что сказать? Он ответил: "Есть ли у вас какие-либо статьи против меня, за которые я осужден?" Шериф ответил: "Нет". Затем Барнс задал людям вопрос, знает ли

кто-нибудь, отчего он умер. Никто не ответил. Затем он продолжил: "Я молю Бога простить тех, кто был причиной этого, как был бы прощен я сам. И доктор Стивен, нынешний епископ Винчестерский, если он искал или вызвал мою смерть словом или делом, я молю Бога простить его.... Я молюсь, чтобы Бог даровал [королю] процветание и чтобы он долго правил среди вас; а после него, чтобы благочестивый принц Эдуард правил так, чтобы он мог завершить то, что начал его отец".[358] Затем, взяв себя в руки, Барнс обратился к шерифу с тремя просьбами - молитвой умирающего человека. Первый заключался в том, что король мог бы использовать богатства аббатств, поступившие в казну, для оказания помощи своим бедным подданным, которые в этом очень нуждались. Второе - чтобы брак уважался и чтобы люди не жили в нечистоте. Третье - чтобы имя Божье не произносилось всуе в отвратительных клятвах. Эти молитвы умирающего, которого сам Генрих отправил на эшафот, должны были произвести некоторое впечатление на сердце короля. Джером и Гаррет также обратились к народу с трогательными увещаниями. После этого эти трое христиан вместе произнесли свою последнюю молитву, пожали друг другу руки и обнялись, а затем безропотно сдались палачу. Они были привязаны к одному столбу и испустили дух в терпении и вере.

В тот же день, в тот же час и на том же месте, где были сожжены трое друзей Евангелия, были повешены трое последователей папы римского: Авель, Фетерстоун и Пауэл. Присутствовавший иностранец воскликнул: "*Deus bone! quomodo hic vivunt gentes? Hic suspenduntur papistæ, illic comburuntur antipapistæ.*" Простодушные и невежественные люди спрашивали, какой религии должны придерживаться люди в Англии, видя, что и католицизм, и протестантизм ведут к смерти. Придворный воскликнул: "Поистине, отныне я не буду исповедовать религию короля, то есть вообще никакой!"[359]

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ РАЗВОД КОРОЛЕВЫ.

Кромвель и эти шестеро мужчин были не единственными объектами недовольства короля. Еще до того, как им был вынесен приговор, король добился объявления о своем разводе. Женись на Анне Клевской, его главной целью было заключить союз с протестантами против императора. Теперь эти два противника к этому времени примирились друг с другом. Поэтому Генрих, глубоко раздраженный, больше не колебался в том, чтобы избавиться от новой королевы. Более того, на него повлиял другой мотив. Он был сражен чарами другой женщины. Однако, поскольку он боялся насмешек, порицаний и даже бедствий, которые мог навлечь на него развод, он стремился не выглядеть виновником этого, а в случае предъявления обвинения иметь возможность отрицать его как грязный обман, не имеющий ни тени реальности. Поэтому он решил избрать такой курс, чтобы казалось, что эта странная процедура была ему навязана. Об этом намерении он намекнул одному из лордов, которому полностью доверял; и последний 3 июля сообщил об этом Тайному совету. 6-го министры его величества указали верхней палате на уместность их смиренной просьбы к королю совместно с нижней палатой о том, чтобы созыв духовенства рассмотрел вопрос о его браке с Анной Клевской и выяснил, действителен ли он. Лорды приняли это предложение, и комиссия, состоящая из лорда-канцлера, архиепископа Кентерберийского и герцогов Норфолкского и Саффолкского, представила его палате общин, которая дала с ним свое согласие. Следовательно, вся Палата лордов и комиссия из двадцати членов нижней палаты предстали перед королем и заявили, что вопрос, по которому они должны обсудить с ним, носит настолько важный характер, что они

должны сначала попросить у него разрешения вынести его на их рассмотрение. Генри, притворившись, что совершенно не понимает, что они имеют в виду, приказал им говорить. Затем они сказали: "Мы смиренно молим ваше величество разрешить собранию духовенства провести расследование действительности вашего брака; мы придаем этому процессу тем большее значение, что вопрос касается престолонаследия вашего величества". Было хорошо известно, что король не любил Анну и что он даже был влюблен в другую.[360] Это поразительный пример той степени подлости, до которой доходил Генрих VIII. сократил свой парламент, ибо собрание, даже если в нем есть несколько подлых душонок, старается не быть презренным, и то, что в нем есть самого благородного, обычно выходит на поверхность. Но если позорная уступчивость парламента удивляет нас, то дерзкое лицемерие Генриха VIII. удивляет нас еще больше. Он встал, чтобы ответить, словно в присутствии Божества; и, скрывая свои истинные мотивы, сказал: "Нет ничего в мире дороже для меня, чем слава Божья, благо Англии и провозглашение истины". Все актеры в этой комедии сыграли свои роли в совершенстве.[361] Король немедленно отправил в Ричмонд нескольких своих советников, среди них Саффолка и Гардинера, чтобы сообщить королеве требование парламента и выяснить ее мнение относительно него. После долгих совещаний Энн дала свое согласие на это предложение.[362]

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ.

На следующий день, 7 июля, этот вопрос был вынесен на рассмотрение парламента Гардинером, епископом Винчестерским, который очень хотел видеть королеву-католичку на английском троне. Была назначена комиссия для допроса свидетелей, и епископ был членом этой комиссии. Было представлено заявление короля с автографом, в котором он настойчиво подчеркивал тот факт, что Анна ему так не понравилась, как только он увидел ее, что он сразу же подумал о расторжении брака; что он никогда внутренне не давал согласия на брак и что фактически он так и не был заключен.[363] В течение двух дней были заслушаны все свидетели. Генрих был нетерпелив, и римская партия срочно обратилась к ассамблее с просьбой вынести решение, которое избавило бы Англию от королевы-протестантки. Кранмер, из страха или слабости (он только что видел, как Кромвель потерял голову), пошел с остальными. По его мнению, воля Генриха VIII. было почти таким же предназначением для древних —

— Des arrêts du destin l'ordre est invariable. —

9 июля Созыв, основываясь на двух причинах, приведенных королем, и на том факте, что в помолвке Анны с сыном герцога Лотарингского было что-то двусмысленное, постановил, что его величество "был волен заключить другой брак на благо королевства".[364] Ни одна из этих причин не имела никакой силы.[365] Генри также не избежал осуждения и насмешек, которых он так боялся. "Похоже, — сказал Франциск I, - что там им нравится обращаться со своими женщинами, как со своими мериными, - сводить их вместе и пускать рысью, а затем брать того, который идет легче всего".[366]

РАЗВОД ПРИНЯТ.

Архиепископ Кентерберийский 10 июля сообщил Палате лордов, что Собрание признало брак недействительным как в силу закона Божьего, так и в силу закона Англии. Епископ Винчестерский зачитал решение и подробно объяснил его основания, и палата представителей объявила себя удовлетворенной. Архиепископ и епископ представили аналогичный отчет Палате общин. На следующий день — Генрих не собирался терять времени — лорд-канцлер,

герцог Норфолк, граф Саутгемптон и епископ Винчестерский отправились в Ричмонд, куда невинная королева была отправлена сменить обстановку, и от имени короля проинформировали ее о работе парламента и о созыве его. Анна была огорчена этим сообщением. Она предполагала, что духовенство признает, поскольку это их долг, законность ее брака. Как бы то ни было, удар был настолько сильным, что она потеряла сознание.^[367] Ей был оказан необходимый уход, она выздоровела и постепенно примирилась с мыслью о подчинении воле Генри. Делегаты сообщили ей, что король, требуя от нее отказаться от титула королевы, присвоил ей титул своей приемной сестры и поставил ее выше по рангу всех придворных дам сразу после королевы и дочерей короля. Анна была скромна; она была невысокого мнения о себе и часто чувствовала, что не создана быть королевой Англии. Поэтому она подчинилась и в тот же день, 11 июля, написала королю: "Хотя это дело, должно быть, очень тяжелое и прискорбное для меня, из-за великой любви, которую я питаю к вашей благороднейшей особе, все же я больше уважаю Бога и его истину, чем какие-либо мирские привязанности, как мне и подобало ... Настоящим я признаю себя обязанным принять и утвердить то же самое [решение духовенства], целиком и полностью отдавая себя, в силу моего положения, благости и удовольствию вашего высочества; смиреннейшим образом умоляю ваше величество ... принять меня за одну из ваших самых смиренных слуг." Она подписалась: "Самая смиренная сестра и слуга вашего величества, Анна, дочь Клевских".^[368]

Король прислал ей известие, что назначил ей пенсию в три тысячи фунтов и дворец в Ричмонде. 16 июля Анна снова написала ему, чтобы поблагодарить за его огромную доброту, и в то же время прислала ему свое кольцо.^[369] Она предпочла — и в этом проявила некоторую гордость — остаться в Англии, а не возвращаться домой после того, как на нее обрушился такой позор. "Я считаю, что Богу угодно, - писала она брату, - то, что сделано, и знаю, что сама не потерпела никакого зла.... Я нахожу королевское высочество ... быть самым добрым, любящим и дружелюбным отцом и братом.... Я настолько довольна, что очень желаю, чтобы моя мать, вы и другие мои союзники поняли это, приняли и приняли это".^[370] Редко женщина доводила самоотречение до такой степени.

ГЛАВА VII.

КЭТРИН ХОВАРД, КОРОЛЕВА-КАТОЛИЧКА.

(1540.)

Кто должен занять место отвергнутой королевы? Этот вопрос обсуждался при дворе и в городе. Англиканские католики, обрадованные смещением королевы-протестантки, были полны решимости сделать все возможное, чтобы посадить на трон женщину из своей партии. Такая женщина уже была найдена. Епископ Винчестерский в течение некоторого времени часто устраивал пиры и развлечения для короля. На них он пригласил молодую леди, которая, несмотря на небольшой рост, обладала элегантно осанкой, красивыми чертами лица, изящной фигурой и манерами.^[371] Она была дочерью лорда Эдмунда Говарда и племянницей герцога Норфолкского, лидера католической партии. Она очень скоро привлекла внимание

короля, который получал все большее удовольствие от ее общества. Это произошло перед разводом Анны. "Достоверным фактом является то, - говорит современник, - что примерно в то же время многие жители Лондона очень часто видели, как король днем, а иногда и в полночь, плыл к ней по Темзе в маленькой лодке.... Граждане расценили все это не как признак развода с королевой, а как признак супружеской неверности." [372] Было ли это предположение обоснованным или нет, мы не можем сказать. Король, когда однажды решил расстаться с Анной Клевской, подумал о ее преемнике. После своего несчастья он был совершенно полон решимости руководствоваться не своими министрами, не послами и не политическими соображениями, а исключительно своими собственными глазами, своими вкусами и счастьем, на которое он мог надеяться. Екатерина очень понравилась ему, и его союз с Анной был расторгнут не раньше, чем он вступил в свой пятый брак. Бракосочетание было отпраздновано 8 августа, через одиннадцать дней после казни Кромвеля, и в тот же день Екатерина была представлена ко двору как королева. Король был очарован Кэтрин Ховард, своей хорошенькой молодой женой; она была так любезна, общение с ней было таким приятным, что он поверил, что после стольких более или менее неудачных попыток наконец нашел свой идеал. Ее добродетельные чувства, хорошее поведение, которое она решила поддерживать, приводили его в восторг; и он постоянно выражал свое счастье от того, что "приобрел такую жемчужину женственности". [373] У него не было предчувствия ужасного удара, который вскоре разрушит все это счастье.

НОВАЯ КОРОЛЕВА.

Новая королева отличалась от прежней главным образом разницей в религии и соответствующей разницей в морали. Племянница герцога Норфолка, друга Гардинера, была, конечно, приверженкой католической веры, и католическая партия приветствовала ее одновременно как символ и орудие реакции. У них было много королев-протестанток, Анна Болейн, Джейн Сеймур и Анна Клевская. Теперь, когда у них королева—католичка, католицизм — многие говорили, что папство - восстановит свою силу. Генрих был так сильно влюблен в свою новую супругу, что в честь нее снова стал ревностным католиком. Он отмечал дни всех Святых, часто причащался святых тайн и публично возносил благодарность Богу за этот счастливый союз, которым, как он надеялся, будет наслаждаться долгое время. [374] Обращение Генри, поскольку изменение было не чем иным, как изменением политики. Теперь он покинул Францию и немецких протестантов, чтобы вступить в союз с империей; и мы находим его вскоре усердно занятым проектом брака своей дочери Марии с императором Карлом V. Этот проект, однако, ни к чему не привел. [375] Гардинер, Норфолк и другие лидеры католической партии, радуясь бризу, который нес их судно вперед, подняли все паруса. Сразу после развода Анны Клевской и в качестве первого блага для римской партии наказания за нечистый образ жизни, налагаемые на священников и монахинь, были смягчены. [376] Пренебрегая авторитетом Священного Писания, а также авторитетом самого парламента, Генрих добился принятия Акта, в силу которого каждое определение, касающееся веры, богослужений и церемоний, принятое с санкции короля комиссией архиепископов, епископов и других духовных лиц, назначенных им, должно было приниматься, соблюдаться всеми. вся нация, точно так же, как если бы парламент одобрил каждую из этих статей, даже если этот указ противоречил прежним обычаям и постановлениям. [377] Это было провозглашение непогрешимости в Англии в пользу короля-папы, под прикрытием которого он мог основать религию по своему вкусу. Кранмер учредил во всех кафедральных церквях профессоров, которым было поручено преподавание древнееврейского и греческого языков, чтобы студенты

могли хорошо ознакомиться со священной литературой и чтобы церковь никогда не нуждалась в служителях, способных ее преподавать. Но враги Реформации, которые теперь пользовались королевской благосклонностью, сковали или упразднили этот институт и другие подобные ему, к большому ущербу как для религии, так и для страны.[378] С другой стороны, католические церемонии, отмененные Кранмером и Кромвелем, — освящение хлеба и воды, тлеющие угли, которыми священник помечал лбы верующих, пальмовые ветви, освящаемые в вербное воскресенье, свечи, которые носят при Сретении, и другие подобные обычаи — были восстановлены; и были наложены штрафы на те, кто должен пренебрегать ими.[379] Новое издание "Института христианина" разъясняло народу доктрину короля. В нем говорилось о семи таинствах, мессе, пресуществлении, приветствии Пресвятой Девы и других доктринах того рода, соответствие которым требовалось.[380] В конце концов, словно для того, чтобы обеспечить постоянство этой системы, Боннер был назначен епископом Лондона; и этот человек, который при жизни был самым подлым льстецом и слугой Кромвеля, после его смерти отвернулся и стал преследователем тех, кого Кромвель защищал.

БОННЕР, ЕПИСКОП ЛОНДОНСКИЙ.

При виде этой реакции, столь удивительной в их глазах, англиканские католики и даже паписты вспыхнули от радости и с нетерпением ожидали "венчания здания". Англия, по их мнению, была спасена. Церковь торжествовала. Но в то время как с одной стороны царило ликование, с другой стороны царил траур. Установление суеверных обычаев, перспектива наказаний, содержащихся в кровавом статуте из Шести статей, наказаний, которые еще не были приведены в исполнение, но вот-вот должны были привести в исполнение, сеяли смятение и тревогу среди евангелистов. Те, кто не добавил к своей вере мужественной энергии, держали свои убеждения при себе, тщательно воздерживались от разговоров на религиозные темы и с подозрением смотрели на каждого незнакомца, опасаясь, что он может быть одним из шпионов Гардинера.

Боннер был активен и нетерпелив, шел вперед к своей цели и ничему не позволял остановить себя. КромУэлл и Кранмер, у которых он привык получать честные профессии, верили, что он способен послужить Реформации, и поэтому продвинули его по церковным должностям. Но как только Кромвеля посадили в тюрьму, проявилось его явное коварство. Графтон, который печатал Библию под патронажем наместника, встретившись с Боннером, которому Кромвель представил его, воскликнул: "Как я опечален известием, что лорда Кромвеля отправили в Тауэр!" "Было бы гораздо лучше, - ответил Боннер, - если бы его отправили туда давным-давно". Вскоре после этого Графтон предстал перед советом и был обвинен в том, что по приказу Кромвеля напечатал некоторые подозрительные стихи; а Боннер, с целью усугубления его преступной деятельности, не преминул сообщить, что обвиняемый сказал ему о человеке, который был его личным благодетелем. Однако канцлеру, другу Графтона, удалось спасти печатника Библии. Боннер компенсировал себе это разочарование, подвергнув преследованиям очень многих жителей Лондона. Он выместил свой гнев особенно на бедном пятнадцатилетнем юноше, невежественном и некультурном, по имени Мекинс, которого обвинил в высказываниях против Евхаристии и в пользу Барнса; но большое жюри признало его "невиновным". После этого Боннер пришел в ярость. "Вы лжесвидетельствовали", - сказал он присяжным. "Свидетели не согласны", - ответили они. Один утверждал, что Мекинс сказал, что причастие было не чем иным, как "церемонией"; а другой - что это было не что иное, как "значение". "Но разве он не сказал, - воскликнул епископ, - что Барнс умер святым?" "Но мы не

можем найти этих слов, - заявили присяжные, - противоречащих уставу". "На что Боннер выругался и пришел в сильную ярость".[381] "Снова уходите в отставку, - сказал он, - посоветуйтесь вместе и внесите счет". Мекинс был приговорен к смерти. Напрасно было доказано, что он был бедным невежественным созданием и что он не сделал ничего хуже, чем повторил то, что слышал, даже не поняв этого. Напрасно также его отец и мать, которые были в большом горе, пытались смягчить жестокое обращение, которому он подвергался в тюрьме. Бедный парень был готов сказать или сделать что угодно, лишь бы избежать сожжения. Они заставили его хорошо отзываться о Боннере и о его "великом милосердии к нему"; они заставили его заявить, что он ненавидит всех еретиков, а затем сожгли его.[382] Это было только начало, и Боннер надеялся, что такие действия подготовят путь к большим триумфам.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В ЛОНДОНЕ.

Преследование приобрело более массовый характер. Двести два человека были привлечены к ответственности в тридцати девяти лондонских приходах. Их проступки заключались в следующем: они читали вслух Священное Писание в церквях; отказались нести пальмовые ветви в Вербное воскресенье; похоронили кого—то из своих родственников без месс по усопшим; принимали Латимера, Барнса, Гаррета или других евангелистов; проводили религиозные собрания по вечерам в своих домах; говорили, что святое причастие - это хорошо, но не является, как утверждали некоторые, самим Богом; много говорили о Священном Писании; заявляли, что им больше нравится слушать проповедь, чем мессу; и другие оскорбления. как и оскорбления. Среди преступников были и некоторые священники. Одного из них обвинили в том, что он заставил бидла пригласить подозреваемых лиц на его проповеди без звонка в колокола; другого - в том, что он проповедовал без приказа своего начальника; других - в том, что они не пользовались святой водой, не участвовали в процессии и т.д.[383]

Инквизиция, проводившаяся в то время, была настолько строгой, что все тюрьмы Лондона не смогли бы содержать обвиняемых. Некоторых из них пришлось разместить в залах различных зданий. Дело было неловким. Придворные католики были не единственными, кто подстрекал короля к преследованиям. Франциск I. отправил ему сообщение через Уоллопа, "что ему было приятно услышать, что его величество *реформирует* лютеранскую секту, поскольку он всегда придерживался мнения, что от них не может быть ничего хорошего, кроме большого зла".[384] Но при дворе были и другие влияния, помимо влияния Франциска I., Норфолка и Гардинера. Лорд Одли получил санкцию короля на освобождение заключенных, которые, однако, должны были дать обещание явиться в Звездную палату в День Поминовения усопших. В конце концов их оставили в покое.

Но это не означает, что все евангелисты были пощажены. В то время два служителя отличались как своими высокими связями, так и верой и красноречием. Одним из них был шотландец Ситон, капеллан герцога Саффолка. Мощно проповедуя в церкви Святого Антолина в Лондоне, он сказал: "Сами по себе мы ничего не можем сделать, - говорит святой Павел. - Тогда, молю тебя, где же твоя воля? Лучше ли ты Павла, Иакова, Петра и всех апостолов?" Есть ли у тебя больше благодати, чем у них? Скажи мне теперь, будут ли они чем-нибудь или ничем?... Павел сказал, что ничего не может сделать.... Если вы спросите меня, когда мы перестанем проповедовать только Христа, даже когда они уйдут проповедовать, что дела приносят пользу, и позволят Христу полностью удовлетворять нас и иметь значение только для нашего оправдания. ' Ситон был приговорен нести педик на Кресте Пола.[385] Другой священник, доктор Кроум, был

ученым человеком и любимцем архиепископа. Это не помешало королю приказать ему проповедовать, что жертвоприношение во время мессы полезно как для живых, так и для мертвых. Кроум проповедовал Евангелие в его простоте в соборе Святого Павла в назначенный день и удовлетворился чтением королевского приказа после проповеди. Ему немедленно запретили проповедовать.[\[386\]](#)

С мирянами обращались более сурово. Известно, что Библии были размещены во всех церквях и прикреплены цепями к колоннам. У одной из таких колонн обычно собиралась толпа людей. Однажды молодой человек с прекрасной фигурой, обладавший большим рвением и одаренный мощным голосом, стоял возле колонны, держа в руках Библию, и читал ее вслух, чтобы все могли его слышать. Его звали Портер. Боннер резко упрекнул его. "Надеюсь, я не сделал ничего противозаконного", - сказал Портер, и это было правдой. Но епископ отправил его в Ньюгейт. Там этот молодой христианин был закован в кандалы; его ноги, руки и голова были прикреплены к стене с помощью железного ошейника. Один из его родственников, подарив деньги, убедил тюремщика освободить его от этого наказания; и милость, которую они оказали ему, заключалась в том, что он оказался в компании воров и убийц. Портер увещевал их покаяться и учил пути спасения. Затем несчастный был брошен в самую глубокую темницу, с ним жестоко обращались и заковали в кандалы. Через восемь дней он умер. Ночью были слышны крики и стоны. Некоторые говорили, что он был подвергнут пытке, называемой дьявольской, ужасному орудию, с помощью которого за три или четыре часа спина и все тело были разорваны на куски.[\[387\]](#)

ЗАГОВОР ПРОТИВ КРАНМЕРА.

Тем временем готовился гораздо более грозный удар. Кромвель, светский защитник Реформации, уже был принесен в жертву; ее церковный защитник Кранмер теперь должен пасть таким же образом. Этот второй удар казался легче первого. После падения Кромвеля люди предельной умеренности считали, что "нет никакой надежды на то, что реформированная религия продержится еще неделю".[\[388\]](#) Все слабохарактерные люди встали на сторону противоположной партии. Один Кранмер среди епископов и церковных уполномоченных короля все еще отстаивал евангельскую истину. Это препятствие на пути распространения английского католицизма должно быть полностью уничтожено. Была сформирована комиссия из десяти-двенадцати епископов и других компетентных людей для обсуждения способов побудить предстоятеля к сотрудничеству с ними. Два епископа, Хит и Скайп, пользовавшиеся его доверием, "оставили его в чистом поле".[\[389\]](#) Все эти епископы и миряне, гордые своей победой, собрались во дворце Ламбет, резиденции Кранмера, чтобы осуществить свой план. После нескольких бесцельных слов, которыми обменялись два названных епископа, они упростили архиепископа спуститься с ними в сад, и там, расхаживая взад и вперед по дорожкам, они засыпали его такими доводами, которые считали наиболее настоятельными, чтобы побудить его "оставить свое чрезмерное постоянство и склониться к намерениям короля". К ним присоединились один или два друга примаса, и они использовали все ресурсы своего красноречия и своей политики, чтобы поколебать его решимость. Но Кранмер был подобен реке, которая спокойно текла мимо его жилища, которую ничто не может свернуть со своего русла. Он даже перешел в наступление. "Вы поднимаете много шума, чтобы я пришел к вашей цели", - сказал он... "Берегитесь, говорю вам, того, что вы делаете. В наших статьях есть только

одна правда, на которой можно сделать вывод, если вы скроете ее от его высочества ... и тогда, когда от него нельзя будет скрыть правду, его высочество поймет, как красочно вы обошлись с ним ... после этого он никогда не будет доверять вам.... Поскольку вы оба мои друзья, поэтому я прошу вас вовремя остерегаться этого и оправдывать свою совесть, поддерживая истину".[390]

ВЫДВИНУТЫЕ ПРОТИВ НЕГО ОБВИНЕНИЯ.

Это было далеко не успокоило епископов. Доктор Лондон и другие агенты партии, которая считалась с Гардинером как со своим главой, взялись за изучение епархии архиепископа с целью сбора всех высказываний и всех фактов, истинных или ложных, которые они могли бы использовать в качестве оружия против него. В одном месте им сообщили о беседе; в другом была осуждена проповедь; в другом месте говорилось о заброшенном ритуале. "Трое проповедников кафедральной церкви, - сказали им, а именно Ридли, Драм и Скори, - нападают на церковные церемонии". Некоторые каноники, противники предстоятеля, выдвигали против него различные обвинения и стремились изобразить его брак в самых отталкивающих красках. Сэр Джон Гоствик, чьи отчеты как военного казначея и придворного были неверны, обвинил Кранмера в парламенте в том, что он был пастырем еретиков. Все эти жалобы были изложены в памятном документе, который был представлен королю. В то же время наиболее влиятельные члены тайного совета заявили королю, что королевство заражено ересью; что из-за этого могут возникнуть "ужасные волнения и бунты", как это было в Германии; и что эти бедствия должны быть главным образом приписаны архиепископу Кентерберийскому, который своими проповедями и проповедями своих капелланов наполнил Англию пагубными доктринами. "Кто его обвинитель?" - спросил король. Лорды ответили: "Поскольку Кранмер является членом совета, никто не осмеливается обвинять его. Но если вашему высочеству будет угодно заключить его в Тауэр на некоторое время, против него будет достаточно обвинений и доказательств. ""Что ж, - сказал король, - я разрешаю вам завтра заключить его в Тауэр для суда". Враги архиепископа и Реформации ушли вполне довольные.[391]

Тем временем Генрих VIII. начал размышлять над ответом, который он дал своим советникам. Нет ничего, что указывало бы на то, что это было сделано не всерьез; но он предвидел, что смерть Кранмера оставит неловкую пустоту. Когда Кранмера не стало, как он должен был поддерживать конфликт с папой римским и папистами, с которыми он не собирался мириться? Ему вспомнился характер и заслуги предстоятеля. Время шло. В полночь король, не в силах заснуть, послал за сэром Энтони Денни и сказал ему: "Отправляйся в Ламбет и прикажи архиепископу немедленно прибыть ко двору". Затем Генрих в состоянии возбуждения начал рассказывать по одному из коридоров дворца, ожидая прибытия Кранмера. Наконец вошел примас, и король сказал ему: "Ах, милорд Кентерберийский, я могу сообщить вам новость.... Мною и советом решено, что завтра в девять часов вы будете заключены в Тауэр, поскольку вы и ваши капелланы (как нам сообщили) учили и проповедовали и тем самым посеяли в королевстве такое количество отвратительных ересей, что есть опасения, что из-за заражения ими всего королевства среди моих подданных возникнут немалые раздоры и волнения ... и поэтому совет попросил меня для разбирательства этого дела разрешить им заключить вас в Тауэр".

ВМЕШАТЕЛЬСТВО КОРОЛЯ.

История Кромвеля должна была повториться, и это был первый шаг. Тем не менее Кранмер не произнес ни слова протеста или мольбы. Преклонив колени перед королем, согласно своему

обычаю, он сказал: "Я рад, если вашей светлости будет угодно, от всего сердца отправиться туда по повелению вашего высочества, и я смиреннейшим образом благодарю ваше величество за то, что я могу предстать перед моим судом, ибо многие клеветали на меня, и теперь я надеюсь таким образом испытать себя, что я недостоин такого отчета". Король, тронутый его прямоотой, сказал: "О Господи, что ты за человек! Какая в тебе простота!... Разве ты не знаешь... сколько у тебя заклятых врагов? Думаешь ли ты, как легко заполучить трех или четырех лжецов, которые будут свидетельствовать против тебя? Думаешь, тебе так повезет больше, чем Христу, твоему учителю? Я вижу, ты сломя голову побежишь навстречу своей гибели, если я позволю тебе. Твои враги не смогут так одолеть тебя, ибо у меня есть другие мудрые планы, чтобы уберечь тебя от их рук. И все же, несмотря на это, завтра, когда совет соберется и пошлет за вами, обратитесь к ним; и если, предъявляя вам обвинение в этом деле, они действительно отправят вас в Тауэр, потребуйте от них ... чтобы ваши обвинители предстали перед ними и чтобы вы могли ответить на их обвинения.... Если никакие мольбы или разумные просьбы не помогут, тогда передайте им это кольцо, — король в то же время передал свое кольцо архиепископу, — и скажите им: "Если нет другого выхода, милорды, кроме того, что я должен отправиться в Тауэр, тогда я отзываю у вас свое дело и обращаюсь к лично королю с этим его знаком для всех вас ". Как только они увидят это мое кольцо, они узнают его так хорошо, что поймут, что я взял все дело в свои руки". Архиепископ был так тронут добротой короля, что ему "стоило большого труда сдержать слезы". "Что ж, - сказал король, - идите своей дорогой, милорд, и делайте, как я вам приказал". [392] Архиепископ преклонил колена в знак благодарности и, простившись с королем, вернулся в Ламбет еще до рассвета.

На следующее утро, около девяти часов, совет послал дворцового пристава вызвать архиепископа. Он немедленно отправился в путь и предстал перед дверью зала совета. Но его коллеги, радуясь завершению работы, которую они начали, предав смерти наместника, не удовлетворились отправкой примаса на эшафот; они были полны решимости подвергнуть Кранмера различным унижениям до окончательной катастрофы. Архиепископа нельзя было впустить, и он был вынужден ждать там среди пажей, лакеев и другой прислуги. Доктор Баттс, королевский врач, случайно проходивший через комнату и заметивший, как обращаются с архиепископом, подошел к королю и сказал: "Милорд Кентерберийский, с позволения вашей светлости, хорошо продвинут по службе; ибо теперь он стал лакеем или прислужником, ибо вот он стоит эти полчаса у дверей зала заседаний совета среди них". "Это не так, - сказал король, - я думаю, что у совета не так уж мало благоразумия, чтобы использовать митрополита королевства в подобных целях, особенно будучи одним из них". у них свой номер; но оставьте их в покое, и скоро мы услышим больше.

Наконец архиепископапустили. Он сделал так, как велел ему король, и когда увидел, что ни одно из его заявлений или доводов не возымело никакого действия против совета, он предъявил королевское кольцо, обратившись в то же время к его Величеству. Вслед за этим весь совет был поражен; [393] и граф Бедфорд, который не принадлежал к партии Гардинера, с торжественной клятвой воскликнул: "Когда вы впервые начали это дело, милорды, я говорил вам, что из этого выйдет. Как вы думаете, король потерпит, чтобы у этого человека болел палец? Уверяю вас, гораздо больше он будет защищать свою жизнь от хвастливых негодяев. Вы только и делаете, что утруждаете себя рассказами и баснями против него". Члены совета немедленно встали и отнесли ему королевское кольцо, таким образом, передав дело, согласно обычаю того времени, в его руки.

ПРИБЛИЖАЮЩИЕСЯ ПЕРЕМЕНЫ.

Когда все они предстали перед королем, он сказал им с суровым выражением лица: "Ах, милорды, я думал, что в моем совете были люди мудрее, чем теперь, когда я нахожу вас. Что за благоразумие было с вашей стороны заставить примаса королевства и одного из вас, занимающего этот пост, ждать у дверей зала совета среди слуг?... У вас не было такого поручения от меня, чтобы обращаться с ним подобным образом. Я был доволен, что вы должны судить его как члена совета, а не как подлого субъекта. Но теперь я хорошо понимаю, что против него все делается злонамеренно; и если бы у кого-нибудь из вас хватило ума, вы бы испытали его до конца. Но я обращаюсь ко всем вам, а именно заявляю и протестую, что если принц может смотреть на своего подданного, - и тут Генрих торжественно приложил руку к груди, - то верой, которой я обязан Богу, я считаю этого человека, милорда Кентерберийского, самым верным нашим подданным и тем, на кого мы очень пристально смотрим. Католические члены совета были сбиты с толку и не смогли ничего ответить. Один или двое из них, однако, набрались смелости, стали оправдываться и заверили короля, что их целью в суде над примасом было очистить его от клеветы мира, а не действовать против него злонамеренно. Король, которого нельзя было обмануть этими лицемерными заявлениями, сказал: "Хорошо, хорошо, милорды, возьмите его и хорошо используйте, как он того достоин, и не поднимайте больше шума". Затем все лорды подошли к Кранмеру и взяли его за руки, как будто они были его самыми близкими друзьями. Архиепископ, который был настроен примирительно, простил их. Но король отправил на определенное время в тюрьму нескольких обвинителей архиепископа; и он отправил сэру Дж. Гоствику послание, в котором говорилось, что он злой негодяй и что, если он не принесет извинений митрополиту, тот сделает из него пример, который должен послужить предупреждением всем лжесвидетелям. Эти факты делают честь Генриху VIII. Несомненно, его целью было придерживаться определенного среднего курса; и, как у многих других деспотов, у него бывали счастливые периоды. Были и другие свидетельства этого факта. С его разрешения в 1541 году появились четыре большие Библии; две из них носят имя Тонсталла, две другие - Кранмера.[394] Более того, приближалась внезапная перемена, которая должна была изменить весь ход событий.

В конце августа 1541 года Генрих отправился в Йорк,[395] с целью проведения беседы со своим племянником, королем Шотландии, которого он стремился убедить объявить себя независимым от папы римского. Генрих великолепно подготовился к приему, но кардинал Беатон не позволил молодому принцу поехать. Это вызвало сильнейшее недовольство Генриха и впоследствии стало причиной разрыва. Королева, сопровождавшая его, пыталась отвлечь его от досады; и король, все более и более довольный своим браком, после возвращения в Лондон, в День всех святых (24 октября) вознес публичную благодарность за то, что Бог дал ему такую милую и превосходную жену, и даже попросил епископа Линкольнского присоединиться к его похвалам в ее адрес. Этому чрезмерному удовлетворению вскоре пришлось прерваться.[396]

РАЗОБЛАЧЕНИЯ О КОРОЛЕВЕ.

Во время путешествия короля некто Джон Ласселлс, у которого была замужняя сестра, живущая в графстве Сассекс, нанес ей визит. Эта женщина раньше состояла на службе у старой герцогини Норфолкской, бабушки королевы, у которой воспитывалась Кэтрин. В ходе беседы брат и сестра рассказали об этой молодой леди, которую сестра хорошо знала и которая теперь стала женой короля. Брат, стремившийся к возвышению своей сестры, сказал ей: "Ты должна

попросить королеву включить тебя в число ее приближенных". "Я, конечно, не сделаю этого, - ответила она. - Я не могу думать о королеве иначе, как с грустью". "Почему?" - "У нее такой легкомысленный характер и в жизни". "Как же так?" Затем женщина рассказала, что Кэтрин имела неподобающие сношения с одним из офицеров герцогского дома Норфолк по имени Фрэнсис Дерхэм; и что она была хорошо знакома с другим, которого звали Мэннок. Ласселлз понимал важность этих заявлений; и поскольку он не мог взять на себя ответственность за их сокрытие, он решил сообщить о них архиепископу. Сообщение сильно смутило Кранмера. Если бы он держал это дело в секрете и впоследствии оно стало бы известно, он бы разорился. Не менее определенно он был бы разорен, если бы разгласил это, и тогда не было бы получено никаких доказательств. Но что больше всего угнетало его разум, так это мысль о волнении, которое будет возбуждено. Подумать только, еще одна жена короля была казнена в Тауэре! Подумать только, что его принц, его страна и, возможно, также работа, которая находилась в процессе выполнения в Англии, стали объектами насмешек и, возможно, отвращения! Поскольку он не желал в одиночку брать на себя ответственность, налагаемую столь серьезным сообщением, он поделился своим мнением по этому поводу с лорд-канцлером и другими членами тайного совета, которым король доверил ведение дела во время своего отсутствия. "Они были сильно обеспокоены и расспрашивали".^[397] Хорошо взвесив доводы "за" и "против", они пришли к выводу, что, поскольку этот вопрос в основном касался короля, Кранмер должен проинформировать его об этом. Это была трудная задача, и архиепископ, который был глубоко тронут, не осмелился сделать *via voce* столь ужасное сообщение. Поэтому он изложил в письменном виде доклад, который был ему представлен, и передал его королю. Последний был ужасно потрясен; но так как он нежно любил свою жену и был высокого мнения о ее добродетели, он сказал, что это была клевета. Однако он тайно собрал в своем кабинете лорда-хранителя печати, лорда-адмирала, сэра Энтони Брауна и сэра Томаса Райотсли, друга герцога Норфолкского, который принимал непосредственное участие в разводе Анны Клевской, и изложил им суть дела, заявив при этом, что он в это не верит. Эти лорды в частном порядке допросили Ласселла и его сестру, которые настаивали на своих показаниях; затем Мэннока и Дерхэма, которые утверждали правдивость своих показаний; последний, более того, упомянул трех женщин герцогини Норфолкской, которые также были осведомлены о фактах. Члены совета представили свой доклад королю, который, пронзенный горем, некоторое время хранил молчание. Наконец он разрыдался и приказал герцогу Норфолку, дяде королевы, архиепископу Кентерберийскому, верховному камергеру и епископу Винчестерскому, которые способствовали этому браку, отправиться к Екатерине и осмотреть ее. Сначала она все отрицала. Но когда вечером первого инквизиционного заседания к ней прислали Кранмера, слова примаса, его увещевания, отчеты, которые он ей сделал, доказывающие, что ее поведение было прекрасно известно, убедили ее в бесполезности ее отрицаний, и тогда она сделала полное признание и даже добавила несколько странных деталей. Не похоже, чтобы королева считала своим долгом признаваться в своих проступках Богу, но она решила, по крайней мере, признаться в них людям. Исповедуясь, она была в состоянии такого сильного волнения, что архиепископ каждую минуту опасался, как бы она не лишилась рассудка. Согласно ее признаниям, он думал, что ее соблазнил печально известный Дерхэм, причем в тайне даже от его собственной жены. В доме вдовствующей герцогини Норфолкской, по-видимому, царил большой беспорядок. Кранмер записал или заставил написать это признание, и Кэтрин подписала его.^[398] Едва он отошел от несчастной женщины, как она впала в состояние бреда.

БЕЗУМИЕ КОРОЛЕВЫ.

Король был повергнут в сильное волнение известием о признании Екатерины в реальности его несчастья. Сама сила его любви усиливала его беспокойство и гнев; но, несмотря на все это, какое-то чувство жалости оставалось в его сердце. "Вернитесь к ней, - сказал он Кранмеру, - и сначала используйте самые сильные выражения, чтобы дать ей понять всю тяжесть ее проступков; во-вторых, объясните ей, что предусматривает закон в таких случаях и что она должна понести за свое преступление; и, наконец, выразите ей мои чувства жалости и прощения". Кранмер вернулся к Екатерине и застал ее в припадке страсти, настолько сильным, что он никогда не помнил — так он написал королю — чтобы видел какое-либо существо в таком состоянии. Хранители сказали ему, что эта неистовая ярость продолжалась с тех пор, как он ушел от нее.^[399] "Сердце любого мужчины в мире сжалилось бы, - сказал добрый архиепископ, - взглянув на нее". Действительно, она была почти в исступлении; она не была лишена силы, но ее сила была силой неистового человека. Архиепископ имел слишком большой опыт в исцелении душ, чтобы принять порядок, предписанный королем. Он понимал, что если сначала заговорит с ней о преступлении и его наказании, то может ввергнуть ее в какой-нибудь опасный экстаз, от которого ее уже не спасти. Поэтому он начал с последней части королевского послания и сказал королеве, что милосердие его величества распространяется на нее и что он сочувствует ее несчастью. Вслед за этим Екатерина подняла руки, успокоилась и произнесла самые смиренные благодарственные слова королю, который проявил к ней столько милосердия. Она взяла себя в руки, продолжая, однако, всхлипывать. Но "после небольшой паузы она внезапно впала в новую ярость, гораздо худшую, чем раньше".^[400]

Кранмер, желая избавить ее от этого ужасного бреда, сказал ей: "Какая-то новая фантазия пришла вам в голову, мадам; умоляю, откройте ее мне". Через некоторое время, когда ее страсть улеглась и она обрела дар речи, она разрыдалась навзрыд и сказала: "Увы, милорд, что я жива! Страх смерти раньше огорчал меня не так сильно, как теперь воспоминание о доброте короля. Ибо, когда я вспоминаю, какой милостивый и любящий принц был у меня, я не могу не скорбеть; но эта внезапная милость, и большая, чем я мог ожидать, оказанная мне столь недостойной в это время, заставляет мои проступки предстать перед моими глазами гораздо более отвратительными, чем они были раньше; и чем больше я размышляю о величии его милости, тем больше я скорблю в своем сердце из-за того, что я так неправильно отнесся к его величеству." Тот факт, что сострадание короля тронуло Екатерину больше, чем страх суда и смерти, казалось, указывал на душевное состояние менее своенравное, чем можно было ожидать. Но напрасно Кранмер говорил ей все, что было рассчитано на то, чтобы успокоить ее; она долго оставалась "в сильной тоске" и даже вскоре впала в другую ужасную страсть. Наконец, во второй половине дня она постепенно пришла в себя и до ночи пребывала в спокойном состоянии. Кранмер во время этого периода облегчения "хорошо общался с ней". Он радовался, что сумел привести ее в некоторое спокойствие. Она рассказала ему, что между ней и Дерхемом был заключен брачный контракт, по ее словам, только на словах; но тем не менее, хотя он никогда не объявлялся и не признавался, он был заключен. Она добавила, что действовала по принуждению этого мужчины.^[401] В шесть часов у нее случился очередной приступ бешенства. "Ах, - сказала она впоследствии Кранмеру, - когда пробили часы, я вспомнила время, когда мастер Хинидж обычно знакомил меня с его светлостью". В результате доклада Кранмера Генрих приказал проводить королеву в Сион-хаус, где ей должны были быть отведены две комнаты и назначены королем слуги.^[402]

Обвинения против Кэтрин накапливались. Став королевой, она взяла к себе на службу несчастного Дерхэма и, наняв его секретарем, часто допускала его в свои личные апартаменты; и это совет расценил как свидетельство супружеской измены.^[403] Она также снова привязала к себе одну из женщин, причастных к ее первым нарушениям. Наконец было доказано, что другой джентльмен, некто Калпепер, родственник ее матери, был введен леди Рочфорд в отсутствие короля во время его путешествия в личные апартаменты королевы в подозрительный час и при обстоятельствах, которые обычно указывают на преступление. Калпепер признался в этом.

КАЗНИ.

Теперь начались приговоры и казни; и Генрих VIII. к суду были привлечены не только те, кто был виновен, но и ближайшие родственники и слуги королевы, которые, хотя и были хорошо осведомлены о ее преступлениях, не сообщили о них королю. 7-го числа совет постановил, что вдовствующая герцогиня Норфолкская, бабушка королевы, ее дядя, лорд Уильям Ховард, ее тети леди Ховард и леди Бриджуотер, а также Элис Уилкс, Кэтрин Тилни, Дэмпорт, Уолгрейв, Малин Тилни, Мэри Ласселлз, Балмер, Эшби, Энн Хауард и Маргарет Бенет виновны в том, что не раскрыли преступление государственной измены, и что они должны быть привлечены к ответственности. 8-го числа король приказал, чтобы все эти лица, за исключением Мэри Ласселлз, были заключены в Тауэр, и это было сделано. Лорд Уильям Ховард был заключен в тюрьму 9 декабря, герцогиня Норфолкская - 10-го, а леди Бриджуотер - 13-го. Все они решительно протестовали против своего невежества и своей невиновности.^[404] 10 декабря 1541 года Калпепер был обезглавлен в Тайберне; и в тот же день Дерхэм был повешен, расчленен и четвертован.^[405]

Тем временем герцог Норфолк укрылся в Кеннингхолле, примерно в восьмидесяти милях от Лондона. 15 декабря он написал королю, сообщив, что из-за преступлений, совершенных его семьей, он оказался в крайнем замешательстве. Дважды в своем письме он "падает ниц к ногам короля" и выражает "некоторую надежду, что ваше высочество не затаит в своем кротчайшем сердце никакого неудовольствия против меня; видит Бог, я никогда не думал о том, что могло бы вызвать ваше недовольство".^[406] Однако в "самом нежном сердце" Генриха VIII что-то осталось.

Парламент собрался по приказу короля 16 января 1542 года, чтобы уделить этому делу свое внимание. Таким образом, именно высшему национальному собранию король доверил регулирование своих внутренних интересов. 21 января канцлер внес на рассмотрение верхней палаты законопроект, в котором королю предлагалось не беспокоиться по этому поводу, учитывая, что это может сократить его жизнь; объявить виновными в государственной измене королеву и всех ее сообщников; и приговорить королеву и леди Рочфорд к смертной казни. Законопроект прошел обе палаты и получил королевское одобрение.^[407]

12 февраля королева и леди Рочфорд, ее сообщница, были доставлены на Тауэр-Хилл и обезглавлены. Королева, сознаваясь в преступлениях, предшествовавших ее браку, до последнего протестовала перед Богом и его святыми ангелами, что она никогда не нарушала своей веры королю. Но ее предыдущие проступки придавали правдоподобие тем, которые были совершены после ее замужества. Что касается леди Рочфорд, доверенного лица королевы, то ее ненавидели все. Люди вспоминали тот факт, что ее клевета была главной причиной смерти невинной Анны Болейн и ее собственного мужа, и никто не испытывал к ней сочувствия. Король

помиловал старую герцогиню Норфолкскую и некоторых других, которые были привлечены к ответственности за сокрытие преступления.

ВИНА КОРОЛЕВЫ.

Эти события не вызвали в королевстве много замечаний болезненного характера для Генриха VIII; но великий пример безнравственности, представленный английским двором, уменьшил уважение, которым он пользовался в Европе. Не было недостатка в подобной распущенности во Франции и других странах; но там на нее была наброшена завеса, в то время как в Англии это было публичным разговором. Впоследствии мнение по отношению к королю стало суровым; и когда вспомнили о его поведении по отношению к трем его бывшим женам, люди сказали о позоре, навлеченном на него Кэтрин Ховард, что он вполне это заслужил. Что же касается католической партии, которая отдала Екатерину Генриху и лелеяла надежду, что под ее влиянием она достигнет своего окончательного триумфа, то она была сильно подавлена, и так было вплоть до наших дней. Некоторые католики, ссылаясь на эти преступления, пытались уменьшить отвращение и позор, связанные с ними, говоря, что "был составлен заговор с целью возвести королеву на эшафот". Но доказательства, представленные против Екатерины, настолько очевидны, что они были вынуждены изменить свой тон. Католицизм, несомненно, имел в изобилии своих добродетельных принцесс, но следует признать, что та, кто стала его покровительницей в Англии в 1541 году, не оказала ему большой чести.[\[408\]](#)

За восшествием Кэтрин Говард на престол последовал подъем католицизма в Англии; а за падением этой несчастной женщины последовал упадок партии, к которой она принадлежала. Вот почему мы остановились на ее истории. Эти последние события, по-видимому, оскорбили Рим. Папа Павел III. проявил больше раздражения, чем когда-либо, по отношению к Генриху VIII. Один из послов короля в Венеции написал ему в это время: "Епископ Рима усердно работает над тем, чтобы добиться союза императора и короля Франции для разорения вашего величества"; и тайное размышление о том, что граф Людовико де Рангон был в Англии, наполнило папу яростью[\[409\]](#) и ярость. Усердие и осторожность Кранмера в деле Екатерины значительно усилили расположение к нему короля. Кранмер, однако, не спешил воспользоваться этим, чтобы добиться принятия каких-либо смелых мер в пользу Реформации. Он знал, что любая такая попытка привела бы к противоположному результату. Но он не упустил возможности распространить в Англии принципы Реформации.

Заседание парламента состоялось 16 января 1542 года, а созыв духовенства - 20 числа того же месяца. В пятницу, 17 февраля, перевод Священного Писания был в порядке дня. Запрета английской Библии желало большинство епископов, больше всего Гардинер, который после падения Кэтрин Ховард более чем когда-либо ощущал необходимость сопротивления реформации. Поскольку он не смог сразу восстановить Вульгату в целом, он попытался сохранить из нее все, что мог, в переводе, чтобы люди не понимали того, что они читают, и могли вообще отказаться от нее. Поэтому он предложил сохранить в английском переводе сто два латинских слова "ради их исконного значения и их достоинства". Среди этих слов были — *Ecclesia*, *punitentia*, *pontifex*, *holocaustum*, *simulacrum*, *episcopus*, *confessio*, *hostia* и другие. В дополнение к замыслу, который он преследовал, мешая людям понимать то, что они читают, у него был еще один план в отношении таких людей, которые могли бы понять любую его часть. Если он хотел сохранить определенные слова, то это было сделано с целью сохранения определенных догм. Свидетель, - говорит Фуллер, 'словапокаяния, которые в соответствии с

пошлым звуком, вопреки первоначальный смысл его был журнал *willworship*, и принес много выгоды на священников, которые желали *сохранить* это слово, потому что слово держал их.^[410] Cranmer дал царю предупреждение о материи; и было решено, что епископы должны иметь ничего общего с переводом Библии. 10 марта архиепископ сообщил Собранию, что король намерен провести экспертизу перевода в двух университетах. Епископы были сильно раздосадованы; но Кранмер заверил их, что решение короля будет выполнено. Все прелаты, кроме двух, протестовали против такого курса. Этот указ, однако, не имел другой цели, кроме как избавиться от епископов, поскольку с университетами никогда не консультировались. Очевидно, что это был удар по собранию духовенства.^[411]

ЛИЦЕМЕРИЕ БОННЕРА.

Перемена, произошедшая в результате позора Говардов, была очевидна даже в отношении врагов Реформации. Боннер, епископ Лондонский, человек одновременно вспыльчивый и непостоянный, который после смерти Кромвеля внезапно повернулся против Реформации, после смерти Екатерины демонстративно повернулся в противоположном направлении. Он опубликовал различные наставления и предписания для руководства своей епархией. "Очень целесообразно, - сказал он мирянам, - чтобы всякий, кто приходит сюда [в церковь] читать эту книгу или любую подобную ей в любом другом месте, готовил себя главным образом со всей преданностью, смирением и безмолвием к тому, чтобы таким образом получить назидание и стать лучше". Обращаясь к духовенству, он сказал: "Каждый пастор, викарий и викарий должен каждую неделю перечитывать и усердно изучать одну главу Библии ... переходя от главы к главе, от начала Евангелия от Матфея до конца Евангелия от Луки". Новый Завет.... Вы должны наставлять, учить и воспитывать в учебе наилучшим образом всех тех детей ваших прихожан, которые придут к вам за тем же; или, по крайней мере, научить их читать по-английски ... чтобы они могли таким образом лучше учиться и знать, как верить, как молиться, как жить в угоду Богу".^[412]

ГЛАВА VIII.

ПРОТЕСТАНТСКАЯ КОРОЛЕВА КЭТРИН ПАРР.

(1542.)

РИЧАРД ХИЛЛЗ.

Принципы Реформации распространялись все больше и больше, и особенно среди лондонских купцов; несомненно, потому, что они поддерживали больше контактов с иностранцами, чем другие классы населения. Эти деловые люди были гораздо лучше информированы, чем мы могли бы предположить в наши дни. Один из них, Ричард Хиллз, имел крупные деловые сделки со Страсбургом и остальной Германией; и, занимаясь ими, он уделял некоторое внимание богословской литературе. Он не просто читал, но составлял мнение о произведениях, которые

читал, и, таким образом, был одновременно торговцем и критиком. Он прочитал *Церковную историю* Евсевия, а также его *Подготовку и Демонстрацию*; но Евсевий его не удовлетворил. Он обнаружил в своих трудах ложные представления о свободе воли и браке священников. Тертуллиан, с другой стороны, очаровал его своей простотой, своим благочестием, а также здравостью своего суждения о Евхаристии; но он нашел много недостатков в своей работе над *Предписаниями против еретиков*.^[413] Киприан назидал его полнотой своего благочестия; но он был шокирован его чрезмерной суровостью и его мнениями об удовлетворении, которые, по его мнению, были унижительными для праведности Христа. Лактанция он любил как защитника дела Божьего; но он резко критиковал его взгляды на добродетель милостыни, на необходимость воздержания от цветов и благовоний, на *illecebræ istæ voluptatum arma*, на метод возмещения злых дел добрыми, на тысячелетнее царство и на многие другие темы. Ориген, Августин и Иероним также были включены в цикл его кропотливых трудов.^[414] Хиллз считал большой потерей даже для коммерсанта отсутствие исследований. Он нашел в них средство против слишком сильного влияния мирских дел.

Однако для него самым важным было изучение Слова Божьего. Он часто читал и разъяснял его в домах евангельских христиан в Лондоне. Епископ Гардинер, осматривая одного из соседей Хиллса, сказал ему: "Разве Ричард Хиллз не бывал каждый день в вашем доме, обучая вас и таких, как вы?" Однажды к нему обратились несколько священнослужителей, собирая пожертвования на то, чтобы поставить свечи перед распятием и гробом Христа в приходской церкви. Он отказался внести свой вклад. Священники умоляли его родственников и друзей убедить его не выступать против практики, которая существовала на протяжении пяти столетий. Никакой обычай, сказал он, не может возобладать над словом Христа — "Поклоняющиеся Ему должны поклоняться Ему в духе и истине". Теперь священники усилили свои угрозы, и Хиллз покинул Лондон и отправился в Страсбург, сохранив при этом свой бизнес в Лондоне. Читатель Тертуллиана, Киприана, Оригена и Августина, покинув берега Рейна, отправился во Франкфурт и Нюрнберг продавать свои ткани.^[415] Более того, он хорошо распорядился полученными деньгами. "Настоящим я посылаю вашему благочестию, - писал он Буллингеру, - десять итальянских крон, которые я желаю раздать по вашему усмотрению, при случае, бедным изгнанникам (богатым, однако, во Христе), и особенно тем, если таковые найдутся, кто находится в бедственном положении среди вас".^[416]

Чем больше Генрих VIII. переживал потерю, которую понес из-за смерти Кромвеля, тем больше его тянуло к Кранмеру и к делу, которое он отстаивал. Уже в том же 1542 году он направил Кранмеру несколько писем об отмене идолопоклонства, предписывая не использовать изображения, реликвии, свечи, реликварии, таблицы и памятники чудес, паломничеств и других злоупотреблений.^[417]

В то время как миряне таким образом соединяли знание с верой, а бизнес с преподаванием, Кранмер медленно продвигался к своей задаче. На заседании парламента 22 января 1543 года архиепископ представил "Законопроект о продвижении истинной религии". Этот Акт одновременно запрещал и предписывал чтение Библии. Было ли это намеренно или случайно? Мы склонны считать это случайностью. В Англии существовало два течения мнений, и оба они вновь проявились в законах. Только следует отметить, что чем лучше течение, тем оно было сильнее; это было благое дело, которое, казалось, в конечном счете одержало верх в данном случае. Было приказано изъять Библии с именем Тиндейла; но печатники все равно выпустили его перевод почти без изменений, прикрыв его именами Мэтью, Тавернера, Кранмера и даже

Тонстолла и Хита.[418] Поэтому ее читали повсюду. Закон запрещал кому-либо читать Библию другим, будь то в любой церкви или где-либо еще, без санкции короля или какого-либо епископа. Но в то же время канцлер Англии, офицеры армии, королевские судьи, магистраты любого города или округа и спикер Палаты общин, которые привыкли использовать отрывок из Священного Писания в качестве текста своих выступлений, были уполномочены читать его. Кроме того, каждому человеку благородного звания, мужчине или женщине, являющемуся главой семьи, разрешалось читать Библию или давать ее читать кому-либо из своих слуг в их собственном доме, в их саду или огороде, для их собственной семьи. Точно так же каждому торговцу или другому лицу, являющемуся главой семьи, разрешалось читать его наедине; но подмастерья, рабочие и т. Д. Должны были воздерживаться. Этот закон, запрещающий, таким образом, чтение Библии простым людям, был одновременно нечестивым и абсурдным; нечестивым в своем запрете, но также абсурдным, потому что рекомендовалось чтение в семье, и это могли делать даже домашние. Таким образом, знание Священных Писаний могло бы прийти до тех, кому они были запрещены.[419]

УСИЛИЯ КРАНМЕРА.

В то же время, по требованию Кранмера, Закон о Шести статьях был несколько изменен. Те, кто нарушил его пункты, больше не подлежали наказанию смертью, если они были мирянами; а священники должны были понести это наказание только после третьего проступка. Это, конечно, не было большим приобретением, но предстоятель добился того, чего мог.

Он также постарался сделать как можно более безвредной книгу "Необходимая доктрина и эрудиция для любого христианина", которая была опубликована в 1543 году,[420] и называлась "Книга короля", чтобы отличать ее от "Учреждения христианина", которое называлось "Книга епископа". Эта книга короля занимала среднее место между доктриной о папе римский и сторонник Реформации, склоняясь, однако, к последнему. Благодать и милосердие Божье были установлены как принцип нашего оправдания. Были проведены некоторые реформы в отношении поклонения изображениям и святым; статья о чистилище была опущена; церкви каждой страны были предоставлены широкие права; вульгарный язык был признан необходимым для удовлетворения религиозных потребностей людей. И все же в этой книге можно было найти много неясностей и ошибок.

Приближалось событие, которое еще решительнее привлекло бы короля на сторону Реформации. Хотя к этому времени он женился пять раз подряд и пережил, несомненно, по собственной вине, лишь длинную череду разочарований и досад, он снова искал жену. Закон, который был принят после раскрытия неправомерного поведения Кэтрин Говард, привел в ужас английских девушек, даже самых невинных из них; они боялись бы стать жертвами несправедливых подозрений Генриха VIII. Теперь он решил жениться на вдове.

Кэтрин Парр, вдова лорда Латимера, сейчас находилась при дворе. Она была женщиной здравомыслящей, с добродетельным и дружелюбным характером, красивой и с приятными манерами,[421] и была уже в расцвете молодости. Однако у нее был один недостаток, который часто присущ благородным личностям, — недостаток благоразумия. Она не всегда понимала и практиковала то, что лучше всего делать при определенных обстоятельствах. Особенно ей не доставало той человеческой осмотрительности, которая так необходима при дворе, и особенно жене Генриха VIII; и из-за этого она подвергалась большой опасности. Король находился сейчас в упадочном состоянии, и его телесные немощи, а также раздражительный

нрав требовали, чтобы о нем заботилась какая-нибудь нежная и очень внимательная жена. Он женился на благородной вдове^[422] 12 июля 1543 года; и он нашел в ней привязанность и доброе внимание добродетельной леди. Корона была для Екатерины лишь слабой компенсацией, но она преданно выполняла свой долг и пролила несколько солнечных лучей на последние годы правления короля. Королева благосклонно относилась к Реформации, как и ее брат, получивший титул графа Эссекса, и ее дядя, ставший лордом Парром Хортонским. Кранмер и все те, кто желал настоящей реформации, были на стороне новой королевы; в то время как Гардинер и его партия, теперь включающая нового канцлера Райотесли, встревоженные этим влиянием, которое было им противопоставлено, стали более ревностными, чем когда-либо, в поддержании старой доктрины. Эти люди почувствовали, что власть, которой они обладали при Екатерине Говард, может выскользнуть из их рук; и они решили посеять ужас среди друзей Реформации, не исключая и саму королеву, напав на Кранмера. Они всегда целились в этого человека и наносили свои удары, и это был не последний раз, когда они делали это.

ЗАГОВОР ПРОТИВ КРАНМЕРА.

Кентерберийские пребендарии и другие священники той же епархии, сильно приверженные католической доктрине, обеспокоенные и шокированные реформаторскими принципами архиепископа, пришли к взаимопониманию с Гардинером, провели множество встреч между собой и собрали большое количество сообщений, враждебных архиепископу. Они обвинили его в том, что он удалил изображения и запретил проповедовать сторонникам старых доктрин; и вскоре повсюду распространился слух, что "епископ Винчестерский натянул свой лук, чтобы выстрелить в оленью голову". Длинный список обвинений, выдвинутых против предстоятеля, был направлен королю. Среди обвинителей были некоторые члены церкви Кранмера, судьи, которых он считал обязанными ему, и люди, которые почти ежедневно сидели за его столом. Генри был огорчен и раздражен; он любил Кранмера, но эти многочисленные обвинения беспокоили его. Взяв документ с собой, он вышел, как будто собирался прогуляться в одиночестве по берегу Темзы. Он сел в свою барку. - В Ламбет, - сказал он своим лодочникам. Некоторые из слуг архиепископа увидели приближающуюся лодку; они узнали короля и сообщили об этом своему хозяину, который немедленно спустился засвидетельствовать свое почтение его величеству. Генрих пригласил его подняться на борт; и когда они уселись рядом, так как лодочники находились поодаль, король начал сетовать на рост ереси и споры, которые неизбежно возникнут в результате этого, и заявил, что он полон решимости выяснить, кто был главным распространителем этих ложных доктрин, и сделать из него пример. "Что вы об этом думаете?" - добавил он. "Сэр, - ответил Кранмер, - это хорошее решение; но я умоляю вас хорошенько обдумать, что такое ересь, и не осуждать как еретиков тех, кто отстаивает слово Божье против человеческих изобретений". После дальнейших объяснений король сказал ему: "Вы тот человек, который, как мне сообщили, является главным подстрекателем ереси". Затем король вручил ему обвинительные статьи, собранные его противниками. Кранмер взял бумаги и прочитал их. Закончив, он попросил короля назначить комиссию для расследования этих жалоб и откровенно изложил ему свой взгляд на это дело. Король, тронутый его простотой и откровенностью, раскрыл ему заговор и пообещал назначить комиссию, настаивая, однако, на том, чтобы примас был главным членом комиссии и чтобы он возбудил дело против своих обвинителей. Кранмер отказался это сделать. Была назначена комиссия. Доктор Ли, декан Йоркского университета, провел тщательное расследование и обнаружил, что люди, которым Кранмер оказал большие услуги, были в числе заговорщиков. Кранмер вел себя по отношению

к ним с большой кротостью. Он отказался посрамить их, как того требовал король; и в результате вместо того, чтобы осудить Кранмера, каждый из них признал, что он был первым, кто практиковал добродетели, которые проповедовал другим, и таким образом показал себя истинным епископом и достойным реформатором.[423]

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ОКСФОРДЕ.

Поскольку Гардинер и его коллеги потерпели неудачу в своей попытке сбить главного оленя, они решили искупить свою вину, напав на более мелкую дичь. В Оксфорде было создано общество друзей Евангелия, члены которого вели скромную и тихую жизнь, но в то же время мужественно исповедовали истину. Четырнадцать из них были задержаны доктором Лондоном при поддержке епископа Винчестерского. Преследователи в основном направили свое нападение на троих из этих людей. Роберт Тествуд, известный своими музыкальными достижениями и прикрепленный в качестве "певчего" к часовне Виндзорского колледжа, с уважением отзывался о Лютере, отваживался читать Священное Писание и призывал своих знакомых не преклоняться перед немymi изображениями, но поклоняться только истинному и живому Богу. Генри Филмер, церковный староста, не мог выносить глупостей, которые священники рассказывали с кафедры; и последний, сильно уязвленный его критикой, обвинил его в том, что он настолько развращен ересью, что его одного было бы достаточно, чтобы отравить всю нацию. Энтони Пирсон, священник, проповедовал с такой верой и красноречием, что люди толпами стекались послушать его как в Оксфорде, так и в окрестных деревнях.

Наконец перед советом предстал четвертый преступник. Это был бедный человек, простодушный и невзрачной наружности. На столе перед епископом Винчестерским лежало несколько вырванных листов из книги. "Марбек, - сказал епископ, - знаешь ли ты, зачем за тобой послали?" "Нет, милорд", - ответил он. Епископ, взяв несколько листов, спросил его: "Понимаешь ли ты латынь?" "Нет, милорд, - ответил он, - но просто". Затем Гардинер заявил совету, что книга, которую он держал в руках, была Конкорданцией и что она была переведена слово в слово с оригинала, составленного для использования проповедниками. Он утверждал, "что если такая книга выйдет на английском языке, это уничтожит латинский язык". Два дня спустя Гардинер снова послал за Марбеком. "Марбек, - сказал епископ, - какой дьявол заставил тебя вмешиваться в Священное Писание?[424] Твоим призванием был другой путь ... какого дьявола ты не удержал себя там?... Какие помощники были у тебя при составлении твоей книги?" "Воистину, милорд, - ответил Марбек, - никаких". "Невозможно, чтобы ты сделал это без посторонней помощи", - воскликнул епископ. Затем, обращаясь к одному из своих капелланов: "Вот удивительная вещь; этот парень взялся изложить Конкорданцию на английском языке, книга эта, когда она была переведена на латынь, была написана не без помощи и усердия по меньшей мере дюжины ученых мужей, и все же он подтвердит мне, что сделал это в одиночку". Затем, обращаясь к Марбеку, он сказал: "Говори что хочешь, если только сам Бог не спустится с небес и не скажет мне об этом, я не поверю этому". Марбека отвели обратно в тюрьму. , и был помещен в тесное заключение, с кандалами на руках и ногах. Его допрашивали пять раз, и на пятый раз против него было выдвинуто новое обвинение: он собственноручно написал письмо Джона Кальвина.[425] Это было хуже, чем проводить время над Библией.

Гардинер приложил все усилия, чтобы добиться вынесения этому человеку смертного приговора вместе с Тествудом, Филмером и Пирсоном. Королева теперь едва ли восседала на троне. Эти трое христиан были сожжены заживо; и они встретили смерть с таким смирением,

терпением и преданностью Иисусу, своему единственному прибежищу, что некоторые из прохожих заявили, что охотно умерли бы вместе с ними и подобно им.^[426] Но преследователи потерпели неудачу в своей попытке в отношении Марбека. Кранмер смог убедить короля, что приведение Библии в соответствие не должно сопровождаться смертью. Хорошо известно, что Генрих VIII. придавал большое значение Священному Писанию, которое считал самым мощным оружием против папы римского. Поэтому Марбека пощадили.

ВОЙНА С ФРАНЦИЕЙ.

Более того, неудивительно, что все еще должны были быть мученики. Королева, действительно, была дружелюбна к их делу; но политические обстоятельства не были благоприятными. После сорокалетнего союза с Францией Генрих VIII. собирался объявить войну этому королевству. Предлогов для этого курса было много. Первым был союз короля Франции с турками, "которые ежедневно продвигаются вперед, чтобы разрушить нашу святую веру и вероисповедание, к великому сожалению всех добрых христиан", - сказал Совет.^[427] Вторым предлогом было то, что денежные суммы, которые Франция была обязана ежегодно выплачивать королю, просрочены на девять лет; также существовал вопрос о субсидиях, предоставленных Францией Шотландии во время войны между Генрихом VIII. и шотландцы; прием и защита английских мятежников Франциском I.; и задержание во французских портах верных подданных короля, купцов и других лиц, с их кораблями и товарами. В депеше, которую мы только что процитировали, король также заявил, что, если в течение двадцати дней изложенные претензии не будут устранены, он должен заявить права на королевство Франция, несправедливо принадлежащее Франциску I. Французский посол ответил в примирительной манере. Дипломатия не сослалась на другие основания для жалобы более частного характера, которые, возможно, проливают свет на те, которые послужили причиной разрыва. Франциска I. имел шутки о том, как Генрих VIII. обращался со своими женами. Генрих добивался руки французских принцесс, а они не обращали внимания на этого мужа-иностранца; и, наконец, Франциск не выполнил данного им обещания отделиться от Рима. Кроме того, было много других более или менее разумных предлогов, которые побудили короля вторгнуться во Францию.

Отказываясь от союза с Франциском I, Генрих не мог в то же время не установить более тесных отношений с Карлом V. Это примирение казалось естественным, поскольку король Англии действительно был в религиозном отношении в большей гармонии с императором, чем с протестантами Германии, союза с которыми он некоторое время желал. Но Карл требовал прежде всего признания законности и прав своей кузины, принцессы Марии, а Генрих отказался это сделать, потому что это означало бы признание его несправедливости по отношению к Екатерине Арагонской. В конечном счете было найдено решение, которое удовлетворило императора. Актом парламента было предусмотрено, что если принц Эдуард умрет бездетным, "корона должна перейти к леди Марии".^[428] Но в этом Акте не упоминалось о ее законности. Результатом уступки в этом пункте Карлу V. было обрушить на Англию пятилетнее кровавое преследование и выдать ее народу Филиппа II. за их короля. В случае отсутствия какого-либо потомства от Марии престол должна была унаследовать Елизавета. После принятия этого Закона, в марте 1543 года, между Англией и империей был заключен союзный договор.

Война, которую Генрих VIII, "король Англии, *Франции* Ирландии", как заявил парламент, теперь ведет против Франциска I. имеет мало общего с историей Реформации. Король, назначив

королеву регентшей своего королевства, отплыл во Францию 14 июля 1544 года на судне, обитом золотой тканью. Теперь он был немощен и тучен, но его тщеславие и любовь к показухе всегда бросались в глаза, даже отправляясь на войну. Прибыв на границу Франции, он оказался во главе 45 000 человек, 30 000 из которых были англичанами. Император, который опередил его, был уже в двух днях пути от Парижа, и город был встревожен приближением немцев. "Я не могу уберечь моих парижан от страха, - сказал Франциск, - но я не позволю им пострадать". Карл не придавал большого значения своей помолвке с Генрихом VIII и теперь вел переговоры с Франциском отдельно в Креспи, недалеко от Лана, 19 сентября, и предоставил королю Англии выпутываться из этого дела так хорошо, как только мог. Генрих захватил Булонь, но это было все, что у него было от французского королевства. 30 сентября он вернулся в Лондон.

СИМПАТИИ ИТАЛЬЯНЦЕВ.

Война, однако, продолжалась до 1546 года. Англия, покинутая императором, нашла сочувствие там, где этого меньше всего можно было ожидать, — в Италии. Итальянцы, сознававшие зло, принесенное папством на их собственную землю, были преисполнены восхищения принцем и нацией, сбросившей свое иго. Эдмунд Харвель, посол Генриха VIII. в Италии, находясь в это время в Венеции, его постоянно посещали капитаны с высокой репутацией, которые приезжали предложить свои услуги. Среди них был Эрколе Висконти из Милана, человек высокого происхождения, великий военачальник, который, имея обширные связи в Италии, мог оказать большие услуги королю.^[429] Французы теперь предпринимали попытку вернуть Булонь; но итальянские солдаты, служившие в их армии, постоянно переходили на сторону англичан, по тридцать человек в день. Таким образом, итальянские роты были настолько сокращены, что капитаны запросили разрешения покинуть лагерь из-за нехватки солдат для командования; и разрешение им было дано.^[430] В этом вопросе папа римский столкнулся с трудностями. Он обязался предоставить Франциску I отряд в четыре тысячи человек; но поскольку король боялся, что эти римские солдаты перейдут к английской армии,^[431] он обратился к Павлу III. чтобы заменить эти вспомогательные услуги ежемесячной субсидией в размере 16 000 крон. "По мере того, как итальянская нация, - добавлял английский посол в своем письме Генриху VIII, - отчуждается от французского короля, тот же самый народ все больше и больше склоняется к вашему Величеству". Из этого эпизода очевидно, что Италия в то время благосклонно относилась к Реформации.

Но если в Италии было много сторонников протестантизма, то в Англии его противников было еще больше. В 1543 году фанатичная партия попыталась изгнать Реформистов из города Виндзор посредством мученической смерти. Но счет не был сведен; оставалось очистить замок. Было известно, что Тествуд, Филмер, Пирсон и сам Марбек имели покровителей в лице сэра Томаса и леди Кардин, сэра Филипа и леди Хобби, доктора Хейнса, декана Эксетерского, и других лиц при дворе. Доктор Лондон, который всегда был начеку в отношении еретиков, и защитника по имени Саймонс, отправили к Гардинеру некоего Оккама, секретаря, с письмами, обвинениями и секретными документами относительно того, как они намеревались действовать. Но один из слуг королевы прибыл ко двору раньше него и сообщил об этом плане. Оккам по прибытии был арестован, все бумаги изучены, и в них были обнаружены доказательства реального заговора против многих лиц при дворе. Это вызвало большое возмущение у короля. Весьма вероятно, что эти джентльмены и их жены были обязаны своей безопасностью влиянию королевы и Кранмера. Лондон и Саймонс, не подозревавшие, что их письма и документы попали в руки судей, отрицали участие в заговоре, и это даже под

присягой. Теперь были обнародованы их собственные труды, было доказано, что они виновны в лжесвидетельстве, и они были приговорены к позорному наказанию. Лондона, этого великого истребителя еретиков, и его коллегу провели верхом на лошадях, лицом назад, с именем клятвопреступника на лбу, по улицам Виндзора, Рединга и Ньюбери, причем король находился сейчас в последнем названном городе. Впоследствии их пригвоздили к позорному столбу, а затем отвезли обратно в тюрьму. Лондон умер там от горя, вызванного этим общественным позором. Хорошо, что ветер переменился и что гонители были наказаны вместо преследуемых; но нравы того времени подвергали этих несчастных ужасающим страданиям, от которых лучше было бы их избавить.^[432]

ГЛАВА IX.

ПОСЛЕДНИЕ МУЧЕНИКИ ПРАВЛЕНИЯ ГЕНРИХА.

(1545.)

Генрих VIII, больной и раздражительный, легко склонялся сначала на одну сторону, затем на другую. Он был жертвой нерешительности, сильного возбуждения и нерешительности. Его шурин, герцог Саффолк, который из всех членов Тайного совета был самым решительным сторонником Реформации, умер в августе 1545 года, и с тех пор это тело двигалось в противоположном направлении, увлекая за собой короля.

ОТРЕЧЕНИЕ ШЭКСТОНА.

Шэкстон, покинувший свой престол в Солсбери после публикации Шести статей, был посажен в тюрьму и долгое время отвергал все предложения об отречении, адресованные ему. Усугубив свое преступление во время пребывания в тюрьме утверждением, что естественного тела Христа не было в причастии, он был приговорен к сожжению. Епископы Лондонский и Вустерский, посланные королем, посетили его в тюрьме и попытались убедить. Этот слабый и эгоистичный человек с готовностью признал, что его убедили, и поблагодарил короля "за то, что он избавил его одновременно от брэнного и от вечного огня". 13 июля 1546 года он был освобожден. По мере того как он старел, его разум становился все слабее; и в царствование Марии этот несчастный человек был одним из самых жаждущих сжечь тех, кого он называл своими братьями.^[433]

В то время как были люди, подобные Шэкстону, чье падение было решающим и окончательным, предстояло встретиться и с другими, которые, хотя в своих сердцах встали на сторону истины, были встревожены, когда оказались в смертельной опасности, и подписали католические декларации, которые были им предложены. Но после того, как они таким образом погрузились в бездну, они как можно скорее поднимали свои головы и снова исповедали истину. Одним из таких людей был Эдвард Кроум, который в тот период дважды уступал, но брал себя в руки.^[434]

В общем состоянии англиканской церкви было заметно много других недостатков; и упорство короля, в частности, в поддержании в своем королевстве бок о бок двух противоположных друг

другу вещей - католических доктрин и чтения Библии, - подвергло священный том странным почестям. Король лично объявил перерыв в работе парламента 24 декабря и по этому случаю произнес свою последнюю речь перед высшим органом государства. Он говорил как наместник Бога и прочитал лекцию служителям и членам церкви. Это было в его вкусе; он верил, что рожден для этой должности, и в его натуре было столько же от наставника, сколько и от короля. Более того, ничто не оскорбляло его так сильно, как попытка прочитать лекцию самому себе. Любой, кто делал это, рисковал собственной жизнью. Но хотя его легко было обидеть, он не боялся задевать чувства других. Он обращался с жезлом легче, чем со скипетром.

РЕЧЬ ГЕНРИХА VIII.

Спикер Палаты общин обратился к королю с речью, в которой превозносил его добродетели, Генрих ответил следующим образом: "Тогда как вы ... вы одновременно хвалили и превозносили меня за те выдающиеся качества, которые, по вашему мнению, были во мне, я от всего сердца благодарю вас всех за то, что вы напомнили мне о моем долге, который заключается в том, чтобы самому стремиться обрести такие превосходные качества и необходимые добродетели.... Ни один принц в мире не благоволит к своим подданным больше, чем я к вам, и ни один подданный или народ не любит своего суверенного лорда и не повинуетс ему больше, чем, как я понимаю, вы мне. И все же, хотя я с вами, а вы со мной, пребываем в этой совершенной любви и согласии, эта дружеская дружба не может продолжаться, если вы, мои владыки мирские, и вы, мои владыки духовные, и вы, мои любящие подданные, не изучите и не приложите усилий, чтобы исправить любую вещь, которая, несомненно, неправильна и далеко не соответствует порядку ... которая заключается в том, что милосердия и согласия нет среди вас; но раздор правит повсюду. Святой Павел говорит Коринфянам в тринадцатой главе: "Милосердие кротко, милосердие не завистливо, милосердие не гордо" и так далее. Посмотрите же, какая любовь и милосердие царят среди вас, когда один называет другого еретиком и анабаптистом; а он снова называет его папистом, лицемером и фарисеем. Являются ли эти вещи знаками милосердия среди вас? Являются ли это знаками братской любви между вами? Нет, нет, я уверяю вас, что это отсутствие милосердия между вами будет помехой и смягчением пылкой любви между нами, если только эта рана не будет залечена и явно не заживет. Я вынужден считать, что вина и причина этого разлада отчасти кроются в небрежности вас, отцов и проповедников духовности.... Я вижу и слышу ежедневно, что вы, представители духовенства, проповедуете друг против друга ... и немногие или вообще никто не проповедует истинно Слово Божье.... Увы! как могут бедные души жить в согласии, когда вы, проповедники, сеете среди них в своих проповедях споры и раздоры? От вас они ищут света, а вы приводите их во тьму. Исправьте эти преступления, я увещаю вас, и излагайте слово Божье как истинной проповедью, так и подачей хорошего примера; иначе я, которого Бог назначил здесь своим наместником и верховным служителем, увижу исчезновение этих разногласий.... Хотя (как я уже сказал) духовные люди в чем - то виноваты ... однако вы, миряне, не чисты и не запятнаны злобой и завистью; ибо вы поносите епископов, клеветаете на священников, порицаете и насмехаетесь над проповедниками.... Хотя вам разрешено читать Священное Писание и иметь Слово Божье на вашем родном языке, вы должны понимать, что вам разрешено это делать только для того, чтобы информировать свою собственную совесть и наставлять своих детей и семью; а не для того, чтобы оспаривать Священное Писание и превращать его в обличение и насмешку над священниками и проповедниками, как это делают многие светлые люди. Мне очень жаль знать и слышать, как неверующе оспаривается, рифмуется, поется и звенит в каждой харчевне эта самая драгоценная жемчужина, Слово Божье, что противоречит его истинному смыслу и

доктрине.... Будьте милосердны друг к другу ... к чему я, как ваш верховный глава и суверенный господин, призываю и требую вас; и тогда я не сомневаюсь, что любовь и союз, о которых я говорил в начале, никогда не будут расторгнуты или разорваны между нами".[435]

Школьный учитель был прав. Парламент не выступил с возражением: "Врач, исцели себя сам", хотя оно могло бы быть применимо. Одна из мер, с помощью которых король проявлял свое "милое милосердие", доказывает, что, если бы он не был, подобно некоторым учителям старой школы, тираном слов и слогов, он бы тиранил мир и жизни своего народа.

ЭНН АСКЬЮ.

При дворе было определенное количество дам высшего ранга, которые любили Евангелие — герцогиня Саффолк, графиня Сассекс, графиня Хартфорд, леди Денни, леди Фицуильям,[436] и прежде всего королева. Среди них была благочестивая, живая и красивая молодая леди, отличавшаяся большим умом и дружелюбным нравом, чьи прекрасные качества были улучшены образованием. Ее звали Энн Эскью. Она была второй дочерью сэра Уильяма Эскью, члена очень древнего рода Колншир. У нее было два брата и две сестры. Ее брат Эдвард был одним из телохранителей короля. Королева часто принимала Анну и других христианок в своих личных апартаментах; там совершались молитвы и проповедовалось Слово Божье евангелическим служителем. Король, действительно, знал об этих тайных встречах, но притворялся неосведомленным. Анна в то время очень нуждалась в утешении Евангелием. У ее отца, сэра Уильяма, был богатый сосед по имени Кайм, с которым он был близок; и, желая, чтобы его старшая дочь вышла замуж за богатого человека, он договорился с Каймом, что она выйдет замуж за его старшего сына. Молодая леди умерла до того, как состоялось бракосочетание, и сэр Уильям, не желая упускать столь удачный шанс, вынудил свою вторую дочь Анну выйти замуж за нареченного ее сестры, и от него она стала матерью двоих детей. Третья сестра, Джоан, была замужем за сэром Джоном Сент-Полом. Священное Писание в английской версии привлекло внимание Энн, и вскоре она настолько привязалась к нему, что размышляла над ним день и ночь. Ведомая ими к живой вере в Иисуса Христа, она отреклась от римских суеверий. Священники, которые были сильно раздосадованы, настроили против нее ее молодого мужа, грубого человека и убежденного паписта, который "насильно выгнал ее из своего дома".[437] Анна сказала: "Поскольку, согласно Писанию, "если неверующий уйдет, пусть уйдет он". Брат или сестра в таких случаях не находятся в рабстве", [438]—Я требую развода.' Она отправилась в Лондон, чтобы предпринять необходимые действия, и либо через своего брата, одного из гвардейцев, либо иным образом познакомилась с благочестивыми придворными дамами и с самой королевой.

Врагам Реформации было очень неприятно видеть лиц самого высокого ранга, почти открыто исповедующих евангельскую веру. Поскольку они не осмеливались напасть на них, они решили начать с Энн Эскью и тем самым устроить остальных. Однажды она сказала : "Я скорее прочту пять строк из Библии, чем послушаю пять месс в церкви". В другой раз она отрицала телесное присутствие Спасителя при причастии. Ее отправили в тюрьму. Когда ее доставили в Сэдлерс-Холл, судья Дэр спросил ее: "Вы не верите, что причастие, висящее над алтарем, на самом деле было телом Христа?" Анна ответила: "За что святого Стефана забили камнями до смерти?" Дэр, несомненно, вспомнил, что Стефан сказал: "Я вижу Сына человеческого, сидящего одесную Бога". Из этого следовало, что Он не присутствовал при причастии. Он предпочел ответить: "Я не могу сказать". Однако возможно, что его невежество не было притворным. "Больше я не

стану отвечать на ваш напрасный вопрос", - сказала Энн. "Впоследствии Энн предстала перед лорд-мэром, сэром Мартином Боузом, страстным фанатиком. Он был заместителем казначея Монетного двора и в 1550 году получил прощение короля за все фальшивые деньги, которые он чеканил. Судья серьезно спросил ее, приняла ли Богамышь, съевшая хозяина, или нет? "Я ничего не ответила, но улыбнулась", - говорит Энн. Присутствовавший при этом епископский канцлер резко сказал ей: "Святой Павел запрещал женщинам говорить о Слове Божьем. ""Сколько женщин, - спросила она в ответ, - вы видели, чтобы они поднимались за кафедру и проповедовали?" "Ни одной", - сказал он. "Вы не должны придирайтесь к бедным женщинам, если только они не нарушили закон". Ее незаконно поместили в тюрьму, и в течение одиннадцати дней никому не разрешалось видеться с ней. В то время ей было около двадцати пяти лет.

К ней была допущена одна из ее двоюродных сестер по имени Бриттейн. Он немедленно сделал все возможное, чтобы освободить Энн под залог. Лорд-мэр велел ему обратиться к канцлеру лондонского епископа. Канцлер ответил ему: "Обратитесь к епископу". Епископ сказал: "Я отдам распоряжение, чтобы она предстала передо мной завтра в три часа дня". Затем он подверг ее долгому допросу. Среди прочего он спросил ее: "Не думаете ли вы, что частные мессы помогают душам усопших?" "Это великое идолопоклонство, - ответила она, - верить в них больше, чем в смерть, которой Христос умер за нас". "Что это за ответ?" - спросил епископ Лондонский. "Он слабый, - ответила Энн, - но достаточно хорош для такого вопроса". После экзамена, на котором Энн давала четкие и краткие ответы, Боннер записал определенное количество догматов веры и потребовал, чтобы Энн приложила к ним свою руку. Она написала: "Я верю в это настолько, насколько это согласуется со Священным Писанием". Это было не то, чего хотел Боннер. Епископ настаивал на своем и сказал: "Подпишите этот документ". Затем Анна написала: "Я, Анна Эскью, действительно верю во все, что содержится в вере Католической церкви". Епископ, хорошо зная, что Анна имела в виду под этим словом, поспешил удалиться в соседнюю комнату в сильном гневе.^[439] Ее кузина Бриттейн последовала за ним и умоляла его относиться к своей родственнице по-доброму. "Она женщина, - воскликнул епископ, - и я нисколько в ней не обманываюсь". "Примите ее как женщину, - сказала Бриттейн, - и не ставьте ее слабый женский ум выше великой мудрости вашей светлости". Наконец, два поручительства Анны, а именно Бриттейн и мастера Спилмана из Грейс Инн, были приняты на следующий день, и она была отпущена на свободу. Эти события произошли в 1545 году.

ВТОРОЙ АРЕСТ ЭНН ЭСКЬЮ.

Поскольку Анна продолжала исповедовать Евангелие и встречаться со своими друзьями, три месяца спустя ее снова арестовали, и она предстала перед тайным советом в Гринвиче. В начале экзамена она отказалась обсуждать этот вопрос перед советом и сказала: "Если королю будет угодно выслушать меня, я открою ему правду". "Королю не подобает, - ответили они, - беспокоиться из-за вас". Она ответила: "Соломон считался мудрейшим королем, который когда-либо жил, но ему не понравилось, что он не послушал двух бедных простых женщин; тем более, что его светлость одинокая женщина и его верная подданная". "Скажите мне ваше мнение о таинстве", - сказал лорд-канцлер. "Я верю, - сказала она, - что так же часто, как и я, в христианском собрании, принимают хлеб в память о смерти Христа и с благодарением ... Вместе с этим я получаю и плоды его величайшей страсти. ""Дайте прямой ответ на вопрос", - сказал Гардинер. "Я не буду петь новую песнь Господню, - сказала она, - в чужой стране". - Вы говорите притчами, - сказал Гардинер. "Так будет лучше для вас, - ответила она, - потому что, если я

открою правду, вы ее не примете". "Вы попугай", - сказал разгневанный епископ. Она ответила: "Я готова претерпеть все от твоих рук, не только твои упреки, но и все, что последует за ними, да, и все это с радостью".

На следующий день Анна снова предстала перед советом. Они начали экзамен по вопросу пресуществления. Увидев лорда Парра, дядю королевы, и лорда Лайла, она сказала им: "Вам очень стыдно давать советы, противоречащие вашим знаниям". "Мы бы с радостью, - ответили они, - все было хорошо". Гардинер хотел поговорить с ней наедине, но она отказалась. Затем лорд-канцлер снова начал осматривать ее. "Как долго, - спросила Анна, - вы будете стоять с обеих сторон?" "Вы будете сожжены", - сказал епископ Лондонский. Она ответила: "Я изучила все Священные Писания, но так и не смогла найти, чтобы Христос или его апостолы предавали смерти какое-либо существо".

Анну отправили обратно в тюрьму. Она была очень больна и считала, что находится при смерти. Никогда еще ей не приходилось переносить подобных приступов. Она попросила разрешения повидаться с Латимером, который все еще был заключен в Тауэр; но ей не позволили этого утешения. Твердо опираясь на Библейские основания, она не позволила себе отклониться. К своему конституционному решению она добавила то, что было плодом общения с Богом; и таким образом, вера поставила ее выше нападок, которым она подвергалась. Имея хорошее основание, она решительно защищала свободу своей совести и свое полное доверие Христу; и она не только встречала своих врагов без колебаний, но и говорила с ними с силой, достаточной, чтобы внушить им благоговейный трепет, и наносила ответные удары, которые приводили их в замешательство. Тем не менее, она была всего лишь слабой женщиной, и силы ее тела начали ослабевать. В Ньюгейте она сказала: "Да укрепит нас Господь в истине. Молись, молись, молись". Находясь в тюрьме, она сочинила несколько строф, которые были признаны необыкновенными не только из-за простой красоты и возвышенного чувства, но и из-за благородной структуры и музыки стиха.^[440]

По закону Анна имела право предстать перед судом присяжных; но 28 июня 1546 года лорд-канцлер и совет без дальнейшего разбирательства приговорили ее к сожжению за отрицание телесного присутствия Христа. Они спросили ее, хочет ли она стать священником; она улыбнулась и сказала, что покается в своих грехах перед Богом, так как была уверена, что Он благосклонно выслушает ее. Она добавила: "Я думаю, его светлость поймет, что я взвешена на неровных весах.... Здесь я беру небо и землю, чтобы засвидетельствовать, что умру в своей невинности".^[441]

КОРОЛЕВСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ.

Было доказано, что Анна черпала свою веру из Священного Писания. Поэтому Гардинер и его сторонники убедили правительство за восемь дней до смерти этого молодого христианина издать прокламацию, в которой говорилось, что "отныне ни один мужчина, ни одна женщина или отдельное лицо, какого бы положения, состояния или степени они ни были [следовательно, включая придворных дам и джентльменов, а также других], не должны после последнего дня августа следующего года получать, иметь, уносить или хранить в своем распоряжении текст Нового Завета, переводы Тиндейла или Ковердейла на английский язык, ни что-либо иное, кроме того, что разрешено Законом о защите прав человека". Парламент; ... и после указанного дня не должен получать, иметь, уносить или хранить в своем или их распоряжении какие-либо книги, напечатанные или написанные на английском языке, которые были или будут

представлены на имена Fryth, Tyndale, Wycliffe, ... Барнсом, Ковердейлом ... или кем-либо из них; ... и требовалось, чтобы все такие книги были доставлены мэру, судебному приставу или главному констеблю города для открытого сожжения.^[442]

Это было замечательное действие со стороны Генриха VIII. Но события оказались сильнее провозглашения, и оно осталось мертвой буквой.

ПЫТКИ ЭНН ЭСКЬЮ.

Приговор Анне был вынесен до опубликования прокламации. Суд закончился, и дальнейшего расследования проводиться не должно было. Но ее смерти было недостаточно, чтобы удовлетворить Рича, Райотесли и их друзей. У них были другие планы, и они собирались совершить самые постыдные и жестокие действия. Цель, которую эти люди теперь поставили перед собой, состояла в том, чтобы получить такие доказательства, которые дали бы им право возбудить дело против тех придворных дам, которые были друзьями Евангелия. Они отправились (13 июля) в Тауэр, где все еще находилась Анна, и расспросили ее о ее сообщниках, назвав имена вдовствующей герцогини Саффолкской, графини Сассекской и нескольких других. Анна ответила: "Если бы я высказала что-либо против них, я не смогла бы это доказать". Затем они спросили ее, нет ли членов королевского совета, которые оказали бы ей свою поддержку. Она сказала, никаких. Королю сообщили, ответили они, что, если вы захотите, вы можете назвать очень многих людей, которые являются членами вашей секты. Она ответила, что "король был так же обманут в этом отношении, как и лукавил в других вопросах". Единственным результатом этих опровержений было раздражение Райотесли и его коллеги; и, полные решимости любой ценой добыть информацию против влиятельных лиц при дворе, они приказали применить к молодой женщине дыбу. Эта пытка длилась долго, но Энн не подала ни малейшего намека и даже не вскрикнула. Лорд-канцлер, все больше и больше раздражаясь, сказал сэру Энтони Кневету, лейтенанту Тауэра: "Еще раз вздерни ее на дыбе". Последний отказался это сделать. Напрасно Райотесли угрожал ему, если он не подчинится.

Рич, член тайного совета, часто приводил доказательства своей низости. Райотесли был честолюбив, преисполнен самомнения, надменен и легко впадал в ярость, если его совету не прислушивались. Теперь эти два человека забыли о себе, и было представлено зрелище превращения лорда-канцлера Англии и тайного советника короля в палачей. Они собственноручно взялись за это ужасное орудие и так жестоко истязали невинную молодую женщину, что она чуть не сломалась о него и не вывихнулась. Она потеряла сознание и была почти мертва.^[443] "Затем лейтенант приказал освободить меня; я тут же потерял сознание, а затем они снова привели меня в чувство. После этого я просидел два долгих часа, рассуждая с милордом канцлером на голом полу, где он множеством лестных слов убедил меня оставить свое мнение".^[444] Генрих VIII. он сам осудил Райотесли за его жестокость и извинил лейтенанта Тауэра. "Затем меня привели в дом, - рассказывает Анна, - положили в постель с такими же усталыми и болезненными костями, какие когда-либо были у Иова". Канцлер прислал ей весточку, что, если она отречется от своей веры, она будет прощена и ни в чем не будет нуждаться, но в противном случае она должна быть сожжена. Она ответила: "Я скорее умру". В то же время она упала на колени в темнице и сказала: "О Господи, у меня теперь больше врагов, чем волос на моей голове; но, Господи, пусть они никогда не одолевают меня пустыми словами, но сражайся ты, Господи, вместо меня, ибо на тебя я возлагаю свою заботу. Со всей злобой, которую они только могут вообразить, они обрушиваются на меня, твое бедное создание. И все

же, милостивый Господь, не позволь мне противостоять тем, кто настроен против меня; ибо в тебе вся моя радость. И, Господи, я от всего сердца желаю от тебя, чтобы ты по своей всемилостивейшей благодати простил им то насилие, которое они совершают и уже совершали по отношению ко мне. Открой также ты их слепые сердца, чтобы они могли впоследствии делать в твоих глазах то, что единственно приемлемо для тебя, и правильно излагать твою истину, без всяких суетных фантазий грешных людей. Да будет так, о Господь, да будет так".[445]

Наступило 16 июля, день, назначенный для последней сцены этой трагедии; все было готово к сожжению Анны в Смитфилде. Казнь должна была состояться не утром, в обычное время, а с наступлением темноты, чтобы сделать ее еще более ужасной. Таким образом, это было во всех смыслах темное дело. Они были вынуждены нести Анну к месту казни, так как в своем состоянии в то время она не могла ходить. Когда она добралась до кучи, ее привязали к столбу за талию цепью, которая не давала ей опуститься вниз. Несчастный Шэкстон, назначенный для этой цели, затем завершил свое отступничество, произнеся проповедь о таинстве алтаря, проповедь, изобилующую ошибками. Анна, которая была в полном здравии, ограничилась тем, что сказала: "Он скучает и говорит без Книги". Трое других евангельских христиан должны были умереть одновременно с ней: Белениан, священник; Дж. Ласелс (Ласселлс) из королевского двора, вероятно, человек, который раскрыл несдержанность Кэтрин Ховард, поступок, за который римская партия его ненавидела; и некто Адамс, житель Колчестера. "Теперь, со спокойной душой, - сказал Лейселс, - я вверяю весь мир их пастырю и пастуху Иисусу Христу, единственному Спасителю и истинному Мессии...." Письмо, которое мы цитируем, подписано: "Джон Лейселс, покойный слуга короля, и теперь я доверяю служить вечному Царю свидетельством моей крови в Смитфилде".[446]

МУЧЕНИЧЕСТВО.

Там было огромное скопление народа. На помосте, воздвигнутом перед церковью Святого Варфоломея, в качестве председателей при казни восседали Райотсли, лорд-канцлер Англии, старый герцог Норфолк, старый граф Бедфорд, лорд-мэр Боуз и различные другие знаменитости. Когда собирались разжечь костер, канцлер отправил гонца к Анне Эскью с поручением предложить ей королевское помилование, если она отречется. Она ответила: "Я пришла сюда не для того, чтобы отречься от моего Господа и Наставницы". Такое же прощение было предложено и другим мученикам, но они отказались принять его и отвернулись. Тогда встал невежественный и фанатичный Боуз и громким голосом воскликнул: "*Fiat justitia!*" Анна вскоре была объята пламенем; и эта благородная жертва, добровольно принесящая себя в жертву Богу, с миром предала свою душу. Ее спутники сделали то же самое.[447]

Эти четыре человека были последними жертвами правления Генриха VIII. Враги Реформации были особенно раздосадованы в то время тем, что женщины из первых семей Англии приняли ненавистную им веру. На женщину высочайшего ума, но молодую и слабую, обрушился последний удар, нанесенный Евангелию *защитницей веры*. Анна Эскью пала; но великим доктринам, которые она так мужественно исповедовала, вскоре предстояло восторжествовать среди ее соотечественников.

ГЛАВА X.

КОРОЛЕВЕ ЕКАТЕРИНЕ УГРОЖАЕТ СМЕРТЕЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ.

(1546.)

Можно спросить, как получилось, что королева не положила конец этим жестоким казням. Ответ прост — она сама была в опасности. Враги Реформации, видя ее влияние на короля, спохватились, что казнь Анны Эскью и ее сподвижников не продвинула их дело вперед; что для его триумфа необходима смерть королевы; и что, если Екатерина погибнет, Реформация падет вместе с ней. Вскоре после царского возвращения из Франции, эти люди подошли к нему и осторожно намекнул, что королева сделала большие использования свободы во время его отсутствия, что она прилежно читал и изучал Священное Писание; что она выбрала, чтобы иметь о ней только женщин, которые разделяли ее мнение; что она занимается определенным бы-быть мудрыми и благочестивыми людьми, чтобы помочь ей в достижении доскональным знанием священных писаний; что она держала частные беседы с ними на духовные темы круглый год, и это в Великий пост каждый день в обед в течение часа, один из ее капелланов, в свои покои, 'изъясняли Слово Божие к королеве, чтобы дамы ее двора и ее опочивальня и другие, которые были склонны слышать эти экспозиции;[\[448\]](#) , что министр часто нападали, что он назвал нарушения существующего храма; что королева читать еретические книги, запрещенные королевских ордонансов; кроме того, что она, королева Англии, использовал ее для отдыха часы в переводе религиозных трудов, и в написании книг преданности; и что у нее получилась какая-то псалмы в стихи, и был сделан сборник *молитв или медитаций*. Король всегда игнорировал эти встречи, решив не видеть того, что, тем не менее, было ясно, что королева была евангельской христианкой, такой же, как Анна Эскью, которая недавно была сожжена.

РВЕНИЕ КОРОЛЕВЫ.

Екатерину ободрило такое внимание со стороны короля. Она безоговорочно исповедовала свою веру в Евангелие и смело вступилась за дело евангелистов. Ее единственным желанием было донести правду до короля и привести его к ногам Иисуса Христа, чтобы он получил прощение за ошибки своей жизни. Невзирая на последствия, она позволила своему переполняющему ее рвению идти свободным и неограниченным путем. Она стремилась преобразовать не только короля, но и Англию. Она часто увещевала короля, "что, поскольку он, во славу Божью и свою вечную славу, начал доброе и благочестивое дело по изгнанию этого чудовищного идола Рима, он тщательно усовершенствует и завершит то же самое, очистив свою англиканскую церковь от отбросов, в которых все еще сохранилось великое суеверие".[\[449\]](#)

Собирался ли пылкий Генрих действовать строго по отношению к этой королеве, как он поступал по отношению к другим? Безупречное поведение Екатерины, привязанность, которую она проявляла к нему, ее почтительное обращение, ее неустанное стремление угодить ему, внимание, которое она расточала ему, настолько расположили ее к нему, что он позволил ей высказываться свободно; и если бы не активное противодействие ее врагов, она могла бы распространять Евангелие по всему королевству. Поскольку эти решительные

враги Реформации начинали опасаться полного краха своей партии, они стремились возродить дурные наклонности Генриха VIII и возбудить его гнев против Екатерины. По их мнению, смелость ее взглядов неизбежно должна была привести к ее гибели.

Но дело оказалось сложнее, чем они думали. Король не только любил свою жену, но и любил дискуссии, особенно на богословские темы; и он был слишком уверен в собственном уме и знаниях, чтобы бояться аргументов королевы. Поэтому последняя продолжала свою мелочную войну и в уважительных выражениях приводила веские доказательства из Священного Писания в поддержку своей веры. Генри обычно улыбался и принимал все это близко к сердцу или, по крайней мере, никогда не казался оскорбленным. Гардинер, Райотесли и другие, слышавшие эти выступления, были встревожены ими. Они были почти готовы бросить все, считая, что все потеряно; и, дрожа за себя, они отказались от своего проекта. Ни один из них не осмелился произнести ни слова против королевы ни в присутствии короля, ни в его отсутствие. Наконец, они нашли неожиданного помощника.

КОРОЛЬ ОБИДЕЛСЯ.

На ноге короля лопнула язва, которая причиняла ему острую боль, которая постоянно усиливалась. Генри вел чувственную жизнь, а теперь стал таким тучным, что переносить его из одной комнаты в другую было чрезвычайно трудно. Он настаивал на том, чтобы никто не обращал внимания на его слабеющие способности, а те, кто его окружал, едва осмеливались говорить об этом шепотом.^[450] Его состояние делало его раздражительным; он был беспокойным и думал, что его конец не за горами. Малейшее обстоятельство раздражало его; мрачный и вспыльчивый, он часто впадал в ярость. Приблизиться к нему и ухаживать за ним стало трудной задачей; но Кэтрин не только не избегала этого, но и проявляла еще большее усердие. После своей болезни Генрих перестал заходить в покои королевы, но приглашал ее навестить его; и она часто приходила туда по собственной воле, после обеда, или после ужина, или при любой другой благоприятной возможности. Мысль о том, что Генри постепенно приближается к могиле, наполнила ее сердце глубочайшим волнением, и она пользовалась любой возможностью, чтобы склонить его к решению в пользу евангельской истины. Ее усилия для достижения этой цели, возможно, иногда предпринимались со слишком большой настойчивостью. Однажды вечером, когда Райотсли и Гардинер, два лидера католической партии, были с королем, Екатерина, которой следовало быть настороже, увлеченная пылом своей веры, попыталась убедить Генриха взяться за реформацию церкви. Король был уязвлен. Мысль о том, что королева читает ему нотации как ученику в присутствии лорда-канцлера и епископа Винчестерского, усилила его досаду. Он грубо "прекратил этот вопрос и воспользовался случаем, чтобы перейти к другому разговору".^[451] Этого он никогда раньше не делал; и Кэтрин была удивлена и озадачена. Генрих, однако, не упрекал ее, а говорил с нежностью, что, безусловно, было с его стороны признаком настоящей любви. Когда королева поднялась, чтобы удалиться, он, как обычно, сказал ей: "Прощай! милое сердце".^[452] Кэтрин тем временем была встревожена и чувствовала то острое душевное смятение, которое овладевает утонченной и восприимчивой женщиной, когда она поступает неосторожно.

Канцлер и епископ остались с королем. Гардинер заметил, что король прервал разговор, и подумал, по словам современника, "что он должен ковать железо, пока горячо"; что он должен воспользоваться дурным настроением Генриха и умелыми усилиями избавиться от Екатерины и

положить конец ее прозелитизму. Это был проторенный путь; король ужетак или иначе избавился от четырех своих ферзей, и было бы нетрудно сделать то же самое с пятой.

Генри предоставил им желанную возможность. Раздосадованный тем, что его унизили в присутствии двух лордов, он сказал им ироничным тоном: "Приятно слышать, когда женщины становятся такими клерками; и мне очень приятно, что в прежние времена меня учила моя жена". Епископ ловко воспользовался этим моментом и пустил в ход все свои силы и всю свою злобу, чтобы усилить гнев короля. Он настаивал на том, что прискорбно, что королева "настолько забывает о себе, что берет на себя смелость вступать в любой спор с его Величеством"; он в лицо похвалил короля "за его редкие добродетели, и особенно за его ученое суждение в вопросах религии, превосходящее не только принцев того и других веков, но и докторов богословия". Он сказал, "что любому из подданных его величества не подобает рассуждать и спорить с ним так жестоко", и что это "прискорбно для него (Гардинера) со своей стороны". , и другие советники и слуги его величества услышат то же самое". Он добавил, "что все они на основании доказательств знали, что его мудрость такова, что никому не нужно было напоминать ему о каких-либо подобных вещах; более того, они сделали вывод, насколько это опасно... для принца терпеть такие дерзкие слова от рук своих подданных, которые, набираясь смелости противоречить своему суверену на словах, так не хотят иметь воли, а только могущества и мощь, чтобы свергнуть его на деле.[\[453\]](#) Помимо этого, религия, которую королева так жестко поддерживала, не только запрещала и распускала политику принцев, но и учила людей, что все должно быть общим".[\[454\]](#) Епископ продолжал утверждать, что "тот, кто (сохраняя должное ей почтение ради его величества) должен защищать принципы, которых придерживается королева, заслуживает смерти". Однако, по его словам, он не осмеливался говорить о королеве, если не был уверен, что его величество будет его защитником. Но с согласия его величества его верные советники вскоре сорвали бы лицемерную маску ереси и раскрыли бы измены столь ужасные, что его величество больше не стал бы лелеять змею у себя за пазухой.

НЕДОВЕРИЕ КОРОЛЯ.

Лорд-канцлер заговорил в свою очередь, и двое заговорщиков сделали все возможное, чтобы возбудить гнев короля против королевы. Они забили ему голову тысячью историй как о ней самой, так и о некоторых ее фрейлинах; они рассказали ему, что были благосклонны к Энн Эскью; что в их распоряжении были еретические книги; и что они виновны как в государственной измене, так и в ереси. Подозрительность и недоверие, к которым король был слишком естественно склонен, овладели им, и он потребовал, чтобы два его советника выяснили, могут ли какие-либо статьи закона быть выдвинуты против королевы, даже с риском для ее жизни.[\[455\]](#) Они покинули присутствие короля, пообещав наилучшим образом использовать порученное им поручение.

Епископ и канцлер немедленно приступили к работе. Они прибегали ко всякого рода уловкам, интригам, тайной переписке, чтобы создать видимость вины со стороны королевы. Подкупив кое-кого из ее прислуги, они получили возможность получить каталог книг, которые хранились у нее в шкафу. Посоветовавшись с некоторыми из своих сообщников, им пришло в голову, что если они начнут с нападения на королеву, то этот шаг вызовет почти всеобщее осуждение. Поэтому они решили подготовить умы мужчин, начав с дам, которые пользовались ее доверием,

и особенно с ее родственниц — леди Герберт, впоследствии графини Пембрук, сестры королевы и первой леди ее двора; леди Лейн, ее кузины-немки; и леди Тирвит, которая своими добродетелями завоевала ее полное доверие. Их план состоял в том, чтобы допросить этих трех леди по Шести статьям; устроить тщательный обыск в их домах с целью найти какие-либо основания для обвинения королевы Екатерины; и, в случае успеха, арестовать саму королеву и увезти ее ночью в барке, в Тауэр.... Чем дальше они продвигались в своем темном деле, тем больше подбадривали друг друга; они считали себя достаточно сильными, чтобы сразу нанести главный удар, и решили первыми напасть на королеву. Поэтому они составили против нее обвинительный акт, в котором, в частности, говорилось, что она нарушила Шесть статей, нарушила королевскую прокламацию, прочитав запрещенные книги, и, короче говоря, открыто поддерживала еретическое учение. Не требовалось ничего, кроме подписи короля под законопроектом, ибо если бы без санкции этой подписи они бросили подозрение на королеву, они подвергли бы себя обвинению в государственной измене.[456]

Генрих VIII. в настоящее время находился в Уайтхолле; и из-за состояния своего здоровья он очень редко покидал свои личные апартаменты. Но лишь немногим из его советников, да и то только по особому распоряжению, было позволено увидеться с ним. Только Гардинер и Райотсли приходили во дворец чаще, чем обычно, чтобы посоветоваться с ним о миссии, которую он им доверил. Взяв с собой свой ненавистный обвинительный акт, они отправились во дворец, были допущены к королю и после подобающего представления положили перед ним роковой документ, попросив подписать его. Генри прочел его и тщательно записал его содержание; затем попросил письменные принадлежности и, несмотря на свою слабость, подписал его. Это была великая победа епископа, канцлера и католической партии; и это было великое поражение Реформации, очевидно, послужившее сигналом к ее краху. Теперь не требовалось ничего, кроме судебного приказа об аресте, и канцлер Англии отправит королеву в Тауэр. Оказавшись там, ее положение станет безнадежным.

Заговор был устроен так ловко, что в течение всего этого времени королева ничего не знала и не подозревала; она наносила королю свои обычные визиты и постепенно позволила себе говорить с ним о религии, как делала раньше. Король разрешил это, не возражая ей; он не стал вступать с ней в объяснения. Однако ему было не по себе. Бремя было гнетущим; и однажды вечером, сразу после того, как королева покинула его, он поделился своими мыслями с одним из своих врачей, которому он полностью доверял, и сказал: "Мне не нравится религия королевы, и я не намерен больше беспокоиться из-за бесед этой *докторши*". Он также рассказал врачу о проекте, разработанном некоторыми из его советников, но запретил ему под страхом смерти сказать об этом ни одной живой душе. Очевидно, забыв о женах, которыми он уже пожертвовал, Генрих таким образом хладнокровно готовился в то самое время, когда сам собирался сойти в могилу, добавить к гекатомбе еще одну жертву.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ.

"Королева", хотя и окруженная смертельными врагами, замышлявшими ее гибель, пребывала в состоянии совершенного спокойствия, когда внезапно на нее обрушился один из тех сильных шквалов, которые в мгновение ока разбивают о скалы самые мощные суда. Канцлер, довольный своим триумфом, но в то же время взволнованный, схватил бумагу, которая, теперь с подписью короля, гарантировала смерть королевы. Неистовые страсти иногда отвлекают мужчин и приводят к рассеянности. В данном случае выясняется, что Райотесли небрежно сунул бумагу за

пазуху и выронил ее, когда пересекал одну из комнат дворца.[457] Благочестивая придворная дама, случайно проходившая тем путем вскоре после этого, увидела газету и подобрала ее. С первого взгляда поняв его важность, она немедленно отнесла его королеве. Кэтрин открыла его, прочла статьи со страхом и трепетом, и как только она увидела подпись Генриха, ее как громом поразило, и она впала в страшную агонию. Черты ее лица совершенно изменились: она издавала громкие крики и, казалось, билась насмерть. Тогда ей тоже предстояло отдать свою жизнь на эшафоте. Все ее внимание, вся ее преданность королю ни к чему не привели; ей предстояло испытать обычную участь жен Генриха VIII. Она оплакивала свою судьбу и боролась с ней. В другие моменты она мельком замечала свои собственные недостатки и высказывала упреки в свой адрес, и тогда ее горе и стенания усиливались. Те из ее придворных дам, которые присутствовали при этом, едва могли вынести зрелище столь плачевного состояния; и, сами дрожа и предполагая, что королеву вот-вот предадут смерти, они не смогли предложить ей утешения. Воспоминание об этой душераздирающей сцене никогда не изгладилось из их памяти.[458]

Кто-то донес королю, что королева в ужасном отчаянии и что ее жизнь, по-видимому, в опасности.[459] В нем пробудилось чувство сострадания, и он немедленно послал к ней врачей, которые были с ним. Они, застав Кэтрин в таком отчаянном положении, попытались привести ее в себя, и постепенно она пришла в себя. Врач, которому Генрих рассказал о проекте Гардинера,[460] узнав из некоторых слов, произнесенных королевой, что заговор был причиной ее беспокойства, попросил разрешения поговорить с ней наедине. Он сказал ей, что рискует своей жизнью, разговаривая с ней таким образом, но что его совесть не позволяет ему участвовать в пролитии невинной крови. Поэтому он подтвердил предчувствие нависшей над ней опасности, но добавил, что если она впредь будет стараться вести себя со смиренной покорностью его величеству, то, он не сомневался, она вернет себе его прощение и благосклонность.

ГОРЕ КОРОЛЕВЫ.

Этих слов было недостаточно, чтобы избавить Кэтрин от беспокойства. Опасность, грозившая ей, не укрылась от короля, и, не в силах вынести мысли, что она может умереть от горя, он приказал сам отнести ее в комнату. При виде короля Кэтрин достаточно пришла в себя, чтобы объяснить ему, в какое отчаяние ее повергла уверенность в том, что он полностью бросил ее. Тогда Генрих заговорил с ней как любящий муж и утешил ее нежными словами; и это бедное сердце, до тех пор взволнованное, как штормовое море, постепенно снова успокоилось.

Теперь король мог забыть о недостатках королевы, но сама королева о них не забывала. Она понимала, что по привычке занимала более высокое положение, чем подобает жене, и что король имел право на заверения в том, что такое положение вещей должно быть изменено. Поэтому на следующий вечер после ужина Кэтрин встала и, взяв с собой только свою сестру, леди Герберт, на которую она опиралась, и леди Джейн, которая несла перед собой лампу, отправилась в спальню короля. Когда трех дам представили друг другу, Генри сидел и разговаривал с несколькими джентльменами, стоявшими вокруг него. Он принял королеву очень вежливо и по собственной воле, вопреки своей обычной практике, заговорил с ней о религии, как будто был какой-то вопрос, по которому он хотел бы получить дополнительную информацию от королевы. Она ответила сдержанно и так, как того требовали обстоятельства. Затем она добавила кротко, серьезным и уважительным тоном: "Ваше величество прекрасно

знает, да и я сама не в неведении, какое великое несовершенство и слабость дано нам, женщинам, нашим первым творением, чтобы быть посвященными и назначенными низшими и подчиненными мужчине в качестве нашей главы; из этой головы должно исходить все наше руководство. И что подобно тому, как Бог сотворил человека по своему собственному образу и подобию, посредством чего он, будучи наделен более особыми дарами совершенства, скорее мог бы быть побужден к созерцанию небесных вещей и серьезному стремлению повиноваться его заповедям, точно так же он сотворил из мужчины женщину, которой и через которую она должна управляться, командовать и направляться.... Поскольку ваше величество столь превосходны в дарах и украшениях мудрости, а я, глупая бедная женщина, настолько уступающая вам во всех отношениях природы, как же тогда получается, что ваше величество в таких разрозненных вопросах религии, по-видимому, нуждается в моем суждении? И когда я выскажу все, что смогу, я все же должен буду высказать свое суждение... к мудрости вашего величества, как к моему единственному якорю, верховному главе и правителю здесь, на земле, после Бога, на которого я могу опереться". "Клянусь Святой Марией, это не так, - сказал король. - Ты стала врачом, Кейт, чтобы наставлять (как мы это понимаем), а не получать наставления или направление от нас". "Если ваше величество так считает, - ответила королева, - "тогда ваше величество сильно ошибается во мне, который придерживался мнения, что женщине очень неприлично и нелепо брать на себя обязанности инструктора или наставницы". учительница для своего господина и мужа, но скорее для того, чтобы учиться у своего мужа и получать от него наставления. И хотя я, с позволения вашего величества, до сих пор имел смелость вести беседу с вашим величеством, в ходе которой иногда мнения, казалось, несколько расходились, я делал это не столько для поддержания мнения, сколько скорее для того, чтобы поддержать беседу, не только для того, чтобы ваше величество могло с меньшей печалью пережить это болезненное время вашей немощи,[461] будучи внимательным к наш разговор и надеюсь, что ваше величество получит от этого некоторое облегчение; но также и то, что я, слушая ученую речь вашего величества, мог бы извлечь из этого некоторую выгоду для себя; в чем, уверяю ваше величество, я не упустил ни малейшей части своего желания в этом отношении всегда обращаться во всех подобных вопросах к вашему величеству, как мне удобно поступать по велению природы. ""И это действительно так?" - ответил король; "и ваши доводы не привели к худшему результату? Тогда мы снова стали идеальными друзьями, как никогда прежде". Затем, словно в подтверждение этого обещания, Генрих, сидевший в своем кресле, обнял королеву и поцеловал ее. Он добавил: "Сейчас мне гораздо приятнее слышать слова из ваших уст, чем если бы я узнал нынешнюю новость о том, что мне достались сто тысяч фунтов". Расточая Кэтрин знаки своей привязанности и счастья, он пообещал ей, что подобные недоразумения по отношению к ней больше никогда не возникнут. Затем, возобновив общую беседу, он беседовал на различные интересные темы с королевой и с присутствовавшими лордами, пока не наступила ночь; тогда он подал сигнал к их отъезду. Возможно, в словах Кэтрин было некоторое преувеличение. Она не была в целом такой покорной ученицей, как говорила; но она чувствовала настоятельную необходимость полностью рассеять тучи, которые недоброжелательность ее врагов сгустила над разумом короля, и не подлежит сомнению, что, сказав то, что она сделала, она высказала свою сокровенную мысль.

ПРИМИРЕНИЕ.

Тем временем враги королевы, не подозревавшие о том, какой оборот принимают дела, отдавали приказы и готовились к завтрашнему великому делу - заточению Екатерины в Тауэре. День был погожий, и король, желая проветриться, отправился после обеда в парк в

сопровождении всего двух джентльменов из его спальни. Он послал королеве приглашение составить ему компанию; и Екатерина немедленно прибыла в сопровождении трех своих любимых фрейлин. Завязался разговор, но они говорили не о теологии. Никогда еще король не казался более дружелюбным, и его хорошее настроение вселяло бодрость в остальных. В его разговоре чувствовалась вся живость откровенного общительного нрава, и веселье, кажется, было даже шумным. [462] Внезапно среди деревьев парка показались сорок алебард. Лорд-канцлер был во главе этих людей, и сорок телохранителей следовали за ним. Он шел, чтобы арестовать королеву и трех ее фрейлин и отвести их в Тауэр. Король, прервав беседу, которая так приятно его развлекала, строго взглянул на канцлера и, отойдя немного в сторону, подозвал его к себе. Канцлер опустился на колени и тихим голосом обратился к королю с какими-то словами, которых Екатерина не могла понять. Она услышала только, что Генрих ответил ему в оскорбительных выражениях: "Дурак, безумец, отъявленный негодяй!" - И в то же время приказал канцлеру убираться. Райотесли и его сторонники исчезли. Таков был конец заговора, организованного против жены короля-протестантки Райотесли, Гардинером и их друзьями. Затем Генрих присоединился к королеве. На его лице все еще отражались возбуждение и гнев, но, приближаясь к ней, он постарался напустить на себя безмятежный вид. Она не совсем поняла, о чем шел разговор между королем и канцлером, но слова короля поразили ее. Она любезно приняла его и попыталась извинить Райотесли, сказав: "Хотя я и не знаю, какая справедливая причина у вашего величества в это время обижаться на него, все же я думаю, что невежество, а не воля, было причиной его ошибки; и поэтому я умоляю ваше величество (если причина не очень ужасна) принять мое скромное предложение". "Ах, бедняга! - сказал король, - "Ты даже не представляешь, каким злодеем он заслужил эту милость от твоих рук". [463]

ГЛАВА XI.

КОНЕЦ ПРАВЛЕНИЯ ГЕНРИХА VIII.

(1546-ЯНВАРЬ 1547 г.)

НОВЫЙ СУД.

Провал заговора, составленного против королевы, привел к тяжелым последствиям. Она была направлена против королевы и Реформации, но обернулась против Римского католицизма и его лидеров. Пословица снова исполнилась— "Кто роет яму, тот упадет в нее". Ветер переменился; романизм пережил затмение, его больше не освещало солнце королевской власти. Первым, кто попал в немилость к Генриху VIII. был, как мы видели, Райотесли. Король демонстрировал свое хладнокровие различными способами. Канцлер, обеспокоенный своими собственными денежными интересами, был раздосадован, увидев приготовления к учреждению нового Расширенного суда, в результате чего его привилегии и вознаграждение будут уменьшены. Он искренне умолял короля, чтобы это не было установлено в его время. "У меня будет причина, - писал он 16 октября, - всю жизнь сожалеть в моем сердце, если благосклонность моего милостивого хозяина настолько ослабеет, что отчасти из уважения к своему бедному слуге он не проявит хоть немного милосердия. Так я заканчиваю, долго моля Бога сохранить его

Величество".[464] Несмотря на все его усилия, он утратил королевскую милость, и был возведен новый двор, которого он так боялся.

Еще более тяжелый удар обрушился на Гардинера. После примирения Генриха и Екатерины он был вынужден воздержаться от появления при дворе.[465] 2 декабря он написал королю: "Я настолько осмелился приставать к вашему Величеству с этими самыми письмами, которые предназначены только для того, чтобы пожелать вашему Высочеству, в силу вашей обычной доброты и милосердия, быть моим добрым и милосердствующим господином и продолжать такое мнение обо мне, которому я всегда доверял и, несомненно, знал, что ваше Величество оказали мне многочисленные услуги... объявите, что я внутренне радуюсь благосклонности вашего Высочества и что я бы добровольно не оскорбил ваше Величество ни за что на свете". Этот человек, в другое время такой сильный, теперь не видел перед собой ничего, кроме позора, и стал чрезмерно напуган. Его могла постигнуть длинная череда наказаний. Кто мог сказать, не навлечет ли Генрих, подобно древнему Артаксерксу, на обвинителя ту участь, которую он уготовил обвиняемому? Епископ, не находя себе места, написал Пэджету, государственному секретарю: "Я не слышал ничего особенного о неправильном понимании королевского величества в этом вопросе земель, но смущен тем, что мои действия не должны быть хорошо восприняты".[466] Ответа ни на одно из этих двух писем не сохранилось. Ближе к концу декабря король исключил Гардинера из числа своих душеприказчиков и из регентского совета при своем преемнике Эдуарде; и это повлекло за собой тяжелую потерю чести, денег и влияния. Генрих чувствовал, что для опеки над своим сыном и своим королевством он должен сделать выбор между Кранмером и Гардинером. Кранмер был выбран. Тщетно сэр Энтони Браун обращался к нему с просьбой восстановить епископа Винчестерского на этом посту. "Если он останется среди вас, - сказал король, - он только посеет смуту и раскол. Не говори об этом. "Заговор против королевы был не единственной, хотя и определяющей причиной немилости Гардинера.[467]

Однако это было лишь началом бури. Первый лорд королевства и его семья вот-вот подвергнутся нападению. Если Генри больше не наносил ударов направо, он наносил удары налево; но он наносил свои удары без перерыва; в одном он всегда был последователен - в жестокости.

ВЕЧЕРИНКИ В СУДЕ.

В дополнение к страданиям, вызванным его болезнью, короля угнетала тревога при мысли о честолюбии и мятеже, которые могли отнять корону у его сына и вызвать беспорядки в королевстве после его смерти. Суд в это время был разделен на две партии. Одну из них возглавлял герцог Норфолк, который, благодаря своему положению главы древнего рода Говардов, состоящего в родстве даже с королевской кровью, был после короля самым влиятельным человеком в Англии. Он долгое время был лордом-казначеем и оказывал короне выдающиеся услуги. Против этой партии выступали Сеймуры, которые до сих пор не играли большой роли, но теперь, будучи дядьями юного принца, обнаруживали, что их уважение и авторитет постоянно растут. Норфолк был главой католической партии, и огромное количество евангельских христиан было сожжено, пока он стоял во главе правительства. Его сын, граф Суррей, также был приверженцем средневековых доктрин, и его даже подозревали в том, что он был связан в Италии с кардиналом Поулом. Сеймуры, с другой стороны, всегда проявляли дружелюбие к Реформации; и хотя Норфолк поддерживал Гардинера, они поддерживали

Кранмера. Казалось неизбежным, что после смерти короля между этими вождями разразится война, и что произойдет тогда? Чем больше ослабевали силы Генриха, тем многочисленнее становились сторонники Сеймура. Солнце восходило для дядей юного принца и садилось для Норфолка. Герцог, понимая это, заигрывал с Сеймурами. Он бы хотел, чтобы его сын женился на дочери графа Хартфорда, а его дочь, вдова герцога Ричмондского, побочного сына короля, вышла замуж за сэра Томаса Сеймура. Но ни Суррей, ни герцогиня не были расположены к этому браку. Следовательно, нечего было ожидать, кроме ожесточенного конфликта; и король решил, что победа одной стороны и поражение другой должны быть определены при его жизни и через его вмешательство. Какой из двух партий король отдал бы предпочтение? Он всегда опирался на поддержку Норфолка, и религиозные взгляды этого старого слуги были его собственными. Отделится ли он от него в этот критический момент? После того, как с самого начала сопротивлялся Реформации, отдаст ли он ей победу на краю могилы? Прошное принадлежало Римскому католицизму; должно ли будущее принадлежать Евангелию? Должна ли его смерть опровергать всю его жизнь? Печально известного заговора, организованного против королевы католической партией, было бы недостаточно, чтобы побудить короля принять столь странное решение. Произошло обстоятельство другого рода, определившее его курс.

В начале декабря 1546 года сэр Ричард Саутвелл, впоследствии ставший членом тайного совета при королеве Марии, предупредил короля, что могущественная семья Говардов подвергнет его сына большой опасности. До рождения Эдуарда Норфолк считался одним из претендентов на корону. Его старший сын был молодым человеком большого ума, высокого духа и неукротимого мужества и преуспел в военных упражнениях. К этим качествам он добавил лоск придворного, тонкий вкус и горячую любовь к изящным искусствам; его современники были очарованы его стихами, и на него смотрели как на цвет английской знати. Эти блестящие дары послужили для него ловушкой. "Его голова, - говорили люди королю, - полна честолюбивых замыслов". В первой четверти он носил оружие Эдуарда Исповедника, на что имел право только король; если, добавлялось, он отказался от руки дочери графа Хартфорда, то это потому, что он стремится к руке принцессы Марии; и если он женится на ней после смерти короля, принц Эдуард потеряет корону.

Король приказал своему канцлеру расследовать обвинения, выдвинутые против герцога Норфолка и его сына, графа Суррея; и вскоре Райотсли представил ему документ в форме вопросов, написанный его (Райотсли) собственной рукой. Король внимательно прочитал его с пером в руке, едва сдерживая гнев, и дрожащей рукой подчеркнул те места, которые казались ему наиболее важными. Следующие предложения являются образцами того, что он прочитал:—

- Если мужчина, происходящий из побочной линии наследника короны, который должен носить герб Англии только во второй четверти ... *осмеливайтесь* ... терпеть их в первой четверти... *как следует судить о намерениях этого человека....*

"Если человек, стремящийся *управлять королевством сам с собой, на самом деле собирается править королеми* с этой целью советует своей дочери или сестре стать его блудницей, думая таким образом осуществить это ... какое это имеет значение.

"Если человек произнесет эти слова, — Если король умрет, - кому достанется власть принца, кроме моего отца или мне? какое это имеет значение".[\[468\]](#)

АРЕСТ.

В субботу, 12 декабря, герцог и граф были арестованы по отдельности и доставлены в Тауэр, один по суше, другой по реке, причем ни один из них не подозревал, что другого постигла та же участь. Король часто проявлял себя очень поспешным в делах подобного рода, но в данном случае он был более поспешен, чем обычно. Жить ему оставалось недолго, и он желал, чтобы эти два великих лорда сошли в могилу раньше него. В тот же вечер король отправил сэра Ричарда Саутвелла, сэра Джона Гейта и Уаймаунда Кэрю в Кеннингхолл в Норфолке, главную резиденцию семьи, примерно в восьмидесяти милях от Лондона. Они ехали так быстро, как только могли, и прибыли в особняк ко вторнику на рассвете. У них был приказ осмотреть членов семьи и наложить печати на вещи.

Семья Говардов, к несчастью для себя, была глубоко расколота. Герцогиня Норфолкская, дочь герцога Бекингема, раздражительная и страстная женщина, была разлучена со своим мужем с 1553 года, и, по-видимому, не без причины. Она сказала об одной из сопровождавших ее дам, Элизабет Холланд: "Эта женщина — причина всех моих несчастий". Между графом Сурреем и его сестрой, герцогиней Ричмонд, была определенная прохладца, вероятно, потому, что последняя склонялась на сторону Реформации. Суррей также поссорился со своим отцом и едва ли еще примирился с ним. Дом, разделенный сам против себя, не устоит. Поэтому члены семьи обвиняли друг друга; герцогиня, можно полагать, не пощадила своего мужа, а герцог назвал своего сына дураком. Когда сэр Ричард Саутвелл и двое его спутников прибыли в Кеннингхолл во вторник утром, они велели надежно закрыть все двери, чтобы никто не мог сбежать; и, получив некоторые показания от раздающего милостыню, они попросили о встрече с герцогиней Ричмонд, единственным членом семьи, находившимся в то время в особняке, и госпожой Элизабет Холланд, которая считалась фавориткой герцога. Эти дамы только что поднялись со своих постелей и не были готовы к появлению. Однако, когда они услышали, что посланцы короля просят о встрече с ними, они как можно быстрее направились в столовую. Сэр Джон Гейт и его друзья сообщили им, что герцога и графа только что поместили в Тауэр. Герцогиня, глубоко тронутая этой поразительной новостью, задрожала и чуть не упала в обморок.^[469] Она постепенно пришла в себя и, опустившись на колени, смирилась, как будто находилась в присутствии короля. Она сказала: "Хотя природа вынуждает меня сильно любить моего отца, которого я всегда считала верным подданным, а также желать благополучия его сыну, моему побочному брату, которого я считаю опрометчивым человеком, все же, со своей стороны, я бы ничего не скрывала от его Величества, особенно если это имеет значение". Королевский агент обыскал дом герцогини Ричмонд, осмотрел ее шкафы и сундуки, но не нашел ничего, что могло бы ее скомпрометировать. Они не нашли никаких драгоценностей, потому что она рассталась со своими собственными, чтобы расплатиться с долгами. Затем они посетили комнату Элизабет Холланд, где нашли много золота, жемчуга, колец и драгоценных камней; список всего этого они послали королю. Они отложили книги и рукописи герцога, и на следующий день по их указанию герцогиня Ричмондская и миссис Холланд отправились в Лондон, где их должны были осмотреть.

ДИВИЗИИ ГОВАРДОВ.

Первой была осмотрена миссис Холланд. Она утверждала, что герцог сказал ей, "что король болен и не может долго терпеть; а королевству нравится страдать из-за разнообразия мнений". Герцогиня Ричмондская заявила, "что герцог, ее отец, хотел, чтобы она вышла замуж за сэра

Томаса Сеймура, брата графа Хартфорда, чего также желал ее брат, желая, чтобы она так расположила к себе короля, поскольку она могла бы лучше править здесь, как это делали другие; и что она отказалась".[470] Это показание, по-видимому, подтверждает одно из предположений. об обвинениях, выдвинутых канцлером против Норфолка. Тем не менее, предположение, что отец из честолюбивых побуждений мог склонить свою дочь к согласию на кровосмесительную связь, настолько возмутительно, что едва ли можно удержаться от вопроса, действительно ли в этом случае было что-то большее, чем проявление естественного влияния невестки на ее свекра. Герцогиня подтвердила обвинение, касающееся королевского оружия, которое носил Суррей, его ненависти к Сеймурам и зла, которое он намеревался причинить им после смерти короля; и она добавила, что он убеждал ее не заходить слишком далеко в чтении Священного Писания.

После получения различных других показаний герцог и его сын были признаны виновными в государственной измене (7 января). 13-го числа Суррей предстал перед судом присяжных в Гилдхолле. Он защищался с большим мужеством; но его приговорили к смерти; и этот молодой дворянин, всего тридцати лет от роду, кумир своих соотечественников, был казнен на Тауэрском холме 21 января.[471] Общественное мнение было потрясено этим актом жестокости, и все превозносили высокие качества графа. Его сестра, герцогиня Ричмонд, взяла на себя заботу о его пятерых детях и превосходно выполнила свой долг их тети.[472]

ОБРАЩЕНИЕ НОРФОЛКА К КОРОЛЮ.

Король был теперь опасно болен, но не проявлял никаких признаков нежности. Люди говорили, что он никогда никого не ненавидел и не губил наполовину; и он был полон решимости после смерти старшего сына пожертвовать отцом. Норфолк был очень удивлен, обнаружив себя узником Тауэра, в который он отправил так много узников. Он написал лордам, чтобы те разрешили ему взять несколько книг, так как, по его словам, если он не научится читать, то заснет. Он также попросил духовника, поскольку желал принять своего Создателя, а также разрешения отслужить мессу и выйти за пределы своей квартиры в дневное время. В возрасте семидесяти трех лет, после того как он возглавил самые жестокие меры правления Генриха VIII, от смерти Анны Болейн до смерти Анны Эс্কью, он теперь обнаружил, что приближается день ужаса для него самого. Его сердце было взволновано, и страх леденил его. Он слишком хорошо знал короля, чтобы надеяться, что великие и многочисленные услуги, которые тот ему оказал, помогут остановить меч, уже занесенный над его головой. Между тем перспектива смерти встревожила его; и в отчаянии он написал из своей тюрьмы в Тауэре своему царственному повелителю: "Всемиловитый и милосердный суверенный господин, я, ваш покорнейший подданный, падаю ниц у ваших ног, смиреннейшим образом умоляю вас быть моим добрым и милосердным господином.... За всю свою жизнь мне не пришло в голову ни одной ложной мысли против вас или вашего преемника, и я могу судить о том, что должно быть возложено на меня, не больше, чем ребенок, родившийся этой ночью.... Я не знаю, что я оскорбил кого-либо ... если только это не были те, кто сердится на меня за то, что я быстро выступил против тех, кого обвинили в причастии." И, полагая, что он разгадал тайный мотив своего судебного разбирательства, он добавил: "Позвольте мне вернуть вашу милость, забрав у меня все земли и имущество, которые у меня есть, или столько, сколько будет угодно вашему Высочеству".[473]

Обвинения, выдвинутые против Норфолка и Суррея, были всего лишь предлогом. Поскольку на только что процитированное письмо не было обращено никакого внимания, старик,

стремившийся любыми средствами спасти свою жизнь, решил смириться еще больше. 12 января, за девять дней до смерти Суррея, в надежде удовлетворить короля, он сделал в присутствии членов тайного совета следующее признание: "Я, Томас, герцог Норфолк, признаю себя... оскорбившим высочайшее величество короля, раскрыв ... его тайный совет... к великой опасности для его Высочества.... Что я скрыл государственную измену, сохранив в тайне ложный и предательский акт ... совершенный моим сыном... против королевского величества... в надевании и использовании оружия Эдуарда Исповедника ... в его гербе.... Также, что опасность, клевета и лишение наследства королевского величества и его благородного сына, принца Эдуарда, которые я ... перенес на первых порах своих рук ... герб Англии.... Все, хотя я и недостойн этого ... милосердие короля должно быть распространено на меня,... и все же с самым скорбным и раскаивающимся сердцем умоляю его Высочество сжалиться надо мной".[474]

Все было бесполезно; Норфолк должен был умереть, как лучшие слуги и друзья короля, как Фишер, сэр Томас Мор и Кромвель. Но герцога нельзя было осудить с такой малой формальностью, как Суррея. Поэтому король собрал парламент; законопроект был представлен в Палату лордов, и 18, 19, 20 января были проведены три спешных чтения. Законопроект, направленный в Палату общин, был ими принят и был отправлен обратно 24-го числа. Хотя было принято откладывать последний шаг до закрытия заседания, король, который спешил, дал свое согласие в четверг, 27-го, и казнь Норфолка была назначена на утро следующего дня. Все приготовления к этому последнему акту были сделаны ночью, и оставалось всего несколько мгновений, прежде чем этого некогда могущественного человека должны были повести на эшафот.

Теперь две жертвы ожидали безжалостной косы судьбы. Смерть приближалась одновременно к порогу дворца и к порогу тюрьмы. Два человека, наполнивших мир своей славой, которые при жизни были тесно связаны и были выдающимися личностями королевства, вот-вот должны были пройти неумолимые врата и быть связанными теми узами, которые только Бог может разорвать. Единственный вопрос заключался в том, кто из них двоих получит последний удар первым. Все ожидали, без сомнения, что Норфолк будет первым, поскольку палач уже точил топор, которым должен был его поразить.

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ ГЕНРИХА VIII.

В то время как герцог, все еще полный сил, ожидал в своей темнице жестокой смерти, которую он так старался предотвратить, Генрих VIII. лежал без сил на своей постели больного в Уайтхолле. Хотя все указывало на то, что его последний час был близок, его врачи не осмеливались сообщить ему об этом, поскольку говорить о смерти короля было противозаконно. Можно было бы сказать, что он был полон решимости объявить себя бессмертным актом парламента. Однако в конце концов сэр Энтони Денни, который почти никогда не расставался с ним, набрался смелости и, подойдя к постели умирающего монарха, осторожно сказал ему, что всякая надежда, выражаясь по-человечески, потеряна, и умолял его приготовиться к смерти. Король, сознавая, что силы его на исходе, обвинил себя в различных проступках, но добавил, что милость Божья может простить ему все его грехи. Утверждалось, что он действительно раскаялся в своих ошибках. "Несколько английских джентльменов, - говорит Тевет, - заверили меня, что он искренне раскаялся, и, среди прочего, в связи с оскорблением и преступлением, совершенным против упомянутой королевы (Анны

Болейн)".[475] В этом нет уверенности; но мы знаем, что Денни, обрадованный, услышав, как он рассказывает о своих грехах, спросил его, не желает ли он встретиться с каким-нибудь священнослужителем. "Если я кого-нибудь и увижу, - сказал Генри, - то это, должно быть, архиепископ Кранмер". "Мне послать за ним?" - спросил Денни. Король ответил: "Сначала я немного посплю, а потом, как себя почувствую, дам совет по этому вопросу". Час или два спустя король проснулся и, обнаружив, что стал слабее, попросил позвать Кранмера. Архиепископ находился в Кройдоне, и когда он прибыл, умирающий не мог говорить и был почти без сознания. Однако, увидев предстоятеля, он протянул руку, но не смог произнести ни слова. Архиепископ призвал его полностью уповать на Христа и молить его о милосердии. "Подайте какой-нибудь знак глазами или рукой, - сказал он, - что вы доверяете Господу". Король изо всех сил сжал руку Кранмера и вскоре после этого испустил дух. Он умер в два часа ночи, в пятницу, 28 января 1547 года.[476]

Смертью Генриха была спасена жизнь Норфолка. Новое правительство отказалось начать новое правление с казни первого пэра Англии. Норфолк прожил на восемь лет дольше. Большую часть этого времени он действительно провел в тюрьме, но больше года был на свободе и, наконец, умер в Кеннингхолле.

Генрих умер в возрасте пятидесяти шести лет. Нелегко обрисовать характер принца, главной чертой которого была непоследовательность. Более того, как сказал лорд Герберт Шерберский, его история - это его лучший портрет. Эпоха, в которую он жил, была эпохой возрождения человеческого разума. Литература и искусство, политическая свобода и евангельская вера теперь восставали из могилы и возвращались к жизни. Человеческий разум со времени вспышки яркого света, которая затем озарила его, иногда, надо признаться, предавался странным ошибкам; но он никогда больше не впадал в свой прежний сон. Было несколько королей, таких как Генрих VIII. и Франциск I, который проявлял интерес к возрождению литературы; но большее число людей были встревожены возрождением свободы и веры и вместо того, чтобы приветствовать их, пытались задушить. Некоторые авторы, и в частности Фокс, утверждали, что, если бы смерть не помешала ему, Генрих VIII. так надежно утвердил бы Реформацию, что в королевстве не осталось бы ни одной мессы. Это не более чем гипотеза, и она представляется нам весьма сомнительной. Король составил свое завещание за два года до смерти, когда отправлялся на войну с Францией. В нем его главной целью было регулировать порядок престолонаследия и состав регентского совета; но в то же время в нем содержатся положительные признаки схоластического католицизма. В этом документе король говорит: "Мы немедленно желаем и требуем, чтобы Пресвятая Дева Мария, Его мать, со всем святым обществом небес постоянно молилась за нас и с нами, пока мы живем в этом мире, и во время ухода из него".

ЕГО ВОЛЯ.

Более того, он постановил, что декан и каноники королевской часовни Виндзора и их преемники навеки должны иметь двух священников для служения мессы у алтаря.[477] Завещание было переписано 13 декабря 1546 года; и члены Тайного совета подписали его в качестве свидетелей. Но единственным изменением, внесенным королем, было исключение

имени Гардинера среди членов регентского совета. Отрывки, посвященные Пресвятой Деве и мессам за упокой его души, были сохранены.

Генри принес в мир с собой замечательные способности, которые были усовершенствованы образованием. Его хвалили за его преданность государственным делам, за его удивительный ум, его редкое красноречие, его высокое мужество. На него смотрели как на Мецената и провозгласили великим принцем. Его способности, безусловно, ставят его выше среднего уровня королей. Он регулярно посещал совет, переписывался со своими послами и прилагал много усилий. В политике у него были четкие взгляды; он добился того, чтобы была напечатана Библия; но моральное чувство шокировано, когда его выставляют образцом для подражания. Двумя наиболее заметными чертами его характера были гордость и чувственность; и эти пороки толкали его на самые достойные порицания поступки и даже на преступления. Гордыня побудила его провозгласить себя главой церкви, заявить о праве регулировать веру своих подданных и жестоко наказывать тех, кто имел наглость придерживаться каких-либо иных мнений по вопросам религии, кроме его собственного. Реформация, автором которой он, как предполагается, является, вряд ли была псевдореформой; мы скорее могли бы увидеть в ней другой вид деформирования. Заявляя о самодержавии в вопросах веры, он, естественно, заявлял то же самое и в государственных делах. Все обязанности своих подданных он суммировал в одном слове *послушание*; и те, кто отказывался склонить голову перед его деспотическим правлением, были почти уверены, что потеряют ее. Он был алчным, расточительным, капризным, подозрительным; он был не только непостоянен в дружбе, но и во многих случаях без колебаний выбирал своих жертв из числа своих лучших друзей. Его обращение со своими женами, и особенно с Анной Болейн, осуждает его как мужчину; его кровавые преследования евангелистов осуждают его как христианина; скандальное раболепие, которое он пытался, и не безуспешно, привить знати, епископам, палате общин и народу, осуждает его как короля.

КНИГА XVI.

ГЕРМАНИЯ ДО СМЕРТИ ЛЮТЕРА.

ГЛАВА I.

ХОД РЕФОРМАЦИИ В ГЕРМАНИИ.

(1520—1536.)

Свет Евангелия взошел над Европой и уже проник в центральную и южную части этой части света. Началась новая эпоха. Работа Реформации совершалась не так, как работа собора, с помощью дисциплинарных правил; но путем провозглашения Спасителя, живого и вездесущего в церкви; и таким образом она подняла христианский мир из его падшего состояния. Церкви, находящейся в узах грубой хватки папства, она дала свободу, которую можно обрести в единении с Богом; и, выводя людей из исповедальни и из камер, в которых они были задушены,

она позволяла им дышать свободным воздухом под небесным сводом. Во время своего появления корабль церкви потерпел кораблекрушение, и римские католики были брошены среди традиций, постановлений, канонов, конституций, постановлений, декреталий и тысячи человеческих решений; точно так же, как потерпевшие кораблекрушение борются среди сломанных мачт, расколотых скамеек и разбросанных весел. Реформация была кораблем спасения, который спас несчастных страдальцев от всепожирающих вод и ввел их в ковчег Слова Божьего.

Реформация не ограничилась объединением людей, она также дала им новую жизнь. Римский католицизм застыл в формах средневековья. Лишенное жизненной силы, не обладающее оплодотворяющим началом, человечество лежало погребенным в своих старых могильных одеждах. Реформация была воскрешением. Евангелие передает истинную, чистую и небесную жизнь, жизнь, которая не стареет, не увядает и не исчезает, как все сотворенное, но постоянно обновляется, на самом деле не своими собственными усилиями, но силой Божьей, и не знает ни старости, ни смерти. Евангелию, после того как оно было веками погребено папством, потребовалось время, чтобы сбросить все свои пеленки и возобновить свое свободное и могучее продвижение; но его продвижение было совершено импульсом свыше. Восстановив в Европе первоначальное христианство, церковь, возникшая в результате Реформации, ниспровергла древние суеверия Азии и всего мира и послала животворящее дыхание над полями смерти. Повсюду созданные Церкви, собрания людей, изобилующие добрыми делами, - вот свидетельства его плодородия. Миссионеры этого Евангелия, хотя они жили в бедности, проводили свои дни в неизвестности и часто встречались лицом к лицу со смертью, даже в жестокой форме, тем не менее совершили дело более благотворное и более героическое, чем это делали князья и завоеватели. Сам Рим был тронут при виде всех установленных станций, всех выпущенных в обращение Библий, всех основанных школ, всех получивших образование детей и всех обращенных душ.

Однако есть один момент, в котором папство воображает, что может претендовать на триумф, а именно на единство; и все же именно в этом пункте оно терпит неудачу. Римские католики не знают иного единства, кроме единства последователей гуманитарных наук, например математики. Точно так же, как все ученики в школе согласны с теоремами Евклида, папство требует, чтобы все верующие, которые, по его мнению, должны быть всего лишь учениками, были согласны с догмами, которые оно устанавливает на своих соборах или в своих ватиканских обителях. Единство, по ее словам, - это утверждение одних и тех же постановлений. Евангелие не удовлетворяется этим схоластическим единообразием; оно требует союза более интимного, более глубокого, более жизненного — одновременно более человеческого и более божественного. Это требует, чтобы все христиане были "единомышленниками, имели одинаковую любовь, были единокорны"; истинное "братство Духа";[478] и этот союз он основывает на Христе, на истине — "что ни в ком другом нет спасения", и на том факте, что все спасенные имеют в Нем ту же праведность, то же искупление .[479] Христос раскрывает божественную природу христианского единства: "Я в них, — сказал он, - чтобы они были едины, как едины мы".[480] Это, несомненно, нечто отличное от механистического и схоластического единства, которым хвастаются римские врачи. Единство Евангелия - это не кристаллизация, подобная единству Рима, это движение, полное жизни.

ПОСЛЕДСТВИЯ РЕФОРМАЦИИ.

Все виды человеческого прогресса восходят к Реформации. Это привело к религиозному прогрессу, заменив формы и обряды, составляющие суть римской религии, жизнью в общении с Богом. Она способствовала нравственному прогрессу, вводя, где бы она ни была установлена, господство совести и святости домашнего очага. Она привела к политическому и социальному прогрессу, дав нациям, принявшим ее, порядок и свободу, к которым тщетно стремятся другие нации. Это привело к прогрессу в философии и науке, показав единство этих человеческих форм обучения со знанием Бога. Это привело к прогрессу в образовании, благосостоянию сообществ, процветанию, богатству и величию наций. Реформация, исходящая от Бога, благотворно развивает то, что относится к человеку. И если гордость и страсть иногда препятствуют его движению и вставляют в колеса его колесницы дубинки недоверия, то вскоре оно ломает их и продолжает свой победоносный путь. Его темп более или менее быстр; различные обстоятельства делают его медленным или быстрым; но если в одно время он замедляется, в другое время он ускоряется. Он действует уже три столетия и за это время достиг большего, чем было достигнуто за предыдущие шестнадцать столетий. Его поддерживает могучая рука. Если бы истина, которая снова была выявлена в шестнадцатом веке, была бы еще раз погребена, тогда солнце скрылось бы, земля была бы покрыта тьмой; больше было бы невозможно различить путь спасения; моральная сила исчезла бы, свобода ушла бы, современная цивилизация снова погрузилась бы в варварство, и человечество, лишенное единственного проводника, способного вести его дальше, сбилось бы с пути и безнадежно погибло в пустыне.

В наших первых томах мы рассказывали о великих достижениях Реформации в Германии, в Вормсе, Шпиле, Аугсбурге и других местах. В то время как эти события потрясали всю Европу, Дух Божий мягко дышал, души безмолвно пробуждались, формировались церкви, и христианские добродетели с новой силой зарождались в христианском мире. То, что происходило в тот период, было очень похоже на то, что часто происходит в мире природы. В более высоких регионах наблюдаются сильные штормы, облака, заряженные электричеством, раскаты грома, молнии и потоки дождя. Затем в низинных районах, в долинах и на равнинах поля освежаются, оживают, снова зеленеют, "и земля приносит сначала плод, затем колос, а после этого полную кукурузу в колосе".

Реформация добилась большого прогресса в Германии. Слово Божье повсюду распространялось с большой силой; и воды, которые хлынули в Виттенберге, распространяясь повсюду, утолили жажду многих душ. Верующие были представлены во всех классах, но особенно среди городских торговцев.

JOHN BUGENHAGEN.

На острове в Балтийском море, образованном двумя восточными рукавами Одера и принадлежащем Померании, стоит небольшой городок Воллин, бывший гнездом датских пиратов. Здесь 24 июня 1485 года родился человек исключительной доброты, ставший одним из поборников христианской цивилизации в шестнадцатом веке, Джон, сын члена совета Джерарда Бугенхагена. В 1502 году он поступил в университет Грайфсвальда, города, расположенного на том же берегу моря, и занялся изучением языков, гуманитарных наук, а также теологии. В 1505 году он отправился в Трептов, другой город на Балтийском море, дальше на восток, и был назначен ректором школы. Он был настолько успешным учителем, что

Бодельвин, настоятель соседнего монастыря, пригласил его стать профессором теологии в колледже, учрежденном для преподавания естественных наук. Здесь он излагал Священное Писание, по большей части в соответствии со взглядами Августина и Иеронима. Священники, монахи и горожане приходили послушать его; и хотя он не был рукоположен, его друзья настойчиво уговаривали его проповедовать. Это он и сделал, к великому удовольствию своих слушателей, среди которых были люди знатного происхождения.^[481]

"Увы! - говорил впоследствии Бугенхаген. - Я все еще был в узах фарисейского благочестия и не имел истинного понимания Священного Писания. Мы все были так глубоко погружены в учение папы, что у нас даже не возникло желания знать учение о Слове Божьем". Однако в его сердце были желания и стремления; но то, чего он хотел, осталось зашифрованной надписью, ключа к которой он не смог найти. Наконец он совершенно неожиданно нашел это.

Ближе к концу 1520 года он обедал с несколькими профессорами и друзьями в доме Отто Слутова, одного из городских патрициев и инспектора церкви Трептова. Слутов только что получил экземпляр книги Лютера "Вавилонское пленение". "Вы должны прочитать это", - сказал он Бугенхагену, кладя книгу на стол, вокруг которого сидели гости. Воспользовавшись приглашением, ректор перелистал страницы книги во время ужина и, прочитав несколько отрывков, сказал вслух присутствующим: "Со времени рождения Христа многие еретики нападали на церковь и грубо оскорбляли ее; но среди них не было ни одного более отвратительного, чем человек, написавший эту книгу". Он, однако, с разрешения хозяина взял книгу, читал ее и перечитывал, размышлял и намеренно взвешивал ее содержание; и при каждом прочтении казалось, что чаши весов спадают с его глаз. Несколько дней спустя, оказавшись в той же компании, он сделал им признание. "Что мне вам сказать? Весь мир слеп и погружен в глубочайшую тьму. Только этот человек видит истину". Он читал своим друзьям страницу за страницей, брался за защиту каждого абзаца и привел большинство из них к тем же убеждениям, к которым пришел сам. Дж. Кирич, Дж. Лорич, дьякон Кеттельхут, аббат Бодельвин и другие признавали ошибки папства и пытались отвести людей от их суеверий и рассказать им о заслугах Иисуса Христа. Это было началом Реформации в Померании.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ БУГЕНХАГЕНА.

Бугенхаген начал читать другие труды Лютера; и он был особенно очарован его изложением разницы между Законом и Евангелием, а также доктриной оправдания верой. Вскоре начались гонения, спровоцированные каминским епископом. Бугенхаген, искренне желавший увидеть места, откуда пришел свет, отправился в Виттенберг, прибыв туда в 1521 году, незадолго до отъезда реформатора в Вормс. Померанец был радостно принят Лютером и Меланхтоном, которые с тех пор обычно называли его "Померанус". Его желанием было быть учеником, а не учителем; но, начав у себя в комнате объяснять Псалмы своим соотечественникам, он делал это с такой ясностью, с таким елеосвящением и евангельской жизнью, что Меланхтон попросил его прочитать курс публично. Теперь он стал одним из профессоров университета и в то же время пастором приходской церкви. Впоследствии (1536) он был назначен генеральным суперинтендантом. Меланхтон и Померанус завершили, каждый со своей особой стороны, работу Лютера. Меланхтон делал это в научной сфере с помощью своей классической культуры, а в политической сфере - по своему усмотрению. Померанус, хотя, несомненно, и уступал им обоим, обладал большим опытом и большим знанием людей, и в то же время он обладал мягкостью и твердостью, избытком такта и практическим складом ума, и ко всем этим качествам

он добавлял энергичную активность. Таким образом, он получил возможность оказывать великие услуги во всем, что связано с церковной организацией.^[482] Вряд ли была важная церковь, в становлении которой его помощи не просили. Мы уже встречались с ним в Дании.^[483]

Мы в другом месте видели, как Евангелие было принесено в Эрфурт Лютером и Ланге, как Фредерик Миконий, частично обращенный эксцессами Тецеля, проповедовал Евангелие в Цвиккау, и как слово обновило другие города, связанные с Виттенбергом. Когда друг Лютера, Николас Хаусманн, например, был призван в какое-то место для работы Реформации и пришел спросить совета у великого доктора, последний ответил: "Если вы примете призыв, вы наживете врагов папе и епископам; но если вы откажетесь от него, вы станете врагом Христа". Этого было достаточно, чтобы побудить их взяться за работу.^[484] Евангелическая доктрина была публично проповедана Ибахом во Фрэнкефорт-на-Майне сразу после знаменитой диеты из червей. Собрания депутатов-евангелистов проводились здесь в июне 1530 г., декабре 1531 г. и мае 1536 г., и этот город присоединился к альянсу Смалькальде.

Города Нижней Саксонии были первыми, кого коснулся свет, исходящий из электоральной Саксонии. Магдебург, где Лютер учился в школе и имел личных друзей, рано проявил себя дружелюбным к евангельским принципам. Однажды пришел старый суконщик и встал у подножия памятника, воздвигнутого в этом городе прославленному императору Оттону Великому в память о его завоеваниях в десятом веке; и ревностный приверженец духовного завоевателя шестнадцатого века начал петь один из гимнов Лютера и продавать его копии. В это время люди выходили из соседней церкви, где служили мессу. Многие получили лист, но бургомистр, проходивший мимо с другими верующими, арестовал продавца. Это привело к тому, что огонь, тлевший под тлеющими углями, разгорелся. Прихожане церкви святого Ульриха, собравшись на кладбище, избрали восемь хороших людей для управления церковью. Приход Святого Иоанна принял участие в движении; и все заявили, что они привержены своему верховному пастору, епископу и папе Римскому Иисусу Христу и готовы храбро сражаться под началом этого славного полководца. 23 июня 1524 года горожане встретились в монастыре августинцев с семью евангельскими пасторами и решили потребовать от Совета, чтобы больше не проповедовалось ничего, кроме Слова Божьего, и чтобы Вечеря Господня регулярно совершалась в обоих видах. 17 июля причастие, таким образом, было отпраздновано во всех церквях; и городской совет 23 числа того же месяца сообщил избирателю, что "неизменное и вечное Слово Божье, доселе скрытое густыми тенями, теперь, по милости Божьей, воссияло ярче солнца для спасения грешников, счастья верующих и славы Божьей".^[485] В то же время они обратились к курфюрсту с просьбой прислать к ним Амсдорфа.

РЕФОРМАЦИЯ В БРАУНШВЕЙГЕ.

Следующим последовал Брауншвейг. Реформация пришла в этот город главным образом благодаря гимнам Лютера, которые пели как в частных домах, так и на улицах. У должностных лиц бенефиций была привычка платить молодым священнослужителям за то, чтобы они проповедовали вместо них. Эти дьяконы, обычно называемые "наемными священниками" (*Heuer-pfaffen*), как правило, принимали евангельские доктрины и побуждали свою паству поступать так же. Иногда кто-нибудь из них заводил вместо гимна Деве Марии один из этих новых немецких гимнов, и все прихожане пели его вместе с ним. Духовенство старалось поддерживать схоластическую доктрину; но если люди слышали из уст своих старых пасторов

ложные цитаты из Священного Писания, со всех сторон раздавались голоса за их исправление. Затем действующие священнослужители призвали к себе на помощь доктора Шпренгеля, проповедника, высоко почитаемого в тех краях. Но в конце его проповеди встал горожанин и сказал: "Священник, ты лжешь". Затем он заиграл гимн Лютера, начинающийся так:

O Gott vom Himmel sieh darin—

и все собрание от души спело это вместе с ним. Старые пасторы обратились в Совет с просьбой избавить их от этих надоедливых дьяконов; но люди, с другой стороны, требовали избавиться от своих бесполезных пасторов.

Собор, после некоторых колебаний, в конце концов был побежден евангелическим движением и принял постановление (13 марта 1528 г.) о том, что в Брауншвейге должно проповедоваться только чистое Слово Божье. "Даруй Христу, чтобы его слава возрастала!"^[486] сказал Лютер, услышав эту новость. В то же время Совет умолял курфюрста Саксонии прислать Померана, который, соответственно, 12 мая направился в Брауншвейг, к великой радости всего народа. Он так превосходно выполнил организационную задачу, что брауншвейгцы упростили курфюрста разрешить ему остаться с ними еще на год. Но 18 сентября 1528 года Лютер заверил принца, что доктора больше нельзя щадить. "Виттенберг, - добавил он, - в настоящее время имеет большее значение, чем три Брауншвейга!"^[487] Это было умеренное утверждение; Лютер мог бы сказать больше. Для церкви Брауншвейг-Померанус разработал постановления о школах, проповеди, церковных праздниках, крещении, Вечере Господней и дисциплине. Грех должен был быть наказан, но не сам грешник. Он подготовил аналогичные конституции для различных крупных городов Северной Германии. Нищенствующие монахи покинули Брауншвейг, и началась Реформация.

ГАМБУРГ И ЛЮБЕК.

Вскоре после этого за помощью к Лютеру и Меланхтону обратился более важный город. Евангелие проникло в Гамбург, но священники, и особенно доминиканец Ренсбург, сопротивлялись этому изо всех сил. Граждане потребовали от Собора (21 апреля 1528 г.), чтобы проповедники были проверены в соответствии со Священным Писанием, и чтобы все те, кто был признан не согласным с ними, были уволены. На следующий день состоялось совещание между двумя партиями в присутствии сената и комиссии горожан. Но Ренсбург говорил по-латыни, чтобы миряне его не поняли. Поскольку римские католики отстаивали исключительно авторитет Церкви, пятеро из их числа были изгнаны из города; и некоторые из наиболее влиятельных горожан сочли необходимым сопровождать их, чтобы население не причинило им какого-либо вреда. Померан был в это время вызван в Гамбург для организации евангелической церкви; и когда Совет в дальнейшем ходатайствовал о продлении срока его пребывания, Лютер на этот раз поддержал их просьбу. Гамбург был для него, несомненно, местом большей важности, чем Брауншвейг. Но город предъявлял очень высокие требования. 12 мая 1529 года Лютер написал курфюрсту: "Гамбургеры были бы рады, если бы Померанус остался с ними навсегда".^[488] Теперь в Виттенберг ежедневно прибывали новые студенты, и факультет не мог обойтись без услуг Померануса. Поэтому Лютер умолял курфюрста отозвать его и заявил, что готов убедить Совет и Университет сделать то же самое. Для Гамбурга Померанус также составил церковное постановление.

В Любеке могущественная и сплоченная партия, состоявшая из духовенства, городского совета, знати и крупных деловых людей, сопротивлялась Реформации, доктрины которой неуклонно завоевывали популярность среди горожан. За то, что домашняя прислуга в каком-то доме спела псалом на немецком языке, вся семья была наказана, а проповеди Лютера были сожжены на рыночной площади в 1528 году. Два евангелических служителя, Вильгельми и Вальхоф, были изгнаны. Некий священник, Джон Роуд, проповедовал, что Христос искупил только отцов Ветхого Завета и что все, кто родился после него, должны обрести спасение своими собственными заслугами. Люди ходили и пели ему, —

Celui qui doit nous mener au bercail, Nous fait, hélas! tous tomber dans la fosse.

На большом собрании горожан тем, кто намеревался оставаться католиками, было приказано разойтись. Только один человек сдвинулся со своего места. Совет испытывал нехватку денег и потребовал их у горожан, которые в ответ потребовали свободы вероисповедания. В 1529 году изгнанные министры были отозваны. В 1530 году католическим проповедникам пришлось эвакуировать все кафедры, а в 1531 году Померанус издал в городе церковное постановление.[\[489\]](#)

ГЛАВА II.

КНЯЖЕСТВО АНГАЛЬТ.

(1522-1532.)

ГЕРЦОГ ГЕОРГ АНГАЛЬТСКИЙ.

Реформация столкнулась с трудностями в княжестве Ангальт, но у молодых принцев, которые теперь правили двумя герцогствами, из которых состояло княжество, была благочестивая мать, и семя, посеянное ее рукой в их сердцах, преодолело все препятствия. Один из принцев, Вольфганг, поддерживал связь с Лютером еще в 1522 году и, как мы видели, с большой охотой подписал аугсбургское признание.[\[490\]](#) Остальные трое, однако, не последовали его примеру. Иоанн, напротив, подписал Аугсбургский компромисс, и ему было нелегко отступить. Окруженные могущественными соседями, всецело преданными Риму, - курфюрстом Бранденбургским, герцогом Георгом Саксонским и архиепископом курфюрстом Менцским, - они, казалось, едва ли могли выпутаться из сети. Иоахим обладал слабым и мрачным характером. Более того, принц Георг был священнослужителем в возрасте одиннадцати лет, каноником Мерзебурга с 1524 года и ректором магдебургского капитула и, казалось, был призван на высшие посты церкви. Он родился в Дессау в 1501 году. С детства он проявлял сильную привязанность к церковным обрядам и традициям отцов церкви; и впоследствии доктрины Лютера рисовались ему в самых мрачных красках. "Этот человек, - сказали они ему, - запрещает хорошие книги, разрешает плохие и отменяет все святыя таинства. Все его последователи - донатисты и уиклиффиты". С тех пор он был ярким противником системы, которая, по его мнению, была разрушительной для христианства. Когда министры Магдебурга

попытались склонить членов Капитула на сторону Реформации, он грубо упрекнул их. Поскольку он был честным человеком и желал получить квалификацию для борьбы с ошибками протестантов, он начал искать аргументы в Священном Писании и у отцов церкви, но ему не удалось найти ни одного. Напротив, он был крайне удивлен, обнаружив, что Священное Писание противоречит многим устоявшимся обычаям церкви; и что в так называемом новом учении было много статей, которые были найдены в Библии и которых придерживались отцы церкви. Его мать, хотя и продолжала оставаться в церкви и советовала своим сыновьям не нарушать ее единства, верила, что была спасена только по благодати, и с особым упором исповедовала эту веру в момент своей смерти. Джордж принял эту веру в раннем возрасте; и епископ Мерзебургский утвердил его в ней, сделав однажды выговор проповеднику, который превозносил человеческие достоинства и которому он энергично сказал: "Ни один из живущих людей не праведен". Он трижды повторил эти слова в присутствии Джорджа; и теперь Джордж обнаружил, что это учение отчетливо изложено в священных писаниях. Он задавался вопросом, могло ли быть так, что друзья Рима говорили о Библии как о еретической книге и запрещали людям читать ее. Но в другое время, признавая в нем эту истину, искру которой Бог сохранил живой в его сердце,^[491] он был немало встревожен, ибо видел, что это было само учение Лютера. "Я вижу, - сказал он себе, - что отцы церкви очень хвалили Священное Писание, считали его основой и не хотели иметь ничего другого". А теперь учителя церкви отказываются проверять свое учение Священным Писанием! Поэтому Он задал некоторым из них вопрос, на чем основаны доктрины церкви; и они не смогли ему ответить. В то же время он наблюдал у многих из тех, кто защищал злоупотребления, злые страсти, несправедливость и клевету; и честный Джордж был в растерянности, что и думать по этому поводу. Он впал в глубокую меланхолию, состояние беспокойства и душевного смятения, которое ничто не могло облегчить.^[492] "С одной стороны, - сказал он, - я вижу, что здание угрожает рухнуть; с другой стороны, я вижу проблемы, разногласия и восстание крестьян". Лютер действительно выступал против этого восстания; но, несмотря на все это, принц был напуган и находился в большом горе. - Что мне делать? На чью сторону я должен встать? Дай Бог, чтобы я решил поступать только так, как правильно, и не поступать против собственной совести". Эти мысли преследовали его днем и ночью. Позже он сказал: "Сколько ночей я был взволнован и подавлен, испытывая невыразимую тяжесть на сердце. Что-то ужасное предстало передо мной; Знает Тот, от кого ничто не скрыто. Все мое существо содрогнулось. Как часто этот отрывок приходил мне на ум: "Меч снаружи, а ужас внутри". Мне не оставалось ничего другого, как взывать к Богу, как бедному грешнику, молящему его о милости".

В 1530 году он получил копию аугсбургского признания, подписанного Вольфгангом. До этого времени он очень мало читал труды реформаторов и обнаружил, что евангельское учение, изложенное в этом документе, полностью отличалось от того, что ему было рассказано. В нем ясно утверждались основные доктрины апостольских церквей и убедительно опровергались древние ереси. Опровержение протестантского исповедания, составленное римскими врачами, вызывало у него отвращение. Теперь он начал читать труды Лютера и был поражен тем фактом, что автор призывал людей к добрым делам, хотя сам ни у кого не вызывал доверия к ним. Он действительно обнаружил, что Лютер иногда бывал довольно вспыльчивым; "Но, - сказал он, - такими же являются Иеремия, Исайя, Иезекииль и другие пророки". Он обнаружил, что Евангелие Христа снова звучит с кафедр. Он вспомнил, что однажды его мать с грустью сказала ему: "Как же так получается, что наши проповедники, когда им приходится говорить о

Евангелии Христа, делают это с меньшей теплотой, чем новые служители?" И он подумал про себя: "В то время как бедные люди, которым рекомендуются капюшон святого Франциска, удовлетворение и их собственные заслуги, умирают в ужасе, те, кто сейчас направлен к Иисусу Христу, покидают этот мир с радостными сердцами".

ЕГО РВЕНИЕ К ИСТИНЕ.

Вскоре этот князь, впоследствии известный как Георгий Благочестивый, проявил себя ревнителем истины и обратился к Евангелию своих братьев Иоанна и Иоакима. В Страстной четверг 1532 года, когда доминиканец, проповедовавший в Дессау, яростно выступил против практики приготовления Ужина в обоих видах, Джордж уволил его. Теперь три брата предоставили полную свободу Реформации. Герцог Георг Саксонский позаботился предупредить их, что они навлекут на себя неудовольствие императора и что Георг не удостоится высоких почестей, на которые у него были основания надеяться. Но все это было безрезультатно. Ближе к концу лета Лютер написал князьям в следующих выражениях: "Я слышал, прославленные князья, что силой Духа Христова в ваших владениях положен конец нечестивым злоупотреблениям и что вы ввели практику христианского причащения, не без того, чтобы подвергать себя большой опасности и угрозам могущественных князей. Я благодарю Бога за то, что Он наделил трех братьев тем же духом и той же силой. Христос, "слабый" царь, воистину и вовеки является царем всемогущим, и таковы дела, которые он совершает. Он действует, он живет, он говорит как в себе, так и в своих членах. Начало любого дела Божьего слабо, но результаты непобедимо сильны. Корни всех деревьев поначалу представляют собой просто тонкие нити или, скорее, своего рода затвердевающую мякоть; тем не менее из них получаются те огромные деревья, те дубы, из которых построены огромные здания, корабли и машины.^[493] Каждое дело Божье начинается в слабости и завершается в силе. Иначе обстоит дело с делами человеческими". 14 сентября Лютер отправил своего друга Хаусмана в принсес в качестве пастора, "человека, который любит Слово Божье и учит ему осмотрительно". Принц Джордж, на основании своих церковных должностей, считал себя наделенным законной властью в церкви своих собственных владений. Лютер называет его "высокопреосвященный епископ". Когда он услышал, как сильно Джорджу пришлось пострадать "от сатаны, мира и плоти", и что для нападения на него были пущены в ход всевозможные козни, он поспешил поддержать его, написав ему следующее: "Сам Христос сказал— "Утешься, Я победил мир". Если мир будет побежден, то точно так же будет побежден и князь мира сего; ибо когда завоевывается царство, побеждается и царь. И если князь этого мира будет конпобежден, все, что исходит из него доли своего поражения,—ярость, гнев, грех, смерть, ад, и все с оружием, в котором он с полной уверенностью доверять. Слава Богу, даровавшему нам победу".^[494]

ПРИНЦ ИОАХИМ.

Принц Иоахим, более слабый человек, чем Георгий, подвергся нападкам могущественных князей, которые приложили все усилия, чтобы отвратить его от Евангелия, и его решимость пошатнулась. Поэтому Лютер старался укрепить его. "Пусть ваше Высочество только вспомнит, - сказал он, - что Христос и Его слово выше, величественнее и надежнее ста тысяч отцов церкви, соборов и пап, которых Священное Писание называет грешниками и заблудшими овцами. Тогда пусть ваше Высочество будет преисполнено мужества. Христос больше всех дьяволов и всех князей".^[495] Год спустя Лютер, понимая, что Иоахим впал в состояние меланхолии, написал ему несколько писем. "Такой молодой человек, как вы, - писал он ему, - должен всегда

быть жизнерадостным. Я советую вам ездить верхом, охотиться, искать приятного общества, в котором вы могли бы благочестиво и достойно проводить время. Одиночество и меланхолия - наказание и смерть для всех, но особенно для молодого человека. Бог повелевает нам быть радостными. "Радуйся, - говорит Проповедник, - радуйся, о юноша, в своей юности, и пусть твое сердце радуется тебе в дни твоей юности".^[496]

16 марта 1534 года состоялось собрание всех священнослужителей княжества Ангальт, на котором, несмотря на противодействие архиепископа, им было приказано совершить Вечерю Господню в соответствии с установлением Христа. Принц Георг назначил на службу людей, учившихся в Виттенберге, и отправил своих кандидатов к Лютеру для экзамена и посвящения.

Страна, получившая свое название от древнего замка Ангальт, стены которого до сих пор можно увидеть в лесу Гарцегероде, была одной из тех, в которых Реформация проходила наиболее мирно.

Мы уже говорили в другом месте о реформации Бремена, Аугсбурга и Вюртемберга. Померания еще не была реформирована, хотя Померан, реформатор, которого она породила, принимал столь заметное участие в этой работе во многих городах и странах. Герцог Богислас и епископ Каминский были решительно настроены против Реформации; но кое-где среди горожан проявлялось горячее стремление к Евангелию; и время от времени точно так же происходили эксцессы и уничтожение икон. Духовенство и знать были на стороне папы; города стояли за Библию; и два лагеря были почти в состоянии войны. Герцог в своем путешествии в 1523 году проезжал через Виттенберг, и епископ Каминский, такой же любопытный, как и герцог, по-видимому, сопровождал его. Реформатор в своей проповеди говорил, среди прочего, о беспечности и роскоши епископов. Герцог улыбнулся и посмотрел на своего собеседника.^[497] Богислас послал за Лютером, дружески поговорил с ним и сказал: "Я бы хотел хоть раз исповедаться вам". "Я вполне готов, - сказал реформатор. - Боюсь только, что, поскольку ваше высочество - великий принц, вы также и великий грешник". Герцог откровенно ответил, что это чистая правда. Герцог чувствовал также влияние своего сына, молодого принца Барнима, который учился в Виттенберге с 1518 по 1521 год и присутствовал на диспуте в Лейпциге в 1519 году. С другой стороны, его брат Георг, воспитанный при дворе герцога Георга Саксонского, впил там ненависть к Евангелию. После смерти Богислава эти два принца стали лидерами двух противоборствующих партий. Барним послал весточку союзникам Смалькальда: "То, что строит мой брат, я разрушу". Мать Георга, казалось, благожелательно относилась к его намерениям; а ее сын Филипп, придя к взаимопониманию с Барнимом, созвал сейм в 1533 году в Трептове. Города предложили ему план реформации, который был хорошо принят, и Померан был призван установить новый порядок вещей. Дворянство, однако, и духовенство, особенно епископ Каминский, по-прежнему энергично выступали против евангелической работы.

WESTPHALIA.

Конфликт в Вестфалии был серьезным.^[498] Евангельская истина была хорошо принята в некоторых местах. Дети обычно распевали гимны Лютера у дверей домов; члены семьи пели их у камина; самые бесстрашные отваживались делать то же самое на открытом воздухе, сначала в вечерних сумерках, а затем и днем. Наконец прибыли несколько служителей. Теперь было видно, как монахи и монахини покидают свои монастыри и принимают Евангелие. В других местах, как, например, в Лемго, пастор, поначалу решительно настроенный против, отправлялся в какой-нибудь реформатский город, чтобы посмотреть, как там идут дела, и по

возвращении реформировал свою собственную церковь. Однако в некоторых районах было оказано яростное сопротивление. В Soest произошел конфликт между жертвой и палачом. Последний нанес безрезультатный удар и нанес лишь тяжелую рану, жертва, крепкий мужчина низшего сословия, выхватил оружие, дал отпор палачу и его помощнику и был с триумфом унесен толпой в свой дом, где, однако, скончался на следующий день от полученного удара.

СПИРИТУАЛЫ.

В других местах между преследователями происходила борьба между жестокостью и человечностью, и в некоторых случаях человечность торжествовала. В Падерборне, городе, в котором Карл Великий придерживался нескольких диет и где многие саксы были крещены, община, не спрашивая разрешения высших властей, открыла церкви для евангельской проповеди. Герман, курфюрст Кельнский, который впоследствии придерживался совершенно иных взглядов, будучи назначен администратором епископства, прибыл в город в сопровождении стражи и влиятельных людей страны, которые были преданы папству. Обратившись к этим людям, капитулу и совету, которые умоляли его наказать за незаконные действия горожан, он поначалу позволил событиям идти своим чередом. Однако народ был созван в саду монастыря, в котором остановился курфюрст. Им сказали, что он желает милостиво проститься с ними. Прибыли горожане, но внезапно они оказались окружены вооруженными людьми, а лидеры евангелической партии были схвачены и брошены в тюрьму. Их подвергли пыткам; их вывели на эшафот, вокруг которого собрались люди и подходы к которому были засыпаны гравием, предназначенным для выпития крови жертв, и там этим честным и благочестивым гражданам был зачитан смертный приговор. Теперь ничего не оставалось, как обезглавить их. Главный палач вышел вперед и, повернувшись к Герману и всем окружающим его сановникам, сказал: "Эти люди невинны, я скорее умру, чем обезглавлю их". В то же время из гущи толпы послышался голос; это был голос пожилого человека, который с трудом продвигался вперед, опираясь на свой посох. "Я тоже виновен, как и те, кого вы осудили, и прошу, чтобы меня казнили вместе с ними". Жены и дочери заключенных собрались в соседнем доме. Дверь открылась, и они приблизились, некоторые били себя в грудь, у других были растрепанные[499] волосы; они бросились к ногам избирателя и просили прощения для этих невинных людей. Германн, который не был жестоким, не смог удержаться от слез и даровал прощение, которого у него просили. Тем не менее, евангелическое учение в городе было запрещено. Людям было даже запрещено нанимать домашнюю прислугу, приехавшую из мест, где исповедовалось новое учение.[500]

Мы в другом месте видели, как некоторые страны и города, более или менее недавно реформированные, почувствовали необходимость объединения после декрета аугсбургского сейма 1530 года и заключили в Смалькальде 29 марта 1531 года союз на шесть лет, в рамках которого они обязались защищать друг друга.[501] В этих обстоятельствах и учитывая, что султан Солиман продвигался к Австрии с огромной армией, император решил договориться с протестантами, и 23 июля 1532 года в Нюрнберге был заключен религиозный мир. Члены лиги Смалькальде, тем не менее, по разным причинам все еще подвергались преследованиям со стороны имперских трибуналов. Ландграф Гессенский предпринял смелые меры, восстановив протестантского герцога Ульриха Вюртембергского в своих владениях, открыв их таким образом для Реформации и увеличив могущество Лиги Шмалькальда.[502]

ГЛАВА III.

ТРИУМФ АНАБАПТИСТОВ МЮНСТЕРА.

(1533.)

К сожалению, в это время происходило фанатическое движение, которое римские католики были вынуждены обратить против Реформации, но которое, по правде говоря, не давало повода для упреков против нее; ибо отношение Реформации к фанатикам было в основном отношением сопротивления и подавления. Когда после долгой зимы снова наступает весна, прорастают не только хорошие семена, но и в изобилии появляются сорняки. Иначе и не могло случиться в этот новый весенний период церкви, который называется Реформацией. Самая могущественная сила Средневековья — папство - подверглась нападению. Вместо мнений, которые она исповедовала и навязывала миру на протяжении веков, реформаторы представили евангельское учение. Было легко понять, что не все, кто отвергал взгляды римских понтификов, приняли бы взгляды реформаторов, но многие изобрели бы или переняли другие.

Существовало разнообразие доктрин, а иногда, даже в рамках одной партии, всевозможные мнения. Так было в случае с так называемыми *спиритуалами*, которых ошибочно называли анабаптистами, поскольку противодействие крещению младенцев не только не было их отличительной доктриной, но и едва ли было их отличительным знаком. В целом они обладали силой естественной воли (свободная воля) для достижения добра. Хецер отрицал божественность Христа и вел дурную жизнь. Многие из них говорили: "Христос ничего не взял от своей матери от человеческой природы, ибо адамическая природа проклята". Были такие, кто рассматривал соблюдение воскресенья как антихристианскую практику. Эти фанатики считали себя единственными детьми Божьими и, подобно израильтянам древности, верили, что они призваны истреблять нечестивых. Один из этой секты, Мельхиор Гофман, побывав в свою очередь при королевском дворе и в позорном заключении, отправился в Эльзас, полагая, что в Страсбурге должен был сойти с небес новый Иерусалим и что из этого города отправятся посланцы, которым поручено собрать избранных Богом. Почти все они ожидали, что конец света совсем рядом, а некоторые даже назначили день и час.

БЕРНАРД РОТМАНН.

Эти фанатики вследствие преследований, которым они подвергались в Южной Германии, Швейцарии и Голландии, направили свои стопы в регионы, граничащие с Рейном, где было больше свободы и где Реформация еще не была полностью организована. Мюнстер в Вестфалии был сильным городом, укрепленным цитаделью, резиденцией епископа, кафедральным собором и многочисленным духовенством. Недалеко от города стояла церковь, посвященная святому Маврикию; здесь лжереформатор проповедовал лжереформацию. Этим проповедником был некто Бернард Роттманн, пламенный человек, красноречивый и смелый, который в какой-то степени постиг реформатскую доктрину, но чье сердце осталось незатронутым ею. Поскольку он обычно произносил прекрасные речи, горожане стекались послушать его и в конце концов потребовали, чтобы его вызвали в Мюнстер. Несколько влиятельных людей среди римских католиков, знакомых с этим человеком и стремящихся избежать каких-либо беспорядков, предложили ему денег, чтобы он уехал.^[503] Роттманн

принял деньги и откланялся, продемонстрировав таким образом меру своей веры и рвения. Затем он посетил несколько городов и университетов Германии, но нигде не задержался и через несколько месяцев вернулся в Мюнстер. Некоторые горожане и простонародье, которые очень любили слушать его декламации, радостно приветствовали его; но епископ и духовенство были против его проповеди в церквях. Теперь его сторонники установили для него кафедру на рыночной площади, и число его слушателей с каждым днем увеличивалось. Два пастора из Гессена, приняв Роттмана за служителя с хорошей репутацией, присоединились к нему и составили заявление об ошибках Рима в тридцати одной статье и представили его совету. Затем священники собрались в ратуше, и совет представил им документ. "Это действительно наше учение, - сказали они, - но мы не готовы защищать его". В результате они были лишены этого права. Епископ, покинувший Мюнстер, решил прекратить поставки продовольствия в город — мера, не совсем входящая в обязанности пастора, призвание которого - накормить свою паству. Спровоцированные горожане арестовали большинство каноников и священников и заключили их в тюрьму; и в 1533 году было решено, что евангельское учение должно проповедоваться в шести церквях города и что старые злоупотребления больше не должны допускаться, кроме как в кафедральном соборе.^[504]

Среди самых уважаемых жителей Мюнстера был синдик Виггерс, чья жена, за которой постоянно следило множество поклонников, была личностью сомнительного характера. Она очень восхищалась Роттманном и, будучи умной женщиной, знала, как его очаровать. Вскоре после этого умер ее муж, и распространился слух, что она отравила его.^[505] Это, однако, сомнительно. Каким бы ни был факт, Роттманн женился на ней и тем самым еще раз показал, что, хотя он и был проповедником Евангелия, он не практиковал его на практике. Благородные люди теперь покидали его общество. Это обстоятельство, как и другие, вынудило его пойти на крайние меры.

В 1533 году в Мюнстер прибыло очень большое количество энтузиастов из Нидерландов. Один из них, Стапреда из Мерса, стал коллегой Роттмана и энергично проповедовал их особые доктрины.^[506] Роттманн, покинутый своими старыми друзьями, бросился в объятия этих новых и решительно отстаивал их взгляды. Большая тревога была поднята в Гессене. Герман Буш из Марбурга приехал в Мюнстер, чтобы выступить против фанатиков, и в результате спора между ним и Роттманном приверженцы последнего получили приказ покинуть город. Какое-то время они скрывались, а затем появились снова. Пастор Фабриций, посланный в Мюнстер ландграфом Гессенским, который становился все более и более встревоженным, искренне увещевал сенат и народ быть непоколебимыми в здравом учении. Но один из провидцев, притворяясь ведомым божественным вдохновением, ходил по городу в конце декабря 1533 года, восклицая: "Покайтесь и креститесь, иначе гнев Божий уничтожит вас".^[507] Невежественные люди были полны ужаса и поспешили повиноваться.

МАТТИССОН И БОКХОЛД.

В начале 1534 года численность отряда увеличилась за счет прибытия нескольких известных рекрутов. 13 января двое мужчин вошли в Мюнстер, странно одетые, с выражением энтузиазма на лицах и в своих действиях, и провидцы почитали их как своих лидеров. Это были пророк и апостол; первый - Джон Маттиссон, пекарь из Харлема, второй - Джон Бокхолд, портной из Лейдена.^[508] Бокхолд совершил тур подмастерья, объехал Германию, а также, как говорили, посетил Лиссабон. Вернувшись на родину, он снял лавку в Лейдене, недалеко от ворот, ведущих

в Гаагу. Рабочие, сплотившиеся вокруг пророка, в целом испытывали очень мало удовольствия от работы. Этому молодому портному, например, было очень неприятно сидеть весь день, скрестив ноги, вдевая нитку в иголки и пришивая куски материи и пуговицы. Общая традиция представляет Бокхолда как портного, но некоторые авторы утверждают, что он был торговцем тканями. Его отец занимал какую-то должность в магистратуре Гааги, но его мать, уроженка Вестфалии, принадлежала к классу прислуги. Как бы то ни было, он бросил свою лавку и вместе со своей женой открыл трактир по продаже пива и других напитков; и здесь он вел веселую и даже распутную жизнь. Новый хозяин таверны мало читал, но у него было определенное образование и хороший адрес. Он был проницательным, хитрым, честолюбивым, дерзким, красноречивым и полным энтузиазма.[509] В то время в большинстве городов Нидерландов, и особенно в Лейдене, существовали поэтические общества; и Джон Бокхолд стремился блистать как оратор. Он произносил речи, отличавшиеся беглостью и обильной дикцией. Он даже сочинял комедии и играл в них. Он принимал участие в беседах и уловил дух противостояния церкви, который преобладал на этих собраниях. Он познакомился с некоторыми энтузиастами; был очарован идеей нового королевства, в котором они должны были стать ведущими людьми; и думал, что там он сможет найти лучшую, чем где-либо еще, роль для себя. Маттиссон, как мы уже говорили, выбрал Бокхолда в качестве одного из своих апостолов.

ИХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В МЮНСТЕРЕ.

На момент прибытия этих двух мужчин в Мюнстере жил известный горожанин по имени Бернارد Книппердоллинг. Этот человек, побывав в Швеции, познакомился с некоторыми энтузиастами этой страны. Теперь ему не терпелось принять в своем доме двух уже столь известных людей. Последний без промедления приступил к работе. Их желанием было сделать Мюнстер столицей секты, и с целью этого они использовали все средства, рассчитанные на то, чтобы овладеть умами людей. Своей фигурой, необычным одеянием, пылом, красноречием и энтузиазмом они производили сильное впечатление. Эти люди были смелыми, но в то же время проницательными и стремились умиловить каждого. Бокхолду удалось даже получить доступ к евангелическим служителям. Сначала Он говорил с ними на чистом языке Евангелия; затем спрашивал того или иного, что он думает о том или ином пункте, по которому у провидцев были особые взгляды. Если их ответы были не такими, как он требовал, или если в поддержку их мнения приводились отрывки из Священного Писания, он улыбался, а иногда пожимал плечами. Это былонезадолго до того, как он и его друзья открыто провозгласили новое королевство, предвестниками которого они были. Но евангельские служители умоляли людей оставаться верными чистому учению и защищать его от фанатиков.[510]

Женщины были первыми, кто уверовал в то земное и небесное царство, которое было провозглашено таким образом и которое в то же время льстило их чувствам и пониманию. Сначала несколько монахинь, затем несколько женщин среднего класса, а затем и мужчины приняли доктрины, опубликованные Бокхолдом. Роттманн, который своим проступком лишился хорошего мнения евангелистов, теперь бросился в объятия новой партии, которая приняла его наиболее благосклонно; и он начал со всем своим красноречием проповедовать фантастическое царство провидцев. Толпа, которая стекалась послушать его проповеди, была огромной, и люди говорили, что услышать их - значит обратиться. Распространился слух, что он обладал тайным обаянием такой суверенной силы, что все люди, на которых он решал применить его, были немедленно очарованы и привязаны к секте. Это было очарование новизны, гордости и заблуждения. Женщины, присоединившиеся к партии, резко упрекнули

бургомистра за то, что он был дружелюбен к Фабрициусу, благочестивому евангелическому священнику из Гессена, который отказался обратиться в новое королевство. Рабочие хотели иметь репутацию мастеров. Сын кузнеца начал проповедовать новое Евангелие; и когда совет приказал заключить его в тюрьму, все его товарищи собрались и вынудили магистрата освободить его.

Столкновение между двумя сторонами казалось неизбежным. 8 февраля (1534 г.) энтузиасты, посчитав себя достаточно сильными, взялись за оружие и внезапно захватили большую площадь; евангелисты остались хозяевами стен и ворот города. Последние были более сильной партией, и многие поговаривали о том, чтобы нанести артиллерийский удар по фанатичной толпе и изгнать незваных гостей из города. В то время как самые благоразумные люди были заняты размышлениями, у *иллюминатов* были самые странные видения. "Я вижу, - сказал один, - человека в золотой короне; в одной руке он держит меч, в другой - жезл". Многие заявляли, что "город наполнился красно-коричневым пламенем, и что всадник Апокалипсиса верхом на белом коне приближался, побеждая и для того, чтобы победить". Добрый пастор Фабрициус, которого они скандально оскорбили, вступился за них. Он умолял, чтобы к безумцам отнеслись снисходительно. В других кварталах ожидалось, что там будет энергичное сопротивление и большая резня. Люди, склонные к примирению, стремились избежать пролития крови своих сограждан, а некоторые опасались, что епископ, находившийся поблизости со своими войсками, воспользуется конфликтом, чтобы завладеть городом.^[511] Провидцам были сделаны два предложения; обеим сторонам гарантирована свобода в вопросах религии, но подчинение магистратам в гражданских делах. Это была победа энтузиастов; они торжествовали, и "их лица, - говорит один из них, - приобрели великолепный цвет".^[512]

СКОРБНОЕ ЗРЕЛИЩЕ.

Это было, действительно, началом их царства. Теперь они созывали своих адептов в Мюнстер со всех сторон, и они приезжали толпами, особенно из Голландии. Когда наступил срок для избрания Совета (20 февраля 1534 г.), ни один из бывших магистратов не был переизбран. Несколько рабочих, которые притворялись озаренными Духом, заменили их и распределили все должности между своими друзьями. Книппердоллинг был назначен бургомистром. Несколько дней спустя (27 февраля) в ратуше состоялось большое собрание христиан, как они себя называли. Пророк Маттиссон некоторое время оставался неподвижным и, казалось, спал. Внезапно он встал и воскликнул: "Прогоните детей Исава (евангелистов); наследие принадлежит детям Иакова". Улицы в то время были почти непроходимы из-за штормового ветра с дождем и снегом; но энтузиасты ворвались в самую гущу событий, безудержно мечась и крича изо всех сил: "Нечестивые, прочь!" Они насильно входили в дома людей и изгоняли оттуда всех, кто не хотел присоединиться к их партии. Все магистраты, знать и каноники, которые еще оставались в городе, были вынуждены покинуть его; бедняки тоже. Несчастный город представлял в это время самое печальное зрелище. Матери в ужасе хватали своих полуголых детей на руки и уходили, бледные и дрожащие, из своих жилищ, не принося с собой ничего, кроме какого-нибудь напитка, чтобы освежить бедных малышей в пути. Молодые парни с испуганным видом, держа в руках краюху хлеба, которую им дали школьные учителя, чтобы утешить их или утолить голод, шли бок о бок со своими родителями, босиком, по снегу; а старики, опираясь на свои посохи, медленным шагом покидали город. Но по прибытии к воротам странников обыскивали; у матерей фанатики отобрали напиток, предназначенный для их маленьких детей, у мальчиков - хлеб, который они несли ко рту, а у стариков - последние мелкие

монеты, которые они взяли в момент своего ухода,[513] а затем они выгнали их всех из города. Они шли наугад, не зная, куда им идти, не имея ни еды, ни питья и лишенные жалких сбережений, накопленных за долгую и трудолюбивую жизнь.[514] Пророк Маттиссон сначала предполагал, что все те, кто не примет новое царство, должны быть преданы смерти. Но они оказали им услугу, всего лишь изгнав их, правда, ограбленных и почти раздетых, забрав у них одежду, если они оказались хорошими,[515] а затем прогнали их, крича: "Нечестивцы! Язычники!"

УЖАС.

Теперь новая община была организована, и вскоре Маттиссон осуществлял над ней верховную власть. Пророки, выдававшие себя за богодухновенных, не ждали ни тысячелетнего царства, ни воскресения мертвых, ни пришествия Спасителя. Они думали, что вполне справляются со своей задачей. Они презирали знание. Они запретили всякое общение *сязычниками*, то есть евангелистами. Те, кто получил новое крещение, необходимое для вступления в их воображаемое царство, и только они были святыми. Ранее заключенные браки были аннулированы; законы были отменены на том основании, что они противоречили свободе. Все различия по рангу были уничтожены; была установлена общность имущества; и все имущество тех, кто был изгнан, было передано в общий фонд. В то же время, видя, что их первым долгом было порвать с развращенным миром, этим непримиримым врагом святых, был отдан приказ уничтожить все то зло, которым пользовались мирские люди. Изображения, органы, расписные окна, часы, сиденья, украшенные скульптурами, музыкальные инструменты и другие вещи подобного рода были вынесены на рыночную площадь и там торжественно разбиты на куски. Не обошли стороной и шедевры художников вестфальской школы. Некоторые из книг и рукописей, даже самые редкие, были сожжены, а другие выброшены на навозные кучи.[516] Они заявили, что все это было сделано по божественному вдохновению. В то же время людям было приказано сдать все золото, серебро, драгоценные камни, безделушки и другие драгоценные вещи. Собственность была вытеснена коммунизмом, и любой, кто не смог принести эти излишества на государственную должность, был предан смерти. Видные фанатики разделили между собой прекрасные дома каноников, патрициев и сенаторов и поселились в них в достатке и комфорте. Большое количество авантюристов в поисках удачи и фанатиков, которые жаждали мирских благ больше, чем сами признавались, прибыли в Мюнстер из Голландии и соседних стран. Они рассматривали это как прекрасную возможность и горели желанием получить свою долю добычи и были достаточно готовы прибрать к рукам большую ее часть. На каждое ремесло была возложена какая-то особая обязанность. Портным, например, было поручено следить за тем, чтобы в обществе не было введено никакой новой формы одежды. Для этих людей было таким же важным избегать моды, как для других - следовать ей.

Между тем главным делом была оборона города. Молодые парни даже готовились к этой задаче, и не без веской причины; ибо в мае месяце 1531 года епископ Мюнстера инвестировал епископальный город. Он, однако, не продвинулся ни на шаг, ибо город, превосходно укрепленный, был расположен на равнине, и в окрестностях не было возвышенности, на которой могли бы укрепиться осаждающие. Некоторым солдатам, взятым в плен во время вылазок, по приказу пророков отрубили головы, и их головы были развешаны на стенах, чтобы показать их товарищам, какая участь их ожидала.[517]

Пророк Маттиссон, обладавший, по крайней мере, такой добродетелью, как храбрость, был убит во время атаки осажденных. Бокхолд занял его место. Он не был таким храбрым, но был более амбициозным, чем его предшественник, и посвятил себя организации этого странного сообщества. Магистраты были назначены проповедником Роттманном и пророком Бокхолдом. Их указы были исполнены Книппердоллингом. Этот человек имел право казнить без суда любого, кто был уличен в нарушении новых законов. Для этой цели его всегда сопровождали четверо спутников, каждый с обнаженным мечом; и в таком сопровождении он шествовал по улицам медленным шагом и с пронизывающим взглядом, который сеял ужас повсюду.

ГЛАВА IV.

АНАБАПТИСТЫ МЮНСТЕРА. ЭКСЦЕССЫ.

(1535.)

Прошло совсем немного времени, прежде чем новый король дал волю своим страстям. Мюнстер стал ареной самых вопиющих распутств и жестокостей. Фанатизм обычно сопровождается безнравственностью, а с верой мораль выбрасывается за борт. Бокхолд, недовольный должностью Маттиссона, хотел также заполучить его жену, красавицу Дивару. Он уже был женат, но это не имело никакого значения. Он начал проповедовать многоженство, приводя примеры из Ветхого Завета, но игнорируя то, что говорится в Новом Завете, о том, что Бог в начале predetermined союз одного мужчины с одной женщиной, институт, подтвержденный и санкционированный Спасителем. Против этого скандального процесса сначала выступили несколько членов общины, и была даже реакция евангелистов. Во главе противников был кузнец. Некоторые пророки были арестованы, и поговаривали об отзыве изгнанников. Евангелическая партия, казалось, была на грани возрождения; но энтузиасты были более сильной партией, и их оппоненты были застрелены или обезглавлены.

ЦАРЬ ВСЕЛЕННОЙ.

Пророков становилось все больше. Ювелир по имени Таузендшур претендовал на великие откровения. Понуждаемый, без сомнения, Бокхолдом, он созвал всю группу святых и сказал: "Воля и повеление Отца небесного таковы, что Иоанн Лейденский должен владеть империей всего мира, что он должен выйти из города с могущественной армией, что он должен предавать смерти всех принцев и королей без разбора и что, уничтожив всех нечестивых, он должен завладеть трон Давида, своего отца". [518] Присутствовавший Бокхолд сначала хранил молчание и, казалось, ничего не знал об этом откровении. Но когда Таузендшур закончил, лейденский портной упал на колени и сказал, что за десять дней до этого ему было открыто то же самое, но он воздержался от оглашения этого, чтобы не показаться жаждущим верховной власти. В конце концов, по его словам, он подчинился воле Божьей, применив к себе это изречение Иезекииля: "Давид, слуга мой, будет их царем, и он заключит с ними вечный завет". Поэтому он объявил, что готов предпринять завоевание мира. Этот план, несомненно, был с его стороны всего лишь уловкой, но он в полной мере послужил его честолюбию. Безумцы и глупцы, которые верили в это, добровольно подчинились человеку, который должен был стать царем вселенной; и надежда занять главные места в этом вселенском царстве наполняла их рвением

поддерживать Бокхолда. Даже если и были какие-то сомневающиеся, они знали, что самозванец без колебаний отрубил бы им головы, если бы это было необходимо для установления его империи. БокХолд, мать которого была вестфальской крепостной, принял в столице этой провинции пышность и одеяние короля. Он окружил себя двором, состоящим из большого числа офицеров и магистратов. Церкви были разграблены, и король и его министры облачились в шелковые одежды, украшенные золотом и серебром, которые они вынесли из церквей, у исполнявших обязанности министров и у самых богатых горожан.^[519] Он приказал изготовить печать, изображающую мир с двумя мечами, которые пронзают его насквозь. Его он повесил себе на шею на золотой цепочке, украшенной драгоценными камнями, как символ своей власти. Он носил золотой меч с серебряной рукоятью, а на голове у него была тройная корона, сделанная из самого лучшего золота. Ко всей этой показухе бывший подмастерье, а ныне король, добавил разврат. Помимо Дивары, которая была его царицей, он взял пятнадцать жен, всем моложе двадцати лет, и объявил, что у него будет триста. Свою королеву и этих юных девушек он нарядил великолепно. У каждого из его апостолов и других приверженцев также было по несколько жен. Он считал необходимым держать своих последователей в состоянии опьянения, чтобы помешать им предвидеть надвигающуюся на них катастрофу. Он принял титул короля нового храма и разъезжал по городу, украшенный знаками отличия своей должности, в сопровождении своей стражи. Все, кто встречал его, должны были падать на колени. Три раза в неделю он появлялся на городской площади и восседал на высоком троне со скипетром в руке и короной на голове, окруженный группой своих спутников. В этой позе он выносил свои приговоры. Книппердоллинг, стоявший на ступеньку ниже его, с обнаженным мечом в руке, был готов привести их в исполнение. Всякий, кто желал обратиться к нему с каким-либо вопросом, был вынужден дважды опуститься на колени, приближаясь к трону, а затем пасть ниц лицом до земли.

УЖИН.

В октябре был большой религиозный праздник, который Бокхолд назвал Вечерей Господней. Для мужчин и женщин был приготовлен стол на 4200 блюд. Король, королева и их главные офицеры присутствовали при этом событии. Бокхолд, заметив в толпе незнакомца, приказал арестовать его и привести к нему. "Почему же, - спросил он, - на тебе нет свадебного наряда?" Он притворился, что верит, что этот человек - Иуда, и приказал изгнать его; затем, выйдя сам, он обезглавил его собственными руками. Затем он вернулся, ликуя и улыбаясь этому подвигу.^[521]

Когда трапеза закончилась, он спросил, все ли они готовы исполнить волю Божью. "Все", - ответили они. "Что ж, тогда, - сказал король, - эта воля заключается в том, чтобы некоторые из вас отправились рассказывать о чудесных вещах, которые Бог совершил для нас". Он немедленно назначил шестерых из них отправиться в Оснабрюк, и столько же - в различные другие города по соседству. Он дал каждому из них по золотой монете стоимостью в девять флоринов и по виатикуму. В тот же вечер эти апостолы покинули Мюнстер; и по прибытии в назначенные им города они появились, оглашая воздух ужасными криками. "Обратитесь, - говорили они, идя по улицам. - Покайтесь! Время, которое Бог в своей милости оставляет вам, коротко. Топор кладут у корня дерева. Если вы не получите мира, ваш город скоро будет разрушен". Затем, представ перед собравшимся сенатом, они расстелили свои плащи на земле, бросили свои золотые монеты,^[522] и сказали: "Мы провозглашаем вам мир; если вы получите его, принесите сюда то, что у вас есть, и положите это вместе с этим золотом. Наш король вскоре завоюет весь мир и подчинит его справедливости". Послы, которые были

отправлены в города, принадлежащие епископу Мюнстера, сначала были приняты благосклонно; но вскоре все они были арестованы, а некоторые подвергнуты пыткам. Однако ни один из них не признал бы себя совершившим ошибку. "Мы ждем новых войск из Фрисландии и Голландии, и тогда, - повторяли они, - король выступит и покорит всю землю". Они понесли суровое наказание по закону, как люди, виновные в подстрекательстве к мятежу.

Король столкнулся с трудностями не только в соседних городах, но и в своей собственной столице и даже в своем гареме. В Мюнстере жила женщина огромного мужества и решительности, которая хвасталась, что ни один мужчина никогда не женится на ней. Иоанн Лейденский приказал увезти ее и поместить в число его жен; но женщина с ее независимым характером, находя мораль и манеры этого гарема невыносимыми, сбежала. В глазах короля это было очень большим преступлением. Поэтому он приказал арестовать ее, сам вывел на главную площадь, собственноручно отрубил ей голову, а затем, преисполненный гнева и мести, втоптал ее тело в пыль. Бокхолд приказал, чтобы все остальные его жены присутствовали при этой отвратительной сцене, и велел им спеть хвалебный гимн после казни. Соответственно, эти несчастные существа затянули свою песню в присутствии изуродованного и оскверненного тела своего товарища.[\[523\]](#)

ГЛАВА V.

АНАБАПТИСТЫ МЮНСТЕРА. НАКАЗАНИЕ.

(1535-1536.)

НАКАЗАНИЕ.

Тем временем ландграф Филипп Гессенский вступил в Вестфалию с войсками, которые только что завоевали Вюртемберг, и вскоре Мюнстер был настолько полностью обложен, что ничто, особенно запасы продовольствия, больше не могли попасть в город. Нехватка становилась все более и более острой, и несчастные люди были вынуждены прибегать в поисках пропитания к самой непривычной пище. Они ели мясо лошадей, собак и кошек, сонь, траву и кожу; они рвали книги и пожирали пергамент. Говорили, что половина населения города умерла от голода. Эти фанатики верили слову своего царя и пророка и с уверенностью ожидали помощи, которую он им обещал; но поскольку эта помощь не пришла, от некоторых из них начал раздаваться ропот, а другие, казалось, сходили с ума. Бокхолд сказал им, что, если бы это было необходимо для спасения его народа, "камни были бы превращены в хлеб". Следовательно, можно было видеть, как некоторые из этих приверженцев останавливались на улицах, грызли камни и пытались разорвать их на куски в ожидании, что они превратятся в пищу.[\[524\]](#) В конце концов отчаяние, безумие и бесчеловечность достигли самых крайних пределов. Жена сенатора Менкена, одного из рабочих, возведенных Бокхолдом в это достоинство, убила троих своих детей, засолила их тела и разложила обработанные таким образом части тела по банкам, таким образом добывая отвратительные средства к существованию, и этим она питалась день за днем.[\[525\]](#) Несчастные жители этого злополучного города шатающимися шагами бродили по улицам, кожа

покрывала их лишенные плоти кости, шеи были длинными и тощими, едва способными поддерживать голову, их глаза были изможденными, они открывались и закрывались внезапными рывками, их щеки впалыми и истощенными, с губами, которые, казалось, вот-вот сожмет смерть. вблизи, по виду скорее трупы, чем живые существа. Говорят, что посреди этого ужасающего зрелища, напоминающего о величайших бедствиях, зарегистрированных в истории, даже о разрушении Иерусалима, во дворце царили изобилие, пиршество и разврат.[526]

Энтузиасты в это время создавали много проблем в Голландии, но им не удалось оказать помощь своим братьям. В начале 1535 года некоторые из них предложили сжечь Лейден; пятнадцать человек были арестованы и обезглавлены. В феврале другие голышом бегали по ночным улицам Амстердама, выкрикивая: "Горе! горе! горе!" Они также были казнены. Около Франекера, во Фрисландии, триста из них собрались и захватили монастырь; но все они были преданы смерти. Бокхольд, которому не терпелось получить помощь, в которой он остро нуждался, поручил Яну ван Гелену, умному, коварному человеку, поднять восстание в Голландии и вернуться к нему на помощь с армией, которая должна была снять осаду Мюнстера и помочь ему завоевать мир. Ян ван Гелен, притворно отрекшись от своих ошибок, добился помилования от королевы Марии. Попав в Голландию, он смог тайно привлечь большое количество последователей; и за короткое время он задумал проект удивления ночным Амстердамом. Он действительно овладел ратушей; но горожане, разбуженные ударом в набат, прогнали фанатиков пушечным выстрелом, не без того, что сами понесли большие потери, особенно в результате смерти бургомистра. С повстанцами обращались жестоко. Многих из них растянули на плахах мясников, вырвали сердца, а затем четвертовали. Во всех этих случаях, как обычно, утонуло определенное количество женщин.[527]

ВЗЯТИЕ МЮНСТЕРА.

КАЗНИ.

Эти последовательные поражения произвели впечатление на Бокхолда и его сторонников. Они потеряли всякую надежду на помощь из Голландии. Ландграф Филипп Гессенский, один из самых могущественных вождей протестантизма, собрал свои войска, чтобы положить конец скандалам в Мюнстере. Епископ этого города, движимый желанием отвоевать его, собрал для этой цели несколько римско-католических солдат. Один из людей Бокхолда сбежал из города и указал способ захватить его.[528] Ночью 24 июня 1535 года двести ланскенцев расчистили яму и взобрались на стену в месте, где она была очень низкой. Не успели они войти в город, как начали издавать крики и бить в барабаны. Люди царя Сиона вскочили со своих постелей и бросились к оружию. Конфликт начался и на мгновение показался сомнительным; но когда одни из городских ворот были открыты изнутри, армия осаждающих вошла внутрь, и битва стала ужасной. Сто пятьдесят конных или пеших солдат погибли. На стороне осажденных также пали многие, и среди прочих Роттманн, который, решив не подвергаться позору плена, бесстрашно бросился в самую гущу огня и погиб. Король и два его главных советника, Книппердоллинг и пастор Кречтинг, совершили побег и спрятались в крепкой башне, где они надеялись ускользнуть от внимания завоевателей.[529] Но солдаты проникли в их укрытие, вытащили их оттуда и взяли в плен. Бокхолд поначалу отважился на это и, приняв вид короля, высокомерно заговорил с епископом. Два теолога из Гессена пытались привести его к покаянию; но он упрямо придерживался своего мнения, не признавая никого выше себя на

земле. Однако размышления привели к перемене. Бокхолд был не фанатиком, а самозванцем; и он чувствовал, что единственный способ спасти свою жизнь - это отречься от своих ошибок. Он попросил о повторной встрече с двумя гессенцами и притворился обращенным. "Я признаю, - сказал он им, - что сопротивление, которое я оказал власти, было незаконным; что институт многоженства был опрометчивым и что крещение детей обязательно. Если мне будет даровано прощение, я клянусь добиться от всех моих приверженцев послушания". Он также признал, что десять раз заслуживал смерти. Это было поведение лжеца, готового отказаться даже от своего самозванства, если бы тем самым он мог спасти свою жизнь. Книппердоллинг и Кречтинг, напротив, настаивали на своих взглядах и утверждали, что они следовали руководству Бога. К этим несчастным людям была применена различного рода жестокость. В течение месяца их содержания под стражей их водили публично, как диковинных животных, в качестве зрелища для нескольких принцев и их дворов, для которых они и их мнимый король были предметом насмешек.^[530] Бокхолд не извлек из своих признаний ожидаемого преимущества. Все три лидера были приговорены к одному и тому же наказанию - государственной измене верховному главе. Это произошло в феврале 1536 года. В варварский период Средневековья воображение было напряжено в поисках самых жестоких наказаний. Этих троих несчастных отвели на главную площадь Мюнстера, где Бокхолд, как король, нес скипетр и тройную корону, а его исполнительный министр Книппердоллинг - меч. Затем их положили обнаженными; и их тела разрывали на куски раскаленными щипцами, пока, наконец, среди отвратительных пыток, щипцы, огонь, меч и мучительные страдания не положили конец их жизни.^[531] Этот процесс длился час. Сам Кохлей восклицает— "Жестокое, ужасное наказание! ужасный пример для всех мятежников!" Книппердоллинг и Кречтинг мужественно перенесли ужасное наказание, а Бокхолд, к которому, по-видимому, вернулся здравый смысл, был полон решимости не умереть смертью труса. У него не вырвалось ни стоны. После того, как он испустил последний вздох, они пронзили его сердце кинжалом.

Именно Филипп Гессенский и его солдаты реформатской партии внесли главный вклад в прекращение беспорядков и жестокостей, ареной которых был Мюнстер. Единственным результатом этого эпизода для протестантизма была демонстрация того, что он не имел никакой связи с фанатизмом этих потенциальных вдохновителей. Протестантское мнение в этом случае отличалось различными характерными чертами. Его намерение состояло в том, чтобы наказывать не за религиозную доктрину энтузиастов, а только за их мятеж и другие обычные преступления. Действительно, было и есть, особенно в настоящее время, большое количество благочестивых и ревностных христиан, выступающих за крещение взрослых; и мы обязаны уважать их, хотя и не разделяем их взглядов. Более того, крещение, практикуемое энтузиастами Мюнстера, не было крещением секты баптистов; это была процедура, обозначавшая приверженность фанатической системе, торжество которой они якобы обеспечивали, церемония, подобная принятой во многих тайных обществах. Существенными характеристиками их системы были их предполагаемые взгляды, их несомненная распущенность, путаница, которую они вносили в институты общественной жизни, их тирания и жестокость.

Высказывались различные мнения относительно наказания, которое должно быть им назначено. Лютер в письме ясно и кратко выразил свое мнение по этому вопросу. Он не был сильно обеспокоен. "Меня это не очень беспокоит, - сказал он. - Сатана в ярости, но Писание непоколебимо".^[532] Ландграф Филипп всегда был сторонником самых мягких мер; он не желал, чтобы к ним применялось смертное наказание, как это было сделано в других странах. Он

согласился только на то, чтобы их заключили в тюрьму; и он настаивал на том, чтобы они были проинструктированы. Евангелические города Верхней Германии действовали по тому же принципу и отказались обогреть свои руки кровью этих несчастных людей. Но большинством германского сейма было постановлено, что все энтузиасты, упорствующие в своих ложных доктринах, должны быть преданы смерти. Таким образом, были смешаны, как уже было сказано, две вещи, столь же далекие друг от друга, как небо и земля, евангельское учение и путаница, внесенная в церкви и государства этими фанатиками. Несчастные были преданы смерти, независимо от того, были они провидцами или нет; и не только преступные беспорядки были подавлены сильной рукой, но и евангельское учение было изгнано из Мюнстера.^[533]

ПРИЧИНЫ РАССТРОЙСТВ.

Три причины особенно способствовали возникновению этих отвратительных беспорядков фанатиков. Во-первых, кровавые преследования, проводимые Карлом V в Нидерландах против всех тех, кто желал поклоняться Богу в соответствии со своей совестью; затем, доктрины энтузиастов, смешанные иногда с безнравственностью, которые Танхельм из Антверпена, Симон из Турне, Амальрик из Бена, турлюпины, псевдокатары и Братья Свободного Духа, веками исповедовали в разных странах, особенно в Нидерландах и на берегах Рейна, и которые недавно были возрождены там эмиссарами из Германии; и, наконец, доктрины энтузиастов, к которым иногда примешивались безнравственность. потребность в изменении общественного строя ощущалась в этот период наименее трудолюбивыми и наиболее причудливыми людьми низших слоев общества, и особенно из класса ремесленников.

После ужасной катастрофы, положившей конец Сионскому царству, несомненно, все еще оставались некоторые энтузиасты и распутники, в частности Дэвид Джорис. Но многие из них остепенились и вернулись к более здоровым доктринам. Один из них, Уббо из Леввардена, был посвящен в епископы новой секты и, в свою очередь, посвятил других, в частности Менно Симониса. Уббо публично признал свою ошибку; "Я жестоко ошибался, - сказал он, - и буду сожалеть об этом всю свою жизнь".^[534]

Мы рассказали об ужасном эпизоде в Мюнстере и выставили его напоказ, как один из тех плакатов, которые мы иногда встречаем в Альпах, прибитых к столбу у пропасти, на котором можно было прочесть такие слова, как— "Путешественник, берегись! любой приближающийся падает и перекачивается, его швыряет с камня на камень, он разбивается на куски и погибает, становясь печальной жертвой своей опрометчивости".

ТОРЖЕСТВО СМЕРТИ.

(Ночь на 18 февраля 1546 года в Эйслебене.)

Лютер на протяжении всей своей жизни отказывался от помощи светских властей, поскольку его желанием было, чтобы истина восторжествовала только силой Божьей. Однако в 1546 году, несмотря на его усилия, война была на грани того, чтобы разразиться, и Божьей волей было избавить его слугу от этого болезненного зрелища.

Графы Мансфельд, на территории которых он родился, оказавшись втянутыми в ссору со своими подданными и несколькими соседними лордами, прибегли к посредничеству реформатора. Старик — сейчас ему было шестьдесят три — был подвержен частым приступам головокружения, но он никогда не щадил себя. Поэтому он отправился в путь, откликнувшись на

призыв, и достиг территории графов 28 января в сопровождении своего друга теолога Йонаса, который был с ним на Вормсском сейме, и двух своих сыновей, Мартина и Пола, первому сейчас пятнадцать, а второму тринадцать лет. Он был почтительно принят графами Мансфельд в сопровождении ста двенадцати всадников. Он въехал в город Айслебен, в котором родился и в котором собирался умереть. В тот же вечер ему стало очень плохо, и он был близок к обмороку.

Тем не менее, он набрался смелости и, ревностно взявшись за дело, четыре раза проповедовал, посетил двадцать конференций, дважды причастился и рукоположил двух служителей. Каждый вечер Джонас и Майкл Целиус, пасторы Мансфельда, приходили пожелать ему спокойной ночи. "Доктор Джонас, и вы, мастер Майкл, - обратился он к ним, - умоляйте Господа спасти его церковь, ибо Тридентский собор в великом гневе".

Лютер регулярно обедал с графами Мансфельд. Из его бесед было очевидно, что Священное Писание с каждым днем приобретает в его глазах все большее значение. "Цицерон утверждает в своих письмах, - сказал он графам за два дня до своей смерти, - что никто не может постичь науку управления, если в течение двадцати лет не занимал важного места в республике. И я, со своей стороны, говорю вам, что никто не понял Священного Писания, кто не управлял церквями в течение ста лет вместе с пророками, Апостолами и Иисусом Христом". Это произошло 16 февраля. Произнеся эти слова, он записал их по-латыни, положил на стол и удалился в свою комнату. Не успел он дойти до нее, как почувствовал, что близок его последний час. "Когда я сведу моих добрых господ в единое целое, - сказал он окружающим его людям, - я вернусь домой; я лягу в свой гроб и отдам свое тело червям".

На следующий день, 17 февраля, его слабость усилилась. Графы Мансфельд и приор Ангальта, полные беспокойства, пришли навестить его. "Прошу вас, не приходите, - сказали они, - на конференцию". Он встал, прошелся взад и вперед по комнате и воскликнул: "Здесь, в Айслебене, я был крещен. Неужели и мне суждено умереть здесь?" - Вскоре после того, как он принял причастие. Многие из его друзей посетили его и с грустью почувствовали, что скоро они его больше не увидят. Один из них сказал ему: "Узнаем ли мы друг друга в вечном собрании благословенных? Мы все так изменимся!" "Адам, - ответил Лютер, - никогда не видел Еву, и все же, проснувшись, он сказал не "Кто ты?", а "Ты плоть от плоти моей". Каким образом он узнал, что она была взята из его плоти, а не из камня? Он знал это, потому что был наполнен Святым Духом. Точно так же в небесном Раю мы будем наполнены Святым Духом и узнаем отца, мать и друзей лучше, чем Адам узнал Еву".

МОЛИТВА ЛЮТЕРА.

Сказав это, Лютер удалился в свою комнату и, согласно своему ежедневному обычаю, даже в зимнее время, открыл окно, поднял глаза к небу и начал молиться. "Небесный Отец, - сказал он, - поскольку по твоей великой милости ты открыл мне падение папы римского, поскольку день твоей славы недалек, и поскольку свет твоего Евангелия, который сейчас восходит над землей, должен распространиться по всему миру, сохрани до конца по твоей доброте церковь моей дорогой родной страны; спаси ее от падения, сохрани ее в истинном исповедании твоего слова, и пусть все люди знают, что Ты действительно послал меня для твоего дела". Затем он отошел от окна, вернулся к своим друзьям, и около десяти часов вечера улегся спать. Переступив порог своей спальни, он остановился и сказал по-латыни: "In manus tuas commendo spiritum meum, искупи меня, Deus veritatis!"

Приближалось 18 февраля, день его отъезда. Около часа ночи, почувствовав, что его охватывает смертельный холод, Лютер позвал Джонаса и его верного слугу Амброуза. - Разведи огонь, - сказал он Амброузу. Тогда он воскликнул: "О Господи, Боже мой, мне очень больно! Какая тяжесть у меня в груди! Я никогда не покину Эйсleben". Йонас сказал ему: "Наш небесный Отец придет помочь тебе ради любви ко Христу, которую ты верно проповедовал людям". Затем Лютер встал, прошелся несколько раз взад и вперед по своей комнате и, подняв глаза к небу, снова воскликнул: "В твою руку я вверяю мой дух; Ты искупил меня, о Бог истины!"

Йонас в тревоге послал за врачами, Уайлдом и Людвигом, графом и графиней Мансфельд, городским клерком Драхштадтом и детьми Лютера. В великой тревоге все они поспешили на место. "Я умираю", - сказал больной. "Нет, — сказал Джонас, - ты сейчас весь в поту, и скоро тебе станет лучше". "Это пот смерти, - сказал Лютер, - я почти при последнем издыхании". Он на мгновение задумался, а затем сказал дрожащим голосом: "О мой небесный Отец, Бог и Отцовство Господа нашего Иисуса Христа, Бог всякого утешения, я благодарю Тебя за то, что Ты открыл мне своего возлюбленного Сына, Иисуса Христа, в которого я верил, которого я проповедовал, которого я исповедовал, которого папа и все остальные знают". нечестивые оскорбляют, богохульствуют и преследуют, но которых я люблю и боготворю как своего Спасителя. О Иисус Христос, мой Спаситель, я вверяю тебе свою душу! О мой небесный Отец, я должен покинуть это тело, но я верю с совершенной уверенностью, что я буду вечно пребывать с тобой, и что никто не вырвет меня из твоих рук".

Теперь он некоторое время хранил молчание; казалось, молитва утомила его. Но вскоре его лицо снова просветлело, святая радость засияла в его чертах, и он сказал с полнотой веры: "Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную". Мгновение спустя он произнес, словно уверенный в победе, это слово Давида, [\[535\]](#)— "Тот, кто есть наш Бог, есть Бог спасения; и Богу Господу принадлежат исход от смерти". Доктор Уайлд пошел к нему и попытался убедить его принять лекарство, но Лютер отказался. "Я ухожу, - сказал он, - я собираюсь испустить дух". Затем, возвращаясь к поговорке, которая была для него своего рода лозунгом его ухода, он произнес три раза подряд, не прерываясь: "Отец! в руку твою Я вверяю дух мой. Ты искупил меня, о Бог истины! Ты искупил меня, о Бог истины!"

ЕГО ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ.

Затем он закрыл глаза. Они прикасались к нему, двигали его, звали его, но он не отвечал. Напрасно прикладывали к нему тряпки, которые городской чиновник и его жена нагревали, напрасно графиня Мансфельд и врачи пытались привести его в чувство с помощью тонизирующих средств. Он оставался неподвижным. Все, кто стоял вокруг него, понимая, что Бог собирается забрать у воинствующей церкви этого могучего воина, были глубоко тронуты. Два врача с минуты на минуту отмечали приближение смерти. Два мальчика, Мартин и Пол, стоя на коленях и заливаясь слезами, звали к Богу, чтобы он пощадил их отца. Амвросий оплакивал учителя, а Целиус - друга, которого они так сильно любили. Граф Мансфельд подумал о бедах, которые смерть Лютера могла навлечь на Империю. Огорченная графиня всхлипнула и закрыла глаза руками, чтобы не видеть этой скорбной сцены. Джонас, стоявший немного в стороне от остальных, чувствовал себя убитым горем при мысли о страшном ударе, надвигающемся на Реформацию. Он хотел получить от умирающего Лютера последнее свидетельство. Поэтому он встал, подошел к своему другу и, склонившись над ним, сказал:

"Преподобный отец, в свой смертный час уповаете ли вы на Иисуса Христа и непоколебимо полагаетесь ли на учение, которое вы проповедовали?" "Да", - сказал Лютер так, чтобы все присутствующие могли его слышать. Это было его последнее слово. Смертельная бледность покрыла его лицо; лоб, руки и ноги похолодели. Они обращались к нему по имени, данному при крещении, "Доктор Мартин", но тщетно, он ничего не ответил. Он глубоко вздохнул и уснул в Господе. Это было между двумя и тремя часами ночи. "Воистину, - сказал Иона, которому мы обязаны этими подробностями, - ты отпускаешь, Господи, раба твоего с миром и исполняешь для него обещание, которое ты дал нам и которое он сам написал на днях в Библии, подаренной одному из его друзей: Истинно, истинно говорю я тебе, если человек сдержит мое слово, он никогда не увидит смерти". [536]

Так Лютер предстал перед своим Учителем, полностью полагаясь на искупление, со спокойной верой в торжество истины. Лютера больше не было здесь, внизу, но Иисус Христос всегда со своим народом до скончания мира, и дело, начатое Лютером, живет, все еще продвигается вперед и распространится на все концы земли.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Расшифровка "Снисхождения" Льва X. — слова, которые в оригинале приведены сокращенно, написаны полностью.

Albertus dei et apostolice sedis gratia . sancte Moguntinensis sedis . ac Magdeburgensis ecclesie Archiepiscopus . primas . et sacri Romani imperii in germania archicancellarius . princeps : elector ac administrator Halberstattensis . Marchio Brandenburgensis . Стеттиненсис . Pomeranie : Cassuborum Sclauorumque dux | Burggrauus . Nurenbergensis Rugique princeps . Et guardianus fratrum ordinis minorum de obseruantia conuentus Moguntini . Per sanctissimum | dominum nostrum Leonem Papam decimum per prouincias Moguntinensem ac Magdeburgensem ac illarum et Halberstattenses ciuitates et dioceses necnon terras | et loca illustrissimi et illustrium Principum dominorum Marchionum Brandenburgensium temporalis dominio mediate uel immediate subiecta nuncii et commissarii : ad infrascripta specialiter deputati . Vniuersis et singulis presentes literas inspecturis Salutem in domino . Notum facimus quod sanctissimus dominus | noster Leo diuina prouidentia Papa decimus modernus : omnibus et singulis utriusque sexus christifidelibus : ad reparacionem fabrice basilice principis apostolorum sancti Petri de vrbe : iuxta ordinationem nostram manus porrigentibus adiutrices : vltra plenissimas indulgentias ac alias gratias et facultates quas christifideles ipsi obtinere possunt : iuxta literarum apostolicarum desuper confectarum continentiam misericorditer etiam in domino indulsit atque concessit : vt idoneum possint | eligere confessorem presbyterum secularem . uel cuiusuis etiam mendicantium ordinis regularem . qui eorum confessione diligenter audita . pro commissis per eligentem | delictis et excessibus : ac peccatis quiblibet : quantumcumque grauibus et enormibus : etiam in dicte sedi reseruatis casibus : ac censuris ecclesiasticis : etiam ab | homine ad alicuius instantiam latis . de consensu partium etiam ratione interdicti incursis . et quarum absolutio eidem sedi esset specialiter reseruata. Preterquam machinationis in personam summi pontificis : occisionis episcoporum aut aliorum superiorum

prelatorum et iniectionis manuum violentarum in illos aut alios prelatos . falsificationis | literarum apostolicarum . delationis armorum et aliorum prohibitorum ad partes infidelium ac sententiarum et censurarum occasione aluminum tulfe[537] apostolice de partibus infidelium ad fideles contra prohibitionem apostolicam delatorum incursarum semel in vita et in mortis articulo quotiens ille imminebit . licet mors tunc non subsequatur | Et in non reseruatis casibus totiens quotiens id petierint plenarie absolvere et eis penitentiam salutarem iniungere . necnon semel in vita et in dicto mortis articulo : plenariam omnium peccatorum indulgentiam et remissionem impendere . Necnon per eos emissa pro tempore uota quecumque (vltramarino : visitationis | liminum apostolorum et sancti Jacobi in compostella : religionis et castitatis votis dumtaxat exceptis) in alia pietatis opera commutare auctoritate apostolica | possit et valeat . Indulsit quoque idem sanctissimus dominus noster prefatos benefactores eorumque parentes defunctos qui cum charitate decesserunt in precibus : | suffragiis : elemosynis : ieiuniis : orationibus : missis : horis canonicis : disciplinis : peregrinationibus : et ceteris omnibus spiritualibus bonis que fiunt : et fieri poterunt in tota vniuersali sacrosancta ecclesia militante : et in omnibus membris eiusdem in perpetuum participes fieri . Et quia deuotus | Philippus Kessel[538] presbyter ad ipsam fabricam et necessariam instaurationem | supradicte basilice principis apostolorum iuxta sanctissimi domini nostri Pape intentionem et nostram ordinationem de bonis suis contribuendo se gratum | exhibuit. In cuius rei signum presentes literas a nobis accepit Ideo eadem auctoritate apostolica nobis commissa : et qua fungimur in hac parte | ipsi quod dictis gratiis et indulgentiis vti et eisdem gaudere possit et valeat per presentes concedimus et largimur. Datum Auguste | sub sigillo per nos ad hec ordinato. Die xv Mensis Aprilis Anno domini M.D.xvij.

Forma absolutionis totiens quotiens in vita.

Misereatur tui &c. Dominus noster Jesus christus per meritum sue passionis te absoluat : auctoritate cuius et apostolica mihi in hac parte commissa: et | tibi concessa ego te absoluo ab omnibus peccatis tuis. In nomine patris et filii et spiritus sancti Amen.

Forma absolutionis et plenissime remissionis : semel in vita et in mortis articulo.

Misereatur tui &c. Dominus noster Jesus christus per meritum sue passionis te absoluat : et ego auctoritate ipsius et apostolica mihi in hac parte commissa : et tibi | concessa te absoluo . primo ab omni sententia excommunicationis maioris vel minoris si quam incurristi . deinde ab omnibus peccatis tuis : conferendo tibi plenissimam omnium | peccatorum tuorum remissionem remittendo tibi etiam penas purgatorii in quantum se claues sancte matris ecclesie extendunt . In nomine patris et filii et spiritus sancti Amen.

Примечание.—Если одним из эффектов, произведенных прочтением этого часто обсуждаемого документа, является удивление по поводу масштабов послаблений, предлагаемых тем, кто должен "протянуть руку помощи для восстановления структуры Церкви князя апостолов, Святого Петра Римского", то другим, несомненно, является изумление по поводу кажущейся несообразности исключений. "Индульгенция" распространяется на преступления, эксцессы и любой грех, каким бы "тяжким и огромным" он ни был, но не распространяется не только на "заговор против личности папы Римского, убийство епископов или других высших прелатов, насильственное наложение рук на них или на других прелатов, подделку апостольских посланий, вывоз оружия и других запрещенных товаров в языческие части", но и наввоз квасцов из языческих частей в христианские вопреки апостольскому запрету, согласно которому верующие, которым нужны квасцы, должны были использовать только то, что получено из Толфы. принадлежащий папе римскому.

При поверхностном рассмотрении это последнее исключение наводит на мысль о коммерческой монополии, обеспечиваемой угрозой духовных наказаний; и было так ясно видно, что ему легко можно было бы придать вредное значение, что точность отрывка часто подвергалась сомнению. М. Оден, который в своей *Истории Мартина Лютера*, т. i, стр. 429-432, приводит копию "Индюльгенции", переводит отрывок так: "occasione aluminium (sic) sanctae ecclesiae" и др. Используя слово "sic" и добавляя примечание "Tire d'une source protestante par un protestant", М. Оден, по-видимому, намеревался намекнуть не только на то, что он сомневался в правильности копии, к которой у него был доступ, но и на то, что явно вызывающие возражения особенности документа могут быть связаны с неточностью.

Но сделки, причины которых недостаточно поняты, могут породить очень ошибочные мнения; и в этом случае даже самый беглый взгляд на состояние Европы во время понтификата Пия II, когда появились квасцовые фабрики Толфы, покажет, что существовали серьезные причины рассматривать ввоз квасцов как самое тяжкое преступление - причины, которые вполне могли повлиять на указы папы и которые не утратили своего значения во времена Льва X.

До открытия, что квасцы можно добывать на холмах близ Толфы, итальянцы зависели в поставках этого товара, который они использовали в очень значительных количествах, от турок, которые, следует иметь в виду, всего несколькими годами ранее захватили Константинополь и которые теперь были бичом и ужасом христианского мира. Точка зрения папы относительно того, как следует использовать это открытие, представлена в следующем отрывке из краткого изложения Пия II.: —

'Item quoniam diebus nostris faciens nobiscum Dominus misericordiam suam de absconditis terræ, uberrimas pretiosi aluminis venas antea nunquam inventas miraculo quodam in montibus nostris, qui in patrimonio B. Petri in Tuscia prope arcem Tolpham sunt patefecit, volens videlicet, ne ultra ex fidelium pecunia Turchorum in eos persecutio cresceret, sed ilia ad defensionem nostram uti possemus, justum et pietati suæ placitum reputantes, fructum omnem, qui antehac ex comportato in Christianitatem transmarino alumine penes impios Turchos in Christianorum exitium erat, modo ad nos in suffragium ecclesiæ catholicæ transeat, præsertim cum alumen nostrum, magistra experientia, virtute perfectius, pretio vilius, numero autem sit adeo abundans, ut usui Christianorum in omnem partem satisfacere possit, ex parte omnipotentis Dei Patris, et Filii, et Spiritus sancti, ac nostra ex hoc sancto tribunali apostolica voce hortamur atque requirimus omnes, et singulos profitentes nomen Christianum, ne posthac alumen a Turchis aliisque infidelibus emant, &c. Dat. Romæ apud S. Petrum anno MCDLXIII. vii. id. Aprilis, pontificatus nostri anno v.' (Raynaldus, 'Annales Ecclesiastici,' tom. 29, p. 376).

В своей "Истории изобретений, открытий" и проч. (*Стандартная библиотека Бона*), Бекманн, который в "трактровке квасцов" цитирует несколько отчетов о работах в Толфе, говорит: "Сам папа оставил нам очень подробную историю этого открытия и обстоятельств, которые привели к нему"; и, ссылаясь на противоречивые заявления относительно первооткрывателя, он добавляет: "Но поскольку я не хочу приписывать ложь понтифику, я придерживаюсь мнения, что история этого открытия должна была быть лучше всего известна ему. Он, правда, не установил год с достаточной точностью, но из его рассказа мы можем заключить, что это, должно быть, был 1460 или 1465 год.^[539] Первый год указан Фелицианом Бюсси, а второй - в "Истории города Чивита-Веккья". "Изложение истории папы Римского Бекманом, хотя изложение кое-где открыто для критики, проливает много света на отрывок из Индугенции и в остальном очень

интересно. Оно написано в следующих выражениях: "Незадолго до этого периода в Рим прибыл Джон ди Кастро, с которым понтифик был знаком, когда тот занимался торговлей в Базеле и был банкиром папы Евгения. Его отец, Павел, был знаменитым юристом своего времени, который много лет просидел на кафедре Падуи и наполнил своими решениями всю Италию; к нему часто обращались с судебными исками, и судьи с большим уважением относились к его авторитету, поскольку он был человеком честным и хорошо образованным. После своей смерти он оставил значительное состояние, и двое сыновей достигли зрелого возраста, старший из которых, следуя профессии отца, приобрел очень обширные познания в юриспруденции. Другой, который был человеком гениальным и больше уделял времени учебе, познакомился с грамматикой и историей; но, любя путешествовать, он прожил некоторое время в Константинополе и нажил большое состояние, крася ткани, произведенные в Италии, которые были перевезены туда и переданы на его попечение из-за обилия квасцов по соседству. Имея благодаря этому возможность ежедневно видеть, каким образом изготавливаются квасцы и из каких камней или земли их добывают, он вскоре овладел этим искусством. Когда, по воле Божьей, этот город был взят и разграблен около 1453 года Магометом II, императором турок, он потерял все свое имущество; но, счастливый тем, что избежал огня и меча этих жестоких людей, он вернулся в Италию после восшествия на престол Пия II, с которым он состоял в родстве и от которого получил, в качестве компенсации за свои убытки, должность генерального комиссара над всеми доходами Апостольской палаты, как внутри города, так и за его пределами. Находясь в таком положении, он обошел все холмы и горы, исследовал недра земли, не оставив неисследованным ни одного камня или глыбы, и наконец нашел немного квасцов в окрестностях Толфы. Старая Толфа - город, принадлежащий двум братьям, подданным Римской церкви, и расположенный на небольшом расстоянии от Чивита-Веккьи. Здесь есть высокие горы, уходящие вглубь материка от моря, которые изобилуют лесом и водой. Пока Кастро осматривал их, он заметил, что трава приобрела новый вид. Пораженный удивлением и расспросив о причине, он обнаружил, что горы Азии, которые обогащают турецкую казну своими квасцами, были покрыты травой подобного рода. Увидев несколько белых камней, которые казались минералами, он откусил от некоторых из них и обнаружил, что у них солоноватый вкус. Это побудило его провести несколько экспериментов по их обжигу, и в конце концов он получил квасцы. Поэтому он отправился к понтифику и, обратившись к нему, сказал: "Я объявляю вам о победе над турками. Ежегодно он получает от христиан свыше трехсот тысяч золотых, выплачиваемых ему за квасцы, которыми мы красим шерсть в разные цвета, потому что их здесь нет, за исключением небольшого количества на острове Хискла, ранее называвшемся Энария, близ Путеол, и в пещере Вулкана в Липари, которая, будучи ранее добытой римлянами, теперь почти лишена этого вещества. Я, однако, нашел семь холмов, настолько изобилующих им, что их было бы почти достаточно для снабжения семи миров. Если вы пошлете за рабочими и прикажете построить печи и обжечь камни, вы сможете поставлять квасцы по всей Европе; и та выгода, которую турок обычно получал от того, что этот предмет попадал в ваши руки, будет для него двойной потерей. Дров и воды здесь вдоволь, а по соседству есть порт Чивита-Веккья, где можно грузить суда, направляющиеся на Запад. Теперь вы можете начать войну против турка: этот минерал снабдит вас военной силой, то есть деньгами, и в то же время лишит их турка". Эти слова Кастро показались понтифику бредом сумасшедшего: он считал их всего лишь снами, подобными предсказаниям астрологов; и все кардиналы придерживались того же мнения. Однако Кастро, хотя его предложения часто отвергались, не отказался от своего проекта, а обратился к его Святейшеству через различных лиц с просьбой провести в его присутствии эксперименты с обнаруженными им камнями. Понтифик нанял опытных людей,

которые доказали, что в них действительно содержались квасцы; но чтобы не было допущено какого-либо обмана, в то место, где они были найдены, были отправлены другие, которые столкнулись с изобилием квасцов подобного рода. Художники, работавшие на турецких рудниках в Азии, были привезены из Генуи; и они, внимательно изучив природу этого места, заявили, что оно похоже на природу азиатских гор, где добывают квасцы; и, проливая слезы радости, они трижды преклонили колени, поклоняясь Богу и восхваляя его доброту за то, что он даровал нашему веку столь ценный дар. Камни были обожжены, и из них получились квасцы, более красивые, чем азиатские, и высшего качества. Часть их была отправлена в Венецию и Флоренцию, и после испытаний выяснилось, что они превосходят все ожидания. Сначала генуэзцы приобрели его в количестве 20 000 золотых монет, а Космо Медичи впоследствии выложил за этот предмет семьдесят пять тысяч. За эту услугу Пий счел Кастро достойным высочайших почестей и статуи, которая была воздвигнута ему в его собственной стране, с надписью: "Джону ди Кастро, изобретателю квасцов"; и он получил, кроме того, определенную долю прибыли. Иммуниеты и доля прибыли были предоставлены двум братьям, лордам Толфы, на земле которых был найден глиноземистый минерал. Это присоединение богатства к Римской церкви было осуществлено по божественному благословению при понтификате Пия II.: и если оно, как и должно быть, избежит рук тиранов и будет разумно управляться, оно может увеличиться и оказать немалую помощь римским понтификам в несении бремени христианской религии — *Комментарий Пия Второго . rer . memorab . quæ temp . suis contigerunt. Франкоф. 1614, следующий. стр. 185'*

Dr. Georg Voigt, in his 'Enea Silvio de Piccolomini als Papst Pius der Zweite und sein Zeitalter,' vol. iii. pp. 546-48, says:—

'Ein Glückszufall brachte dem Papste noch eine ganz unerwartete Quelle von Einnahmen. Unter ihm wurden die berühmten Alaungruben von Tolfa entdeckt. Der genannte Giovanni de Castro, ein Mann der rührigsten Industrie, der zu Konstantinopel die Färbung italienischer Zeuge betrieben, bei der Eroberung der Stadt jedoch nichts als sein Leben und seine technischen Kenntnisse davongetragen, war der Finder. Umherschweifend auf dem einsamen culturlosen Waldgebirge, das sich unweit Civita-vecchia mit seinen Ausläufern bis zum Meer erstreckt, stöbernd unter den Steinen, Erden und Pflanzen mit dem eigenthümlichen Antriebe solcher Naturen, bemerkte er zunächst ein Kraut, das er auf den alalunhaltigen Bergen Asiens gesehen, dann weisse Steine, die der salzige Geschmack und gar die Auskochung als Alaun erwies. Freudig eilte er zum Papste und verkündete ihm den Sieg über die Türken, zunächst den Industriellen, da der Orient durch den Alaun jährlich über 300,000 Ducaten von den Christen verdiene. Von anderer Seite wird der Astrolog Domenico di Zaccaria aus Padua wenigstens als Mitentdecker angegeben.^[540] Pius indess erwähnt nur de Castro. Er und die Cardinäle hielten die Entdeckung anfangs für eine alchymistische Träumerei. Doch bestätigten Sachverständige, dass das Gestein wirklich Alaun und dass es in jenen Bergen in betriebsfähiger Masse vorhanden sei; das reichliche Wasser der Gegend und der nahe Seehafen begünstigten den Bau. Es wurden Gewerbsleute aus Genua berufen, die einst bei den Türken den asiatischen Alaun behandelt; sie weinten vor Freude, als sie das Mineral erkannten, nach der Abkochung zeigte sich seine Güte: 80 Pfund hatten den Werth von 100 Pfund türkischen Alauns. Proben wurden nach Venedig und Florenz versandt. Genuesische Kaufleute schlossen zuerst einen Ankauf für 20,000 Ducaten ab. Dann Cosimo de' Medici einen für 75,000. Der Papst fasste den Vorsatz, das Geschenk Gottes auch zur Ehre Gottes, zum Türkenkriege zu verwenden; er ermahnte alle Christen, fortan nur von ihm, nicht von den Ungläubigen den Alaun einzukaufen, zumal da der seinige nach der Erfahrung besser und

billiger sei.[541] Schon im Jahre 1463 wurde tüchtig in den Gruben von Tolfa gearbeitet, 8,000 Menschen waren dabei beschäftigt: der Finder wie die Besitzer des vorher unfruchtbaren Districtes erhielten eine Quote des Gewinnes, der dem apostolischen Schatze jährlich gegen 100,000 Ducaten einbrachte. In der Wahlcapitulation von 1464 wurden sämmtliche Einkünfte von Alaun für den Türkenkrieg bestimmt.'[542]

Из заявлений доктора Фойгта о том, что уже в 1463 году на квасцовых заводах в Толфе было занято 8000 человек и что прибыль апостольской казне после того, как претензии первооткрывателя и владельцев были должным образом признаны, составляла 100 000 дукатов в год, и из даты приведенного выше Краткого отчета папы, кажется, что открытие едва ли могло быть сделано позже 1462 года, года, назначенного ему Никколо делла Тучча.

Следующий отрывок из перевода Р. Харрисона "Лоренцо де Медичи" А. фон Ремона несколько подробнее рассказывает об истории этого знаменитого рудника и его позиции по отношению к папскому правительству:

"Привязанность и доверие папы проявлялись различными способами. Римский депозитарий, то есть офис Получателя, был передан Медичи с разрешением выбрать в качестве своего представителя Джованни Торнабуони, директора римского банка. Им также были предоставлены новые привилегии в связи с их участием в сельском хозяйстве квасцовых заводов Толфы. Это была важная уступка. Во времена папы Пия II Джованни ди Кастро, сын известного юрисконсульта Паоло, главного участника пересмотра флорентийских статуты (закончен в 1415 году), обнаружил залежи квасцов в породе во время геологических исследований в холмистой местности между Чивита-Веккья и территорией Витербо, в окрестностях Тольфы. Он мгновенно осознал важность своего открытия, которое обещало освободить Запад, до сих пор бедный этим минералом, от дани далекому Востоку, ставшему еще более недоступным из-за турецких завоеваний. Фактически, вскоре объем произведенной продукции достиг 160 000 золотых флоринов; и хорошо известно, какие радужные надежды возлагал Пий II, чьи взоры были устремлены на Восток, на то, что этот новый источник дохода поможет его предприятиям. Генуэзские дома занимались торговлей квасцами до тех пор, пока Медичи не заключили контракт с папским казначейством, что впоследствии привело к множеству неприятных недоразумений с финансовым департаментом". (Т. I., стр. 275).

Рассказ о квасцах из Толфы также приводится в томе v. глава i. "Путешествий П. Лаборатории Ордена ФФ. Дошкольники в Испании и Италии"; и в статье "Алаун" в "Экономической энциклопедии" доктора Й. Г. Крюница, которая частично заимствована из работы Лабата.

КОНЕЦ.

*БРОДВЕЙ, 530, Нью-Йорк.
Ноябрь 1877 года.*

Компания "РОБЕРТ КАРТЕР И БРАТЬЯ"

НОВЫЕ КНИГИ.

СНОСКИ:

[1] *Журнал Мерль д'Обинье.*

[2] *Там же.*

[3] Жюль Бонне, *Обратите внимание на сюр Мерль д'Обинье.* Париж, 1874.

[4] Льюренте, *История инквизиции*, i. стр. 285.

[5] *Там же.* стр. 349.

[6] Мартирис, *Послание. Библиотека.*, ер. 333.

[7] Льюренте, *История инквизиции*, ii. стр. 3.

[8] Мартирис, *Ерр.*, стр. 689, 722.

[9] Послание Фробениуса Лютеру, 14 февраля 1519 г. —Валх., хв. стр. 1631.

[10] 'Libellus Lutheri de libertate christiana et de servo arbitrio in Hispanicum idioma translatus.'—Гердесий, *Ann.*, iii. стр. 168.

[11] Мелх. Adami, *Vitæ Theol.*, p. 288.

[12] Льюренте, *История инквизиции*, i. стр. 419.

[13] Произведения Джона д'Авилы, переведенные Арно д'Эндилли. Париж, 1773 год.

[14] Работы Джона д'Авилы, стр. 671.

[15] Работы Джона д'Авилы, стр. 684, 685, 688, 714, 715, 717.

[16] *Там же.* стр. 710, 712.

[17] Всего их четыре книги, содержащие 162 письма, как правило, очень объемные.

[18] Работы Д'Авилы, стр. 397.

[19] *Там же.* стр. 95.

[20] Льюренте, *История инквизиции*, ii. 6, 138. Произведения Д'Авилы, стр. 122.

[21] Работы Д'Авилы, стр. 397.

[22] Это изложение христианской доктрины, рассматриваемое не с догматической, а с духовной и практической точки зрения.

[23] Льюренте, *История инквизиции*, ii. стр. 7.

[24] 'Homo simplex, ruri perpetuo addictus и с.'—Монтанус, *Инквизиция испанских искусств*, стр. 31.

- [25] "Адоранда - это максимум божественного провидения, суть которого заключается в изяществе ... cuius rei, vel is ipse rusticus luculentum exemplum esse possit."—Montanus, *Artes Inq. hisp.*, pp. 32, 33.
- [26] "In equis, in equorum apparatu, in ludis, in vestium luxu, in venationibus и т.д." —*Статьи на исп.*, стр. 260.
- [27] Льоренте, *История инквизиции*, ii. стр. 148.
- [28] "Божественное возмездие произвело фурор и было исправлено".—Монтанус, стр. 260, 269.
- [29] "В корпоративной культуре антея молликуло и великолепии, там истинный ужас и сордидо в одежде".—Монтанус, стр. 261.
- [30] "Священные литеры ночи версабат".—*Там же*.
- [31] Льоренте, *История инквизиции*, ii. стр. 148.
- [32] "Русь Испанская живет в мире *Герионом*, седьмым благоприятствующим, трехкорпусным, седьмым единомудушным".—Эрасми *Ерр.*, lib. xx. ep. 15.
- [33] Льоренте, *История инквизиции*, ii. стр. 7, 8. *Эпп. Т. Мори и Люд. Vives*, col. 114.
- [34] "Propter hoc unum verbum, sine mora in custodiam SS. PP. est traditus".—*Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 156.
- [35] "Illius iudicium instar oraculi".—*Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 158.
- [36] Льоренте, ii. стр. 456. *Воспоминания Энцинаса*, i. стр. 123.
- [37] Льоренте, ii. стр. 430-431.
- [38] Льоренте, iii. стр. 6, 7.
- [39] "Там наглая клевета, там очевидный умысел, там артицидоз".—*Erasmi Epp.* lib. xviii. эп. 2.
- [40] *Вирвес, Послание.*, Ратисбон, 15 апреля 1532 г. *Бурчери Спец.*, v. стр. 12-16.
- [41] Льоренте, ii. стр. 8-14.
- [42] 'Qui ad alios illuminandos amandati erant, ipsimet lumine capti ad nos redierunt, deceptique ab hæreticis.'—G. de Illescas, *Hist. Понтификал и Католика*, i. стр. 672.
- [43] 'Unde illa audacia qua in sanctos patres ecclesiæ lumina atque columnas ... инвехеретур?' — Монтанус, стр. 261, 262.
- [44] "Магическая современность — это то, что нужно, то, что нужно магу на аукционе".- Монтанус, стр. 258.
- [45] "Eum exacte edocuit Christiani concionatoris officium".—Монтанус, стр. 258.
- [46] 'Препятствие прямо Эгидиусу... Unus e media plebe, idiota, etc.'—Montanus, p. 258.
- [47] Льоренте, ii. стр. 139, 140.

[48] 'Fuit divina monenti tanta spiritus Dei vis in dicendo ut ab ea hora Ægidius in alium virum mutatus.'—Montanus, p. 259.

[49] "Практика обращения к опыту эпохи просвещения".—Монтанус, стр. 263.

[50] "Igneam quamdam pietatis facem." —*Там же.*, стр. 231.

[51] 'Adesse Christum qui verba, eo externe ministrante, in ipsis visceribus suorum virtute spiritus sui exararet.'—Montanus, p. 201.

[52] "Фамильярные консультации по поводу арктической дружбы".—Монтанус, стр. 265.

[53] 'Constantini Fontii, viri ad prodigium usque eruditi.'—*Ibid.*

[54] Льоренте, ii. стр. 273.

[55] Ученый и благочестивый историк Макри, уделявший много внимания истории Реформации в Испании, утверждает, что Варгас первым объяснил Послание к Римлянам. Но Монтанус де Монтес, современник и друг Эгидия, говорит: "*Проповедовать евангелие от Матфея, абсолютно принять псалом*". С. 281.

[56] "Capitulum cum honorifica legatione accercebat".—Монтанус, стр. 279.

[57] "Вилесцерет в верной Индии усердствует конгрессу луциса лицемерного турба".—Монтанус, стр. 266.

[58] 'Объявление Эпиктети Стоичи плациты ... eo Epicteto inferior.'—Montanus, p. 238.

[59] 'De crebris jejuniis, de mortificatione, vestitu, sermone, vultu .. . ad missas complures, ad sacrorum locorum frequentationes, et ad multa alia nugamenta.'—Montanus, p. 238.

[60] "Аксессуары для изучения испанского языка, перитии и факундии, необходимые для изучения illius studiosissimis miraculo esset".—Montanus, стр. 278.

[61] "Видеозапись того, как мы ведем себя в зеркале квадам человека, все его переговоры созерцаются".—Монтанус, стр. 278.

[62] 'Tantus erat populi concursus ut quarta, sæpe etiam tertia, noctis hora vix in templo inveniretur commodus ad audiendum locus.'—*Ibid.*, p. 279.

[63] "Clarissimos antecelluit".—*Там же.*, стр. 278.

[64] "Ea urbs omnium totius Hispaniaæ felicissima".—Монтанус, стр. 240.

[65] 'Illa enim messis quæ per totos jam octo aut decem annos colligitur, ex illa laboriosa novatione provenire certum est.'—Montanus, p. 240.

[66] "Константин (де ла Фуэнте) Цезарь и филион Филиппо асцит Испанского Языка, открывающий когеретив", —Монтанус, стр. 282.

[67] 'Qui ut simplicitate ingenii et auctoritate præstabat, apertius et frequentius lucis hostes lacessebat.'—Montanus, p. 266.

[68] 'A Valerio Nebrissensi ex d. Pauli epistolæ ad Romanos familiari interpretatione (veritatem) ante didicerat (Diazus).'—Montanus, p. 268.

[69] Петра не следует путать с одним из двух братьев Хуана и Альфонсо, чья трагическая история занимает место в анналах Реформации.

[70] 'Sæpe e sua sede surgens, spectante universo populo, concionatoribus contradixit.'—Montanus, p. 264.

[71] "Кто олим в ностра цивитате, юноша, знакомый нови", — говорит Фрэнсис Энзинас из Сан-Романо.—*Воспоминания Энзинаса*, ii. стр. 174.

[72] 'Virum gravem admodum constantemque et fortem in iis asserendis defendendisque quæ vera atque recta esse discendo comperisset.'—Camerarius, *Melanchthonis Vita*, p. 324.

[73] "De officio pii viri in hoc dissidio religionis". Consultatio de articulis fidei inter papistas et protestantes controversis, ' &c.

[74] "Иллюстрация и разъяснение вирорумской эпистолы, сценарий в Бельгии, вель ад Белгас", стр. 55, 58. Lugd. Batav., 1617.

[75] *Воспоминания Энзинаса*, ii. стр. 172, 173.

[76] Макри, *Реформация в Испании*, стр. 403, 414.

[77] 'Cum gravitatem illam vultus pari suavitate conjunctam, et totius corporis majestatem vere heroicam contemplarer.'—Gerdesius, iii. *Monumenta*, p. 83.

[78] "Божественный дар при прочих равных смертных".—*Там же*.

[79] 'Сцинтилляция огненная ... ut totum fere pectus conflagrare videretur.'—Gerdesius, iii. *Monumenta*, 83.

[80] "Экстремум или преимущество".—Гердесиус, iii. стр. 85.

[81] "Мои разговоры о суавии и минимальные неприятности притягивают к мирифице восхитительный".—*Воспоминания Энзинаса*, ii. стр. 166.

[82] Мизерия мира сего и вечная жизнь коммутавита". —*Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 166, в научном издании М. Кампана. (Брюссель, 1862.)

[83] "Usque ad cineres summa sum eum reverentia prosecutus".—*Там же*.

[84] Иллюзия. et Clar. Virorum *Epp.* selectæ, a Belgis vel ad Belgas scriptæ; Лейден, 1617. Ер. от Кнобельсдорфа Кассандру, 10 июля 1542 г.; от Джеймса Дриандера Кассандру, стр. 38-45, 55, 60. Crespin, *Actes des Martyrs*, iii. p. 127.

[85] См. том vii. стр. 491.

[86] "Итоговый итог интеллектуального развития".—*Воспоминания Энзинаса*, ii. стр. 176.

[87] "Божественный вопрос".—*Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 176.

[88] "Ipsam inflammavit concionatoris oratio".—*Там же*.

- [89] "Тото тридуо... в алиуме кемдам хоминем прорсус новум эст иммутатус".—*Воспоминания Энзинаса*, ii. стр. 178.
- [90] "Ничто полностью не умирает от медитации, ничто ночью не спит, не претерпевает никаких сентенций".—*Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 178.
- [91] Письмо Спренга Энзинасу, 6 января 1546 г. Архив протестантской семинарии в Страсбурге.
- [92] "Постеа в Испании, коммигаре у родителей, в результате чего гражданское население нострамы ... преобразовалось".—*Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 182.
- [93] "Лаборатория смерти".—*Воспоминания Энзинаса*, ii. стр. 184.
- [94] 'In aliquod antrum, quasi vivum cadaver insepultum detruderent.'—*Там же.*, стр. 184.
- [95] "Ex equo deponunt, et captivum in édes cujusdam mercatoris deducunt".—*Там же.*, стр. 186.
- [96] "Туманности Пессими".—*Воспоминания Энзинаса*, ii. стр. 188.
- [97] *Воспоминания Энзинаса*, ii. стр. 198.
- [98] Смотрите вступительную речь Сейма.—*Слэйдан*, ii. стр. 125 кв.
- [99] "Долгая и смелая речь ... выслушайте императорского пациента". —*Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 200.
- [100] 'Es ist unmöglich Christum zu vergleichen mit der Schlangen.'—*Luth., Epp.*, v. p. 376.
- [101] "Волевой дух, сине—голубое море, в Данубийской практике". -*Воспоминания Энзинаса*, ii. стр. 202.
- [102] "Etiam (ut audiivi) in ipsam Africanam expeditionen".—*Ib.*, стр. 206.
- [103] "Ничто не может помешать нашей победе, потому что я враждебен алиоки либерриму, потому что у нас нет права на императора".—*Воспоминания Энзинаса*, ii. стр. 204.
- [104] "Нимиум на виа проперабант".—*Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 206.
- [105] Завершение истории Сан Романо можно найти в главе vi. ниже.
- [106] *Воспоминания Энзинаса*, i. стр. 9-13.
- [107] Том vii. стр. 554.
- [108] "Великий сангвинический либрум импрессум".—*Мемуары Энзинаса*, i. стр. 140.
- [109] "Responsandi ex prophetarum, Christi, et apostolorum scriptis adversus Ecclesiæ decreta". — *Там же.*, стр. 146.
- [110] "Использование illa admodum в качестве профессионала будущего в опере".—*Гердесиус, История. Реформа.*, iii. с. 166.
- [111] "Божественный квест о существовании среди смертных".—*Воспоминания Энзинаса*, ii. стр. 126.

- [112] "Insanis vociferationibus, non dicam concionantem, sed vere furentem, et concionem ipsam ad seditionem excitantem".—*Воспоминания Энзины*, ii. стр. 128.
- [113] "Неполноценность при косом движении эякулята... cum tu ipse proximus illi sederes,... quem tamen ipse non potuit agnoscere."—*Ibid.*
- [114] "Juvenculum heri aut nudius tertius natum".—*Воспоминания Энзины*, i. стр. 188. Это свидетельство молодости Энзины.
- [115] "Jurare per sacrosanctam cucullam".—*Воспоминания Энзины*, i. стр. 190.
- [116] Название в конечном итоге было таким: "Новое испытание нуэстро-Искупителя и Сальвадора Иисуса Христа, традиция Григория в ленгуа Кастеллана для Франсиско де Энзины, посвящение цезарии Великой". En Enveres, en casa de Estevan Mierdmanno, en el anno de MDXLIII.'—In 8vo.
- [117] "Когнитивный процесс человеческого закона ... e vita, velut indignabunda, excedens humanis valedixit."—Ubbo Emmius, 832. Ranke, *Deutsche Geschichte*, iv. p. 295.
- [118] "Eum præsentaneo veneno pungit."—*Воспоминания Энзины*, ii. стр. 100.
- [119] "Негибкая головка в плечевом суставе, кукулло уске и глаза демиссо, интуиция террама, modesta" и др. —*Воспоминания Энзины*, ii. стр. 100.
- [120] "Что может быть лучше для мускуса?" —*Воспоминания Энзины*, ii. стр. 100.
- [121] "Tum admonet omnes machinas, вызывающий фурор сатаны".—*Воспоминания Энзины*, ii. стр. 102.
- [122] "Велик в ипсо ярости, чоро вакхантем".—*Воспоминания Энзины*, ii. стр. 100.
- [123] "Император существует, чтобы покончить с собой в имо Татарии, в конце концов".—*Воспоминания Энзины*, ii. стр. 106.
- [124] "Время для эго, ад аулам аджебат (император)".—*Воспоминания Энзины*, i. стр. 196.
- [125] "B aula habebam non paucos neque vulgares amicos et cognatos".—*Воспоминания Энзины*, i. стр. 196.
- [126] "Толкование Нового Завета в единственном избранном".—*Воспоминания Энзины*, i. стр. 200.
- [127] "Особые процедуры для квадам величества, единоличное руководство людьми".—*Воспоминания Энзины*, i. стр. 200.
- [128] Ps. cxix. 46. 'Hæc sententia in animo meo frequenter atque ardentè repetita, sic vires reficiebat,' &c.—*Memoirs of Enzinas*, i. p. 202.
- [129] "Слушатель библиотеки Истиуса?" —*Воспоминания Энзины*, i. стр. 206.
- [130] "О рем унам слезный пласт сангвиника плачевного".—*Воспоминания Энзины*, i. стр. 208.
- [131] "Суть магно—периккулярного соединения". -*Там же.*, стр. 212.

[132] 'Cujus opera thesaurum amplissimum cleslestis doctrinæ Hispani homines sunt consecuti.'—*Воспоминания Энцинаса*, i. стр. 218.

[133] "Омнес продиторес, суспенди и медикаменты для укрепления здоровья".—*Воспоминания Энцинаса*, i. стр. 228.

[134] "Ускоренная проповедь страданий зрительного нерва при упражнениях". —*Там же.*, стр. 226.

[135] "Ut paulo post totam Hispaniam ad lutheranismo converteret!" —*Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 66.

[136] Бог бессмертен! qualia illic portenta, quot idolorum formæ!—*Memoirs of Enzinas*, i. p. 236.

[137] "Куд унум апуд нос экстримо дигнум мольбо юдикатур" —*Мемуары Энцинаса*, i. стр. 246.

[138] 'Ex istis fontibus haurienda est (doctrina) sine quibus sterilis et cæca est humana cogitatio.'—*Memoirs of Enzinas*, i. p. 256.

[139] "Videbam magnam monachorum turbam sursum deorsum cursitantium, nescio quid inter se sursurrantium...." —*Воспоминания Энцинаса*, i. стр. 266.

[140] "Поспеши, гладиатор, вооружись множеством генералов, проинструктируй меня о неизбежном". —*Воспоминания Энцинаса*, i. стр. 268.

[141] 'Перикула ... non secus quam si omnia coram prævidissem.'—*Memoirs of Enzinas*, ii. p. 6.

[142] "Нунквам в лучах солнца, фульгура и последующая тонитруа". —*Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 16.

[143] Том vii. стр. 565-576.

[144] "Judico hominem esse omnium quos ego unquam viderim optimum".—*Воспоминания Энцинаса*, стр. 54.

[145] "Ingens facinus ac incendio dignum".—*Воспоминания Энцинаса*, стр. 60.

[146] "Не опус алиоки лаудабиле в конце концов, рерум эстимарент".—*Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 50.

[147] "Дополнительное увещевание против Цезаря Кароля и иллюстрирование принципов" и др., 1543.—*Calv. Opp.*, vi.

[148] "В самолете отправляем меня на паралич смерти до наступления смерти".—*Cod. Женева.*, 112, fol. 67, 3 августа 1545 г. *Calv. Opp.*, xii. стр. 127.

[149] "Профекто, как я, Davidicum plectrum harmonia sua plane cœlesti rapiebat."—*Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 78.

[150] М. Кампан, редактор *Мемуаров Энцинаса*, предполагает, что это произведение было впервые опубликовано в 1628 году под названием "*Псалмы Давида, дирижирование в форме ораций*".—См. *Bibliotheca Wiffeniana*, стр. 142.

[151] 'Universam civitatem in favorem evangelicæ doctrinæ propendere.'—*Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 82.

[152] Слэйдан, том ii. книга xv. стр. 226-232. *Papiers d'Etat*, iii. p. 67.

[153] "В вере в то, что религия пленяет, как ангусти и круделиус утверждает".—*Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 374.

[154] "Легенда сангвинического сценария" ... ut liceret illis pro suo arbitrio in Lutheranos grassari.'—*Ibid.*, p. 384.

[155] "Facilius per nos ipsos quam per sanctos impetramus ..." Против Александра было выдвинуто пятьдесят шесть аналогичных обвинений.—*Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 390-411.

[156] "Cum hora media octava audita esset, priusquam in carcere a mens surrexissem, eram jam in ipsis mœibus cum pulsaretur octava".—*Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 420.

[157] *Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 420-425.

[158] "Нулевое эго, видимое в сиянии великолепия, низшее в окружности плато". — *Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 426.

[159] "Чем я лучше непроницаемой любви". — Александру Кальвину, 8 августа 1545г.

[160] "Субрустационная эпистолярная".—*Там же*.

[161] "Вопрос почетного звания не существует, официальная практика". —*Там же*.

[162] Дриандер Кальвину. *Библия. de Genève*, MS. 112. Это письмо, которое мы ранее имели возможность цитировать, не опубликовано. [Это только что было опубликовано в *Calv. Opp.*, xii. стр. 126. —Редактор.]

[163] *Воспоминания Энцинаса*, i. p. 7.

[164] Креспен, *Деяния мучеников*, книга iii. стр. 170.

[165] Креспин, *Деяния*, книга iii. стр. 170.

[166] "Благодарности за утешение в деле брата ачербиссимо". — Неопубликованное письмо Фрэнсиса Дриандера (Энцинас) Кальвину. *Библия. de Genève*, MS. 112. (С момента публикации в *Calv. Opp.*, xii. стр. 510.)

[167] "Утинам истинная божественная истина во всех испанских делах".—*Calv. Opp.*, xii. стр. 510. Теодор Беза относит мученическую смерть Джеймса Энцинаса к 1545 году; доктора Макри - к 1546 году. Поскольку письмо Энцинаса Кальвину датировано апрелем 1547 года, не может ли его смерть с большей вероятностью быть отнесена к первым месяцам этого года?

[168] Креспен, *Деяния мучеников*, арт. Диас.

[169] *Calv. Err. Opp.*, xii. стр. 130, 150.— "Апуд Галласий". —*Там же.*, стр. 336.

[170] *Calv. Opp.*, xii. стр. 253.

- [171] Берихт фон дем Регенсб. Коллоквиум. von G. Major, Wittenberg, 1546; Von M. Bucer, Strasb., 1546.—Calv. *Опр.*, xii. p. 252.
- [172] Креспен, *Деяния мучеников*, книга iii. стр. 172.
- [173] Диас записал свой разговор с Мальвендой, и из его бумаг мы черпаем информацию об этом.—Креспин, *Деяния мучеников*, книга iii. стр. 174.
- [174] Льоренте, *История инквизиции*, iii. стр. 88.
- [175] В рукописи отсутствует окончание главы. Мы добавляем несколько страниц в связи со скорбной кончиной Хуана Диаса. —Редактор.
- [176] "Для цезаря уместен выбор, Необургум се контулерат, кто оппидум, а кто субдितिон Других генрихов".—Calv., *Опр.*, xii. стр. 336.
- [177] Слэйдан, *Реформа.*, книга xvii.
- [178] Жюль Бонне, "*Результаты судебного процесса*", стр. 228.
- [179] Кастро, *Испанские протестанты*, стр. 44.
- [180] Llorente, *Histoire de l'Inquisition*, pp. 184-187.
- [181] Льоренте, *История инквизиции*, ii. стр. 238.
- [182] Его убрали во времена регентства Эспартеро. Улица называется *Калле дель доктор Касалья*.
- [183] Llorente, *Histoire de l'Inquisition*, ii. pp. 222, 223. Иллескас, *Папская история*, ii. стр. 337.
- [184] Льоренте, *История инквизиции*, ii. стр. 235, 236, 407. Иллескас, *Папская история*, i. стр. 337.
- [185] Llorente, *Histoire de l'Inquisition*, iii. pp. 202, 204.
- [186] Llorente, *Histoire de l'Inquisition*, iii. pp. 203, 208.
- [187] *Там же.*, стр. 198, 199.
- [188] Llorente, *Histoire de l'Inquisition*, iii. 205, 206.
- [189] *Там же.*, стр. 208.
- [190] Llorente, *Histoire de l'Inquisition*, iii. p. 210.
- [191] "Adversus Deum blasphemiam et sanguinis Christi profanationem".—Льоренте, *История инквизиции*, iii. стр. 208.
- [192] "Карта короны в типичном образе чудовищного какодемона". —Льоренте, *История инквизиции*, iii. стр. 210.
- [193] "Strictis gladiis ad crucem, quam in mille partes dissecuerunt".—Льоренте, *История дознания*, стр. 210.

[194] "Левавит капут аликвантум".—*История инквизиции*, iii. стр. 212.

[195] "Назовите меня верой глории абстраксистис".—*Там же.*, стр. 214.

[196] Llorente, *Histoire de l'Inquisition*, p. 188.

[197] "Английский легат" ... verum Christi martyrem agnoscebat, ad aliquot menses ex aula exulavit.'—*Memoirs of Enzinas*, ii. p. 216.

[198] Креспен, *Деяния мучеников*, книга iii. стр. 157. Льюренте говорит о 1540 году. Де Кастро, стр. 41, говорит: "Это событие, должно быть, произошло в 1545 или 1546 году". Креспин и Макри, стр. 174, говорят о 1544 году. Чтобы определить дату, мы должны заметить, что Энцинас (ii. стр. 173) пишет повествование, когда сам был пленником в Брюсселе, и что он сбежал в 1545 году. М. Кампан указывает дату 1543, год, в котором был написан отчет. Этот отчет следует за тем, что относится к Питеру де Лерма, который умер в августе 1541 года.—Редактор.

[199] Календарь писем, депеш и государственных документов, касающихся переговоров между Англией и Испанией, под редакцией Г. А. Бергенрота. Лондон: Longmans & Co., 1868.

[200] *Премия, Дар-куэрда.*

[201] Письмо кардинала Адриана императору, 4 сентября 1520 г.—Бергенрот, *Календарь писем* и др.

[202] Отчеты монаха Томаса де Матьенцо, август 1498г.

[203] Инструкции эрцгерцога Филиппа Джону Хейдину.

[204] Инструкция короля дона Фернандо. *Государственные бумаги* Гранвеллы, 29 июля 1506 г.

[205] Смотрите интересное повествование об этих событиях, озаглавленное *Император Карл Пятый и его мать Иоанна*, в *Historische Zeitschrift* профессора Сибеля, том xx, стр. 244. Мюнхен: 1868.

[206] Робертсон, *История Карла Пятого*, книга первая.

[207] Письмо маркиза Дении от 3 июля 1518 года.

[208] Послание маркиза Дении императору, 25 января 1522 года.

[209] "Перевозчик пьедрас".

[210] Письмо маркиза Дении от 25 мая 1525 года.

[211] "Иоганна Вар, лютеранка".—Сибель, *Historische Zeitschrift*, xx. стр. 262.

[212] *Там же.*, на основании инструкций для герцога Альвы от 12, 13 и 14 апреля 1521 года (Архив Симанкаса).

[213] Сандовал, епископ Пампелуны, *История Карла V.*—Вальядолид, 1604.

[214] "Дер толле Хайнце".—Лютер, *Против Генриха английского.*

[215] *Латимер, Сочинения*, том ii. стр. 385. (Общество Паркера.)

[216] *Государственные документы*, том i. стр. 570, 571; vii. стр. 715; viii. стр. 1.

[217] "Из—за чего она сильно простудилась и ела то, к чему призывала ее фантазия в сикнесе". - *Государственные документы*, viii. стр. 1. История о том, что была проведена операция при цезаре и что мать была принесена в жертву ребенку, по-видимому, была выдумана римской партией.

[218] *Государственные документы*, viii. стр. 2.

[219] *Там же.*, стр. 5, 6.

[220] Смотрите его письмо Генриху VIII., *Оригинальные письма относительно английской реформации*, ii. стр. 554 (Общество Паркера).

[221] *Оригинальные письма*, и с., стр. 621, 316, 608, 225, 226.

[222] *Там же.*, стр. 623.

[223] Письмо из Женевы министрам Цюриха, 13 ноября 1537 г.—Calv., *Opp.*, x. стр. 129.

[224] *Оригинальные письма, относящиеся к английской реформации*, ii. стр. 621.

[225] Ирус, нищий с Итаки; Кодр, низший поэт времен Домициана.

[226] *Оригинальные письма*, &c., ii. стр. 620.

[227] *Оригинальные письма*, &c., ii. стр. 611, 618.

[228] Кранмеру в Carito, *Оригинальные письма*, стр. 16.

[229] Буцер к Кранмеру, *Там же.*, стр. 525.

[230] Strype, *Экклз. Мет.*, том i, часть 2, Приложение, lxxxiii.

[231] *Государственные документы*, vii. стр. 669. Отвес виконту Лайлу.

[232] Strype, *Экклз. Мет.*, i. стр. 461.

[233] Бекателли.

[234] Strype, *Экклз. Мет.*, i. стр. 477.

[235] 'Quum ... ad fores pene ejus aulæ pervenissem, nec tamen intromissus sum, sed antequam pulsare possem, exclusus fuerim.'—Pole's *Epp.* ii. p. 85.

[236] Strype, *Экклз. Примечание.*, i. Приложение, № lxxxiv.

[237] *Государственные документы*, vii. стр. 681. Король Генрих VIII. в Хаттон.

[238] *Там же.*, стр. 693.

[239] *Государственные документы*, vii. стр. 700.

[240] "Скрытое послание".—Поул, *Epp.* ii. стр. 49.

[241] *Государственные документы*, vii. стр. 702.

[242] *Государственные документы*, viii. стр. 9.

[243] Роберту Уорнеру, 21 ноября 1538 г. *Оригинальные письма, иллюстрирующие английскую историю* (Эллис), ii. стр. 97.

[244] "Великолепный насильник, легат и либерал, выставляющий себя напоказ".—Секендорф, книга iii. с. 16.

[245] "Сингулярем, поэтому я доброжелателен.... Проповеди о тех, кто любит совершенство". — Меланхтон Генриху VIII., *Корп. ссылка.*, iii. стр. 671.

[246] Кранмер - Кромвелю, *Письма*, стр. 379.

[247] Strype, *Мемориалы*, i. стр. 504, кв. Кранмер, *Письма* и др.

[248] "Так благородно, как только мог".—Кранмер, *Письма*, стр. 377.

[249] Кранмер, *Письма*, стр. 370.

[250] Документ, составленный немецкими врачами, и ответ короля, подготовленный Тонсталлом, можно найти в *рукописи Коттона*. *Клеоп. Э.* Они были напечатаны Бернетом (i. стр. 491) и Страйпом в Приложениях к их историям.

[251] 'Præcipuum hoc officium esse summorum principum propagare et tueri cœlestem doctrinam.'—*Corp. Ref.*, iii. p. 671.

[252] 'Illud præcipue est heroicum pro ecclesia contra tyrannos arma gerere.'—*Ibid.*

[253] Некоторые историки предположили, что посольство Гардинера длилось всего два года. Даты, которые мы приводим, взяты из документа, написанного епископом, — *Отчета о его расходах*. Его свита описана Райотесли.—*Государственные документы*, viii. стр. 51.

[254] "Adversus pontificis molimina atque technas".—Гердесий, *Анна.*, iv. стр. 284.

[255] "Аликвибус статутис в парламенте ноздрей в противоположном издании, церковный статутис без препятствий". (Королевская комиссия от 1 октября 1538 г.) —Уилкинс, iii. стр. 836.

[256] Strype, *Экклз. Мет.*, i. стр. 500.

[257] Strype, *Экклз. Мет.*, i. стр. 504.

[258] Strype, *Экклз. Мет.*, i. стр. 500 кв.

[259] Strype, *Экклз. Мет.*, i. стр. 496.

[260] Страйп, Уилкинс и др.

[261] Фокс, v. стр. 193.

[262] Сорок пять пунктов и ответы на них приведены в Фокс, *Деяния*, v. стр. 181-225.

[263] Фокс, v. стр. 228.

[264] Фокс, v. стр. 228.

[265] Фокс, Бернет, Годвин.

[266] Это извинение, озаглавленное *Трактат Джона Ламберта о таинстве, адресованный королю*, приведено в Fox, v. стр. 237-250.

[267] "Фокс говорит, что это был Дэй, епископ Чичестерский; но в этом он ошибся, ибо он еще не был епископом". На самом деле это был епископ Сэмпсон.—Страйп, *Воспоминания Кранмера*, глава XVIII. (Примечание переводчика.)

[268] "Взгляд короля, его жестокое выражение лица и сурово сдвинутые брови" и др. —Фокс, v. стр. 229.

[269] Фокс, *Деяния*, v. стр. 188, 189.

[270] Там же., стр. 230.

[271] "Как это сделать".

[272] Фокс, *Деяния*, v. стр. 232, 233.

[273] Fox.

[274] Фокс, Годвин, Креспин, Коллайер, Бернет и др.

[275] Библиотека. Английский язык, i, стр. 158. Гердесий, *Анна*., iv. стр. 286.

[276] Боссюэ.

[277] *Государственные документы*, viii. стр. 32.

[278] "Если ваше величество прислушается к примирению с епископом Рима". — Доклад Уайатта королю. *Государственные документы*, viii. стр. 37.

[279] *Государственные документы*, viii. стр. 127, 156.

[280] Франциск и др.... quod... sacram Bibliam tam Latine quam Britannice sive Anglice imprimendi... et in suum regnum apportandi et transferendi libertatem... concesserit....'—Burnet, i. Records, p. 286. Страйп, *Мемориалы Кранмера*, Приложение, № xxx.

[281] *Государственные документы*, i. стр. 575. Андерсон, *Английская Библия*, ii. стр. 27.

[282] Смотрите письмо Боннера Кромвелю от 2 сентября 1538 г.; Фокс, *Деяния*, ст. 150; и другое более позднее, стр. 152.

[283] Несколько экземпляров этой Библии до сих пор можно найти в различных библиотеках.—Андерсон, *Английская Библия*, ii. стр. 31.

[284] Королевская прокламация. Роллс, Генри.

[285] Кастильон, 2 февраля 1538 г. Ранке, v. с. 159.

[286] "Разум короля настолько зависим от политических соображений".—Фокс, v. стр. 264.

- [287] Лорд Герберт Шерберский, *Жизнь и правление короля Генриха VIII.*, стр. 510.
- [288] Там же.
- [289] Фокс, *Деяния*, т. 265. Лорд Герберт говорит то же самое: "Кранмер в течение трех дней на открытом собрании смело выступал против этих статей". — *Жизнь Генриха VIII.*, стр. 512.
- [290] "Мемориалы Кранмера" Страйпа, ii. стр. 743.....
- [291] Там же., Приложение, № 40.
- [292] Защита против Гардинера, стр. 285.
- [293] Страйп, *Экклз. Памятка.*, i, стр. 545.
- [294] Фокс, *Деяния*, v. стр. 265, 398. Страйп, *Воспоминания Кранмера*, стр. 74. Бернет, *Hist. Ref.*, i. стр. 481.
- [295] Фокс, *Деяния*, ст. 359.
- [296] Лингард, *История. из Англии*, v. стр. 131.
- [297] Андерсон, английская Библия, ii. стр. 63.
- [298] "Винтониенс фюрер им Ланде умер цвей унрухтидж Вайбер мит сич в Маннскляйдерне". Об этом мнении четырех теологов читайте в письме к Курфюрсту, подписанном ими.—*Корп. ссылка.*, iii. стр. 796.
- [299] Письмо Фарелю из Страсбурга, 27 октября 1539 г., *Calv. Opp.*, x. стр. 425.
- [300] 'Circumit Christus esuriens, sitiens, nudus, vinctus, conquerens de pontificum rabie.... Hunc agnoscere, excipere, fovere pii regis est officium.'—Henrico VIII., regi Angliæ, *Corp. Ref.*, iii p. 819.
- [301] Там же., стр. 800.
- [302] Фокс, Холл, Бернет.
- [303] Ле Гран, *Развод*, ii. стр. 265.
- [304] Коттон МИСС Вителлиус, Б. xxi.
- [305] *Государственные документы*, i. стр. 619. *Жизнь Генриха VIII лорда Герберта.*, стр. 517. Библиотека Котта, *Приложение.* xxiii. fol. 104.
- [306] Саутгемптон - Генриху VIII., *Государственные документы*, viii. стр. 213.
- [307] В одном документе, "*Приход леди Анны*", говорится, что интервью проходило в Блэкхите.
- [308] "*Жизнь Генриха VIII*" лорда Герберта., стр. 517.
- [309] "*Жизнь Генриха VIII*" лорда Герберта., Показания сэра А. Брауна, лорда Рассела и др.
- [310] Обращение Кромвеля к королю. Бернет, *Историческая справка*, i. стр. 297.

[311] Холл, лорд Герберт, Бернет, *Рекордз*.

[312] *Оригинальные письма, относящиеся к английской реформации*, ii. стр. 627 и 628, 24 февраля и 29 марта 1540 г. (Общество Паркера.)

[313] "Слово мощно проповедуется Барнсом и его коллегами-служителями". —*Там же*.

[314] Партриджу Буллинджеру, 29 февраля 1540 г.—*Оригинальные письма и с.*, ii. стр. 614.

[315] "Недоброе обращение". (Уайатт Генриху VIII.)—*Государственные документы*, viii. стр. 240.

[316] *Государственные документы*, viii. стр. 241.

[317] *Там же.*, стр. 249.

[318] "Разоблачитель свадебного торжества, посвященного жизни и святости".—*Corp. Ref.*, iii. стр. 1005.

[319] "Истинная доктрина Христианства в Церкви". —*Там же.*, стр. 1007. Страйп, *Экклз. Памятка.*, i. стр. 548.

[320] "Статьи английской миссии".—*Corp. Ref.*, iii. стр. 1009.

[321] *История Реформации*, Первая серия.

[322] Это мнение Фокса (*Акты и памятники*, т. 420); первое более вероятно.

[323] Проповедь Гардинера, Фокс, *Деяния*, ст. 430.

[324] Фокс, *Деяния*, v. р. 429. Gal. iv. 22.

[325] Фокс, *Деяния*, ст. 433.

[326] *Оригинальные письма, &c.*, ii. стр. 632.

[327] *Библия на английском языке с прологом архиепископа Кентерберийского*. Копия короля находится в Британском музее.

[328] Андерсон, *Английская Библия*, указатель, стр. ix.

[329] Strype, *Экклз. Памятка.*, i. стр. 550.

[330] *Необходимая эрудиция христианина*.

[331] *Оригинальные письма и с.*, i. р. 202.

[332] Коттон Г-жа Тит. Б. 1. стр. 406.

[333] *Государственные документы*, viii. стр. 244, 276, 282, 289, 295, 299 (Генри, чтобы поколотить).

[334] *Государственные документы*, viii. стр. 349-350.

[335] Генрих VIII. избивать. —*Государственные документы*, viii, стр. 362.

- [336] "Жизнь Генриха VIII" лорда Герберта., стр. 520.
- [337] "Жизнь Генриха VIII" лорда Герберта., стр. 521. Кранмер, *Сочинения*, ii. стр. 401.
- [338] "Жизнь Генриха VIII" лорда Герберта., стр. 522.
- [339] "Кардинал Белли ... показал мне, что упомянутый Преви Силз намеревался жениться на миледи Марии". — Удар по Генриху VIII. *Государственные документы*, viii. стр. 379.
- [340] Смотрите "Достижение" Кромвеля. Бернет, *Записи*, i. № 16. "Жизнь Генриха VIII" лорда Герберта., стр. 521.
- [341] Андерсон, *Английская Библия*, ii. стр. 110.
- [342] Лингард, *История. of England*, v. стр. 143. Тот же курс был принят в отношении графини Солсбери; и Кромвель, как было сказано, был замешан в этом деле. Следует, однако, отметить, что эта леди была казнена только через год после смерти Кромвеля.
- [343] Письмо Кромвеля Генриху VIII. Бернет, *Отчеты*, i. стр. 301.
- [344] Фокс, *Деяния*, ст. 401.
- [345] Бернет, *Записи*, ii. стр. 214.
- [346] Хлопок ср. Титус, Б. 1, т. 267. Оригинальные письма и др. (Эллис), серия ii. стр. 160.
- [347] Фокс, *Деяния*, ст. 402.
- [348] Зал.
- [349] "Жизнь Генриха VIII" лорда Герберта., стр. 529.
- [350] Ле Гран, *Развод*, ii. стр. 235.
- [351] Фокс, *Деяния*, ст. 403.
- [352] Фокс, v. стр. 403. Вполне возможно, что молитва была написана в тюрьме.
- [353] *Государственные документы*, viii. стр. 396. Паштет в Норфолк.
- [354] Выдающийся историк мистер Фруд подтверждает то же самое.
- [355] *Оригинальные письма*, и с., i. стр. 202. "Жизнь Генриха VIII" лорда Герберта., стр. 526.
- [356] Фокс, v. стр. 434.
- [357] "К месту казни притащили двоих, преодолевших барьер, один из которых папист, а другой протестант".—Фокс, *Деяния*, v. стр. 439.
- [358] Фокс, *Деяния*, ст. 435.
- [359] Нет! in posterum ego regiæ religionis ero, hoc est, nullius!"—Gerdesius, *Ann.*, iv. p. 300.

- [360] "Они поняли , что привязанность короля была перенесена с леди Анны на эту молодую девушку... на которой он женился сразу после развода Анны". — *Оригинальные письма, относящиеся к английской реформации*, i. стр. 205.
- [361] Судебное решение Созыва, Бернет, *Отчеты*, i. стр. 303. *Жизнь Генриха VIII лорда Герберта.*, стр. 522. Страйп, *Экклз. Мет.*, i., Приложение, стр. 306 кв.
- [362] Письмо Генриха VIII. Клерку и Уоттону.—*Государственные документы*, viii. стр. 404. Показания короля подтверждаются показаниями Анны.—*Там же.*, i. стр. 637.
- [363] "Личное заявление короля".—Бернет, *Записи*, i. p. 302.
- [364] "In libertate contrahendi matrimonii cum alia". — Решение суда первой инстанции.—*Там же.*, стр. 306.
- [365] Документ, сохранившийся в архивах Дюссельдорфа, доказывает, что любая помолвка между Анной и принцем Лотарингии была официально расторгнута.
- [366] Письмо Бочетеля английскому послу.—Le Grand, *Развод*, iii. стр. 638.
- [367] "Новости вызвали у нее внезапную слабость и обморок". — *Жизнь Генриха VIII лорда Герберта.*, стр. 523.
- [368] Обращение Анны к королю.— *Государственные документы*, i. стр. 638.
- [369] *Там же.*, стр. 641, 644.
- [370] Анна своему брату.—Бернет, *Отчеты*, i. стр. 307. Это письмо также можно найти в *Государственных документах*, i. стр. 645, с существенными изменениями. Цитируемые отрывки, однако, почти идентичны.
- [371] Сам Лингард замечает (*Hist. об Англии*, vi. гл. 4), что именно на обеде, данном епископом Винчестерским, Екатерина впервые привлекла внимание короля.
- [372] *Оригинальные буквы, относящиеся к английской реформации* (Parker Soc.), стр. 202.
- [373] "*Жизнь Генриха VIII*" лорда Герберта., стр. 534.
- [374] 'Catharinam Houwartham tantopere amabat ut feria omnium sanctorum, sacra Domini coena utens,' &c.—Gerdesius, *Ann.*, iv. p. 306. Бернет, Рапин, Тойрас и др.
- [375] *Государственные документы*, viii. стр. 442, 451, 453, 456, 476.
- [376] Акт 32 Генриха VIII., с. 10.
- [377] Акт 32 Генриха VIII., с. 26.
- [378] "В преддверии несчастья в регионе и религии фатума".—Гердесиус, *Ann.*, iv. стр. 301.
- [379] Уилкинс, *Консилиум*, iii. стр. 842, 847.
- [380] Было опубликовано три издания этой книги - в 1537, 1540 и 1543 годах.
- [381] Бернет, *Его. Ссылка.*, i. p. 543.

[382] Фокс, *Деяния*, ст. 442.

[383] Фокс в своих *Деяниях*, против. стр. 443 -449, приводит имена всех этих людей, называя также их приходы и их преступления.

[384] Письмо Генриху VIII, 20 января 1541 г.—*Государственные документы*, viii. стр. 517.

[385] Фокс, *Акты*, ст. 449.

[386] *Там же*. Коллиер, ii. стр. 184.

[387] Фокс, *Деяния*, ст. 451.

[388] Кранмер, *Сочинения*, первая часть xvi.

[389] Кранмер, *Сочинения*, первая часть XVII.

[390] *Ibid.*, p. xvii.

[391] Кранмер, *Сочинения*, i. стр. xvii.; Strype, *Воспоминания Кранмера*, стр. 102. Бернет.

[392] Кранмер, *Сочинения*, i. p. xviii.

[393] "Весь совет был этим несколько поражен".—Кранмер, *Сочинения*, i. стр. xix.

[394] Кранмер, *Сочинения*, i.; Страйп, *память Кранмера*; Бернет, *История*. Ссылка.; Андерсон, *Английская Библия*, ii. стр. 139.

[395] "Король канцлеру".—*Государственные документы*, i. стр. 689.

[396] "Жизнь Генриха VIII" лорда Герберта., стр. 534.

[397] "Жизнь Генриха VIII" лорда Герберта., стр. 535.

[398] Признание приводится Бернетом, *История. Реформа.*, iii. стр. 224.

[399] Письмо Кранмера королю, *Сочинения*, ii. стр. 408. *Государственные документы*, i. 689.

[400] Кранмер, *Сочинения*, ii. стр. 408.

[401] Кранмер, *Сочинения*, ii. стр. 409. *Государственные документы*, i. стр. 690.

[402] *Государственные документы*, i. стр. 691. Совет Кранмеру.

[403] "Его возвращение на службу королеве было вызвано злонамеренным намерением восстановить его прежнюю непослушную жизнь". —*Там же.*, стр. 700.

[404] Письма Тайному совету.—*Государственные документы*, i. стр. 702, 704, 706, 708.

[405] Лорд Герберт Шерберский, Тернер и другие историки утверждают, что Калпепер был казнен 30 ноября. Но мы следуем документам, подписанным всеми членами совета, на которых стоит дата 10 декабря. —*Государственные документы*, i. стр. 707.

[406] *Государственные документы*, i. p. 721.

[407] Счет предоставлен Burnet, *Records*, i. p. 567.

[408] Римско—католический историк Лингард в своей *Истории Англии* сначала выдвинул идею заговора; — "Был сплетен заговор";—но в более позднем издании он почувствовал себя вынужденным отказаться от идеи заговора и заменить ее идеей *открытия*;- "Затем было сделано открытие". Слово *заговор* остается во французской версии его работы.

[409] "Епископ Рима в великом негодовании против него". —Харвель королю. *Государственные документы*, ix. стр. 21, 22.

[410] Фуллер, *История церкви*, Книга v. стр. 239.

[411] Бернет, i. стр. 570. Андерсон, *Английская Библия*, ii. стр. 152. Гердесий, *Анна.*, iv. стр. 308.

[412] Bonner's *Admonition and Injunctions*, i., *Records*, стр. 379, 380.,

[413] Письмо Хиллса Буллингеру от 18 декабря 1542 г., даты суда над Екатериной.—*Оригинальные письма, касающиеся английской реформации*, i. стр. 228, 229. (Паркер Сок.)

[414] *Оригинальные письма, относящиеся к английской реформации*, стр. 234-235.

[415] *Оригинальные письма, &c.*, i. p. 240.

[416] *Там же.*, стр. 241.

[417] Фокс, *Деяния*, ст. 463.

[418] Андерсон, *английская Библия*, i. стр. 569; ii. стр. 80, 156.

[419] "Акт о продвижении истинной религии и отмене противоположного".—Страйп, *Воспоминания Кранмера*, стр. 142.

[420] Уилкинс, Бернет, Страйп, Тодд, *Жизнь Кранмера*, i. стр. 332.

[421] "Она была наделена исключительной красотой, благосклонностью и миловидным характером".—Фокс, *Деяния*, т. с. 554.

[422] "*Жизнь Генриха VIII*" лорда Герберта, стр. 561.—Страйп, *Память Кранмера* и др.

[423] Кранмер, *Работы*, ii. стр. ix. Бернет, *История. реформы.*, i. стр. 593. Страйп, Фокс, Тодд, *Жизнь Кранмера*, i. стр. 349.

[424] Фокс, который рассказывает об этих обстоятельствах, добавляет в примечании: "Христос говорит—*Тщательно изучайте Священные Писания*; и Винчестер говорит — дьявол заставляет людей вмешиваться в Священные Писания".

[425] "Послание мастера Джона Кальвина, написанное Марбеком".—Фокс, *Деяния*, ст. стр. 483, 484.

[426] *Там же.*, стр. 464-496.

[427] Дешеша Тайного совета французскому послу.—*Государственные документы*, ix. стр. 388.

[428] Акт о престолонаследии, 35 Генрих VIII. ок. 1.

[429] Харвель — Генриху VIII.-*Государственные документы*, х. стр. 492.

[430] "Трое их капитанов попросили разрешения отбыть из—за нехватки людей".—Пойнингс Генриху VIII., Булонь, 15 августа 1546 г.-*Государственные документы*, х. стр. 570.

[431] "Опасаясь, как бы итальянцы не перешли к Англии".—*Государственные документы*, х. стр. 492.

[432] Фокс, *Деяния*, ст. 496.

[433] Бернет, *Hist. Ref.*, i. p. 617.

[434] Кранмер, *Работы*, ii. стр. 339, 398. Фокс, *Деяния*, т. 537. Бейл, *Работы*, стр. 157, 161, 441. Брэдфорд, *Сочинения*, i. стр. 290, 374, 529.

[435] "*Жизнь Генриха VIII*" лорда Герберта., стр. 598. Фокс, *Деяния*, т. 534.

[436] Бейл, *Избранные произведения*, стр. 226 (Общество Паркера).

[437] Бейл, *Избранные произведения*, стр. 190.

[438] 1 Кор. vii. 5, 15.

[439] "Он ворвался в свою комнату в великой ярости". —Бейл, *Избранные произведения*, стр. 177 (Общество Паркера). Фокс, *Деяния*, т. с. 543.

[440] Андерсон, *Английская Библия*, ii. стр. 198.

[441] *Bale's Works*, стр. 216. Фокс, *Деяния*, т. с. 546.

[442] Прокламация от 8 июля 1546г.

[443] "Милорд-канцлер и мастер Рич приложили все усилия, чтобы собственноручно вздернуть меня, пока я не был при смерти". *Сочинения* Бейла, стр. 224. Фокс, *Деяния*, т. с. 547. Бернет также рассказывает об этом факте и добавляет некоторые подробности: "Лорд-канцлер, сбрасывая мантию, так сильно потянул за вешалку". Но Бернет склонен сомневаться в этом факте. Свидетельство Энн Эскью является положительным. Сомнение Бернета означает не что иное, как уважение епископа к лорду-канцлеру.

[444] Письмо Оттуэлла Джонсона своему брату от 2 июля. Андерсон, *Английская Библия*, ii. стр. 196.

[445] *Bale's Works*, стр. 238. Фокс, *Деяния*, т. с. 549.

[446] Фокс, *Деяния*, ст. 552.

[447] *Там же.*, стр. 550.

[448] Фокс, *Деяния*, ст. 553.

[449] Фокс, *Деяния*, ст. 554.

[450] *Государственные документы*, i. стр. 869. Именно в этом письме от 17 сентября 1546 года можно найти первое упоминание о государстве короля.

[451] Фокс, *Деяния*, ст. 555.

[452] *Там же.*, v. p. 555.

[453] Фокс, *Деяния*, ст. 556.

[454] Злонамеренное толкование Гардинером Деяний iv. 32, где утверждается, что у христиан было все общее.

[455] "Изображение определенных предметов против королевы, в которых может быть затронута ее жизнь".—Фокс, *Деяния*, v. стр. 556.

[456] Фокс, *Деяния*, ст. 557. *Жизнь Генриха VIII лорда Герберта.*, стр. 624.

[457] 'Cum enim Cancellarius ex improvise scriptum illud regis manu notatum e sinu in quem id recondiderat perdidisset.'—Gerdesius, *Ann.*, iv. p. 352.

[458] "Королева впала в сильную меланхолию и агонию, причитая и принимая такие формы, на которые было прискорбно смотреть, о чем могут свидетельствовать некоторые из ее дам и благородных девиц, которые были еще живы и присутствовали тогда при ней". —Фокс, *Деяния*, v. стр. 558.

[459] "Почти с риском для жизни".—*Там же.*

[460] Кажется, это была доктор Венди.

[461] "Скорее хотел скоротать время и боль от своей немощи". — *Жизнь Генриха VIII лорда Герберта.*, стр. 624.

[462] "В разгар их веселья".—Фокс, *Деяния*, v. стр. 560.

[463] Фокс, *Деяния*, ст. 561. *Жизнь Генриха VIII лорда Герберта.*, стр. 625.

[464] *Государственные документы*, i. p. 882.

[465] "У меня нет доступа к вашему величеству".—*Государственные документы*, i. стр. 884.

[466] *Государственные документы*, i. p. 884.

[467] "*Жизнь Генриха VIII*" лорда Герберта., стр. 625.

[468] Этот документ напечатан в *Государственных документах*, т. е. стр. 891. Слова, подчеркнутые королем, здесь выделены курсивом.

[469] "Сильно озадачен, дрожит и готов упасть".—Письмо Гейта, Саутвелла и Кэрю Генриху VIII.—*Государственные документы*, i. стр. 888.

[470] "*Жизнь Генриха VIII*" лорда Герберта., стр. 627.

[471] Обычно указывается 19-е число. Мы следуем записям лорда Берли.— *Государственные документы Мердена.*

[472] Она назначила своим наставником Джона Фокса, евангелического автора *Деяний и памятников мученикам*, которые мы часто цитируем.

[473] "Жизнь Генриха VIII" лорда Герберта., стр. 630.

[474] "Жизнь Генриха VIII" лорда Герберта., стр. 631.

[475] Thevet, *Cosmog.* i. p. 16.

[476] Фокс, Акты, ст. 689. *Жизнь Генриха VIII лорда Герберта.*, стр. 634. *Оригинальные письма* (Эллис), ii. стр. 137.

[477] Завещание можно найти в более полной, *Церковной истории Британии*, стр. 243-252, в Rymer, *Fœdera*, &c.

[478] Фил. ii. 1, 2.

[479] Деяния iv. 12.

[480] Иоанн xvii. 22, 23.

[481] 'Obter nun wohl noch nicht geweyhet war, vermahneten ihn doch gute Freunde öffentlich zu predigen.'—Seckendorf, *Hist. de Лютеранс*, стр. 434.

[482] Секкендорф, *История. des Lutherthums*, p. 435, &c. Cramer, *Pomer. Chr. Herzog's Theol. Энциклопедия* ii., и различные биографии.

[483] *История Реформации*, вторая серия, vii. стр. 270.

[484] "Si pasturam assumis, papæ et episcoporum hostem te facies; si repugnaveris Christi hostis eris".—Гердесий, *История. Ссылка.* ii. стр. 50.

[485] 'Das unüberwindliche ewige Worte Gottes, mit einem Schatten verdunkelt, nun heller als die Sonne.'—Seckendorf, *Hist. de Лютеранс*, стр. 665. Ranke, *Deutsche Geschichte*, iii. p. 376. Гердесий, *История. Ссылка.* ii. стр. 132.

[486] 'Christus faciat gloriam suam crescere.'—Лютер, *Послание.* iii. стр. 290.

[487] 'So liegt auch mehr an Wittenberg zu dieser Zeit denn an drey Braunschweig.'—Ibid. p. 377. См. также Рихтера, *Еванг. Kirchenordnungen.* Seckendorf, *Hist. de Лютеранс*, стр. 666, 919. Ranke, *Deutsche Geschichte*, iii. p. 378.

[488] 'Dass er sollte ewiglich bey Ihnen bleiben.'—Luther, *Epist.* iii. p. 399. Seckendorf, *Hist. de Лютеранс*, стр. 924. Richter, *Evang. Kirchenordnungen.*

[489] Секкендорф, *История. de Лютеранс*, стр. 1160. Ranke, *Deutsche Geschichte*, iii. p. 384. Richter, *Evang. Kirchenordnungen.*

[490] *История Реформации*, Первая серия, том iv. книга xiv. глава 6.

[491] 'Anfänglich nicht wenig erschreckt, weil Gott, in seinem Herzen dies Fünkeln immer erhalten.'—Seckendorf, *Hist. de Лютеранс*, стр. 1414.

[492] 'Welches alles bey ihm grosse Betrübniß, Bekümmerniß und Herzensangst erweckt.'—Seckendorf, *Hist. de Лютеранс*, стр. 1415.

[493] "Радииции Omnium arborum в principio sunt tenuia fila ... et tamen producunt trabes et robora quibus tantæ moles domorum, navium, et machinarum construuntur."—Luther, *Epist.* iv. p. 400.

[494] 'Victo regno, victus est rex.'—Лютер, *Послание.* iv. стр. 440.

[495] 'Christus ist grösser dann alle Fürsten.'—*Epist.* iv. p. 448.

[496] Eccles. xi. 9.

[497] 'Solle der Herzog gelächelt und den Bischof angesehen haben.'—Seckendorf, *Hist. de Лютеранс*, стр. 599.

[498] Ранке, *Немецкая история*, iii. стр. 492.

[499] 'Traten aus einem nahen Hause die Frauen und Jungfrauen der Stadt hervor, jener mit offener Brust, diese mit zerstreuten Haaren. ..'—Ranke, *Deutsche Geschichte*, iii. p. 496. Hamelmann, *Hist. renovati Evangelii*. Seckendorf, *Hist. de Лютеранс*, стр. 1291.

[500] Компромисс от 18 октября 1532 года.

[501] *История. о Реформации*, Вторая серия, том II. книга ii. глава. 21.

[502] *История Реформации*, Вторая серия, том ii. 22 и 23.

[503] "Посредственная денежная сумма каждого понтификата".—Гердесий, *История. Реформа.* iii. стр. 93.

[504] 'Und allein im Thurme die alten Missbräuche beybehalten wurden.'—Seckendorf, *Hist. de Лютеранс*, стр. 1465.

[505] "Любовь Ротмани вируму венено угрожает".—Манлий, *Отрывок*, стр. 485.

[506] Слейдан, *De statu religionis*, lib. x.

[507] "Грех минус варенье, которое обруетъ всех".—Гердесиус, iii. стр. 98.

[508] "Иоганн Лейдис артифицио сартор".—Кохлей, *Акт Лютеранства*, стр. 252.

[509] Гердесиус, *История. Reform*, iii. p. 95. Ranke, *Deutsche Geschichte*, iii. p. 531.

[510] "И фанатик hominibus incorruptam defendere".—Гердесий, *История. Реформа*, iii. с. 95.

[511] "За то, что мы боремся за будущее".—Кохлей, *Акт Лютеранства*, стр. 251.

[512] Арнольд, *Кирхен-Историк*. Ranke, *Deutsche Geschichte*, iii. p. 533.

[513] 'Vascula cervisiæ plena quo mulieres fatigatos in itinere parvulos recreaturæ videbantur, adimerent ... стеклопакеты манибуса ... ad leniendam famem ... пронизательный'. —Cochlæus, *Acta Lutheri*, стр. 252.

[514] Керсенбройк, цитируется Ранке, *Deutsche Geschichte*, iii. стр. 526. Hamelmann, 1216. Corvinus *apud Schardium*, ii. p. 315.

[515] "Вестем не по правилам".—Кохлей, *Акт Лютеранства*.

[516] 'Intus humanis excrementis illitos.'—Керсенбройк, *анабапт Беллоны*. Sleidan, *De statu religionis*, lib. x. p. 150.

[517] Cochläus, стр. 252.

[518] "Правила в отношении принципов всеохватывающего взаимодействия" —Слейден, библиотека х. стр. 161. Гердесий, *История*. Ссылка. iii. стр. 102.

[519] "Экзорнавитский голос, ореолопоклоннический и волосяной покров, вопрос о воздержании от шаблонов".—Cochläus, стр. 253.

[520] "Решение о том, какие потери и последствия могут возникнуть при декларировании протоков".—Слэйдан, библиотека. х. стр. 161. Гердесий, iii. стр. 123.

[521] Ранке, iii. стр. 540.

[522] "Расширяющийся мозг на земле паллии" и др.—Cochläus, стр. 254.

[523] Керсенбройк, Раймер, *История Европы*, ii. стр. 467. Ранке, iii. стр. 542.

[524] 'In lapides aliquoties dentes acuisse referuntur, sperantes juxta regis vaticinium illos conversos iri in panem.'—Gerdesius, iii. p. 154.

[525] "триумфальная арка свободы по сути дела существует, она на всем Западе, распродажа имущества и комедия".... Infantium manus ac pedes, urbe capta, in salsamentis dicuntur reperti.'—Gerdesius, iii. p. 154.

[526] Хортенс. в *Послании к Эразму*, стр. 152. Керсенбройк, в *Монастыре Белло*. стр. 59. Гердесий, iii. стр. 104. Ранке, iii. стр. 555. Raeumer, *Geschichte Europas*, ii. p. 467.

[527] Брандт, *Реформа*. i. p. 51.

[528] "Военный епископ трансфуги" ... via indicata ... capiendi civitatem.'—Gerdesius, iii. p. 104.

[529] 'Rex vero latitans in turri quadam.'—Cochläus, стр. 255.

[530] "Huc, illuc, ad principes ducebantur spectaculi et ludibrii causa".—Гердесий, iii. стр. 105.

[531] "Ультимативное вмешательство отвлекающей силы".—Слэйдан, библиотека х. стр. 166. Heresbach, *Epist. ad Erasmus*, Corvinus. Гердесий, iii. стр. 105. Ранке, iii. стр. 561. Брандт, Ссылка. i. стр. 54.

[532] 'Parum siro. Сатана продолжает настаивать на Писании'. —Лютер, *Ерр*. iv. стр. 548.

[533] 'Si qui improvide commiscerent ea quæ toto tamen cœlo distabant, Evangelii purioris professionem cum violentis illis Ecclesiarum et Rerumpublicarum perturbatoribus.'—Gerdesius, iii. p. 106. Компромисс с диетой 1529 года. Seckendorf, Raeumer, Ranke.

[534] "Осуждение виксера".—*Исповедь Уббониса*, у Гердесия, iii. стр. 113.

[535] Псалом lxviii. 20.

[536] Иоанн viii. 51.

[537] См. Примечание, стр. 361.

[538] Это имя впервые было написано Кешель — изменено на Кессель.

[539] Pius II. умер в 1464 году.

[540] 'Гаспар Вероненсис, с. 1038, 1043.'

[541] 'Diese Aufforderung nimmt sich in der Gründonnerstagsbulle v. 7 April, 1463, bei Raynaldus, 1463, n. 84 etwas wunderlich neben den Flüchen aus.'

[542] 'Die ausführlichste Nachricht giebt Pius, *Comment.* p. 185, 186, einige werthvolle Notizen Niccolo della Tuccia, *Cronaca*, etc. ed. Orioli. Рома, 1852, стр. 307. Die verschiedenen Zeitangaben dürfen nicht irremachen: nach Tuccia geschah der Fund im Mai 1462, wobei er richtig bemerkt, dass der Papst damals in Viterbo war; damit stimmt Pius' Angabe in den *Commentarien*. Als ef jene Bulle erliess, war der Bau schon im Gange. Den Ertrag giebt auch Card. Papiens. *Комментарий*. стр. 394 и далее"

Примечание автора:

1. Исправлены орфографические и пунктуационные ошибки.
2. Там, где это необходимо, сохранено первоначальное написание.